

ШАРЛОТТА БРАНДИШ

ЛЕДИ ИЗ
ФРОИНГЕМА

КЛАССИЧЕСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ ДЕТЕКТИВ

16+

Annotation

Знойным летом 1935 года по пути в Северный Йоркшир Оливия Адамсон знакомится с эксцентричной пожилой дамой. Леди Элспет Понглтон уговаривает новую знакомую провести несколько дней в её старинном поместье, где собирается представить девушку своей компаньонкой.

Дав согласие, Оливия и не подозревает, что в Йоркшире её надолго задержит расследование преступления, чьи корни уходят в далёкое прошлое. В Мэдлингтоне ей предстоит примерить на себя не только роль компаньонки, но и лицемерной интриганки, и подозреваемой, и сыщика. В расследовании ей будет помогать брат-близнец Филипп, молодая особа мисс Имоджен Прайс, мечтающая добиться славы на театральном поприще и, как это ни странно, инспектор полиции Грумс, придерживающийся весьма прогрессивных взглядов.

Что скрывает прошлое семьи Понглтон? И что за секреты таит заброшенная часовня? Ответы на эти вопросы там, в Мэдлингтоне.

Вторая книга в серии о расследованиях близнецов Адамсон понравится любителям классических английских детективов.

-
- [Шарлотта Брандиш](#)
 - [Глава первая, в которой Оливия Адамсон откликается на манящий зов благих намерений, а молодая француженка возносит молитвы Пресвятой Деве](#)
 - [Глава вторая, в которой супруги Джордж и Виктория Понглтон не на шутку раздосадованы содержимым полученной телеграммы, а вот другая семейная пара, Присцилла и Седрик Понглтон, наоборот, весьма воодушевлена предстоящей поездкой в Йоркшир](#)
 - [Глава третья, в которой молодой ветеринар с удовольствием предвкушает выгоды дружеских отношений со знатной леди, а сообразительная горничная находит возможность упрочить своё благосостояние](#)

- Глава четвёртая, в которой Оливия прибывает в Мэдлингтон-Касл, а леди Элспет получает неожиданное известие о прибавлении в семействе
- Глава пятая, в которой гости съезжаются в Мэдлингтон-Касл, и вожделенный покой так и норовит окончательно ускользнуть от леди Элспет
- Глава шестая, в которой Джордж Понглтон с превеликим трудом сохраняет спокойствие, а Оливия, сама того не желая, становится двойным агентом
- Глава седьмая, в которой Оливия узнаёт о семье Понглтон больше, чем когда-либо хотела, и вступает в тайный сговор с леди Элспет
- Глава восьмая, в которой горничная Анна обнаруживает пропажу песочных грелок, Виктория Понглтон находит в тисовых зарослях лестницу, а надежды и мечты Оливии разбиваются вдребезги
- Глава девятая, в которой праздник заканчивается совсем не так, как все ожидали
- Глава десятая, в которой инспектор Грумс несколько не старается быть любезным, а Оливия становится жертвой жестокого розыгрыша
- Глава одиннадцатая, в которой Оливия вызывает профессиональный интерес инспектора Грумса и получает щедрый чек
- Глава двенадцатая, в которой Оливия решительно приступает к расследованию, предварительно обзаведясь находчивыми помощниками
- Глава тринадцатая, в которой Оливия знакомится с самой злостной сплетницей во всём Фроингеме, а Гумберту Проппу предстоит судьбоносная встреча
- Глава четырнадцатая, в которой благодаря актёрскому дарованию мисс Прайс на сцену выходит баронесса фон Мюффлинг, Джордж и Виктория обретают надежду добиться успеха, а Седрик морально сломлен и насылает проклятия на голову брата
- Глава пятнадцатая, в которой в Мэдлингтон прибывает поверенный мистер Броттиген, баронесса падает в обморок, а

горничная Анна получает пощёчину.

- Глава шестнадцатая, в которой Седрик Понглтон демонстрирует не слишком разумное поведение, Оливия получает карт-бланш, а Виктория угрожает инспектору Грумсу разрушить его карьеру.
- Глава семнадцатая, в которой инспектор Грумс вынужден вернуться в Мэдлингтон-Касл
- Глава восемнадцатая, в которой Оливия получает от инспектора гневную отповедь и навещает миссис Грин, а в поместье происходит новое несчастье
- Глава девятнадцатая, в которой Виктория Понглтон щедро делится своими воззрениями о том, как следует воспитывать детей, а Оливия совершает два разоблачения
- Глава двадцатая, в которой Оливия раскрывает дело и передаёт преступника в руки правосудия
- Глава двадцать первая, в которой Оливия рассказывает о ходе своего расследования и начинает больше сочувствовать брату, нежели злиться на него
- Эпилог
- notes
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6
 - 7
 - 8
 - 9
 - 10
 - 11
 - 12
 - 13
 - 14
 - 15
 - 16
 - 17

- [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
-

**Шарлотта Брандиш
Леди из Фроингема**

Глава первая, в которой Оливия Адамсон откликается на манящий зов благих намерений, а молодая француженка возносит молитвы Пресвятой Деве

Дежурный по железнодорожной станции Гарсдейл уже собирался взмахнуть флажком и подать сигнал машинисту, как вдруг обнаружил, что по перрону, вслед за носильщиком, совершенно неподобающим образом путаясь в пышных юбках и удерживая одной рукой широкополую шляпу, бежит статная пожилая леди. Заметив, что он мешкает, леди издала залихватский крик и припустила ещё быстрее, на ходу подбадривая носильщика, будто он был жокейской лошастью.

Когда она приблизилась, дежурный, ощущая тайную радость всех, кто облечён маленькой властью и имеет возможность её применить, приготовился произнести заученную фразу: «Следуя утверждённому расписанию, поезд отправляется ровно в одиннадцать ноль три, и ни минутой позже» – и взмахнуть флажком, но раскрасневшаяся от быстрого бега леди перебила его на полуслове:

– Ну-ну, я уверена, что из-за нескольких минут задержки ничего страшного не произойдёт. Не будем препираться, – предвосхитила она его возмущение и уверенно вложила ему в руку донельзя измятый билет.

К билету она присовокупила банкноту такого номинала, что дежурный опешил и счёл своим долгом прикрикнуть на носильщика, чтобы тот поторапливался и не вздумал задерживать леди, которая явно спешит по важному делу.

Когда все саквояжи переместились с тележки в купе, она уселась на бархатную скамью и царственно кивнула дежурному, разрешая ему приступить к исполнению служебных обязанностей. К этому времени из окон соседнего вагона уже начали выглядывать пассажиры, недовольные задержкой.

Поезд, наконец, тронулся и проплыл вдоль перрона, постепенно набирая скорость, а леди Элспет Понглтон откинулась на спинку сиденья и, пользуясь тем, что находится в купе одна, сняла неудобную шляпу и швырнула её на противоположное сиденье. С неприязнью посмотрев на неё, хотя шляпа была ни в чём не виновата, она с наслаждением вытянула ноги и жалобно произнесла в пространство: «Час от часу не легче. Мало мне Джорджа с Седриком, так теперь ещё и вдова Монти!..»

Вынув из сумочки письмо, она пробежалась взглядом по мелким пляшущим строчкам и остановилась на особенно возмутительном, по её мнению, пассаже.

«...не имея на этом свете ни пристанища, ни родной души, я сочла своим долгом посетить родину моего горячо любимого супруга Монтомери Понглтона, безвременно усопшего и оставившего всех, кто его знал, в неутешном горе. Могу заверить вас, что приложу все старания, чтобы скрасить ваши дни, что отпущены милосердным Господом, и стать вам послушной дочерью...»

– Какой вздор! Ну, положим, у меня вот тоже не имеется ни одной родной души, – громко произнесла она, обращаясь к ненавистной шляпе, – но я же не еду к посторонним людям в поисках пристанища?! А намёки на то, что мои дни сочтены, а? Каково?! Держу пари на сто фунтов, что Монти угораздило жениться на католичке.

Леди Элспет возмущённо фыркнула и принялась обмахиваться сложенными пополам листками письма, лихорадочно соображая, как бы поскорее выставить из поместья не в меру заботливую вдову младшего сына, вообразившую, что мать её погибшего мужа стоит одной ногой в могиле, и не оскорбится ли та, если предложить ей достаточное содержание. Разумеется, не дело, что Монти оставил несчастную женщину без гроша в кармане, но и жить с ней под одной крышей она вовсе не намерена. Тем более теперь, когда, наконец-то, она сама себе хозяйка и не обязана терпеть ничьи указания. «Нет уж, дудки! Пусть погостит до июньского праздника, а потом я её спроважу», – решила леди Элспет.

Как и всегда, присущее ей добросердечие победило, принеся облегчение, но всё равно осталось чувство, что её принудили к этому решению, пренебрегли её собственной волей. Леди Элспет вздохнула, уголки её губ опустились. Всё ещё привлекательное лицо, чей возраст

выдавала только сеточка морщин и увядшая кожа в уголках ярких голубых глаз, исказилось от неудовольствия. Однако жизнь приучила леди Элспет, что грустить – значит тратить время зря, а у каждой тучки есть серебряная подкладка, и, отбросив мысли о предстоящих хлопотах и разногласиях с сыновьями, она улыбнулась.

Всю прошлую неделю она предавалась любимейшим занятиям – игре в бридж и ставкам на ипподроме. Игроком леди Элспет была превосходным, порой позволяя себе такие рискованные ходы, что наблюдавшие за игрой от охватывающего их азарта стискивали зубы и принимались хрустеть пальцами. Имея на руках самые, казалось бы, невыгодные комбинации, она умудрялась выигрывать и делала это с такой обезоруживающей простотой, что досадовать на неё не приходило в голову никому. С извиняющейся улыбкой она деловито записывала суммы, причитающиеся ей, в миниатюрной пухлой книжечке, и ни в малейшей степени не стеснялась напоминать о долге, когда подходил срок уплаты.

Если за карточным столом Элспет Понглтон демонстрировала степенность и невозмутимость, то на ипподроме её знали как одну из самых взбалмошных леди на свете. Там, сидя на жёсткой скамье и наблюдая забег в изящный серебряный бинокль, пожилая дама давала себе волю. Презрев условности, вместе с букмекерами, джентльменами сомнительного рода занятий, «жучками», отирающимися на ипподроме, и нарядными девицами, приехавшими развлечься или подцепить удачливого и щедрого пройдоху, она с наслаждением поедала жареные каштаны, купленные у разносчика, выкрикивала ободряющие возгласы жокеям или азартно честила отстающую лошадь, на которую сделала солидную ставку.

Везло леди Элспет просто феноменально. Она практически никогда не оставалась внакладе, не только возвращая затраченные на сомнительное времяпровождение средства, но и приобретая солидный выигрыш.

Те, кто не был близко знаком с ней, и помыслить не могли о таком вопиющем нарушении ею приличий, так как пожилая дама вид имела самый что ни на есть респектабельный. Остальные же, те, кто не понаслышке знал об истинном нраве леди Элспет, прощали ей некоторую эксцентричность, объясняя её низким происхождением. Злопыхателей в аристократических кругах Йоркшира с каждым годом

находилось всё меньше, ведь красота, хоть и несколько увядшая со временем, неподдельное жизнелюбие, а также живое, порой весьма своеобразное, чувство юмора и искреннее добросердечие служат пропуском даже в узкий круг британской знати.

Привыкнув скрывать от всех свои увлечения, леди Элспет два или три раза в месяц предпринимала краткие развлекательные поездки, нигде не задерживаясь надолго и проводя время в своё удовольствие в недорогих пансионах, где почти не было шансов встретить кого-нибудь знакомого. Потеряв мужа, а точнее говоря, избавившись от гнёта его тирании, она стала позволять себе блаженствовать целыми неделями, прелестно проводя время в Скарборо или Ричмонде, где у неё были заведены соответствующие знакомства. Она вдруг снова вспомнила того смешного толстяка в измятом котелке, карманы которого облегчила на сто двадцать фунтов, и довольная улыбка тронула её губы.

Поезд мчался по виадуку Рибблхед над изумрудными холмами, день обещал быть чудесным, и только две вещи не давали Элспет Понглтон покоя: визит вдовы младшего сына и безапелляционное письмо старшего, Джорджа, полученное с утренней почтой, в котором он уведомлял мать о том, что «...далее так продолжаться не может...», и о том, что он «...не позволит ей забывать о приличиях и порочить доброе имя его отца...», и ещё о том, что «...он считает своим долгом незамедлительно принять соответствующие меры».

* * *

Первым, что увидела Оливия Адамсон, высокая девушка с тёмными блестящими волосами, небрежно уложенными в косу, шагнув в купе поезда, следующего по линии Сеттл-Карлайл, была огромная шляпа из соломки ядовито-зелёного цвета с нелепыми виноградными гроздьями на тулье. Шляпа самодовольно устроилась на единственном свободном месте, а напротив неё сидела пожилая рыжеволосая леди, с неподдельным интересом читающая «Панч».

Оливия уже хотела поискать другое купе, но тут дама, бросив журнал на колени, спохватилась:

– О, прошу меня простить. Входите же. Сейчас я уберу её.

Проворно схватив шляпу, она, вопреки ожиданиям, не водрузила её на голову, а попыталась сложить и подсунуть под маленький кожаный несессер, располагающийся рядом с ней на скамье. Через мгновение упрямая шляпа своенравно развернулась, подобно складной подзорной трубе, и скинула лёгкий несессер на пол, заняв всё свободное пространство. Пожилая леди, со вздохом капитулируя, надела её и рассеянно поинтересовалась у попутчицы:

– Не правда ли, она ужасна? Я просто не смогла устоять, настолько она вызывающая.

– В ней есть что-то дионисийское, – туманно выразилась Оливия, подавая забавной леди упавший несессер, и в её серых глазах промелькнули искорки смеха.

– Да, да, орибасии^[1] и быстроногие вакханки – вот первое, что приходит на ум, когда её видишь, – с восторгом согласилась с ней та. – В маленьких деревенских магазинчиках порой попадаются любопытнейшие экземпляры. Однажды в Кенте я отыскала превосходный кушак с единорогами, вышитыми золотой нитью, но так и не осмелилась его носить.

Дежурный торжественно благословил состав, взмахнув флажком, широко зевнул и одёрнул форменную куртку. Поезд тронулся, и женщины одновременно качнули головами, будто вступая в тайный сговор.

Вспомнив о манерах, Оливия Адамсон посчитала нужным представиться эксцентричной леди, и та, выпрямившись с чопорным достоинством, в ответ произнесла: «Леди Элспет Понглтон, из Фроингема. Вдова лорда Артура Понглтона». Потом дамы перекинулись парой слов, но разговор быстро увял, и около получаса они ехали молча, листая журналы и с удовольствием разглядывая в окно проплывающие мимо зеленеющие холмы и долины.

Откинувшись на спинку скамьи и погрузившись в чтение, Оливия не сразу заметила, что новая знакомая разглядывает её с непосредственным любопытством, граничащим с бесцеремонностью. Особого внимания леди Элспет удостоились синие саржевые брюки девушки, от них она перешла к потёртому твидовому пиджаку цвета жжёного сахара и, наконец, наткнулась на прямой насмешливый взгляд своей визави.

Ничуть не смутившись, пожилая леди разразилась добродушным смехом и всплеснула руками:

– О, мисс Адамсон, вы непременно сочтёте, что у меня ужасные манеры, и будете совершенно правы. И тем не менее я скажу: эта новая мода восхитительна! Хотя сама я на такое, понятное дело, не решусь.

– Отчего же? – вежливо поинтересовалась Оливия. – В Лондоне многие дамы носят брючные костюмы.

– Вы не знаете моего сына Джорджа, – леди Элспет заёрзала на сиденье и заговорщически наклонилась вперёд: – Боюсь, что для него это станет последней каплей. Он и так считает, что я позволяю себе слишком многое, – таинственно пояснила она.

И без всякого перехода вдруг осведомилась будничным тоном, сощуривав голубые глаза, несколько не потерявшие с возрастом яркости цвета:

– Скажите, мисс Адамсон, а вы, случайно, не ищете место?

В тот же момент в голову ей пришла великолепная идея, и она, жестом отменяя и возражения, и возгласы изумления, которые могли бы последовать дальше, решительно продолжила:

– Позвольте мне договорить, дорогая! Я хочу предложить вам место компаньонки. Но не по-настоящему, не взаправду, понимаете? Лишь на то время, что в Мэдлингтоне будут гостить мои сыновья с жёнами. Мне только сейчас пришло в голову, что это станет отличным решением моей проблемы.

Оливия отложила журнал в сторону. Любопытство её разгоралось всё сильнее, и поездка, от которой она не ждала никаких неожиданностей, на глазах превращалась в небольшое приключение.

– Какой проблемы, леди Элспет? Вы нуждаетесь в услугах компаньонки?

Та, уловив в тоне попутчицы заинтересованность, наклонилась к ней ещё ближе и довольно непоследовательно заявила:

– Да нет же, дорогая, в чём я действительно нуждаюсь, так это в том, чтобы меня оставили в покое. Никакая компаньонка, разумеется, мне не нужна. Смешно даже и думать об этом! У меня есть небольшой штат прислуги, которая сполна удовлетворяет все мои нужды, а во время путешествий я превосходно справляюсь сама. Нет, речь идёт о соглядатае, которого мой старший сын, Джордж, мечтает приставить ко мне, чтобы та шпионила за мной и совала нос во все мои дела.

– Соглядатае? – переспросила Оливия, мысли которой резко изменили направление, а из глубин памяти невольно всплыло воспоминание о болтливой миссис Ромни, постоялице пансиона в приморском городке, где они с братом провели прошлую весну. Миссис Ромни имела обыкновение каждому, кто не успевал заметить её первым и уклониться от беседы, жаловаться на слезку приставленных к ней констеблей. Само собой, констеблей ни разу никто не видел, зато весь пансион несколько раз за неделю просыпался от истошных воплей миссис Ромни, которой чудилось, что к ней в комнату проникло всё полицейское отделение в полном составе.

Эксцентричные манеры, нелепая шляпа, блеск в глазах и торопливая речь... Да полно, является ли эта женщина с виноградными гроздьями на голове вдовой лорда Артура Понглтона? Пристально вглядываясь в лицо попутчицы, Оливия больше не находила в его чертах врождённой аристократичности, свойственной высшему классу. Нос с широкой плоской переносицей и вздёрнутым кончиком, чересчур выдающаяся челюсть, полноватая, оттопыривающаяся нижняя губа и глубокие ямочки на щеках – всё это выдавало происхождение из низов. И всё равно леди Элспет Понглтон, или женщина, выдающая себя за неё, в юности наверняка была ослепительной красавицей.

– Ох, дорогая, вы явно пришли к выводу, что у меня не все дома, – покачала головой леди Элспет, правильно истолковав отчуждённый вид Оливии, который та мгновенно напустила на себя. – Уверяю вас, я в своём уме и не страдаю никакими душевными хворями. Разве что сплю порой не так крепко, как в молодости, особенно если ужин был поздним.

– Почему же ваш сын стремится навязать вам услуги компаньонки? Ведь должна же быть этому причина, – всё ещё настороженно спросила Оливия.

– Потому что он боится, как бы я не растратила подчистую фамильное состояние, – с невозмутимым выражением лица сообщила леди Элспет. – И надо признать, его опасения не напрасны, – тут она расхохоталась так заразительно, что Оливия не выдержала и улыбнулась.

Хохот пожилой леди был отнюдь не похож на деликатное хихиканье благовоспитанных дам. Нет, она смеялась от души – ямочки

на её щеках трепетали, пенсне на серебряной цепочке подскакивало на пышной груди, а виноградные грозди на шляпе пустились вскачь, и одна ягодка из выдувного стекла, не удержавшись среди товаров, разбилась, упав на пол.

– Правда-правда, я страшная транжира! – с какой-то даже гордостью заверила Оливию леди Элспет. – Зачем же ещё нужны деньги, как не за тем, чтобы их тратить? Это и не даёт Джорджу покоя. Представляю, как он мучается, бедняга, прикидывая в уме мои расходы на дом, туалеты и развлечения, особенно теперь, когда цены растут как сумасшедшие. Его заветная мечта, чтобы я нашла себе крошечный скромный коттедж, а Мэдлингтон и управление всеми делами передала ему. Он был бы счастлив, просто невероятно счастлив.

Последние слова леди Элспет произнесла таким тоном, что Оливии стало ясно – подобного развития событий в обозримом будущем Джорджу Понглтону ждать не стоит.

Промокнув уголки глаз платком, пожилая леди продолжила с прежним пылом:

– И вот, Джорджу в его глупую лысеющую голову пришла идея: прислать ко мне, в Мэдлингтон-Касл, компаньонку. Некую миссис Прендергаст, вдову каноника, попавшую в стеснённое положение, которая в прошлом занималась миссионерской деятельностью. Нет, вы только вообразите себе эту женщину, дорогая мисс Адамсон! Однажды, когда я ужинала в Шеффилде у друзей, там была чета миссионеров, и вечер для всех присутствующих был безнадежно испорчен. И если эта Прендергаст хоть вполовину похожа на тех людей...

– И чтобы избавиться от неё, вы, леди Элспет, хотите выдать меня за вашу компаньонку?

– О, дорогая, вы так быстро соображаете! Я ничуть в вас не ошиблась. Я вообще очень хорошо разбираюсь в людях, да. Как только вы вошли, я сказала себе: «Вот кто поможет мне обвести Джорджа вокруг пальца! Такая милая юная леди не допустит, чтобы ни в чём не повинную старушку третировали в её же собственном доме». Так вы согласны? Ну же, соглашайтесь! – и леди Элспет, молитвенно сложив ладони в лайковых перчатках, уставилась на попутчицу взглядом, полным мольбы.

По мнению Оливии, та нисколько не походила на беспомощную старушку, а на того, кто вздумал бы её третировать, ей даже было бы любопытно взглянуть, но к этому моменту она уже подверглась влиянию удивительного обаяния, которое отмечали все, кто заводил знакомство с леди Элспет. Сложно сказать, как ей это удавалось – проговорив с леди Элспет немногим более пяти минут, почти каждый проникался к ней искренним расположением и был готов на многое, лишь бы быть ей полезным. Подобное исключительное свойство менее добросердечный человек непременно использовал бы во вред окружающим, но справедливости ради стоит отметить, что леди Элспет не злоупотребляла своим даром.

Оливия предприняла последнюю попытку выскользнуть из опутавших её чар:

– Но ведь я даже не знаю, что входит в обязанности компаньонки! Мне всегда казалось, что они только и делают, что вычёсывают комнатных собак и читают вслух душещипательные романы о монахинях и подкидышах.

– Именно так, дорогая, именно так! – согласно закивала леди Элспет. – А ещё портят жизнь своим хозяйкам постным выражением лица и жалобными вздохами. Но вам переживать не стоит – собак я не держу, а чтение вслух ненавижу. Вы будете находиться в Мэдлингтоне на правах гостыи, но знать об этом будем только мы с вами. У меня великолепный сад и отличная повариха. И к тому же всё это ненадолго – только до ежегодного праздника, который состоится в середине июня. Сразу же после него мои сыновья покинут поместье, и дальше вы вольны уехать в любой момент. Речь идёт всего лишь о четырёх днях, не больше, и вы можете требовать любую оплату, которая компенсирует ваши неудобства. Ну, так что же, мисс Адамсон, вы берётесь выручить меня? – леди Элспет смягчила хищную настойчивость своих слов мягкой просительной улыбкой, и у глаз её появились лучики добродушных морщинок.

Сама от себя не ожидая столь быстрой капитуляции, Оливия как зачарованная кивнула, и пожилая дама принялась горячо благодарить её, расписывая прелести пребывания в Мэдлингтоне и сияя довольной улыбкой. От активных движений со шляпы скатилась ещё одна стеклянная виноградинка и с тихим звоном разбилась об пол.

В это же самое утро в другой поезд, следующий по железнодорожной линии Сеттл-Карлайл, села ещё одна молодая женщина. Её яркая внешность выдавала галльское происхождение, а лёгкий акцент, когда она обращалась к проводнику, не оставлял сомнений в том, что она иностранка.

С нею были двое мальчиков, один чуть постарше другого. Они чинно уселись на скамью напротив матери, причём старший опекающе приобнял брата, положив ему на плечо смуглую ладошку, и оба молча, крайне внимательно, принялись следить за сутолокой железнодорожного вокзала. Почувствовав любящий взгляд матери, старший мальчик улыбнулся ей, обнажив трогательную щербинку между зубами, и у той привычно защемило сердце, так сильно он напомнил ей его отца.

Пользуясь тем, что в купе третьего класса ещё не вошёл никто из остальных пассажиров, женщина быстро придвинулась к своим детям и принялась торопливо говорить по-французски:

– Вы всё запомнили? Робер, Жан? Вы должны называть её леди Элспет Понглтон, а если она будет с вами добра, то бабушкой. И не должны никому мешать и ни с кем разговаривать, кроме меня. Скорее всего, у вас будет своя комната...

Младший мальчик подался вперёд и восхищённо вытаращил тёмно-вишнёвые, почти чёрные глаза:

– У нас что, будет собственная комната?

– Мэдлингтон-Касл – огромный замок, и там у каждого есть своя комната, – терпеливо объяснила женщина. – Так вот, вы ни в коем случае не должны будете шуметь и безобразничать. Робер, ты проследишь за братом, чтобы он не убежал и не прятался, как он это обычно делает? – обратилась она к старшему.

Тот обстоятельно кивнул, изо всех сил стараясь держать себя хладнокровно, как и подобает старшему брату, но и его глаза горели восторгом от предстоящего им приключения. Пока они переплывали Ла-Манш, он пытался представить себе замок, в котором им всем предстояло теперь жить, и каждый раз в его воображении замок этот становился всё больше и больше, превращаясь в такую громаду, что, казалось, его крыша достаёт до самых небес, и звёзды днём

скрываются на чердаке, в спасительной тени, чтобы их прохладные серебряные тела не расплавили солнечные лучи.

– Вы должны выполнить все, что я вам сказала, – жалобно попросила женщина, заглядывая в глаза каждому из сыновей, чтобы убедиться, что они уяснили все её наставления. – И помните: вы никого в Англии не знаете!

Время шло к полудню, но она уже выбилась из сил. Путешествие через Ла-Манш измотало её, качку она всегда переносила плохо. Хорошо хоть дети не доставляли особых хлопот, и, вопреки ожиданиям, не страдали морской болезнью. Сама же она до сих пор ощущала слабость, кожа лица и тела была липкой от выступившего пота, и каштановые вьющиеся волосы прилипли под шляпкой ко лбу.

И она, и дети были голодны, но припасы женщина доставать не спешила. Мальчики были настолько взбудоражены, что есть бы не стали, а её мысли сейчас занимало лишь предстоявшее впереди испытание. Только бы Святая Дева сжалилась над ней и её детьми! Ведь другого шанса обеспечить их будущее у неё не будет.

В купе вошла дама средних лет с плетёной корзиной, из которой выглядывал пыльно-розовый петушиный гребень. Она грузно опустилась на скамью рядом с мальчиками, оттеснив их к самому краю, и для верности ещё подвигала локтями, чтобы освободить для себя побольше места. Дети приникли друг к другу ещё теснее, их субтильные тела привычно старались сжаться в пространстве, чтобы не навлечь гнев взрослых. Вместо того, чтобы сделать бесцеремонной пассажирке замечание, их мать поклялась себе исполнить всё, что в её силах, чтобы мальчики больше никогда не путешествовали третьим классом.

Глава вторая, в которой супруги Джордж и Виктория Понглтон не на шутку раздосадованы содержимым полученной телеграммы, а вот другая семейная пара, Присцилла и Седрик Понглтон, наоборот, весьма воодушевлена предстоящей поездкой в Йоркшир

Подготовка к важному ланчу заняла у достопочтенной Виктории Понглтон всё утреннее время, которое обычно посвящалось ею написанию и отправке писем. Необходимо было убедиться, что в цветочных букетах, заказанных в лучшей лондонской оранжерее, нет и намёка на увядшие листья, серебряные приборы вычищены прислугой как следует, в схему рассадки гостей не закралась досадная ошибка и ещё проверить тысячу разных мелочей, от которых зависит успех приёма. Она хорошо помнила вопиющий случай на ужине у леди Пендерберри, когда одного из пэров, прибывшего с супругой, усадили рядом с любовницей, и все гости за трапезой посылали друг другу многозначительные взгляды. Такие эскапады были вполне в духе леди Пендерберри и, спору нет, чрезвычайно оживляли обстановку, давая повод дамам позлословить за чаем в последующие дни, однако в своём доме она не собиралась допускать подобных ошибок. Репутация радушной хозяйки, на чьих приёмах гости могут насладиться изысканной едой и в непринуждённой обстановке за рюмкой портвейна решить вопросы государственной значимости, была для неё важнее потакания изменчивым склонностям подруг.

Тем не менее она сумела выкроить минутку, чтобы переодеться в более удобное платье, так как выбранный ею ранее туалет с узким

корсажем стеснял движения и причинял муки её крупному, раньше времени расплывшемуся телу.

Отдавая приказания молоденькой неопытной горничной, явно робевшей перед ней и от этого допускавшей промах за промахом, она еле сдерживалась, чтобы не дать криворукой неумехе расчёт сегодня же. Останавливало её только одно: прислуга в доме на Сент-Джеймс-стрит и так не задерживалась надолго, а находить замену всем этим бесчисленным Джейн и Мэри становилось всё сложнее. Глупые девчонки, приезжающие из глубинки в большой город, в нынешние времена совершенно не хотели знать своего места, позволяли себе дерзить и вообще отличались возмутительным поведением.

Когда платье было наконец надето, горничная уже еле скрывала слёзы. Не в силах смотреть на её покрасневшее от обиды кроличье лицо, Виктория Понглтон отпустила её. В дверях неловкая девица чуть не столкнулась с мужем хозяйки и, отпрянув, вылетела из комнаты, как пушечный снаряд.

Достопочтенный Джордж Понглтон, тучный молодой мужчина с намечающейся обширной лысиной, вошёл в покои жены и резким движением прикрыл дверь. В руках он держал смятый листок, на лице его застыло брюзгливое выражение, и Виктория поняла, что хороших новостей ждать не приходится.

– Ну, что ещё? Ты уверен, что это нельзя оставить до вечера? Буквально через полчаса придут первые гости, а ты знаешь, как я не люблю...

– Вот, полюбуйся, – он протянул ей телеграмму и держал листок до тех пор, пока она не взяла его. – Моя мать в своём репертуаре. Иногда мне кажется, что она ведёт себя так нарочно, чтобы позлить меня.

Виктория быстро прочла сумбурную телеграмму.

– И что ты намерен с этим делать? – холодно осведомилась она.

– А что я могу?! – с истеричными нотками в голосе вскричал Джордж.

Шея его покраснела, лицо налилось горячечным румянцем, и в таком виде он являл собой разительный контраст с женой – собранной и спокойной, как и всегда, когда требовалась холодная голова.

– Если ты дашь себе труд успокоиться, то сможешь припомнить, что я предостерегала тебя о подобном развитии событий. С твоей

матерью нельзя действовать в открытую. Я говорила тебе, что лучше всего было поставить её перед фактом. Привезти компаньонку в Мэдлингтон, сказать, что та уже отказалась от предыдущего места, и настоять на своём решении. Не стала бы она её выгонять. Зачем ты заранее рассказал ей о Прендергаст? Что, так сложно было удержаться? И вот вечно ты так, никогда не просчитываешь ситуацию наперёд, – прибавила она уничижительно.

Не обращая внимания на упрёки жены, Джордж тяжёлыми шагами мерил её будуар. Внутри у него всё kloкотало. Одышка, как если бы он только что взбежал на пригорок, заставляла его обширный живот колыхаться.

– И где, интересно знать, она раздобыла компаньонку за несколько часов? Письмо я отправил с утренней почтой. Она просто не могла так быстро кого-то найти!

– Мало ли ушлых девиц, – пожала плечами Виктория. – К тому же ты знаешь манеру своей матери привечать голодранцев всех мастей. Не удивлюсь, если она и ей отпишет по завещанию кругленькую сумму, и твоя доля наследства станет ещё меньше, – не утерпев, позлорадствовала она.

Эти слова привели Джорджа в сильнейшее уныние. Он уселся на пуф возле туалетного столика и прикрыл глаза рукой, безвольно свесив другую между коленей. Не в силах наблюдать эти живописные бездны отчаяния, в которые с привычной готовностью погружался её муж, Виктория Понглтон произнесла:

– Рано расстраиваться. Мы ещё не видели эту особу. Может статься, что она будет не против прибавки к жалованью. За несколько дней она не успеет проникнуться к твоей матери преданностью, и, вполне вероятно, согласится пару раз в неделю присылать письма с описанием обстановки в Мэдлингтоне. Я поговорю с ней, как только выдастся удобный момент.

Джордж Понглтон взглянул на супругу с надеждой. Виктория всегда ухитрялась отыскать нужные слова и решения, и, хотя она была старше мужа на семь лет и не считалась красавицей даже в лучшую свою пору, он ни разу не пожалел об этом браке. Джордж был достаточно самокритичен, чтобы понимать, если он когда-то и войдёт в палату общин, то во многом это станет возможным благодаря усилиям супруги.

Их брак был бездетным, но неспособность подарить ему наследника ничуть не умаляла в его глазах достоинств жены. В глубине души он был даже рад, что всё внимание супруги (хотя подчас и крайне утомительное) предназначалось именно ему, и, вместо того, чтобы день-деньской пропадать в детской, она всегда рядом и готова поддержать его и словом, и делом.

Супруги вообще отличались редкостным единодушием, в особенности в политических и финансовых сферах, и если Виктория Понглтон в первые годы своего брака и была недовольна слабохарактерностью мужа и отсутствием у него способности принимать стратегически верные решения, то со временем разочарование уступило место поистине материнской опеке. Приучив его во всём полагаться на неё, она черпала в его преданности силу и уверенность в том, что вдвоём они смогут преодолеть все препоны на пути к достойному положению в обществе. Единственное, что омрачало её семейное счастье, так это кое-какие слабости супруга, которые, впрочем, он столь же старательно, как и тщетно, пытался от неё скрывать.

Она подошла к мужу и с нежностью провела ладонью по его влажному лбу. Пригладила тонкие волосы над ушами, смахнула невидимую соринку с плеча. Однако голос её, когда она заговорила, была строг и невыразителен:

– Ты получишь место в палате общин, Джордж. Рано или поздно, но ты его получишь. Я не позволю тебе отступить. А теперь иди и приведи себя в порядок. Вовсе ни к чему давать людям повод злословить на наш счёт.

Когда муж покинул будуар, Виктория Понглтон ещё раз перечитала полученную им от матери телеграмму. На её лице с резкими крупными чертами – породистом, надменном, но уже начинающем увядать и покрываться сетью морщин – появилась недобрая усмешка. Она медленно смяла тонкий листок, превратив его в серый комочек, и швырнула в камин. Лёгкий бумажный шарик, будучи не в силах перебраться через решётку, упал на коврик, и тогда она подошла к нему, осторожно наклонилась, стараясь не смять корсаж платья, и аккуратно спрятала его в каминных недрах.

Листовки получились на загляденье. Хрусткие, пачкающие пальцы свежей типографской краской, они стопками лежали на столе, занимая всю его поверхность.

Это зрелище наполняло душу Седрика Понглтона ликованием. Его широко расставленные – такие светлые, что казались незрячими – глаза были восхищённо распахнуты, ладони молитвенно сложены. Он с благоговением застыл у стола, разглядывая результат своих трудов.

Болезненно худой, словно после недавно перенесённого изнурительного недуга, он производил противоречивое впечатление. Сухая красноватая кожа на лице, морщины вокруг потрескавшихся губ и крупные обветренные руки, покрытые сетью вздувшихся вен, говорили о нелёгкой жизни, которую ему приходилось вести в последние годы. Однако костюм на нём был чистый, хотя и знававший лучшие времена, впалые щёки тщательно выбриты, а редкие светлые волосы аккуратно зачёсаны назад, открывая высокий бледный лоб.

Щёлкнул дверной замок, тонкая фанерная дверь распахнулась, и в тесную, тёмную комнатку пансиона в Саутуарке, с единственным окном, из которого открывался мрачный вид на склады, что на южном берегу Темзы, вошла высокая хрупкая шатенка в дорожном коричневом платье. В руках она держала увесистый саквояж, но Седрик Понглтон не торопился забрать у неё тяжкую ношу.

– Ты только посмотри на них! – с восхищением произнёс он, переводя взгляд от листовок на вошедшую женщину. – Да тут вся тысяча, не иначе!

– Их должно быть тысяча двести, – поправила его шатенка мелодичным голосом. – Ханбойз обещал, что в конце недели будет ещё полторы. Эту партию нам нужно переправить до среды фабричным энтузиастам, а дальше они справятся сами.

Она поставила саквояж на стул, стоявший у кровати, предварительно освободив его от одежды и полотенец, неряшливо брошенных на сиденье. Переведя дух, оглянулась в поисках кувшина с водой, но Седрик не дал ей возможности утолить жажду после утомительного путешествия. Схватив жену за руку, он заставил её подойти к столу и полюбоваться на стопки листовок.

Не сумев скрыть гордость, он сказал:

– Представь себе, Питтс говорит, что у меня настоящий талант. Питтс даже считает, что я мог бы принести большую пользу нашему

делу, работая в типографии и создавая оттиски для плакатов и лозунгов. Я почти что согласился, но потом подумал, что сначала должен посоветоваться с тобой.

Присцилла Понглтон за три года своего брака привыкла к тому, что её мужу нелегко даётся сосредоточение на деятельности одного рода. Сейчас, когда ей требовалось его безоговорочное послушание, она нисколько не обрадовалась очередному увлечению – на этот раз типографическими оттисками и печатанием пропагандистских листовок.

Из груди её вырвался лёгкий вздох, который остался незамеченным её мужем, между густых дугообразных бровей обозначилась морщинка. На роль красавицы Присцилла Понглтон претендовать не могла, слишком отличались от классических черты её лица, но каждому, кто видел её хотя бы раз, было нелегко забыть молодую женщину. Выразительные серые глаза с выпуклыми веками, крупный нос с точёной переносицей и высокие, резко очерченные скулы – черты, способные внешность другой женщины сделать тяжеловесной, удивительным образом сочетались с её вытянутым овальным лицом и тяжёлым узлом золотисто-каштановых волос на затылке.

Тем не менее, зная, каким муж бывает упрямым и несговорчивым, если начинать с ним спорить, она с мягкой улыбкой заметила:

– Листовки и правда превосходные. Я даже не предполагала, что они будут настолько хороши. Теперь я понимаю, почему Питтс хочет заполнить тебя. Вот только...

– Вот только что?.. – нахмурился Седрик и отошёл от жены на шаг, подозрительно глядя на неё.

– Да так... Вспомнила, о чём мне как-то обмолвилась миссис Питтс. Я тогда не придавала значения её словам, а вот теперь начинаю понимать, что она имела в виду, – и Присцилла, поджав губы, покачала головой.

– Меня не интересует то, что может сообщить жена Питтса. Я уверен, что в глубине души она бюргерша, пекущаяся только о собственном благополучии. Она равнодушна к нашему делу и порой даже не скрывает этого.

– Ты совершенно прав, дорогой, – закивала Присцилла, – и я бы не прислушалась к её словам, если бы они не касались тебя. Но

удивить меня она не сумела, я уже предполагала нечто подобное.

– Так о чём же, чёрт возьми, тебе сказала эта женщина? – настроение Седрика окончательно испортилось, ликование сменилось настороженностью.

– О, ну это же так очевидно, – кротко заметила Присцилла. – Питтс завидует тебе, ему не дают покоя твои возможности. Ты сын лорда Артура Понглтона, и если тебе когда-то будет принадлежать Мэдлингтон, или ты унаследуешь семейный капитал, то сможешь внести в общее дело значительно больший вклад, чем когда-либо сможет он сам. Вот он и отвлекает тебя похвалой и признанием твоих заслуг. Питтс понимает, что симпатии простых йоркширцев будут на твоей стороне.

– Ты правда так думаешь? Ты всерьёз уверена, что у меня получится стать во главе «Йоркширского социалистического общества»?

– Ну разумеется, дорогой, – Присцилла Понглтон взяла в руки одну из листовок и восхищённо покачала головой. – Отличная работа, просто отличная. Ты на славу потрудился. Но тебе нужно думать о большем, думать о будущем.

– Мать никогда не оставит семейный капитал мне. Джордж – старший в роду, и он не позволит ей сделать это.

– Твоя мать не питает добрых чувств к своему первенцу, – Присцилла обрнулась к мужу, взгляд её был твёрд. – У тебя есть шансы убедить её изменить завещание. В конце концов, она сама не понаслышке знает, какой нелёгкой бывает жизнь простых людей. Ты должен доказать ей, что встал на путь исправления и больше не подвержен соблазнам. Ты должен заставить её выслушать тебя.

Седрика, как и всегда при упоминании о соблазнах, охватил жгучий стыд. Уловив в муже перемену и зная, что дальше последуют самоуничижительные тирады, Присцилла с нажимом произнесла:

– Ты уже сделал очень многое на этом пути, Седрик, и тебе есть чем гордиться. Но впереди ещё много работы, и тебе нельзя опускать руки. Не ради себя, не ради меня – ты должен добиться своей цели ради благоденствия простых людей, изнурённых работой на фабриках и заводах, на фермах, в домах знати. Ради тех, кто с утра до ночи гнёт спину за гроши. Тех, кого выкидывают из собственного жилья за

неуплату налогов. Тех, чьи дети обречены на то, чтобы повторить судьбу родителей...

...Пока Присцилла Понглтон вселяла в мужа веру в собственные силы, она успела переложить листовки в чемодан, убрать со стола заветренные остатки утренней трапезы и застелить узкую кушетку суконным покрывалом с обтрепавшимися краями. В движениях её не было суетливости, лицо сохраняло строгое выражение, но глаза лучились лаской, будто она увещевала нерешительного ребёнка.

Седрик Понглтон всё это время сидел в кресле у окна, не сводя взгляда с жены, и каждое её слово находило в нём живейший отклик. Его бледные щёки порозовели, плечи распрямились – теперь он чувствовал, что способен на многое.

Глава третья, в которой молодой ветеринар с удовольствием предвкушает выгоды дружеских отношений со знатной леди, а сообразительная горничная находит возможность упрочить своё благосостояние

Оскар Финч, широкоплечий привлекательный мужчина, одетый чуть более элегантно, чем мог позволить себе человек с его доходами, и чем требовали профессиональные нужды, прибыл на ферму Хатчинсона так быстро, как только смог.

Вынув из багажника своего новенького «морриса» чемоданчик с инструментами, он торопливо направился к сараю, откуда доносились хриплые мольбы пополам с проклятиями. Конского ржания слышно не было, но это могло говорить лишь о том, что бедное животное уже успело отмучиться.

На ходу расстёгивая твидовую куртку, он с тоской размышлял о том, что, когда освободится, его обед покроется студенистой плёнкой жира и будет непригоден в пищу. Звонок мистера Хатчинсона застал его в самом начале трапезы, но встревоженный фермер так настаивал на срочном прибытии ветеринара, что пришлось ехать, отложив до лучших времён и обед, и ежемесячный осмотр старого кота миссис Бедекер, страдающего от лишнего веса и слепого на один глаз.

Хатчинсон относился к тем фермерам, кто склонен разводить панику на пустом месте, но сердце Оскара Финча всё равно тревожно сжималось. Пока он поднимался в холмы, с удовольствием прислушиваясь к успокоительному рёву мотора новенького автомобиля, перед его внутренним взором проходили все прослушанные им лекции, посвящённые болезням лошадей.

Вспомнив замогильный голос Хатчинсона, сказавшего по телефону: «Уж так он плох, так плох, что и смотреть-то на него страшно. Приезжайте, мистер Финч, бог даст, успеете облегчить муки моего несчастного коняги. Негоже бессловесной твари так ужасно мучиться, не по-людски это и не по-божески», – Финч поёжился. Только бы не ринопневмония и не лошадиный грипп! Эти болезни часто начинались незаметно и были чрезвычайно заразными. Достаточно было одной заболевшей лошади, чтобы фермер лишился всего поголовья.

Опыта ветеринарной работы у Финча было ещё не так много, и ему казалось, что все фермеры в Йоркшире это понимают и стараются быть к нему снисходительными. Однако были и те, кто следил за его трудами с затаённым злорадным ожиданием провала. Таких его промахи радовали, они потом долго обсуждали в «Розе и короне» то, как молодой соперник Брауна загубил корову-трёхлетку, поставив ей неверный диагноз, или не помог разродиться кобыле, из-за чего фермер с дальних холмов потерял жеребёнка суффолькской породы. А ведь от того, как эти суровые люди, привыкшие все свои силы отдавать труду на земле и уходу за скотом, примут его и насколько будут ему доверять, зависит его будущее.

В сарае было темно, и после яркого солнца Оскару Финчу пришлось зажмуриться и идти на звук голоса мистера Хатчинсона. Фермер стоял рядом с загоном, в котором находилась больная лошадь, и речитативом читал молитву, держа в заскорузлых ладонях молитвенник и водя пальцем по строчкам.

– А, это вы, мистер Финч, – глухо произнёс он, не оборачиваясь. – Долгонько же пришлось вас ждать.

– Я выехал сразу после вашего звонка, – возразил Оскар и с досадой поморщился, уловив в своём тоне оправдывающиеся нотки. – Дорога к вашей ферме очень нехороша.

– Так дождями размыло, – флегматично ответил Хатчинсон и тем же тоном поинтересовался: – А что, мистер Финч, ваша новая машинка-то не тянет в гору? Тяжело ей холмы даются? На старой, как я погляжу, вы быстрее приезжали.

– Давайте уже осмотрим Мальчика. Помнится, вы сказали, что он страшно мучается.

– А как ему не мучиться? – вяло пожал плечами Хатчинсон. – Лошадь, я вам скажу, это не свинья или тёлка. Животное понимающее.

Финч за свою недолгую практику тоже отметил, что лошади хуже переносят боль и мучаются не в пример сильнее других представителей домашнего скота. Наблюдая, как фермер выводит из стойла коня, он предвидел разного рода осложнения, но Мальчик спокойно пошёл за хозяином, двигаясь хоть и медленной, но вполне здоровой походкой.

Хатчинсон, проходя мимо ветеринара, удручённо помотал головой:

– Вот, сами посмотрите. Еле ногами передвигает. А уж какой резвый коняга был.

– Мистер Хатчинсон, выводы делать ещё рано. Я всё скажу вам после осмотра.

Вытоптанная поляна перед сараем была залита ярким солнцем, поэтому Финч сразу же увидел причину беспокойства фермера. Уртикария, или лошадиная крапивница! Не слишком опасное и легко поддающееся излечению заболевание, обычно проходящее без последствий для здоровья лошади. От облегчения у него даже в горле запершило. Сообразив, что этого фермера с его конём ему послало само провидение, он придал лицу обеспокоенное выражение и принялся осматривать лошадь.

Конь стоял спокойно, но Мальчик и прежде отличался ровным нравом, тем не менее Хатчинсон все полчаса, что длился осмотр, поглаживал бороду и вздыхал, время от времени бросая: «Ну, значит, так тому и быть», «Сразу было видно, что коняга нежилец» или «Хозяйка моя, конечно, расстроится. Уж больно привыкла она к доходяге».

Убедившись, что симптомы, из-за которых возможна ошибка в постановке диагноза, отсутствуют, Оскар Финч выпрямился и с нескрываемым ликованием возразил Хатчинсону на очередное его похоронное замечание:

– Рад сообщить, мистер Хатчинсон, что болезнь Мальчика поддаётся излечению. Вы очень вовремя меня вызвали, хоть излишняя спешка тут и не требовалась.

Впервые фермер прямо взглянул на Оскара Финча. Слова ветеринара, казалось, изумили его сверх всякой меры. В голову

стороннего наблюдателя могла даже закрасться мысль, что он не рад этому известию и предпочёл бы, чтобы его конь погиб от неизлечимой и загадочной болезни, которую вовремя не смог распознать молодой бездарь, мнящий себя знатоком без всяких на то оснований.

– Сейчас я сделаю Мальчику инъекцию хлористого кальция, и уже завтра эти шишки на его спине и боках станут меньше либо полностью исчезнут.

– Исчезнут?.. – переспросил фермер, всё ещё не зная, как ему реагировать на изменение заготовленного сценария.

Пока Финч медленно, чтобы избежать возникновения фибрилляции желудочков сердца, вводил препарат животному в вену, Хатчинсон стоял в отдалении и почёсывал бороду. На лице его застыло обиженное выражение.

Когда ветеринар закончил все манипуляции и конь был возвращён в стойло, старик отправился в дом. Он вошёл в кухню и встал рядом с женой, которая перетирала посуду и с осуждением покачивала головой, рассматривая новенький, сверкающий лаком «моррис» молодого Финча.

– Говорит, рано доходягу схоронили, поживёт ещё маленько, – флегматично сообщил ей новости Хатчинсон. – Оно и неплохо, конечно, да только больно уж...

– А Дженни Мозерс вчера так и сказала, – бойко, словно радиоприёмник поймал волну, завела миссис Хатчинсон, – за какие такие заслуги, говорит, леди Элспет молодому Финчу автомобиль преподнесла? И в поместье у себя его принимает как дорогого гостя, и, может, чего ещё, чего мы не знаем, за ним водится. А я говорю ей: да дело-то понятное, что уж тут. Оскар Финч парень видный, обходительный, молодой, да и не дурак. Вот и ездит он в большое поместье, раз его там привечают. Кто ж откажется?

– Старому лорду это бы не понравилось, – качая головой и поджимая нижнюю губу так, что она совершенно скрылась из виду, Хатчинсон прервал болтовню жены и для верности повторил: – Не-е-ет, лорду Понглтону это бы совсем не по нраву было.

Оскар Финч уселся в автомобиль, не подозревая, что его персону в этот момент подвергается пристальному разглядыванию и осуждению. На душе у него было легко. Не всякий день его работа приносит ему не только хлеб насущный, но и удовлетворение, и при этом не требует от

него таких подвигов, как туберкулинизация целого коровьего стада или приём ягнят сразу у нескольких десятков овец.

День был тёплым, «моррис» удалялся от фермы ехидного Хатчинсона, ветер с холмов доносил ароматы цветущих трав, а в нагрудном кармане куртки лежало приглашение от леди Элспет провести отпуск в её поместье.

Да, Оскар Финч был чрезвычайно доволен и этим днём, и знакомством с леди Элспет, которое могло привести к самому приятному развитию событий в дальнейшем, и предстоящим визитом в Мэдлингтон, пусть даже этот визит и будет длиться всего неделю. А на досужие сплетни он не обращал никакого внимания.

* * *

Анна Фелпс, крепкая, хоть и не слишком молодая, но весьма симпатичная черноволосая девица со вздёрнутым носом, стояла на раскладной лесенке и держала обеими руками стопку чистого льняного белья. В бельевой было тихо, сумрачно и приятно пахло лавандой, которой перекладывали простыни и наволочки, хранившиеся в деревянном шкафу, достигавшем высокого сводчатого потолка.

Убедившись, что в коридоре не слышно шагов дворецкого Хигнетта, горничная небрежно бросила стопку чистого белья на пол. Раздался приглушённый хлопок, лёгким облачком разлетелась пыль. Анна спустилась, удерживая, чтобы не споткнуться, подол форменного платья, а после, помогая себе сильными руками, подпрыгнула и уселась на комод, в котором хранились скатерти и полотенца для кухни. Комод стоял у стены, под окном, и здесь было самое светлое место во всей бельевой.

Анна достала из кармана грубого нитяного фартука письмо, полученное с утренней почтой, и аккуратно развернула листок. Читала она медленно, с удовольствием погружаясь в подробнейший, хотя и несколько сумбурный рассказ своей старинной подруги о том, как та устроилась в Лондоне работать в чайную и как весело проводит время по вечерам. Мардж писала, что в чайную частенько заходят холостяки, которые щедры на чаевые, и что она свела знакомство с исключительно приятным мужчиной, который уже два раза приглашал

её в кинематограф и билеты брал, не скупясь, на лучшие места. Мардж подробно, не жалея чернил и бумаги, делилась своими впечатлениями о жизни в большом шумном городе: о том, как по вечерам нарядные пары прогуливаются по Стрэнду, и какое чудное платье из бирюзового шёлка в тонкую бежевую полоску досталось ей на субботней распродаже совсем по дешёвке, и как она роскошно в нём выглядит с модной завивкой, сделанной на французской машине в парикмахерской Вест-Энда. Ухажёра своего она описывала значительно менее подробно, из чего Анна сделала вывод, что он или некрасив, или не слишком молод, или и то, и другое.

Письмо подруги нешуточно взволновало горничную. Живо представляя себе довольную Мардж в нарядном платье, напропалую флиртующую со столичными франтами, совсем не похожими на неотёсанных деревенских парней, дующих по вечерам пиво в «Розе и короне», Анна Фелпс преисполнилась жгучей обиды на жизнь. Мардж – пухленькую, бойкую, но нисколько не примечательную внешне, если не учитывать на редкость белых и ровных зубов, – она всегда считала простушкой. И где та теперь? В Лондоне, где жизнь для неглупой девушки с головой на плечах полна соблазнительных шансов. А она, Анна, будучи в сто, нет, в тысячу раз сообразительнее и достойнее Мардж, прозябает в услужении, имея всего лишь одно выходное платье, а из развлечений – поход на воскресную ярмарку с веснушчатым сыном мельника, на которого вечно нападает икота.

От такой вопиющей несправедливости на глазах у Анны Фелпс выступили злые колючие слёзы. Горничная шмыгнула носом, сложила листки и попыталась запихнуть их в конверт, однако в нём было что-то ещё. Она потрясла конвертом и из него выпала фотография. Мардж, в своём стремлении сразить заклятую подругу наповал, сфотографировалась с кавалером у входа в Музей Виктории и Альберта. Анна злорадно отметила про себя, что шляпка с широкими и низкими полями подруге категорически не идёт, так как подчёркивает узкий выдающийся подбородок и коротенькую шею. А вот её кавалер... Судя по всему, фотограф застал его врасплох и вынудил резко отступить в тень, что, однако, не слишком спасло положение. Лицо оказалось смазанным, но узнать мужчину всё же было несложно.

Некоторое время Анна сидела молча, прикрыв глаза, без движения. Губы её подрагивали, будто она вела оживлённый

внутренний монолог. Наконец, решение было найдено, и в бельевой раздался тихий торжествующий смех. Вернув письмо и фотографию в конверт, а после надёжно спрятав его в кармане фартука, Анна вполголоса промурлыкала: «Ну, выходит, кое-кому придётся раскошелиться!» Она спрыгнула с комода и уже хотела нагнуться за стопкой белья и приступить к своим обязанностям, как двери распахнулись, и в бельевую вошёл дворецкий.

Для должности дворецкого Хигнетт, конечно же, был чересчур молод. Быстрым продвижением по службе он был обязан исключительно добросердечию леди Элспет, которая после гибели мужа избавилась от всех старых слуг и наняла новый штат, включавший его самого, горничную Анну, кухарку миссис Вайсли и двух приходящих садовников.

В прошлом второй лакей (и, надо заметить, не самый расторопный и услужливый), Хигнетт в новой должности буквально расцвёл. Невысокого роста, узкоплечий и нескладный, он за считанные месяцы преобразился в представительного и строгого дворецкого, вышагивающего по Мэдлингтону с уморительной степенностью. Поблажек от него ждать не приходилось, и Анна с замиранием сердца проследила за его взглядом, которым он окинул и её смятый фартук, и стопку постельного белья, валявшуюся на пыльном полу.

Брови Хигнетта приподнялись, как если бы он был несказанно потрясён подобным зрелищем.

– Я так понимаю, Анна, что тебя отвлекло что-то чрезвычайно важное? – мягко предположил он, но горничная уже знала его приёмы и не поддавалась на уловку.

– Нет, сэр, у меня просто из рук всё валится, – и девушка, довольная своим дерзким ответом, подняла с пола стопку белья и демонстративно отряхнула с неё пыль.

Обычно реплики Анны, которая никогда за словом в карман не лезла, вызывали у Хигнетта лишь усмешку, так как жизнь малочисленных слуг в большом поместье не изобиловала развлечениями, а вялотекущее противостояние с горничной хоть как-то скрашивало однообразные дни. Однако в этот раз дворецкий нахмурился, и Анна поняла, что перегнула палку.

– Возьми чистое бельё, а это постираешь вечером, после ужина, – отдал он приказание.

Не решившись спорить с ним, Анна отперла шкаф, подтащила лесенку, достала ещё одну стопку белья, медленно спустилась, приподнимая подол платья на несколько дюймов выше, чем следовало, и всё это под бдительным взглядом невыразительных блёклых глаз Хигнетта.

Убедившись, что его приказание исполнено, тот мягко произнёс:

– И застели постель в голубой спальне как следует, а не как ты это делаешь обычно. И проветри комнату, и сотри пыль, и расставь цветы, и вычисти фарфоровый умывальник и медные подсвечники, и проверь, чтобы жестянка на туалетном столике была наполнена печеньем. Гостя леди Элспет заслуживает достойного приёма.

– Подумаешь! – не сдержалась Анна, чьё настроение объём дополнительной работы вовсе не улучшил. – Она всего лишь вдова мистера Монти, да ещё и француженка ко всему прочему! Было бы для кого так стараться!

– Во-первых, Бернадетта Понглтон сочеталась браком с Монтомонери Понглтоном, младшим сыном лорда Артура Понглтона, и стала частью семьи, – дворецкий растопырил ладонь перед самым лицом горничной, отчего та заморгала, и загнул один палец. – Во-вторых, её постигла тяжёлая утрата, и она впервые приезжает в Англию. В-третьих, гости леди Элспет вправе ожидать, что их постели будут застелены чистым бельём, а не бог его знает сколько валявшимся на пыльном полу по вине нерадивой горничной.

– Что-то о мистере Джордже и мистере Седрике вы так не печётесь, – пошла вразнос Анна, посчитав обвинения в нерадивости несправедливыми. – И цветы им не требуется в спальнях расставлять. А тут, надо же – какую-то швею собираетесь как королеву английскую встречать! Я сама слышала, как леди Элспет говорила, что Монти женился на французской модистке и ничего хорошего из этого брака не выйдет! Вот он и умер там, на чужбине, и это ещё доказать надо, что она ему ничего не подсыпала в еду или в вино! Все знают, какие француженки коварные. Наверняка у французской полиции к ней вопросы появились, вот она и надумала в Англии скрыться. Миссис Вайсли, если хотите знать, говорит, что со смертью мистера Монти не всё в порядке. А иначе зачем его так быстро похоронили?!

Хигнетт строго уставился на горничную и, поджав губы, покачал головой, демонстрируя, как сильно он огорчён подобным поведением.

– Что-то мне подсказывает, что в библиотеке давно не проводили хорошую уборку, – произнёс он, придирчиво рассматривая ногти на правой руке. – На днях я заметил пыль на верхних стеллажах, что, разумеется, совершенно недопустимо накануне приезда сыновей леди Элспет Понглтон.

Анна приготовилась было к возражениям, но решила промолчать, чего Хигнетт явно не ожидал от неё. Опустив глаза и учтиво кивнув ему, она покинула бельевую, истово надеясь на то, что он не выполнит свою угрозу и не заставит её убирать в библиотеке. Начало июня и так всегда было хлопотным для прислуги, к тому же забот прибавляла подготовка к летнему празднику, и стирать пыль с каждого тяжеленного фолианта, балансируя на шаткой лестнице, было бы сущим наказанием.

Глава четвёртая, в которой Оливия прибывает в Мэдлингтон-Касл, а леди Элспет получает неожиданное известие о прибавлении в семействе

Маленькая йоркширская деревенька с узкими улочками и домами, выстроенными из яичного камня^[2], куда прибыла Оливия Адамсон по поручению тётушки Розмари, показалась ей очаровательной. По сравнению с шумным прокопчённым Лондоном здесь ощущался покой, и жизнь, судя по всему, текла размеренно и неторопливо. Девушка поймала себя на мысли, что в таком месте они с братом могли бы обрести настоящий дом и перестать скитаться по дешёвым пансионатам.

С удовольствием прогулявшись по главной улице с булыжной мостовой и полюбовавшись старинной церковью, она прошла по мосту и вскоре приблизилась к запущенному коттеджу с исцарапанной парадной дверью. Боковым зрением Оливия отметила, как всколыхнулись занавески в доме напротив, и поборола искушение оглянуться. Назойливое любопытство, этот порок, присущий многим жителям сельской местности, вызывало у неё безотчётную неприязнь.

Когда она вынула ключ и начала отпирать дверь, откуда-то выскочил угольно-чёрный терьер с густой чёлкой и принялся насканивать на неё, заливаясь пронзительным и ничуть не дружелюбным лаем. Несмотря на скромные размеры, пёс явно считал себя кем-то вроде цербера, а в действиях непрошеной гостьи усматривал преступные намерения. Однако лаять и подскакивать ему вскоре наскучило и он, протиснувшись в узкий лаз, проник в палисадник и, нисколько не смущённый посторонним взглядом, принялся с упоением копать в цветочной клумбе. Надо сказать, что цветник и так представлял собой удручающее зрелище, и активные попытки собаки отыскать притаившегося в розовых кустах воображаемого врага вполне прозрачно указывали на виновника разрухи.

Решив, что о бесчинствах пса и незавидной участи трепетно лелеемого в прошлом цветника тётушке Розмари докладывать ни в коем случае не стоит, Оливия вошла в коттедж и прикрыла за собой дверь. Всё здесь было таким миниатюрным, что она почувствовала себя великаншей.

Из крошечного коридора, большую часть которого занимала крутая лестница, ведущая на второй этаж, в спальню, открывалось два пути – в кухню и в гостиную. И там, и там было буквально не повернуться от старомодных ваз с пыльными букетами из сухостоя, причудливых цветочных композиций под стеклянными колпаками и кукол с печальными фарфоровыми личиками.

На всём – на мебели, вышитых подушках, каминной полке с викторианскими часами – лежал тонкий слой бархатистой пыли. Оливия с неудовольствием подумала, что, когда работа будет закончена, вид у неё будет как у трубочиста.

Со вздохом девушка вынула из дорожной сумки внушительный список вещей, которые следовало тщательно упаковать и отправить в Саффолк, в Гриффин-холл, где тётушка Розмари вот уже более полугода счастливо жила в полном довольстве, не помышляя о том, чтобы вернуться в свой крошечный коттедж, и рассказывая всем, кто готов был слушать, о притеснениях, которые ей приходилось терпеть в прошлом от соседней и их невоспитанной собаки.

Оливия отыскала на кухне выцветший фартук с кокетливыми оборками. Сняла пиджак и закатала рукава рубашки. Повязав фартук, девушка принялась за дело, попутно обдумывая, в каких выражениях расскажет Филиппу, своему брату-близнецу, оставшемуся в Лондоне, что поддалась на уговоры попутчицы в забавной шляпе с виноградными гроздьями и ввязалась в сомнительную авантюру.

Сейчас, в одиночестве, обещание прибыть завтрашним утром в Мэдлингтон, данное ею леди Элспет, показалось Оливии слишком поспешным. Она уже жалела о своём безрассудстве, но не подозревала, что в скором времени ей придётся пожалеть о нём ещё сильнее.

Чтобы представить себя и детей в лучшем виде, Бернадетта Понглтон, прибыв во Фроингем, решила провести ночь в комнате над деревенским трактиром, а уже утром отправиться в Мэдлингтон. Она не приняла во внимание тот факт, что даёт этим пищу для бурных обсуждений, которые неминуемо достигнут ушей леди Элспет, до сих пор пребывающей в неведении относительно наличия у скоропостижно скончавшегося Монти потомства. Так оно и произошло.

Утром, как только леди Элспет открыла глаза и тотчас же получила от Анны (обычно не настолько расторопной) чашку утреннего чая, она поняла, что горничная явно чем-то взволнована. В такое состояние её могла привести либо серьёзная стычка с дворецким, либо намерение выклянчить внеочередной выходной.

Всё время, пока леди Элспет пила мелкими глоточками свой чай, Анна не покидала её спальню, и выражение лица у неё при этом было самое загадочное. Когда горничная в третий раз раскрыла шкаф и принялась без всякой видимой необходимости поправлять висевшие там платья, пожилая дама не выдержала:

– Я надеюсь, Анна, ты в добром здравии? И твои родственники тоже?

(Если верить горничной, у неё была очень многочисленная дальняя родня, с которой то и дело случались всякие неприятности, требующие её незамедлительного прибытия.)

– О да, леди Элспет, спасибочки вам за беспокойство, – и она одёрнула фартук, что в её представлении являлось внешним выражением почтительности.

– Так что же произошло? Надеюсь, к приезду гостей всё готово?

– К обеду закончу с комнатами мистера Джорджа и мистера Седрика, – туманно выразилась Анна, но осталась стоять, не сводя глаз с хозяйки. – Гости, да... Родня – дело такое... – произнесла она ещё загадочнее, чем вызвала у леди Элспет неподдельное любопытство.

– И что не так с гостями, Анна? Буду признательна, если ты перестанешь смотреть на меня так, будто бы я превратилась в привидение. Если тебе есть что сказать – говори, а если нет – то Хигнетт будет рад пристроить тебя к делу.

– Дети! – выпалила Анна, не собирающаяся допускать, чтобы ошеломляющую новость хозяйке сообщил кто-то другой. – Вы знаете,

мэм, как я сплетни деревенские не люблю, а однако ж уши-то не заткнёшь. Посылала меня миссис Вайсли вчера в деревню, и я там такое услышала! Прямо и не знаю, как вам сказать-то.

– Господь Всевышний, – перепугалась леди Элспет, – с детьми приключилось несчастье? Они живы?

– Да живы, конечно, что им будет-то? – не поняла беспокойства Анна. – Чистенькие, глазастые такие, да только на мистера Монти, – и она, зажмурившись, перекрестилась, – совсем не похожи. Вот ничутьюшки. Все в мать пошли, сказала мне Айви, что в трактире прислуживает. И смуглые уж больно.

– Господь Создатель! – леди Элспет расплескала остатки чая и второй раз за утро призвала Господа на помощь. – У Монти есть смуглые незаконнорождённые дети от Айви, которая прислуживает в трактире? А почему я только сейчас об этом узнаю?

– Да нет же, – не слишком почтительно отмахнулась Анна от этого вздорного предположения. – Дети-то не от Айви, она девушка порядочная и ничего такого себе не позволяет, а от его жены, что приехала вчера и заняла самую дешёвую комнату над «Розой и короной». И на ужин она спросила только чай и хлеб без масла, а холодное мясо отправила обратно, на кухню, а Айви говорит, что мальчишки-то чуть не расплакались, когда она тарелку-то понесла, прямо вот сердце у ней захолонуло от такого зрелища.

Сердце леди Элспет от этого известия тоже забилося чаще. Дети! У Монти, оказывается, есть дети!.. Но ведь в письме Бернадетты ничего об этом не сказано.

С тихим стоном пожилая дама опустила на подушки и прикрыла глаза. Новость и так оказалась ошеломительной для раннего утра, а тут ещё приезд этой девушки, которая откликнулась на её просьбу изобразить компаньонку (...как же её имя? Октавия? Амелия? Сесилия?..), и визит сыновей с жёнами, и подготовка к ежегодному празднику, и знакомство с французской женой Монти. Одно было несомненно: покоя ждать не стоит. И, что самое досадное, ей придётся пропустить забег в Донкастере, в котором впервые будет участвовать многообещающий жеребец из дублинских конюшен (а о нём ходили любопытнейшие слухи! вот бы посмотреть его в деле!), ведь выбраться из Мэдлингтона в ближайшее время ей возможности явно не представится.

А вот Анна вышла из покоев хозяйки необычайно довольная собой. Спускаясь в кухню, она немелодично мурлыкала себе под нос весёленький мотивчик, предвкушая, как вытаращит глаза кухарка, когда услышит новости об очередных неурядицах в семье Понглтон.

* * *

Оливия Адамсон провела в коттедже тётушки Розмари поистине ужасную ночь. Несмотря на усталость после упаковки и отправки вещей по списку, её ночной отдых был крайне непродолжительным. Виной тому был не только тощий колючий матрац, в котором, судя по ощущениям, в качестве набивки явно использовались металлические стружки, рыбные кости и камни, но и ветхость постройки, и привычка соседского пса яростно, будто призывая все силы ада к отмщению, выть по ночам.

От каждого порыва ветра коттедж принимался скрипеть и постанывать, и этим немелодичным звукам час за часом вторил соседский терьер. Подобно скорбящей Ниобее, он оплакивал нечто, дорогое его сердцу и безвозвратно утерянное. Причём трудно было даже вообразить, как такой тщедушный пёс ухитряется исторгать столь мощные и надрывные звуки.

Наспех позавтракав купленным накануне в деревенской лавке сыром и рыбным паштетом, Оливия по мере сил привела себя в порядок, заперла коттедж и отправилась на почту. Звонок в Мэдлингтон подтвердил: её ждут и даже готовы выслать за ней машину на станцию, если она успеет на десятичасовой поезд.

Сделав ещё один звонок, на этот раз в Лондон, в пансион миссис Флloyd, что на Броуди-стрит, Оливия осталась разочарованной. «Молодой мистер Адамсон ушёл сразу же после завтрака. И мне показалось, что он был крайне взволнован. На нём просто лица не было. В общем, выглядел он, как человек, который получил ужасное известие», – многозначительно сообщила ей помощница владелицы пансиона, вечно пребывающая в экзальтации мисс Рэндольф. В юности она служила костюмершей в небольшом театре, и, проникнувшись царившей там атмосферой, не захотела расставаться с ней и двадцать лет спустя. Все, кто жил в пансионе миссис Флloyd,

знали, что такие сообщения ровным счётом ничего не значат, и пропускали их мимо ушей.

Поезд подали к перрону без опоздания. Оливия вошла в пустое купе и обрадовалась тому, что проведёт поездку в одиночестве и, если повезёт, немного подремлет, а потом напишет пару писем.

На деле вышло иначе. Стоило ей прислониться к обитой бархатом спинке скамьи и прикрыть глаза, как она провалилась в крепкий сон и очнулась только в тот момент, когда поезд прибыл во Фроингем. Шея у девушки немилосердно затекла, во рту пересохло, волосы, заплетённые в косу, растрепались, и просьба леди Элспет изобразить её компаньонку вдруг показалась ей нелепым розыгрышем.

В таком вот виде, заспанная и растрёпанная, Оливия уселась в прибывший за ней автомобиль, за рулём которого сидел слишком развязный для должности шофёра молодой человек. Представился он Оскаром Финчем и всю дорогу поглядывал на девушку, как ей представлялось, с высокомерным недоумением. Оливия только сейчас начала догадываться, что её обещание взять на себя роль компаньонки повлечёт за собой не только забавные моменты, над которыми потом можно посмеяться вместе с Филиппом, но и такие сложности, как выстраивание отношений с остальной прислугой.

Погода, с утра совершенно безмятежная и не предвещающая осадков, к удивлению девушки, испортилась за считанные минуты, и когда автомобиль въехал на территорию поместья, послышался стук падающих капель и жемчужно-серый гравий безупречных дорожек приобрёл цвет тёмного графита. Шофёр прибавил скорость, и Оливия поразились размерам фамильного гнезда лордов Понглтонов. Пока автомобиль не свернул с главной аллеи, она успела заметить серую каменную стену с зубцами, симметрично расположенные башни с острыми шпилями и маленькие окна, придающие дому хмурый и надменный вид. Мэдлингтон-Касл напомнил ей замок великана из старинной сказки о находчивом Джеке.

Когда путешествие окончилось, Оливии пришлось самой управляться и с зонтиком, и с картонным чемоданчиком, где находились её немногочисленные дорожные принадлежности, – по всей видимости, помогать прислуге женского пола шофёру не полагалось. Как только она вышла, автомобиль резко развернулся и скрылся за поворотом. Оливия осталась одна.

Девушка перехватила чемодан другой рукой и подняла голову. Высокая каменная стена с бойницами крошечных окон на фоне стремящихся вниз капель воды напоминала средневековое укрепление, а не часть хозяйственной постройки. Оливия зябко передёрнула плечами и постучала в потемневшую от времени деревянную дверь, клятвенно обещая себе никогда больше не заводить знакомства в поездах и не принимать скоропалительных решений.

* * *

Леди Элспет мучительно пыталась припомнить имя этой милой девушки, что с такой лёгкостью откликнулась на её просьбу. Вот уже четверть часа они вели приятную светскую беседу, угощаясь чаем и бисквитами, но невозможно же всё время называть человека «милочкой». Да ещё этот дождь! В хорошую погоду она бы предложила гостю прогуляться по саду, а сама в удобный момент удалилась в свою комнату и наконец-то пролистала бы газету с анонсом ближайших скачек. Подобное времяпровождение всегда успокаивало её, а успокоиться сейчас не помешало бы.

Оливия не преминула отметить про себя перемену в отношении к ней хозяйки Мэдлингтон-Касл, но заострять на этом внимание не стала, хоть обращение «милочка» и резало ей слух.

– Так вот, леди Элспет, я нахожусь в небольшом затруднении...

– Затруднении?! О, понимаю, – пожилая дама тут же встала и принялась рыться в ящичках бюро в поисках наличных, – конечно, конечно, как я сама не сообразила.

Оливия покраснела.

– Я не имела в виду затруднения такого рода, леди Элспет, – тон Оливии был довольно резок, – я говорю о том, что для меня остаётся неясным, как мне вести себя в присутствии ваших родственников. И с остальной прислугой тоже. Видите ли, я никогда не нанималась компаньонкой, и слабо представляю себе, чего от меня ждут.

Раздался лёгкий стук, и в личную гостиную леди Элспет вошёл Хигнетт. Мягким баритоном он доверительно произнёс:

– Я распорядился отнести вещи мисс Адамсон в зелёную комнату. Думаю, там ей будет удобнее всего.

Леди Элспет, довольная тем, что тайна имени её гости раскрыта, с энтузиазмом поблагодарила дворецкого и поставила чашку с недопитым чаем на столик.

– Вы играете в бридж, милоч... мисс Адамсон?

– Не слишком хорошо.

– Хм... А в вист?

– Немногим лучше, чем в бридж.

Леди Элспет нахмурилась и вздохнула.

– Что ж... Всё равно, пока мои сыновья не уедут, о развлечениях и речи быть не может. Вы и не представляете, мисс Адамсон, какие они оба зануды. А их жёны!.. Я так рада, что вы согласились стать моей компаньонкой, – и она порывисто прикоснулась к руке Оливии, мимолётно её пожав. – Хотя бы кто-то будет на моей стороне. Подготовка к ежегодному празднику всегда утомительна, а тут ещё приезд вдовы Монти...

– А что не так со вдовой вашего младшего сына? – Оливия позволила себе эту вольность, начиная привыкать к роли компаньонки и доверенного лица.

– Она француженка, – пожалала плечами леди Элспет. – Никто из нас никогда не видел её. Восемь лет назад Монти пришлось спешно покинуть Англию. Он некоторое время путешествовал по континенту, а потом осел во Франции и женился на модистке по имени Бернадетта. Мы узнали обо всём спустя ещё несколько лет. Монти просто написал мне письмо с просьбой выслать деньги и между делом сообщил о своей женитьбе. Артур, мой муж, был просто вне себя от ярости. Но Монти подобное никогда не волновало. А потом он погиб во время пожара в каком-то французском притоне, и мы вновь не сразу узнали об этом. На самом деле для Артура Монти умер уже давно. Муж запретил и мне, и сыновьям упоминать его имя и вычеркнул его из фамильной летописи Понглтонов.

– В семье не всегда бывает всё гладко, – дипломатично произнесла Оливия, потрясённая такой откровенностью хозяйки Мэдлингтона.

– В общем-то, мисс Адамсон, вам требуется запомнить всего несколько вещей, – задумчиво проговорила леди Элспет. – Ни в коем случае не давайте командовать собой Виктории, жене Джорджа, и ни при каких условиях не спорьте о политике с Седриком, моим средним

сыном. Он убеждённый социалист и начинает обращать в свою веру всех, кто не имеет твёрдых политических взглядов. Боюсь, ему доставалось мало внимания в детстве. Вечный двенадцатый игрок^[3]. Что поделывать, это удел средних сыновей.

– Наверное, вашим любимчиком был младший, Монтгомери? Так часто бывает.

– О нет! – звонко рассмеялась леди Элспет. – Вы и не представляете, каким засранцем был Монти. Он то и дело третировал окружающих с милой улыбкой на устах. Будь Монти жив, то нипочём бы не позволил Артуру завещать Мэдлингтон мне. А Седрик никогда не блистал, к сожалению. Он похож на моего брата, такой же увлекающийся и слабохарактерный. Но я довольна его женой, Присциллой. Она крепко держит вожжи в руках. Исключительно милая женщина. До встречи с Седриком она работала то ли санитаркой, то ли учительницей. Это счастье, что она не отвернулась от него, когда узнала о... Ну да не будем об этом. Всё позади, и ладно. Я искренне благодарна Присцилле, что она сумела сделать для моего сына то, чего не сумела я. За это я готова прощать ей многое.

– Не позволять Виктории командовать и не спорить с мистером Седриком. Я постараюсь запомнить, – с серьёзным видом кивнула Оливия. – А мистер Джордж? Как мне вести себя с ним?

– О, на Джорджа вам обращать внимание не стоит. Он немного подует на меня из-за того, что я спутала ему все карты и не позволила подсунуть мне шпионку, которую они с Викторией выбрали, но быстро забудет об этом. И к тому же он никогда не замечает тех, кто не может быть ему полезен.

После этих нелестных слов в адрес сына леди Элспет вызвала горничную и попросила ту показать гостье её комнату.

– Постарайтесь как следует отдохнуть, мисс Адамсон, – посоветовала она. – Вечером в Мэдлингтоне будет настоящее столпотворение. Анна проводит вас в вашу комнату.

Хмурая и неулыбчивая горничная резким движением одёрнула фартук, глядя на Оливию без всякой симпатии. Пока они шли по сумрачному коридору, освещённому тусклым светом, льющим из высоких узких окон, она не проронила ни словечка, и только время от времени шмыгала носом и искоса разглядывала и потёртый чемоданчик, и брюки гостьи леди Элспет.

Комната оказалась просторной, светлой, с несколькими окнами, выходящими в сад, и огромным камином с облицовкой из песчаника. Судя по всему, здесь недавно проветривали, но устоявшийся запах затхлости указывал на то, что долгое время комната стояла запертой. Пыльная ваза на каминной полке была пуста, зеркало у туалетного столика покрыто патиной.

– Ланч у нас подают ровно в час, – бесцветным голосом, лишённым всякой приветливости, сообщила горничная.

– Вот как, – из вежливости ответила Оливия, внимательно глядя на девушку в ожидании продолжения.

Та посчитала её короткое замечание приглашением к беседе и без всяких церемоний спросила:

– А вы, мисс, значит, будете леди Элспет прислуживать? Недовольна она, стало быть, мною?

– Да нет же, Анна, – поспешила разуверить её Оливия, – твои обязанности останутся прежними. Леди Элспет попросила меня побыть её компаньонкой. Я буду помогать ей с письмами и всем прочим.

– Компаньонкой, – повторила Анна без всякого выражения. – Ага, ну ладно. Всё понятно. Так и передам Хигнетту, ага.

После этих слов горничная повернулась и вышла, с резким стуком прикрыв за собой дверь, а Оливия, разобрав немногочисленные вещи, присела на край высокой кровати, а потом упала на спину, раскинув руки, и долго смотрела в потолок, покрытый извилистыми трещинами. В углу, в центре аккуратной, любовно сплетённой паутины восьмилапый хозяин с хлопотливой радостью возился с крупной, вяло трепыхавшейся мухой, неосторожно угодившей в его ловушку.

Глава пятая, в которой гости съезжаются в Мэдлингтон-Касл, и вождеденный покой так и норовит окончательно ускользнуть от леди Элспет

Тихий шорох дождя за окнами и бессонная ночь, которую провела Оливия в маленьком коттедже тётушки Розмари, сделали своё дело. Веки девушки отяжелели, и через пять минут после ухода горничной она уже крепко спала.

Её недолгий сон нарушил деликатный, но вместе с тем требовательный стук. Оливия резко очнулась и, не сразу сообразив, где находится и почему уснула в одежде, вскочила на ноги и подошла к двери.

На пороге стояла леди Элспет, и по её лицу было понятно, что пожилая дама пребывает в сильнейшем волнении.

– Она приехала! И не одна, с нею дети! Мне сказал Хигнетт, что они ждут меня в гостиной, – внимательно оглядев Оливию, леди Элспет спохватилась: – О, я помешала вам отдыхать?

– Ничего-ничего, – пробормотала девушка, – я сейчас приведу себя в порядок. Вы, наверное, желаете, чтобы я встретила Бернадетту вместе с вами?

– Это было бы весьма уместно, – призналась леди Элспет, входя в комнату и с мимолётным интересом разглядывая её убранство. – Видите ли, мисс Адамсон, я понятия не имею, как мне держать себя с этой женщиной. Да и не каждый день узнаешь, что у тебя, оказывается, уже двое внуков. Я распорядилась, чтобы ланч сегодня подали раньше обычного, и как мне кажется, присутствие ещё одного человека за столом могло бы разрядить обстановку.

Пока Оливия причёсывалась и брызгала себе в лицо холодной водой из кувшина, леди Элспет нервно прохаживалась по комнате, то и дело растирая ладони. В мутном зеркале отражалась её статная, то

удаляющаяся, то приближающаяся фигура, нижняя юбка из фатина под тонким муслиновым платьем издавала отчётливый шелест, будто листья под ногами в осеннем лесу.

Вдвоём с Оливией они молча прошли по длинному коридору, соединяющему жилое крыло дома, где находились покои леди Элспет и гостевые спальни, с общими помещениями – малой и большой гостиной, а также обеденным залом. В коридоре чувствовался сквозняк. Несмотря на исключительно тёплое для этой местности лето здесь было сыро и промозгло, и девушку пробрала дрожь.

– Дом очень старый, к тому же стоит в неудачном месте, – пояснила леди Элспет, заметив, что её спутница замёрзла. – Каменные стены полны щелей, и ветер с холмов проникает внутрь со всех четырёх сторон. Артур, покойный лорд Понглтон, был рьяным противником преобразований в Мэдлингтоне. Его род ведёт свою историю от норманнских завоевателей, и дом был выстроен на месте фортификационного укрепления. Внутренние стены и цитадель сохранились почти что в первозданном виде, а основное здание было полностью перестроено сразу после окончания войны между Ланкастерами и Йорками. С той поры Мэдлингтон не подвергался серьёзным изменениям. Джордж питает напрасные надежды убедить меня вложить львиную долю капитала в реставрацию этого древнего монстра, но я вожу его за нос и не говорю ни да ни нет, – и леди Элспет злорадно рассмеялась. – В Мэдли совершенно невыносимо жить зимой, и я бы давно избавилась от дома и переехала в Торки или в Плимут, но мне не хочется доставлять Джорджу такое удовольствие.

Они подошли к обеденному залу, и Хигнетт, стоявший наготове, церемонно распахнул перед ними двери. Зал поражал воображение своими размерами и убранством, и Оливия, залюбовавшись резными дубовыми панелями и тем, с каким церковным неистовством льётся дневной свет через узкие витражные окна, не сразу обратила внимание на три маленькие фигурки, жавшиеся друг к другу возле длинного, уставленного серебряной посудой стола.

– Я так рада, дорогая Бернадетта, что мы наконец-то увиделись, – звучный голос леди Элспет, в котором не было и следа растерянности, нарушил неловкую тишину, и Оливия поразились тому, сколько тепла и радушия было в нём. – Я просто счастлива приветствовать вас в Мэдлингтоне. Надеюсь, вы не успели промокнуть, пока добирались?

– О нет, миледи, благодарю, мы доехали с большим удобством. Мистер Финч, ваш шофёр, был очень любезен и...

Хозяйка дома с жаром запротестовала:

– Что вы, мистер Финч вовсе не мой шофёр! Он местный ветеринар и настоящий верный друг, который так чрезвычайно любезен, что порой выполняет мои маленькие поручения. А это мисс Адамсон, моя помощница, – представила она Оливию. – Но познакомьте же меня скорее с сыновьями Монти! Для меня их появление в Мэдлингтоне стало большой неожиданностью, – не преминула съязвить леди Элспет, сохраняя невинное выражение лица.

Мальчики, пока длилась беседа взрослых, не отрывали глаз от накрытого стола, но, когда мать выпустила их ладошки и подтолкнула к высокой леди в изумрудном, переливчатом, как крылышки стрекозы, платье, растерялись. Едва слышно, пугаясь пристального взгляда дворецкого и того, как искажаются их слабые голоса в зале таком огромном, что в нём могло бы поместиться самое высокое дерево и не задеть макушкой потолка, дети заученно произнесли полагающиеся слова и отступили к матери. Старший мальчик взял ладошку брата в свою, утешая и поддерживая его, и леди Элспет, растрогавшись, произнесла:

– У вас, Бернадетта, чудесные дети! А ведь братья так редко бывают дружны между собой.

На щеках Бернадетты появился румянец, она горделиво выпрямила спину и хотела что-то ответить, но тут в столовую вошёл Оскар Финч, сдержанно всех поприветствовал, и момент был упущен.

Во время ланча он полностью завладел беседой, чему, как показалось Оливии, леди Элспет была безмерно рада. Молодой человек в отлично сшитом щегольском костюме игнорировал всех, кроме хозяйки дома, и демонстрировал отменный аппетит. Его истории из ветеринарной практики были хоть и забавны, но балансировали на грани приличий, и несколько раз Оливия замечала на лице Бернадетты недоумённо-брезгливое выражение. Леди Элспет такие мелочи не смущали, и её громкий хрипловатый смех то и дело раздавался в гулком пространстве обеденного зала.

Ближе к окончанию трапезы в столовую вошла горничная и передала дворецкому телеграмму. Улучив момент, когда беседа

затихла, тот вкрадчиво положил её рядом с приборами хозяйки и отошёл к сервировочному столику.

– Ну, что я говорила, – с усталым вздохом произнесла леди Элспет, бегло прочитав послание и с гримасой откладывая его в сторону, – Джордж и Виктория прибывают четырёхчасовым поездом. Надеются застать меня одну и вновь завести старую пластинку, – и они с Оскаром Финчем обменялись понимающими взглядами.

* * *

В трактире «Роза и корона», куда Оливия отправилась сразу после ланча в Мэдлингтоне, в это время дня было тихо и безлюдно. В воздухе стоял застарелый запах пива, будто ничего другого за последние сто лет здесь не подавали, что, скорее всего, соответствовало истине. За длинной дубовой стойкой, отполированной локтями завсегдатаев, стояла пышная светловолосая девушка и с интересом листала яркий журнал, на обложке которого была изображена блондинка, сидевшая в машине с откидным верхом и обнимающая маленького пушистого шпица. Девушка так погрузилась в это занятие, что Оливии пришлось несколько раз откашляться, чтобы привлечь к себе внимание.

– Что вам, мисс? – не слишком любезно спросила девушка, с сожалением закрывая журнал и убирая его под стойку.

Свои ежедневные и невероятно тривиальные обязанности Айви считала досадным недоразумением и не давала себе труда скрывать это от посетителей.

– Мне нужно позвонить в Лондон.

– Четыре пенса, если вы не собираетесь брать комнату, – неохотно сообщила девушка и взглянула на Оливию с некоторым подобием интереса.

– Я буду жить в Мэдлингтон-Касл, так что комната мне пока не нужна. Вот разве что позже, если в Йоркшир приедет мой брат. А пока я бы просто хотела позвонить, – Оливия улыбнулась и выложила на стойку монеты.

Гостья из Мэдлингтона, брат из Лондона – это было уже интересно, и Айви окончательно очнулась от грёз, в которые она

неизменно погружалась, читая про жизнь кинозвёзд и театральных актрис. Смахнув монетки в кассу, она выбралась из-за стойки и указала посетительнице на телефонный аппарат, стоявший на маленьком столике в нише у окна. Оливия, чувствуя, как цепкий взгляд любопытной девицы скользит по спине, поняла, что непременно станет героиней всех дневных и вечерних сплетен трактира «Роза и корона».

В пансионе долго не снимали трубку, по-видимому, мисс Рэндольф вышла заварить себе чай и, как водится, на что-то отвлеклась. Пришлось выждать несколько минут и вызвать Бремерси снова.

– Олив, где тебя носит? – когда из трубки послышался баритон Филиппа, Айви с похвальной старательностью принялась протирать пивные кружки, бездарно делая вид, что нисколько не интересуется происходящим в нише у окна. – Я думал, ты вернёшься к ланчу. Не успела на поезд? Где ты сейчас?

– Я всё ещё в Йоркшире, Филипп, – стараясь говорить как можно тише, Оливия почти шептала, прижимая чёрную бакелитовую трубку к самым губам. – И пробуду здесь ещё некоторое время. Звоню сказать, чтобы ты не терял меня. Я остановилась в Мэдлингтоне, это во Фроингеме, в северной части Йоркшира. У меня здесь появилось дело.

– Какое ещё дело?! Ничего не понимаю. Что у тебя случилось? Оливия, мне срочно нужно кое-что тебе рассказать. Кое-что важное, – голос Филиппа разносился по всему трактиру.

Оливия поморщилась и прошептала в трубку: «Ради бога, Филипп, ты можешь так не орать?» – но брат её не услышал. Чем тише она старалась говорить, тем громче он переспрашивал, принимая возмущённое шипение сестры за помехи на линии. Закончив разговор и резко обернувшись, Оливия застала белобрысую девицу врасплох – та, машинально протирая одну и ту же кружку в десятый раз, внимательно следила за ней, приподняв бесцветные брови и выпятив нижнюю губу. На лице её читалось восхищение свежими событиями, к которым она оказалась причастна.

Старший сын леди Элспет Понглтон и его супруга прибыли в Мэдлингтон в начале седьмого. Судя по внушительному багажу, надежду на их скорый отъезд питать не стоило.

– Так вы и есть мисс Адамсон? – холодно поинтересовалась Виктория Понглтон, снимая перчатки и разглядывая Оливию в упор. Тон её был не слишком вежлив, блёкло-зелёные, болотного оттенка глаза следили за каждым движением девушки. – Надеюсь, вы поладите с моей свекровью. Она любит окружать себя молодыми людьми, но характер её простым не назовёшь. Вы уже служили компаньонкой? Не сомневаюсь, что у вас имеются отличные рекомендации. Признаться, мне было бы любопытно на них взглянуть. Напомните мне об этом чуть позже.

Оливия растерялась от напора этой крупной высокой женщины. Ей подумалось, что если бы она играла в игру, где требуется охарактеризовать человека одним словом, то внешность distinguished Виктории Понглтон подходила бы под описание «дюжая». В ней всего было много – голоса, телесных форм, самомнения и снобизма. Изящно вырезанные ноздри массивного носа дрожали от скрытого возмущения, а мощные плечи и руки, как, впрочем, и её имя, заставляли вспомнить бронзовую скульптуру, что установлена близ Вестминстерского дворца и изображает легендарную Боудикку^[4]. На Оскара Финча, который привёз её и Джорджа с железнодорожной станции, она даже не посмотрела. Бернадетта, встречавшая гостей вместе со всеми, но стоявшая чуть поодаль, удостоилась лишь вялого кивка.

– Пойдём, Джордж, тебе нужно отдохнуть и переодеться, а мне написать несколько писем, – распорядилась Виктория мужем и тяжёлой походкой отправилась вслед за подросшей горничной, а Оливии бросила на ходу: – Полагаю, мисс Адамсон, у нас будет возможность познакомиться поближе за ужином.

Когда она покинула холл, леди Элспет и Оскар Финч заговорщически друг другу улыбнулись, не приглашая Оливию в свой союз посвящённых, и та в очередной раз спросила себя, как её угораздило согласиться на участие во всей этой аванюре. В душе Оливии шевельнулось раздражение, ей стало казаться, что её обманом и манипуляциями вовлекли в участие в каких-то своих, неизвестных ей планах, при этом заставив отказаться от собственных. А виной всему

неуёмное любопытство, порой толкающее её на безрассудные поступки. «Вот Филипп ни за что бы не согласился поехать чёрт знает куда и изображать там чёрт знает кого!» – тоскливо подумала девушка.

Однако уже через пять минут, увлекаемая леди Элспет на прогулку, она выкинула из головы все сожаления. Хозяйка Мэдлингтона была с нею так мила, так любезна, что Оливия против воли перестала досадовать и злиться. Обаянию пожилой дамы сопротивляться было невозможно – приобняв девушку за талию, леди Элспет развлекала её уморительными, хотя и не без толики яда, замечаниями о собственных невестках, сыновьях и предках покойного лорда Артура Понглтона, рассказала ей массу всего любопытного о предстоящем празднике и традициях, порой довольно забавных, которых придерживались жители окрестных деревень. Дождь давно закончился, вечернее солнце вызолотило и пёстрые пустоши, видневшиеся с террасы, и холмы, словно покрытые сотнями тысяч ярдов изумрудного бархата. Неподвижный воздух стал плотным, как если бы где-то вдалеке, над морем, собиралась с силами, готовясь обрушиться на побережье, летняя неистовая гроза.

Внимание Оливии привлекло одиноко стоявшее строение, похожее на часовню. Отсюда, с террасы, виднелась только его часть, но то, как разрослась тисовая ограда вокруг него, давало повод думать, что здание заброшено и давно не используется по назначению.

Леди Элспет, заметив, куда смотрит спутница, подхватила её под руку и деликатно развернула в другую сторону. С наигранным энтузиазмом она принялась описывать предстоящий праздник, сетуя на то, что после всех увеселений садовнику и его помощникам приходится трудиться не покладая рук, чтобы восстановить лужайку и привести в порядок клумбы.

– А сколько средств уходит на сооружение каруселей для детишек, ярмарочных павильонов и шатров для гадалок, торговки чайными лепёшками и прочей снедью, вы и не представляете! – леди Элспет крайне неаристократично закатила глаза и фыркнула. – Бедолага Джордж просто зубами скрежещет, когда я подписываю счета. Но оно того сто́ит, вот увидите, мисс Адамсон. Для тех, чья жизнь проходит в череде серых будней, праздники имеют большое значение. К тому же это отличный повод пообщаться с арендаторами. Вот погодите, все соберутся, и тут закипит такая работа! В этом есть что-то

вдохновляющее, не правда ли? Постойте-ка... – и она, обернувшись, прищурилась. – По-моему, я вижу Седрика с Присциллой.

По аллее шагали двое – мужчина и женщина. У каждого в руках было по чемодану.

– Боже! – то ли ужаснулась, то ли восхитилась леди Элспет. – Я же поручила Финчу их встретить. Они что, с самой станции так идут?!

Когда гости приблизились настолько, что можно было рассмотреть их лица, ответ на вопрос, высказанный хозяйкой Мэдлингтона, стал очевиден. Мужчина двигался тяжело, будто каждое движение причиняло ему муки, и, когда он опустил чемодан на гравий, на лице его проступило безмерное облегчение. Коричневое платье его спутницы запылилось, она выглядела уставшей, выбившиеся из причёски пряди были влажными и липли к шее.

Они сдержанно поприветствовали леди Элспет и с одинаковым вежливым недоумением воззрились на Оливию.

– Это мисс Адамсон, моя компаньонка, – представила её пожилая дама. – Джордж и Виктория уже здесь. Приехали полчаса назад, вы увидите их за ужином.

– Ну, разумеется, Джордж всегда первый, – выразил недовольство Седрик Понглтон. – Я не припомню случая, чтобы...

– Что ты, дорогой, – перебила его Присцилла, – нет никакой разницы, кто приехал первым, а кто вторым, – и она улыбнулась Оливии открытой располагающей улыбкой. – Мы все рады оказаться в Мэдлингтоне и по мере сил помочь с подготовкой к празднику.

Она вслед за мужем вошла в холл и так же, как и он, отказалась передать чемодан дворецкому. Супруги, хоть и выбились из сил во время путешествия, но внесли свои вещи в предназначенную для них комнату самостоятельно, не прибегая к помощи слуг.

* * *

Незадолго до ужина снова пошёл дождь. Его освежающие струи застали Присциллу Понглтон врасплох, и ей пришлось поторопиться, чтобы не промочить платье насквозь. Держа над головой охапку срезанных в оранжерее цветов, она бежала по лужайке, наслаждаясь тем, как пружинит под ногами влажная земля, и какой чудесный запах

идёт от зелёных стеблей, и в этот момент ощущала такое блаженство, что из груди её чуть не вырвался крик радости.

С недавних пор жизнь её пошла на лад, и Присцилла стремилась удержать то волшебное ощущение приближающегося счастья, с которым просыпалась каждое утро. В холле ей встретился дворецкий, и она, вдруг посчитав нужным объясниться, тряхнула букетом.

– Не правда ли, они прекрасны? – пригласила она его полюбоваться цветами. – Нигде, нигде, кроме как в Мэдли не растут такие великолепные цветы. Наверное, дело в насыщенности почвы минеральными веществами. Уверена, садовник не будет возражать, что я самовольничала в оранжерее.

Хигнетт позволил себе изобразить на лице чрезвычайно вежливое несогласие с этим утверждением, но Присцилла Понглтон не обратила на него никакого внимания и торопливо взбежала по лестнице. Она вошла в комнату и радостно воскликнула, протягивая мужу охапку цветов:

– Седрик, ты только взгляни на них!

Тот лишь хмуро посмотрел на жену и ничего не ответил. Пока Присцилла с сомнением заглядывала внутрь узкой вазы, пытаясь определить, сколько пыли скопилось на дне, он молча, с неодобрением, следил за ней взглядом. Наконец, он облёк в слова то, что его мучило:

– Как думаешь, Джордж уже вывел её из себя своей настырностью? Уверен, что он не преминул воспользоваться ранним приездом, чтобы снова завести ту же песню.

– Я бы на твоём месте не думала сейчас об этом. Леди Элспет предстоит много хлопот перед праздником, и наша задача облегчить её бремя. А вот когда всё успокоится, тебе непременно представится удобный случай обговорить с ней наш план. А до той поры сдержанность – вот лучший советчик.

С этими словами Присцилла подошла к Седрику и положила руки ему на плечи. Ладони её были горячи, разругавшееся лицо так близко, что он ощутил привычное успокоение, но благодарность за поддержку жены быстро уступила место пессимизму.

– И ещё эта девица... Джордж всё-таки подсунил матери компаньонку. Или это Виктория постаралась?

– Тебе нужно выпить чашку чая и прекратить терзаться понапрасну, – строгим тоном гувернантки произнесла Присцилла и

легонько встряхнула мужа. – Крепкого, сладкого чаю. Ты утомился, ты голоден, тебе сейчас всё представляется в чёрных красках. Дай себе отдых, дорогой, тебе это необходимо.

Морщины на лбу Седрика чуть разгладились, и он медленно выдохнул, прикрыв глаза, как утомлённый тяжким бременем человек.

– Ты права. Права, как и всегда. Я совсем не щажу себя. Питтсу и не снилось напряжение, которого требует от меня наша задача. Он всего лишь простой исполнитель, ему ничего не известно о том, скольких сил требует настоящая политическая борьба.

– Конечно, дорогой. Да что он вообще понимает, этот Питтс, – прошептала Присцилла и принялась разминать мужу плечи, поглаживать их, бормотать что-то ободряющее и утешительное.

* * *

К ужину леди Элспет спустилась в тёмно-лиловом бархатном платье, щедро украшенном ирландским кружевом и золотым шитьём. Безвкусыность полученного от лондонской портнихи туалета ничуть не поколебала её решимости его надеть. Злопыхатели утверждали, что вкус леди Элспет Понглтон мало чем отличается от пристрастий старшей горничной из хорошего дома, но те, кто был благожелательно настроен по отношению к хозяйке Мэдлингтона, находили её манеру одеваться очаровательной и весьма оригинальной, хоть и несколько вычурной.

Леди Элспет предвкушала вечер, изобилующий забавными ситуациями, которые всегда случались, когда в Мэдлингтоне одновременно оказывались оба её сына с жёнами. Противостояние между братьями и взаимная неприязнь, которую никто из них не давал себе труда скрывать, являлись, как правило, причинами уморительных распрей, старательно замаскированных под светскую беседу. Порой леди Элспет даже заключала с горничной Анной пари, делая ставки и за неё, и за себя, на то, кто из сыновей одержит верх и какая из невесток первой вмешается в конфликт и разразится тирадой в защиту мужа. Причём если Присцилле пожилая леди симпатизировала, то надменную Викторину терпела с большим трудом, гадая, что сподобило Джорджа вступить с нею в брак.

Выбор младшего сына её тоже удивил. Бернадетта оказалась вовсе не такой, какой она себе представляла жену Монти. Монти – безрассудного до глупости, безудержно стремившегося к плотским удовольствиям и развлечениям сомнительного характера. Погибнуть в расцвете лет и даже после смерти оказаться замешанным в грязных делишках – это было так похоже на него, что не вызывало особенного удивления ни у кого из тех, кто хорошо его знал. Удивительным казалось другое: как такая милая (и, скорее всего, набожная, как большинство француженок, что бы о них ни говорили злые языки) женщина сумела прожить с Монти те несколько лет, необходимых для того, чтобы произвести на свет двоих очаровательных малышей. Мальчики вызвали у леди Элспет, отнюдь не отличающейся чадолюбием, искреннюю симпатию, и она мельком подумала, что неплохо бы поучаствовать в их судьбе.

С этими мыслями она вошла в гостиную и сразу попала в эпицентр назревающего скандала. Насупленный Джордж, стоя у кресла, в котором сидела Виктория, с нескрываемым презрением смотрел на Седрика, который, по обыкновению, напустил на себя равнодушный вид. Это так походило на их детские стычки, когда братья то и дело вздорили по любому поводу, что леди Элспет чуть не рассмеялась, настолько нелепо это выглядело сейчас, когда оба превратились во взрослых мужчин.

Присцилла, делая вид, что не происходит ничего особенного, изо всех сил пыталась придать беседе непринуждённый характер, вовлекая в разговор и Оливию Адамсон, державшуюся особняком, и притихшую Бернадетту, которая явно чувствовала себя не в своей тарелке и сидела в углу, у камина, сжав маленькие ладони в замок и уложив их на колени, обтянутые вдовьим платьем из дешёвого чёрного крепа. С прямой спиной, испуганно округлив тёмные глаза, она молча следила за происходящим, и весь её вид говорил о том, что она чувствует себя лишней в роскошной гостиной старого замка, среди всех этих чужих сердитых людей, занятых своими давними распрями и не обращающими на неё внимания.

Леди Элспет, хорошо помня, каково это – быть в семье чужачкой и не иметь рядом никого, кто отнёсся бы к тебе с теплотой и заботой, – порывисто подошла к вдове младшего сына и радушно ей улыбнулась.

– Полагаю, решение покинуть Францию и отправиться на родину мужа далось вам нелегко, – заметила она негромко, усаживаясь напротив Бернадетты, поближе к огню. В гостиной было промозгло, несмотря на летнюю пору, и Хигнетт распорядился затопить камин, чему леди Элспет, которая терпеть не могла сырость, пропитавшую стены старого замка насквозь, была несказанно рада. – Это очень смелый поступок с вашей стороны, дорогая Берни. Вы ведь не возражаете, если я буду называть вас Берни? Тут, в Мэдлингтоне, мы предпочитаем обходиться друг с другом по-родственному, без особых церемоний.

Молодая женщина кивнула, робкая благодарная улыбка озарила маленькое смуглое лицо с по-детски округлым подбородком. Она подалась вперёд, намереваясь что-то сказать, но тут послышался раздражённый возглас Джорджа:

– Это всё патерналистские банальности, Седрик, и ничего более! И где ты нахватался подобного, ума не приложу? Если бы ты поменьше якшался с фабричными бездельниками, устраивающими всякий раз шторм в чайной чашке, и дал себе труд послушать умных людей, то не нёс бы сейчас полную чушь с таким видом, словно ты сам несколько лет подряд не выходил из шахты. Правительство и так идёт навстречу каждому требованию бастующих, из-за этого лондонские верфи простаивают, фабрики не работают в полную силу, экономика страны летит в пропасть, а ты и подобные тебе продолжаете скулить об угнетении рабочего класса и его праве на образование, жильё, медицину и чёрт знает что ещё!

Братья стояли друг напротив друга, лица их были искажены взаимной неприязнью, а Виктория, явно будучи третьей и заинтересованной стороной в споре, с холодным прищуром поглядывала на них, но пока предпочитала не вмешиваться. Зная, как надолго может испортить всем настроение размолвка между братьями, леди Элспет встала, чтобы предотвратить скандал в зародыше, но тут вошёл Хигнетт, деликатно откашлялся и объявил, что ужин подан.

Дальнейшие события лишь подтвердили её худшие опасения – Джордж и Седрик превратили обеденный зал в поле битвы. Ничего забавного в их перепалке на сей раз не было, и за тем концом стола, где сидели братья и монументальная Виктория, установилась грозная атмосфера. Джордж, судя по всему, находился в ударе – войска его

красноречивых доводов уверенно теснили аргументы противника и сулили ему поражение. Когда на столе появилась вторая перемена блюд (костлявые подгоревшие перепёлки и морковное пюре), Седрик уже был готов сдаться и начал посылать супруге взгляды, полные беспомощной ярости. Однако Присцилла этих сигналов не видела и возможности выручить мужа тоже не имела – внимание её целиком поглотили две вещи: на редкость утомительный рассказ Оскара Финча о том, как ему однажды пришлось под проливным дождём спасти из горного ручья стадо овец, и тщетная борьба с дичью в своей тарелке, которая упорно не желала превращаться в чей бы то ни было ужин. Оливия и Бернадетта, храня молчание, настороженно наблюдали за всей этой неразберихой, почти не участвуя в общей беседе, и на лицах девушек застыло до странности одинаковое тоскливое выражение, будто обе они в этот момент готовы были многое отдать, лишь бы оказаться в другом месте, подальше от нежующихся перепёлок и обеденного зала поместья Мэдлингтон.

К тому моменту, когда дворецкий торжественно водрузил на стол серебряное блюдо с печёным ревенём, у леди Элспет нешуточно разболелась голова. За те несколько лет, что миновали с гибели лорда Понглтона, она привыкла к уединённой тихой жизни и теперь вся эта бесконечная суэта и раздоры, что сопровождали прибытие гостей, вызывали у неё лишь досаду. «А ведь всего через полгода с небольшим Рождество!» – некстати подумалось ей, и она тоскливо вздохнула. – «Даже и не знаю, как я это выдержу. Можно, конечно, сказать больно, а потом...»

– Да что ты знаешь о лишениях?! Что ты знаешь, чтобы рассуждать об этом? – Джордж всё-таки вынудил Седрика выйти из себя, и тот вскочил на ноги, побагровев от возмущения.

Выглядел он настолько комично (прямо как в детстве, когда братья непрестанно ссорились) – редкие волосы растрепались, глаза вытаращены, руки беспомощно сжимают салфетку, – что леди Элспет не удержалась от смешка. Её тихий смех не остался незамеченным – Седрик уставился на мать полубезумным взглядом, а потом молча придвинул стул, сел и дрожащей рукой пригладил волосы, делая вид, будто не придаёт произошедшей размолвке никакого значения, что, впрочем, не смогло никого обмануть.

Глава шестая, в которой Джордж Понглтон с превеликим трудом сохраняет спокойствие, а Оливия, сама того не желая, становится двойным агентом

Леди Элспет знала, о чём говорила – на следующий день с самого утра в поместье закипела работа. На большой лужайке перед домом приглашённые из Скиптона плотники возводили высокий помост, на котором должны были проходить состязания, выступления местных артистов и вручение призов ежегодной сельской лотереи. Среди плотников то и дело мелькала тощая фигура Седрика Понглтона в заляпанном краской пиджаке, который посчитал необходимым своё участие в коллективной работе, хотя соответствующих навыков не имел и вносил в общее действие больше ненужной суеты, чем практической пользы.

Оскар Финч и Джордж, на время оставив взаимную неприязнь, уединились в кабинете покойного лорда Понглтона, чтобы начертить схему расположения торговых павильонов и благотворительных киосков, а Виктория и леди Элспет приняли на себя командование целой армией кухонных девушек и деревенских матрон, прибывших в помощь кухарке. Огромная кухня Мэдлингтона была заставлена трёхфунтовыми банками с домашним повидлом, ящиками с цукатами, коринкой и специями, корзинами с яйцами и джутовыми мешками с тростниковым сахаром и мукой. Все эти припасы до субботы надлежало превратить в сотни шафранных кексов, пышных пирогов с патокой, рассыпчатого йоркширского печенья, нежнейших пирожных, покрытых ломкой сахарной глазурью, булочек с помадкой и чайных лепёшек.

Спустившись к завтраку, Оливия застала в столовой только Присциллу и Бернадетту, которые уже заканчивали пить чай и

торопились приступить к раскройке огромных полотнищ ткани, необходимых для оформления шатров.

Хигнетт, уже собиравшийся дать распоряжение Анне унести остатки завтрака, с неудовольствием покосился на новую компаньонку хозяйки и замер в не слишком почтительной позе. Оливия с извиняющейся улыбкой положила на тарелку пару ломтиков пережаренного бекона, горстку консервированной фасоли и немного серого омлета, и отошла к столу, чувствуя спиной неодобрительный взгляд дворецкого.

На вкус еда оказалась даже хуже, чем на вид. Омлет был до того пересолен, что вызывал слёзы. Фасоль в кислом томатном соусе растеклась по тарелке неаппетитной кляксой. Девушка с трудом отрезала и прожевала кусочек резинового бекона в застывших каплях жира и, отодвинув тарелку, решила больше судьбу не испытывать.

– Всё дело в том, что кухарка миссис Вайсли – очень чувствительная натура, – склонившись к Оливии, прошептала Присцилла. – Она всегда нервничает, когда в Мэдлингтон съезжаются гости, и у неё всё начинает валиться из рук. Поэтому мы с Седриком собираемся наведаться в трактир «Роза и корона», где во время ланча подают запечённый кроличий паштет. Будем рады, мисс Адамсон, если вы к нам присоединитесь.

– С удовольствием! – благодарно просияла Оливия, воодушевлённая перспективой избежать очередной пытки печёным ревенём.

Однако до ланча ещё предстояло немало дел. Июньский праздник, пожалуй, был самым масштабным и долгожданным событием в жизни Фроингема. Каждый год его посещали все деревенские жители из числа тех, кто имел возможность оставить хозяйство на попечение наёмных работников или старших сыновей. Торговцы запирали лавки на целый день, и никому из местных и в голову бы не пришло отправиться в это время за покупками. Хватало и приезжих – из Лидса, Скарборо, Пикеринга и других окрестных городов. Владельцы двух деревенских гостиниц, в обычное время яростно конкурирующие друг с другом, впервые с начала года оставались удовлетворены выручкой – уже к четвергу ни в одной из них не было свободных комнат, – и даже позволяли себе выпить по дружеской пинте в пабе Уиллиса.

Не оставалась внакладе и хозяйка трактира «Роза и корона», тучная и одышливая миссис Тимпани. Она устанавливала самый большой шатёр и нанимала дополнительных работниц, бесперебойно обеспечивая всех желающих свежим портером и магнетом, слава о котором распространялась далеко за пределы Йоркшира. Как правило, из шести дюжин бочонков уже к полудню половина пустела, а необъятная кожаная сумка миссис Тимпани, висевшая у неё на боку, наполнялась бречающей медью и превращалась в тяжкую ношу.

Это был единственный день в году, когда во Фроингеме привечали фокусников, гипнотизёров, хиромантов, комедиантов, пожирателей огня и тому подобный сброд, в другое время года не встречавший в деревне радушного приёма. За несколько лет до несчастного случая, повлёкшего смерть старого лорда Понглтона, участие в празднике даже разрешили проезжающему мимо табору цыган (которых местные жители по старой памяти называли глинярями), пленившись их уверениями о невероятных чудесах, от которых захватывает дух и которые скрываются в невзрачном на вид шатре из выцветшей на солнце парусины. Единственным, у когохватило дух от явленных цыганами чудес, был почтмейстер, чья юная Джейн – единственная дочка, отрада очей и надежда старости, – сбежала с сыном цыганского барона, очарованная то ли его рассказами о прелестях кочевой жизни, то ли мужественным подбородком и расшитой монетами жилеткой, сверкавшей на солнце, как рыцарская кольчуга.

Тюки с тканями оказались огромными. Распаковать их стоило немалого труда, но, когда на ковёр в гостиной хлынули потоки алого шёлка, женщины восхищённо прищёлкнули языками.

– Да здесь сотни ярдов, не иначе! – Бернадетта, зажмурившись, ласкала гладкую ткань, прохладную, как вода в ручье. – Это же стоит целое состояние!

– Да, в скупости леди Элспет обвинить сложно, – суховато заметила Присцилла и погладила алый шёлк. – Здесь, в Мэдли, для июньского праздника ничего не жалеют.

– Зато вы только представьте, как роскошно будут выглядеть шатры и киоски, украшенные алым шёлком. Они будут сверкать на солнце словно рубины! Нет, словно капли крови на зелёном бархате лужайки! – Бернадетта вскочила на ноги и набросила конец полотнища на плечи, а потом буквально парой движений окутала себя шёлком и

предстала перед остальными в новом образе – яркой, обворожительной женщины в потрясающем алом платье, струившемся вокруг её тела и оттенявшим и тёмные кудри, и искрящиеся восторгом карие глаза.

Оливия сравнение посчитала несколько надуманным, но она не могла не признать – Бернадетта Понглтон, которая ни за вчерашний вечер, ни во время завтрака и десяти слов не произнесла, совершенно преобразилась. Скрыв под алым шёлком свой вдовый наряд, она стала выглядеть другим человеком, и теперь казалось, что траурное платье – часть маскарада, не более. Следуя её примеру, Оливия и Присцилла тоже попытались изобразить из себя чаровниц в алых одеждах, но не сумели как следует задрапировать скользкий шёлк и больше напоминали небрежно спелёнутых египетских мумий.

В таком виде их и застала леди Элспет, сбежавшая из кухни и изрядно утомлённая властными манерами Виктории, установившей там свою диктатуру. Оценив сценку, напоминающую живые картины – излюбленное дамское развлечение времён её молодости – она пришла в восторг, а потом пожаловалась, оглянувшись на открытую дверь и понизив голос до шёпота: – Вы и не представляете, что себе позволяет эта женщина! Боюсь, миссис Вайсли держится только благодаря хересу, который прячет от Хигнетта в кофейном шкафчике. Однако надо отдать ей должное, Виктория в таких делах просто незаменима. У меня от подобных вещей голова кругом идёт, а для неё хлопоты – что вода для рыбы.

Выговорившись, она опустилась на колени и провела по гладкому шёлку рукой.

– Шёлк и правда великолепный. У вас превосходный вкус, леди Элспет, – робко сказала Бернадетта. – Но разве это не слишком дорого? Я имею в виду, для *fête champêtre*^[5]? – и она смешалась под взглядами остальных женщин, осознав, что допустила непростительную оплошность.

Леди Элспет рассмеялась, но в смехе её чувствовалась горечь.

– То, что приносит радость, не может быть чересчур дорогим. Вы согласны со мной? Жизнь так коротка. Чуть отвлечёшься, и уже миновали годы. Вы вспомните мои слова, Берни, когда ваши малыши превратятся сначала в юношей, а потом и во взрослых мужчин. Эта перемена будет означать, что лучшие годы прошли, а вы этого даже не заметили. Поэтому жалеть о расходах не годится! – и она бесшабашно

встряхнула головой. – Хотя, конечно, у бедняги Джорджа случится несварение, когда он это увидит.

* * *

Джорджу Понглтону и без несварения хватило в это утро страданий. Оскару Финчу пришлось в срочном порядке уехать на ферму Скерта, чей лучший бык-производитель повредил ногу, и потому все счета за доставленные из Шеффилда товары направляли старшему из братьев.

У Джорджа в буквальном смысле похолодели руки и выступила испарина, когда он произвёл подсчёты и сообразил, что на подготовку к празднику потрачено уже более трёхсот фунтов. Он не принимал во внимание тот факт, что порой несколько больших приёмов на Сент-Джеймс-стрит обходились им с Викторией в ту же сумму, так как никогда не вникал в хозяйственные расходы, оставляя этот труд жене. Однако транжирство матери приводило его в исступление, ведь деньги, которыми она распоряжалась согласно завещанию старого лорда, он считал своими по праву.

Внутри у него всё кипело от возмущения. Он выглянул в окно малой гостиной и какое-то время бездумно наблюдал за рабочими, отмечая про себя, что трудятся они явно спустя рукава, небрежно и крайне медлительно.

Время близилось к ланчу, и Джордж, надев пиджак и спрятав очки в тонкой золотой оправе в кожаный футляр, схватил кипу счетов и отправился на поиски Виктории. В коридоре, сумрачном и тихом, он чуть не запнулся о лежащего на полу ребёнка, с интересом изучающего многочисленный муравьиный отряд, марширующий вдоль стены. Первым его порывом было прикрикнуть на мальчишку, а потом сделать дворецкому выговор за то, что по дому шатаются дети прислуги, но тут же его охватило запоздалое раскаяние. Монти!.. Точно, это же сын проходимца Монти. Сколько же лет он не видел брата?.. И в итоге они так и не успели примириться. Ссора, тяжким грузом осевшая на его совести. Терзаемый застарелым чувством вины, Джордж наклонился к мальчику и хотел приласкать его, но испуганный ребёнок, понимая, что нарушил запрет матери и что его,

вернее всего, накажут за это, мгновенно поднялся на ноги и, оглядываясь через плечо, припустил в сторону столовой. Джордж немного постоял, глядя ему вслед, а потом отправился на поиски Виктории.

В кухне, под лестницей, он обнаружил настоящее столпотворение. Здесь упоительно пахло ванилью и корицей, а от раскалённых печей, где выпекались пудинги и кексы для благотворительного базара, упругими волнами шёл жар. Разгорячённые лица женщин были угрюмы и сосредоточены – приготовление такого огромного количества выпечки требовало немалого труда и на праздную болтовню не оставалось ни времени, ни сил. Виктории здесь не было, и всем распорядилась раскрасневшаяся то ли от работы, то ли от изрядного количества хереса миссис Вайсли. Когда Джордж поднимался вверх, то снизу, из кухни, до него донёсся хриплый голос кухарки, затянувшей «В зеленеющем уборе...».

Пройдя через террасу, Джордж вышел к лужайке, где плотники уже заканчивали устанавливать помост. Отирая со лба обильно струившийся пот и борясь с одышкой, он сложил ладонь козырьком и по-хозяйски оглядел лужайку, выискивая тех, кто явно отлынивал от честной работы. Седрика среди рабочих не было, но Джордж заметил его тощую фигуру в сопровождении Присцилы и новой компаньонки матери, этой долговязой девицы с наглыми манерами, на подъездной аллее. Троица удалялась в сторону деревни, и тучному Джорджу стоило немалых усилий догнать их.

– Я... мне нужно... поговорить с братом, – задыхаясь, произнёс он, поравнявшись с ними и бросая на Оливию, одетую в брюки, взгляд, полный неодобрения. – На пару минут... Седрик... буквально на пару минут.

Мужчины отошли чуть в сторону, и Джордж принялся с жаром что-то втолковывать брату, потрясая перед его лицом стопкой бумаг. Весь красный, с блестящей на солнце лысиной, он надвигался на Седрика, оттесняя того к каменной изгороди, увитой плющом, и добиваясь, чтобы брат признал его правоту. Оливия и Присцилла, не сговариваясь, с улыбкой переглянулись.

– Джордж порой бывает невыносим, – всё ещё улыбаясь, заметила Присцилла. – Он убеждён, что его мнение – единственно верное, и все должны следовать его указаниям. Поразительная самонадеянность.

«...требует расходов, говоришь?! Необходимые траты?! А двести ярдов первоклассного алого шёлка из универмага Бёрджесса, это как? Тоже необходимые траты, да? Хочешь узнать, в какую сумму нам это обошлось?..»

Джордж чуть не кричал, и его слова были полны такой едкой горечи и обиды, будто шёлк был куплен на его последние сбережения и не сегодня завтра вместо сливочного масла ему придётся довольствоваться дешёвым маргарином.

Присцилла демонстративно зевнула, деликатно прикрыв рот ладошкой, и дружески подхватила Оливию под руку, увлекая её вперёд, к тисовой аллее, где разросшиеся деревья переплелись ветвями и обещали путникам прохладу.

– А Седрик с утра был в таком славном расположении духа, – с сожалением произнесла Присцилла. Нагнувшись и сорвав лесную маргаритку, она задумчиво пощипала тонкие лепестки и добавила: – Джордж действует на брата не лучшим образом. Он несдержан, он любит настоять на своём, и он не успокоится, пока не выведет Седрика из себя. И причиной всему, как вы, несомненно, догадываетесь, леди Элспет и её расточительность.

Оливии стало любопытно. Понятия не имея о том, насколько далеко должна простираться лояльность компаньонки, она всё же позволила себе прямой вопрос:

– И насколько расточительна леди Элспет, по-вашему? Это и правда такая большая проблема, как считает мистер Понглтон?

– Огромная! – кивнула Присцилла с озабоченностью. – Моя свекровь готова и луну купить, если та подойдёт к одной из её ужасных шляпок в качестве украшения. Да ещё этот Оскар Финч... Вы, мисс Адамсон, и не представляете себе, что здесь творилось на прошлое Рождество, когда леди Элспет при всех подарила молодому человеку, с которым, как говорят, она неразлучна в последнее время, новёхонький «моррис». Так что беспокойство Джорджа, надо признать, не лишено оснований. К тому же леди Элспет вовсе не так богата, чтобы позволять себе подобные вещи. Мэдлингтон пожирает массу средств, и ещё больше денег уходит на выплату налогов и поддержку арендаторов. Неизбежно наступит время, когда поместье придётся продать, и это вряд ли будет выгодной сделкой.

Разговор всё больше приобретал характер настоящей сплетни, и Оливия неосознанно отошла на шаг назад. Присцилла, в строгом коричневом платье без отделки, с прямой спиной и пышным узлом золотисто-каштановых волос, стояла напротив неё и задумчиво вертела в руках наполовину ошипанный цветок. Солнечные лучи, проникая через сплетённые ветви, бросали медовые блики на её лицо, а игра колышущихся теней превращала платье, при ярком свете невзрачное, в наряд лесной королевы. Даже высокий белый воротничок с фестончатыми кружевами – единственное украшение, оживлявшее её туалет, – казался при таком освещении по-королевски роскошным.

– Вы, мисс Адамсон, верно, посчитали меня сплетницей, – спохватилась Присцилла. – Расскажите лучше о себе. Давно ли вы познакомились с леди Элспет? Моя свекровь обожает заводить новые знакомства, к этому у неё настоящий талант.

Переход от предыдущей темы был таким стремительным, что Оливия не успела подготовиться. Ей не хотелось ни лгать, ни рассказывать правду о просьбе леди Элспет. Положение спас Седрик Понглтон, который появился на аллее, полный негодования. Под сенью тисов его светлые глаза сверкали серебристым блеском, но, окинув Оливию быстрым взглядом, он замкнулся и только с вялым смешком вольно процитировал Теккеря:

– Воистину старший брат человека – его исконный враг^[6].

* * *

Кроличий паштет оказался весьма неплох, а свежий хлеб с хрустящей солодовой корочкой и ноздреватым, пышным мякишем, и того лучше – ну просто никакого сравнения с унылой и малосъедобной стряпнёй кухарки из Мэдлингтона.

В «Розе и короне» в этот час было так многолюдно, что даже в гостиной не было свободных мест, и спутницам Седрика, хоть это и было нарушением негласных правил, свято чтимых в деревенских питейных заведениях, пришлось спуститься вслед за ним в общий зал.

Здесь, внизу, ровный гул голосов нарушали только отдельные выкрики местных завсегдатаев и последующий за ними дружный смех.

Айви с застывшим на лице смирением, мало чем отличавшимся от недовольства, раздавала с широкого подноса кружки с рыжеватым пивом. Одну из них, в полпинты, она поставила перед Оливией и уже было хотела выставить ещё по одной, для супругов Понглтон, но Присцилла строго отказалась и попросила для всех чайник чаю.

С досадливым вздохом Айви вернула кружку на поднос и понесла его дальше, а Оливия уловила устремлённый на неё жадный взгляд Седрика Понглтона. Тот быстро отвёл глаза и преувеличенно громким голосом принялся рассуждать о забастовке в шахтёрском городке на юге Англии, во время которой пострадали несколько человек. Вид его напомнил Оливии мистера Блейни, постояльца пансиона в Плимуте, где они с братом как-то провели долгую скучную зиму. Неизменно несчастное выражение лица, сырой, какой-то аптечный запах, который шёл от его одежды, влажные ладони и дрожь, мелкой рябью пробегавшая по телу – близнецы долгое время подозревали, что мистер Блейни страдает от тяжёлой болезни, пока хозяйка пансиона не поведала им неприглядную истину.

Помня советы и наставления леди Элспет, Оливия во время ланча старалась помалкивать, чтобы не дать Седрику возможность начать политические дебаты. Однако в собеседниках он и не нуждался. Торопливо и не слишком аккуратно поглощая хлеб с паштетом, роняя крошки на грудь и не замечая, что они сыплются в его чашку с чаем, Седрик, размахивая то ножом, то ложкой, обличал несправедливость и клеймил власть имущих. Заметив, что его речи привлекли внимание сидящих за соседним столиком подёнщиков с ферм, он бросил еду и стал говорить ещё громче, похожий в этом состоянии на ребёнка, который жаждет внимания взрослых.

Оливии ничего не оставалось, как брать пример с Присциллы, которая внешне казалась безучастной и никак не проявляла своего отношения к выходкам мужа. Она мелкими глоточками отпивала чай и, казалось, привычно ждала дальнейшего развития событий. Меж тем атмосфера в трактире начала накаляться. Голоса становились все громче, Седрик, не сказав своим спутницам ни слова (вряд ли он вообще помнил теперь об их присутствии) бесцеремонно пересел за большой стол, где отдыхали фермеры, и, называя всех и каждого «товарищ», завёл с ними оживлённую беседу. К столу начали подтягиваться остальные: кто из любопытства, а кто с искренним

интересом (в последние дни газеты левого толка пестрели новостями о забастовках и падении цен на шерсть и молоко, и местные фермеры были взвинчены и напуганы этим).

Из-за поднявшейся суеты и думать было нечего о том, чтобы позвонить Филиппу и спокойно рассказать ему о событиях последних дней, и Оливия с досадой откинулась на стуле, дожидаясь, пока Присцилла допьёт чай и можно будет уйти из душной пивной. И тут, как это часто бывает, все голоса на миг смолкли, и в наступившей тишине Айви громко выкрикнула из-за стойки: «А вам, мисс, письмо с утренней почтой пришло! Закрутилась я совсем, вот и позабыла сразу отдать-то. Из Лондона! Важное, должно быть, послание. Вы ведь за ним пришли, правда?»

Все присутствующие, не сговариваясь, безошибочно нашли взглядом Оливию, и она чуть не поперхнулась остатками чая. Голубые, карие, серые – тайно выглядывающие из-под насупленных бровей и открыто, с простодушным любопытством разглядывающие незнакомку, поселившуюся в Мэдлингтоне, – десятки глаз следили за каждым её движением, и в этом ей на миг почудилась скрытая угроза. Однако уже через секунду, как в детской игре замри-отомри, всё вокруг пришло в движение и неестественную тишину вновь заполнили звуки голосов и звон пивных кружек.

Оливия сама подошла к стойке и получила у не в меру любопытной девицы, изучившей конверт вдоль и поперёк, письмо Филиппа и сдачу мелкими монетками. Присцилла уже ждала её на крыльце, несколько не обеспокоенная тем, что Седрик не собирается последовать за ними.

– Он догонит нас позже, – пояснила она безмятежно, поправляя воротничок платья и защёлкивая сумочку. – А мы пока прогуляемся и посекретничаем. Так вы, мисс Адамсон, из Лондона? Или у вас там имеется поклонник?..

К этому моменту Оливия уже поняла, что таинственность только раздувает любопытство её спутницы, поэтому, не вдаваясь в подробности, рассказала ей о брате-близнеце и случайном знакомстве с леди Элспет, умолчав лишь о просьбе своей нанимательницы.

– Это так похоже на мою свекровь, – рассмеялась Присцилла без всякого осуждения. – Но вы можете быть спокойны, я не раскрою ваш секрет, в противном случае Виктория с Джорджем проходу вам не

дадут. Не хочу, чтобы вы пожалели о том, что приехали в Мэдли. Июнь – лучшая пора, когда можно наблюдать поместье во всём его великолепии.

Послеполуденное солнце сияло в вышине, голубеющее небо было чистейшим, радостным, и, когда они взошли на небольшой холм, отделяющий деревню от владений Понглтонов, перед ними возникла впечатляющая панорама – всё поместье, включая угрюмую громаду дома, оштетинившегося руинами крепостных стен и сторожевыми башнями, было словно на ладони. Внизу, на лужайке, продолжали возводить помосты для каруселей, и уже были готовы несколько чайных шатров, обтянутые лоснящимся на солнце шёлком. Мельтешение рабочих, дрожащие на ветру флажки и алые шатры, врытый в землю столб, предназначенный для развлечения деревенской детворы – гигантских шагов – всё это чем-то неуловимо напоминало подготовку к осаде, будто Мэдлингтон собиралась взять силой невидимая пока армия. Присцилла приложила ко лбу ладонь, защищая глаза от яркого солнца, и безмолвно, неподвижно стояла, вглядываясь в происходящее на лужайке, наслаждаясь суетой рабочих и позабыв о своей спутнице. Оливия же с трудом сдерживала досаду – до того ей не терпелось скорее попасть в свою комнату и без помех прочесть письмо брата.

– Когда находишься там, внизу, то даже сложно вообразить, насколько же он огромен, – доверительным тоном произнесла Присцилла, – и лишь отсюда, с холма, можно верно оценить его красоту и величие. Признайтесь, мисс Адамсон, когда вы впервые увидели Мэдли, он поразил вас?

Оливия не нашлась, что ответить на это. Замок ей не нравился, ничего величественного она в нём не находила, а зубчатая крепостная стена, повторяющая очертаниями низкие холмы, превращала его в доисторического ящера, лежавшего на брюхе и выгнувшего бугристую спину. Каменный серый фасад, кое-где увитый плющом и рыжими плетями хмеля, лишь усиливал сходство, издавека похожий на неопрятную чешую.

Не желая кривить душой, Оливия выразилась дипломатично:

– Думаю, леди Элспет стоит больших усилий содержать его в порядке.

Присцилла звонко расхохоталась.

– Вы всерьёз так полагаете, мисс Адамсон? Да леди Элспет при всей своей любви сорить деньгами и пенни не потратит на то, чтобы вернуть поместью пристойный вид. Она никогда не была счастлива здесь, и её сложно в этом винить. Старый лорд был жесток и к ней, и к собственным детям – ко всем своим близким. Думаю, я недалеко от истины, если скажу, что леди Элспет наслаждается тем, как ветшает фамильное гнездо Понглтонов. Именно этого и не может ей простить Джордж, который, уж один бог знает почему, был искренне привязан к отцу. После его гибели он собирался вступить во владение поместьем, но тут его ждал неприятный сюрприз – старый лорд перед смертью изменил завещание, и хозяйкой Мэдлингтона стала моя свекровь.

– Джордж был не в восторге, я так думаю? – предположила Оливия.

– Да он пришёл в ярость! – зловещим шёпотом заверила её Присцилла, закатывая глаза. – Они с Викторией пошли на невысказанный шаг – заставили семейного доктора подписать бумагу, что старый лорд перед смертью не отдавал себе отчёт в своих действиях, и поэтому завещание не имеет силы. Правда, потом они отказались от этого плана. Джордж рвётся в парламент, а скандалы подобного рода не способствуют развитию политической карьеры.

Присцилла, рассказывая о неприятностях семьи Понглтон, оживилась, глаза её возбуждённо заблестели. Если не считать леди Элспет, в которой, несмотря на внешнее радушие, чувствовалась какая-то прохладца, Оливии Присцилла казалась самой симпатичной. Однако такое недвусмысленное смакование сплетен покорило её, и девушка попыталась изменить тему беседы.

– А отчего скончался лорд Артур Понглтон? – Оливия задала вопрос совершенно неосознанно, не успев подумать, насколько уместно это проявление любопытства с её стороны.

– Он упал с лошади. Доктор сказал, что виной всему удар. Его нога застряла в стремях, и какое-то время лошадь продолжала тащить его за собой. Обнаружил его Седрик, и вид отца произвёл на него просто ужасное впечатление. От лошади, конечно, сразу же избавились, на этом настоял Джордж. Вызвали из деревни ветеринара, Оскара Финча, и тот пристрелил ни в чём не повинное животное, – в голосе Присциллы слышалось нескрываемое презрение.

– Ужасная смерть, – сочувственно произнесла Оливия.

– И не говорите. Ума не приложу, как можно было недрогнувшей рукой убить здоровую лошадь.

* * *

Виктория Понглтон терпеть не могла летний зной. От ярких солнечных лучей её кожа покрывалась «фермерским» красноватым загаром, а на лице проступали тёмно-коричневые пятна. Тем не менее чувство долга заставило её покинуть прохладный даже в июньскую жару дом и лично проследить за работой плотников, сооружающих второй помост.

Ни Джорджа, ни Седрика на лужайке не было, а от леди Элспет толковых действий ждать не приходилось, и Виктории пришлось самой разбираться с неотёсанными парнями из Скиптона, которые поленились работать на жаре и развернули строительство помоста прямо напротив заброшенной часовни. Разумеется, здесь работалось легче – часовня отбрасывала густую тень, а в ветвях разросшихся вокруг неё тисов и платанов рождался приятный ветерок. Хотя, будь парни местными, они ни за что не стали бы прохлаждаться в тени часовни Понглтонов и постарались бы держаться от неё подальше.

Издалека Виктория Понглтон представляла собой презабавное зрелище – в колониальном пробковом шлеме и мешковатом платье цвета хаки, туго перепоясанном на необъятной талии, она, заложив руки за спину, расхаживала туда-сюда вдоль недостроенного помоста и своим «специальным» тоном (предназначенным для общения с детьми и слугами) напоминала рабочим о необходимости строго придерживаться плана и не искать лёгких путей.

Парни растерянно смотрели на неё, побросав инструменты. Видно было, что им до смерти не хочется разбирать и переносить помост.

– О, наконец-то! – хищно обрадовалась Виктория, увидев Присциллу и Оливию. – Я полдня вас везде ищу. Не понимаю, куда все запропастились, и почему я одна должна за всем следить. Вы только посмотрите, что эти бездельники придумали! И ведь ни в какую не хотят... Джордж! Джордж, скорее иди сюда! – Виктория, заметив мужа, замахала руками, чтобы привлечь его внимание, и от трубных звуков её голоса Присцилла поморщилась.

Оливия с сочувствием посмотрела на парней, до которых начало доходить, что помост переносить всё же придётся, и впереди их ждут несколько часов работы на солнцепёке.

– Вот, посмотри! – торжествующе провозгласила Виктория и изящным движением руки окинула недостроенный помост, приглашая супруга полюбоваться вопиющим нахальством рабочих. – Как тебе это? На твоём месте я бы непременно поговорила с их главным, пусть примет меры.

Джордж с готовностью развернул схему расположения всех шатров и палаток, с которой не расставался с самого утра, и принялся что-то тихо и крайне занудно бубнить, время от времени повышая голос и без особой надежды взывая к разуму рабочих: «Вам ведь это понятно, правда? Ничего сложного, если разобраться, верно ведь?»

Присцилла и Оливия, радуясь, что Виктория нашла союзника, принялись потихоньку, по одному шагу, отступать в сторону дома. После сытного ланча и прогулки обеих манила прохлада каменных стен. Присцилла взяла Оливию под руку, будто они были старинными подругами, и прошептала:

– Вам не кажется, что Виктория трубит как слон? Мне даже жаль этих несчастных, они с Джорджем долго теперь от них не отстанут! – и она заразительно рассмеялась.

– А что страшного, если помост для вручения наград и правда будет стоять здесь? Тут же намного прохладнее, чем на лужайке, – и Оливия пожала плечами, не понимая, из-за чего столько споров. – И от дождя, если с погодой не повезёт, будет где укрыться.

Присцилла быстро взглянула на неё, чуть сдвинув брови.

– Не думаю, что и в самом деле найдутся охотники укрыться от дождя в часовне Понглтонов. Среди деревенских таких смельчаков точно не найдётся.

Прозвучало это загадочно, но узнать, что имеется в виду, Оливия не успела. Позади раздался густой бас Виктории: «Мисс Адамсон! Мисс Адамсон, постойте-ка! Вы мне нужны!»

Оливия нехотя остановилась, и, не поворачиваясь назад, жалобно посмотрела на Присциллу. Та с непроницаемым выражением лица успела шепнуть ей: «Я передам леди Элспет, что вы храбро сражались, но силы противника многократно превосходили», – и стремительно, чуть ли не бегом, направилась к дому.

Медленно, с обречённым чувством Оливия обернулась. Виктория размашистой, почти мужской походкой спешила к ней по тропинке, которую обрамляли дикие маки и синие дельфиниумы. Лицо её скрывал пробковый шлем с низким козырьком, грузное тело колыхалось под тонкой тканью платья. Оливия посмотрела вверх, чтобы не видеть приближавшуюся к ней фигуру – в белёсом расплавленном небе прямо над ней завис коршун, высматривающий добычу.

– Как же я рада, мисс Адамсон, что мы с вами наконец-то можем познакомиться поближе и немного поболтать! – заявила Виктория таким ликующе-плотоядным тоном, будто их с Оливией встреча состоялась после долгой разлуки и была для обеих истинным подарком судьбы. – Я ещё вчера подумала, что мы с вами непременно подружимся.

Стычка с плотниками явно привела её в боевое настроение.

– Ну, что скажете, мисс Адамсон? Будем друзьями? – теперь Виктория стояла так близко, что Оливия ощущала на лице и шее её горячее дыхание.

– Конечно, миссис Понглтон, – несколько принуждённо произнесла она, словно находилась перед строгой учительницей, требующей послушания. Настойчивость Виктории и её диктаторские манеры всколыхнули воспоминания о школе Святой Урсулы, в которой она провела девять долгих лет, и Оливия тут же сама на себя разозлилась. Сделав шаг назад и в сторону, она медленно двинулась по направлению к дому, и Виктории не оставалось ничего другого, как последовать за ней.

– Мы с Джорджем так рады, что теперь будет кому присматривать за нашей дорогой леди Элспет, – предприняла Виктория новую попытку, искоса поглядывая на спутницу, и вкрадчивые эти взгляды вызвали у Оливии ещё большую досаду. – Она уже немолода, и живёт совсем одна в таком огромном доме. Ей требуется, чтобы рядом находился кто-то здравомыслящий. Кто-то, кто бы оберегал её от необдуманных поступков, к которым она имеет неприятную склонность. Надеюсь, вы меня понимаете, мисс Адамсон?

– Признаться, не слишком, миссис Понглтон. Леди Элспет производит на меня впечатление на редкость бодрой и практичной особы.

Ноздри Виктории раздулись, из груди вырвался шумный вздох. Как же выводят из равновесия эти самонадеянные пустоголовые девицы, подумалось ей. Им лишь бы всё делать и говорить поперёк.

– Вы, мисс Адамсон, как я вижу, пока не до конца понимаете смысл обязанностей компаньонки. У кого вы служили прежде?

– Я... Это моё первое место, – замялась Оливия.

Виктория приподняла одну бровь и, уже не скрывая своих намерений за медоточивыми речами, перешла в наступление:

– Я скажу как есть, мисс Адамсон. Моя свекровь – парвеню, если вы этого ещё не знали, и, строго говоря, леди она только благодаря замужеству, а её происхождение оставляет желать лучшего. Семейные ценности и традиции для неё всегда были пустым звуком. Не успели лорда Артура Понглтона похоронить, а в поместье уже всё пошло под откос. Вся прислуга уволена, а ведь некоторые из них работали в Мэдлингтоне десятилетиями. И этот наглый лакей в должности дворецкого! Сегодня я застала его любезничающим с французской вдовой Монти, и та, как мне показалось, особенно против этого не возражала. Я, разумеется, объяснила ей, как в Англии ведут себя достойные женщины, но что будет завтра? Что будет завтра, я вас спрашиваю?! Дворецкий женится на ней и будет воспитывать внуков лорда? – Виктория содрогнулась от подобной перспективы и решительно преградила Оливии путь. Настойчиво вглядываясь в её лицо, она с нажимом продолжила: – Дом приходит всё в большее запустение, на его восстановление понадобится целое состояние. Леди Элспет окружила себя молодыми людьми сомнительного рода занятий, дарит им дорогие автомобили, что порождает массу слухов. А недавно Джорджу сообщили, что видели её в Скарборо, и вы ни за что не угадаете, чем она там занималась, – Виктория выдержала паузу, но так как Оливия не высказывала никаких предположений, то продолжила всё тем же траурным тоном, как если бы зачитывала список непростительных прегрешений: – Она посещала ипподром, мисс Адамсон. Да-да, вы не ослышались. Леди Элспет делает ставки на бегах. Представляете?! Говорю вам, от неё можно ожидать любых сюрпризов, вот мы с мужем и волнуемся. Согласитесь, такое поведение для дамы её возраста выглядит несколько неестественным, если не сказать больше.

– Что вы имеете в виду, миссис Понглтон? Вы намекаете, что леди Элспет не в себе?

Викторию покорила такая вульгарная формулировка, но в душе она была благодарна, что ей не пришлось произносить этого самой. Её лицо снова приняло благодушное выражение, и она, лицемерно вздохнув, посетовала:

– Никого из нас, мисс Адамсон, не минует ни старость, ни немощность. Мы должны относиться к этому с пониманием и оберегать своих близких, порой даже от них самих. Вы и представить себе не можете, как Джордж переживает о матери. Она так много значит для него, – Виктория умолкла, давая Оливии возможность высказаться, но та молчала и холодно смотрела на неё.

– Будет просто замечательно, мисс Адамсон, если мы с вами объединим усилия, – с наигранной лёгкостью продолжила Виктория. – Например, вы можете один или, предположим, два раза в неделю писать нам с Джорджем. Ну, чтобы мы были осведомлены о планах леди Элспет и её душевном состоянии. Маленькие весточки, ничего более. Думаю, это будет для вас не слишком необременительно, правда ведь? Свободного времени у вас, как я вижу, предостаточно, – сухо зато закончила она и тут же, понизив голос, добавила: – И будьте уверены, я не забываю дружеских услуг, оказанных мне и моей семье. И Джордж, мой супруг, весьма, уверяю вас, весьма щедр, если дело касается благополучия его родных.

Рослая и широкоплечая, Виктория стояла прямо перед Оливией, загораживая ей путь, и смотрела на неё в ожидании ответа молча, без улыбки. Её тень, падающая на дорожку, была так велика, что поглощала всё видимое пространство, а в вышине в поисках добычи продолжал неумолимо сужать круги коршун.

Как ни хотелось Оливии сбить спесь с Виктории Понглтон, считающей всех людей вокруг себя пешками в своей игре, но здравый смысл возобладал над эмоциями.

– Думаю, что я смогу выкроить время на пару писем, миссис Понглтон, – произнесла она ровным, даже слегка скучающим тоном, чтобы скрыть свои истинные чувства. – Мне понятна ваша обеспокоенность, и, признаться, я нахожу её не лишённой оснований.

Виктория тут же расплылась в довольной улыбке. «Крокодил, слопавший антилопу», – с неприязнью подумала Оливия.

– Как я счастлива, мисс Адамсон, что мы с вами подружились! – тон её вновь стал приторно-любезным. – Теперь я буду спокойна и за Джорджа, и за мою дорогую свекровь. Будет излишним упоминать, что леди Элспет ни к чему знать о нашей маленькой беседе, вы согласны со мной? Люди в её возрасте зачастую превратно понимают родственную заботу, – и Виктория многозначительно улыбнулась.

Она посторонилась, открывая путь к дому, и Оливия, торопясь убраться подальше от неё, пошла вперёд, ощущая тяжёлый неодобрительный взгляд, сверлящий её спину.

Виктория была довольна собой. До праздника ещё целых два дня, а почти все дела улажены. Ушлая девица сразу поняла свою выгоду и дала согласие, не раздумывая, даже уговаривать не пришлось. Все они одинаковы – только и ждут, когда им выпадет шанс поживиться. Ладно, эта хотя бы не строит Джорджу глазки, и на том спасибо. С такими мыслями Виктория отправилась на поиски мужа, чтобы сообщить ему приятное известие и проверить, перенесли ли рабочие помост подальше от часовни. В глубине души она была невероятно суеверна.

Глава седьмая, в которой Оливия узнаёт о семье Понглтон больше, чем когда-либо хотела, и вступает в тайный сговор с леди Элспет

Оливия поспешно преодолела высокие ступени и вошла под своды Мэдлингтона. Массивная дверь затворилась за ней совершенно бесшумно. Она постояла, наслаждаясь прохладой, которую хранили мраморные плиты с потускневшим рисунком. Когда-то они изображали сцены королевской охоты, но за прошедшие с того времени столетия по мрамору сотни тысяч раз пробежали слуги, на чьих плечах лежали заботы о порядке в доме или чинно прошествовали величавые лорды и леди Понглтон и их многочисленные отпрыски, и теперь невозможно было разглядеть ни гончих псов, рвущихся вслед за лисицей или оленем, ни кавалькаду королевской свиты в красных куртках, трубящих в охотничьи рожки.

О былом великолепии напоминала лишь скульптура, изображающая Геракла в тот момент, когда он поражал копьём эриманфского вепря. Дикое животное вид имело самый устрашающий, но и герой древнегреческих мифов выглядел не столько мужественно, сколько пугающе: тёмный провал рта, лицо, искажённое горячкой смертельной схватки.

Оливия подошла ближе, прижалась лбом к прохладному мраморному боку эриманфской бестии. После беседы с Викторией она не могла избавиться от чувства, будто угодила под колёса молочного фургона. Что она вообще здесь делает? Как очутилась среди этих неприятных и не слишком-то дружелюбно настроенных людей?

За спиной раздались деликатные шаги, а потом покашливание. Оливия отпрянула от скульптуры и резко обернулась. Ничего не выражающие глаза Хигнетта скользнули по ней, и он, откашлявшись ещё раз, медленно и манерно произнёс:

– Леди Элспет искала вас, мисс Адамсон. Она ожидает в гостиной. Я распорядился, чтобы Анна принесла туда

прохладительное.

Дворецкий выжидающе смотрел на неё, и Оливии не оставалось ничего иного, как отправиться в гостиную, хотя она с удовольствием бы провела ещё какое-то время в прохладной тишине холла. По пути она раздумывала, говорить ли леди Элспет о том, какое грязное предложение она получила от Виктории Понглтон, и так, погружившись в собственные мысли, не замечая никого вокруг, налетела на Присциллу, которая выходила из своей комнаты. Двигалась она как-то странно, боком, держа на весу вытянутые руки и не прикасаясь к дверной ручке.

От неожиданного столкновения обе женщины на мгновение опешили, и Оливия сочла необходимым принести извинения.

– Всё в порядке, мисс Адамсон, – прервала её Присцилла и, сокрушаясь, пояснила: – Я писала письма и опрокинула на стол чернильницу. Так неловко с моей стороны! А как вы сумели так быстро ускользнуть от Виктории? Наверное, предпочли пообещать ей всё что угодно, лишь бы поскорее сбежать?

– Но откуда вы?..

– О, я просто хорошо знаю Викторию, мисс Адамсон, – Присцилла добродушно рассмеялась. – Но мой вам совет: лучше держитесь от неё подальше. Виктория злопамятна и терпелива. Опасное сочетание, как мне кажется, – понизив голос, добавила она и направилась к лестнице для прислуги, ведущей в кухню.

В гостиной Оливия застала идиллическую картину. Леди Элспет сидела у окна, выходящего в тенистый сад, и, обмахиваясь старомодным кружевным веером, слушала, как старший из её внуков старательно, хоть и не слишком уверенно, читает вслух Святое Писание. На лице пожилой дамы застыло тщательно скрываемое скучающее выражение. Бернадетта же следила за сыном с ни на миг неослабевающим вниманием, губы ее непроизвольно шевелились, будто она проговаривала про себя каждое слово, прежде чем оно должно было слететь с губ ребёнка. Выглядела она заплаканной и хмурой, тонкие пальцы от волнения комкали батистовый платок.

Увидев Оливию, леди Элспет оживилась и на один короткий миг прикрыла глаза (что одинаково можно было принять и за приветствие, и за тайный крик о помощи), а потом заработала веером с удвоенной силой.

– Хигнетт передал, что вы хотели меня видеть, мэм, – воспользовалась Оливия паузой, пока мальчик перелистывал страницу.

– О да, мисс Адамсон! И по очень срочному вопросу! Дело не терпит отлагательства! Вы должны составить пару писем для моего поверенного и отправить их тотчас же, – леди Элспет поспешно поднялась из кресла и с гримасой сожаления обратилась к невестке: – Вынуждена покинуть вас, дорогая Берни. Дела не ждут.

Проходя мимо мальчика, она приласкала ребёнка и одарила его похвалой, но облегчение скрыть не сумела.

– Письма для поверенного? Но мне никогда не доводилось... – Оливия едва поспевала за хозяйкой Мэдлингтона.

Пожилая дама торопливо двигалась по коридору, подхватив пышные юбки, и девушке пришлось буквально бежать за ней.

– Ох, да не кричите вы так, – с досадой прошипела леди Элспет, обернувшись. – Не придётся вам составлять никаких писем, мне просто был нужен предлог, чтобы покинуть гостиную. Я уже дала Броттигену все необходимые распоряжения. Безусловно, Берни очень мила, да и дети просто чудо – удивительно, если знать, каков был их отец в этом возрасте! – но если что я и не переносу, так это... Скорее, сюда! – и леди Элспет толкнула неприметную дверь, – да быстрее же, что вы медлите?!

Перед тем как войти, Оливия обернулась и в самой глубине коридора увидела фигуру в чёрном. Леди Элспет решительно заперла дверь и шёпотом пожаловалась:

– Мне начинает казаться, что Берни и не думает уезжать отсюда. Сегодня она предложила мне помощь в обновлении осеннего гардероба. Осеннего, мисс Адамсон! – она в ужасе округлила глаза. – И она ходит за мной по пятам – в какой бы части поместья я ни укрылась, она настигает меня и заводит разговор о несчастном Монти. Судя по всему, она питала к нему сильные чувства и так и не оправилась от потери. Но не может ведь супруга скорбеть больше матери, правда? Это даже как-то неприлично, так выпячивать своё горе, – чопорно заключила она.

Оливии подумалось, что сама леди Элспет в этом отношении демонстрирует просто образцовую сдержанность. Пожилая дама отошла на цыпочках от двери и со вздохом произнесла:

– Я поступила так, как мне подсказывали и сердце, и совесть. Монти оставил жену и детей без гроша за душой – им просто некуда податься. И если я не приму меры, то они обоснуются в Мэдлингтоне навечно. Конечно, Джорджу будет нелегко с этим смириться, – и глаза леди Элспет злорадно блеснули в полумраке, – но я включила Бернадетту в завещание, а пока назначила ей небольшую ренту, чтобы она могла найти себе и детям пристойное жильё.

– Это очень щедро с вашей стороны, – искренне сказала Оливия. – А Джордж уже слышал об этом?

– Ещё чего не хватало! А то я не знаю, что он мне на это скажет! – леди Элспет рывком отдернула портьеры, и в комнату, будто не сдерживаемая ничем вода, хлынул свет, в котором долго ещё плясали мерцающие пылинки.

Оливия осмотрелась – все стены сплошь были заняты картинами. Солнечные лучи заскользили по золочёным рамам, высветили нежно-розовые лица представителей славного рода Понглтонов. Стараниями леди Элспет пала ещё одна пыльная преграда – и комнату, и обширный стол, заставленный фотографиями на небольших постаментах, вновь омыло светом.

– Артур называл это место Комнатой Памяти, – задумчиво произнесла она. – Последний раз я заходила сюда, когда Монти ещё был жив.

Леди Элспет взяла в руки фотографию, на которой был изображён рослый юноша в щегольском костюме – широкоплечий, с пышными усами, он стоял в непринуждённой позе, закинув на плечо крикетную битку, а за его спиной виднелись цветущие кусты жимолости и чугунная садовая скамейка. Монтгомери Понглтон был хорош собой, вот только его портила неприятная усмешка, застывшая на полных губах, и взгляд с прищуром, словно он вот-вот собирается отпустить непристойную шутку и не просто рассчитывает, а прямо-таки предвкушает всеобщее последующее неодобрение.

– Это единственная фотография, которую Артур позволил мне оставить, – леди Элспет легонько дунула на запylённое стекло. – Спасибо и на этом.

Взгляд Оливии лениво путешествовал по противоположной стене, на которой без всякого порядка висели портреты – надменная дама преклонных лет в пышной бонетке, удерживающая на коленях

пучеглазого мопса, костлявый старик в костюме для верховой езды, юная леди в сапфирово-синем платье и в шляпе с пером, – все картины, несомненно, были написаны модными в своё время художниками. Самыми любопытными Оливии показались два полотна, расположенные в центре: одно изображало лорда Артура Понглтона, высокого жёлчного мужчину с волнистыми волосами и жёсткими складками у рта, а второе являлось групповым портретом его сыновей. Оба они были выполнены в барочном духе, и от обилия пышных драпировок, ребристых колонн, поджарых гончих с вытянутыми мордами и роскошных тёмно-рубиновых одежд с золотым шитьём рябило в глазах. Пухлощёкому Джорджу, державшему в руках книгу, художник придал мечтательный вид, Монтгомери был изображён с луком и стрелами, а в лице Седрика угадывались те черты, что отличали его сейчас – неприкаянность и брюзгливость.

– Когда-то давно, сразу после замужества, я не любила сюда приходить, – призналась леди Элспет негромко, встав у Оливии за спиной. – В этой комнате я никогда не ощущала себя одной. Мне казалось, что все Понглтоны селятся сойти со своих холстов и указать мне на то, что Мэдлингтон не место для таких, как я.

– А теперь? – Оливия не поворачивалась, так и стояла к леди Элспет спиной, и та тоже оставалась неподвижной.

– А теперь я – хранительница Комнаты Памяти. И они, я вижу, смирились с этим, как смирились, что Мэдли теперь принадлежит мне. Им придётся смириться ещё и с тем, что когда-то владельцами поместья станут сыновья французской модистки. Джордж и Виктория не могут иметь детей, знаете ли.

– А как же Седрик и Присцилла?

– Седрик – наш приёмный сын. Отец Седрика, который приходился Артуру кузеном, вместе с женой отправился в плавание из Саутгемптона в апреле 1912 года, но до Нью-Йорка, как вы понимаете, они не добрались. Седрик идёт в списке наследников вторым, сразу после Джорджа, но его дети, если они появятся, не смогут претендовать на поместье. Так что когда-то владельцами земель Понглтонов станут потомки французской швеи.

Леди Элспет глухо рассмеялась, и в недобром этом смехе звучало ликующее злорадство. Оливия обернулась – движение вышло резким, неуклюжим.

Пожилая дама с вызовом смотрела на неё, хотя Оливия не произнесла ни слова. Добродушие и чувство юмора, свойственные ей обычно, сменились настороженностью, горечь воспоминаний исказила мягкие черты её лица.

– Вы, мисс Адамсон, наверное, осуждаете меня.

– О нет! Жизнь не так уж проста, чтобы кого-то осуждать.

– Да, мисс Адамсон, жизнь не так уж проста, – вздохнула леди Элспет, – моя так уж точно, даже если окружающим кажется иначе. – Отступив на шаг, она заговорила сбивчиво, сопровождая свою речь бурной жестикуляцией: – Признаться, мисс Адамсон, я так завидую вам! Завидую вашей молодости, тому, что всё у вас впереди. Поверьте, я бы душу дьяволу продала, чтобы снова стать молодой и бедной! Тогда бы я прожила свою жизнь совсем, совсем по-другому!

– И что бы вы изменили в своей жизни?

– Я бы не вышла замуж за Артура, – ответила леди Элспет. – Пошла бы на что угодно, даже сбежала бы из дома, уехала бы так далеко, что он бы не смог меня отыскать. Я никогда не была с ним счастлива, да и ни одна женщина не сумела бы стать с ним счастливой. Он... Он был дурным человеком, мисс Адамсон. Ещё до того, как жениться на мне, он очень жестоко обошёлся с одной девушкой. У неё не было родных, кроме старой матери, и защитить её было некому. Со мной вышло по-другому – на мою защиту встали отец и братья. Тогда, много лет назад, я была молоденькой смазливой дурочкой и не понимала, в какую западню угодила. Артур получил меня как трофей, как если бы долго преследовал и подстрелил одного из оленей в своих охотничьих угодьях. Он не любил меня – о нет, это чувство ему было незнакомо! Он умел лишь испытывать жажду обладания. Он брал то, что ему было нужно, и становился полноправным владельцем, а чувства всегда считал уделом слабаков. Когда у Седрика появились затруднения, он без колебаний выставил его из Мэдлингтона. Одному богу известно, чего тот натерпелся, пока не встретил Присциллу. Она спасла его, мисс Адамсон, буквально спасла! Бедный мальчик погибал, и я ничего не могла для него сделать.

– С Монтгомери вышло так же?

Леди Элспет прикрыла глаза и кивнула. Щёки её окрасил румянец, и она нехотя призналась:

– Монти был сущим наказанием, что правда, то правда. Но мы и помыслить не могли, что он... Я, конечно, слышала о таком... Порой юноши не могут разобраться в себе и допускают некоторые вольности. Но для Артура, конечно, он просто перестал существовать.

Оливия не слишком стремилась знать все тайны семьи Понглтон, но и прервать леди Элспет она сейчас не смела. Пожилая дама так разволновалась, что её пришлось усадить в кресло, стоявшее возле стола с фотографиями, и распахнуть высокое окно. Ветер тут же ворвался в Комнату Памяти, заиграл кистями портьер. Стали слышны звуки, доносившиеся с лужайки – стук молотков и голоса рабочих. Ветер откуда-то принёс обрывки песни, но у Оливии всё равно было такое чувство, будто они с леди Элспет находятся наверху самой высокой башни, и всё, происходящее там, внизу, не имеет к ним сейчас никакого отношения.

– Артур раскаялся только после несчастного случая, когда жить ему оставалось считанные часы, – продолжила леди Элспет бесстрастно. – К тому времени миновал уже год, как бедный Монти, высланный с родины без права возвращения, лишённый всякой связи с домом, упокоился с миром. Из-за падения с лошади на Артура было страшно смотреть – я до сих пор без содрогания не могу вспоминать всё случившееся! У него мутилось сознание, и он всё хрипел одно и то же – что видит тех, кого уже нет в живых, что знает, на этот раз пришли за ним. Умирал тяжело, не дай бог никому так мучиться. Хватал меня за руки, сжимал их и заставлял себя слушать. Не отпускал ни на миг, точно хотел забрать с собой в могилу. Мне пришлось ещё несколько недель после похорон носить перчатки, так ужасно выглядели мои руки – распухшие, в синих пятнах.

Леди Элспет расцепила руки – всё время, что она исповедовалась, крепко сжатые в замок, – и приподняла их, и Оливия, повинувшись порыву, приняла её ладони в свои и поразились их ледяной неподвижности.

– Вы такая славная, мисс Адамсон, – пожилая дама, вроде бы успокоившись, благодарно ей улыбнулась. – Мне стыдно, что я так расчувствовалась перед вами. В этой комнате на меня всегда находит страшная тоска, поэтому я здесь почти не бываю. Вот, выболтала вам все грязные семейные тайны, хотя вы ничем не заслужили такого наказания.

– Вы можете называть меня Оливией, леди Элспет. И не стоит так переживать. За годы скитаний по дешёвым пансионам чего только не узнаешь о людях, – Оливия не хотела продолжать, но собеседница так пытливо на неё смотрела, что ей пришлось: – Двери чуть толще картона, стены – кажется, ткни пальцем, и появится дырка. Все людские слабости видны как на ладони. Да и от детей никто не скрывается. Их мало замечают. Порой я чувствовала себя невидимкой. Достаточно было сидеть тихо и не вмешиваться в разговоры взрослых, и тогда они начинали болтать о том, что их на самом деле волновало. Некоторые пансионы походили на вокзальный перрон – совершенно разные люди оказывались в одном месте и были вынуждены беседовать друг с другом. Однако всех жильцов объединяло что-то общее – какое-то сиротское бесприютное чувство, заставляющее их каждые несколько дней снова собирать чемоданы и спешить в следующий городок, где будет в точности такой же пансион с отсыревшими обоями над кроватью и плоскими подушками в засаленных наволочках. И мы с братом вслед за матерью непрерывно собирали и разбирали чемоданы, даже не пытаюсь запомнить, как зовут наших соседей или хозяйку пансиона. В своих странствиях мы встречали и дурных, и хороших людей – подчас их было не отличить друг от друга, в таком отчаянии они находились. Кто-то из них ещё пытался сохранить достоинство и надежду на лучшую участь, но были и те, кто хорошо понимал, что утратил возможность вернуться в прежнее общество. Нам с братом принадлежали роли наблюдателей, и нельзя сказать, чтобы мы этим пренебрегали. Подобная жизнь рано раскрывает глаза на неприглядные стороны человеческой природы, леди Элспет.

Оливия сама от себя не ожидала подобной откровенности. Смутившись, она встала и подошла к раскрытому настежь окну, взглянула вниз и сразу отшатнулась – такой манящей, затягивающей была пустота под ногами. Мгновенно приняв решение, она повернулась к леди Элспет:

– Вы знаете, у меня только что состоялся любопытный разговор с Викторией Понглтон.

И она без утайки рассказала пожилой даме о его содержании, смягчая выражения, чтобы не ранить её чувства. Однако предосторожности оказались излишними. Леди Элспет чуть в ладоши

не захлопала оттого, что ей представилась превосходная возможность позлить невестку с сыном.

– Вы подали мне отличную идею, мисс Адамсон, и я в большом долгу перед вами, – она с признательностью кивнула Оливии. – И если вы не откажетесь немного помочь мне, то мы поступим следующим образом...

* * *

Джордж Понглтон не слишком часто утруждал себя хозяйственными хлопотами, а такие утомительные упражнения, как пробежки под палящим солнцем от одной группы рабочих до другой и вовсе были противопоказаны его тучному телу. Добившись, чтобы помост у часовни разобрали и начали строительство в соответствии с планом, он посчитал свою задачу выполненной и с чувством облегчения отправился под прохладные своды Мэдлингтона.

У себя в комнате он наполнил таз водой из фарфорового кувшина и поплескал на лицо и шею, а затем сменил рубашку. Выглянул в окно, удостоверился, что Седрик всё ещё бродит среди рабочих, и решительно дёрнул за сонетку.

Прошло пять минут, затем десять, но никто из слуг так и не явился. Джордж нахмурился и собрался было уже спуститься в кухню, как в дверь постучали.

– Прошу прощения за задержку, сэр, но на кухне произошла маленькая неприятность. Анна никак не может сейчас оставить миссис Вайсли, кухарку. Чем я могу быть вам полезен?

– Передай мисс Адамсон, что я хочу её видеть, и проводи её в кабинет. Мы выпьем чаю.

– Слушаюсь, сэр, – Хигнетт кивнул и вышел, по пути ловким движением поправив криво висевшую на стене картину.

Кабинет покойного лорда Понглтона был для Джорджа самым притягательным местом во всём поместье. Ещё мальчиком он благоговел перед отцом, который сидел или за огромным столом, разбирая бумаги, или в кожаном, цвета сочного мха, кресле у камина, задумчиво глядя на огонь. Тут всегда было тихо, сумрачно и гулко – кабинет был обустроен в одной из сторожевых башен, – и сверху, из

стрельчатого витражного окна, торжественно струился свет на многочисленные таинственные предметы: астролябии, глобусы, раскрытые книги в кожаных переплётках с золотым тиснением, сваленные грудками на рабочих столах, чучела любимых гончих, бронзовые скульптуры. В вечернее время слугами зажигалось множество ламп, и, если полузакрыть глаза, их мерцающий опаловый свет мягко окутывал обстановку, превращая фигуру отца, предававшегося своим таинственным занятиям, в неподвижный, расплывчатый силуэт. Джорджу, как первенцу и будущему наследнику, единственному разрешалось приходить сюда, с неременным условием, что он не проронит ни звука и не станет помехой отцу в его делах. И Седрик, и Монтомгери были лишены такой привилегии, и это наполняло душу маленького Джорджа благодарностью и ощущением избранности.

Войдя в кабинет и усевшись в мягкое кожаное кресло, он с удовлетворением откинулся на спинку и погрузился в привычные мечты о том времени, когда Мэдлингтон станет его собственностью, но вскоре его уединение нарушил стук в дверь. На пороге появилась компаньонка матери, одетая, как с неудовольствием отметил Джордж, по возмутительной современной моде.

– Входите же, мисс Адамсон, – попытался он быть радушным и приветливым. – Я подумал, что вам будет приятно осмотреть дом и выпить чашку чая после дневных хлопот.

Никак не выказав своего удивления таким любезным предложением, Оливия устроилась в кресле, стоявшем напротив Джорджа, и, благодарно кивнув, приняла чашку, наполненную крепким ароматным чаем.

– Я доволен, что вы подружились с Викторией, – без обиняков объявил Джордж, не считая нужным ходить вокруг да около с этой девицей, оказавшейся падкой на обещанное вознаграждение. – Как вы и сами могли заметить, моя мать в своих действиях не всегда руководствуется интересами семьи. Скорее, наоборот, ею движет невероятный эгоизм, – он заглянул в свою чашку и медленными кругообразными движениями покачал её, наблюдая, как чайники скользят по белоснежному фарфору.

Оливия молчала и смотрела на него со странной заинтересованностью. Из своей чашки она не сделала ни глотка, но

продолжала держать её в руках, словно грела озябшие пальцы. Под её взглядом Джорджу стало до того неудобно, что он неуклюже выбрался из кресла и отошёл к камину. Теперь он хорошо видел лицо собеседницы, при этом сам скрывался в тени.

– Понимаете, мисс Адамсон, мы с матерью никогда не были особенно близки, и никакого влияния на неё я не имею. Будучи женщиной неглупой, но крайне легкомысленной, она не в состоянии понять очевидных вещей. У неё отсутствует кровная связь с Мэдлингтоном, и, что страшит меня больше всего, она не собирается и палец о палец ударить, чтобы вернуть поместью надлежащий вид. Иногда мне кажется, что она считает своей задачей сделать всё, чтобы род Понглтонов больше не вернул себе славные дни.

Оливия подумала, что для будущего политика Джордж Понглтон явно лишён необходимой в этой деятельности дипломатической тонкости.

– Если я правильно вас поняла, мистер Понглтон, вы намереваетесь возродить Мэдлингтон?

Джордж сделал стремительный шаг вперёд, попав в полосу света, и Оливия поразилась тому, какое фанатичное выражение приняло его лицо.

– Да, мисс Адамсон, именно так, и никак иначе! Я старший сын в роду, и это моя прямая обязанность. Но без капитала реконструкция поместья немыслима, невозможна! Полагаю, мисс Адамсон, вы слышали о том, какие невероятные суммы составляет налог на наследство.

– А леди Элспет, как можно заметить со стороны, не отличается бережливостью, – бесстрастно произнесла Оливия.

– Всё так, мисс Адамсон, всё так, – кивнул Джордж Понглтон. – Я бы даже сказал, что со стороны её поведение выглядит вопиющим расточительством, – и он многозначительно умолк.

Оливия, втайне забавляясь незатейливостью его тактики, подала ему следующую реплику:

– То есть, если я всё правильно понимаю, вы хотели бы знать, кому леди Элспет собирается завещать капитал? Ну, или то, что от него останется, – добавила она не без умысла.

На лице Джорджа расцвёл апоплексический румянец. Он одним глотком допил остатки чая, вновь наполнил чашку и встал у окна.

Послеполуденное солнце осветило всю его тучную фигуру – сутулые плечи, обиженно выпяченный подбородок, выступающий живот, большую голову с крупными мясистыми ушами.

– Британия стоит на пороге новой войны, мисс Адамсон. Закрывать глаза на этот факт попросту глупо. Тот мир, что мы наблюдаем, скоро перестанет существовать и останется только в наших воспоминаниях.

– Вы имеете в виду события, что происходят сейчас в Германии?

– И это тоже, – Джордж кивнул и, поощряемый вниманием собеседницы, пустился в откровения: – Я, мисс Адамсон, не делец, а стратег. Я обладаю даром политического предвидения и считаю, что мы не должны враждовать с Германией. Всем будет только лучше, если мы установим с её лидерами взаимовыгодное сотрудничество. Мэдлингтон, располагающийся в сердце Йоркшира, в этом отношении представляется мне идеальным плацдармом для упрочнения дипломатических связей с германскими властями. Однако поместье нуждается в немедленной реконструкции, а для этого потребуются довольно внушительные суммы. И скажу прямо, мисс Адамсон, – тут Джордж, надо отдать ему должное, слегка смутился, – я готов пообещать приличную сумму – скажем, двести фунтов! – тому, кто возьмёт на себя труд заставить мою мать внять голосу рассудка и изменить завещание в мою пользу. Надеюсь, вы понимаете, о чём я?

Оливия по-прежнему сохраняла бесстрастность, хотя это и стоило ей немало труда, но Джордж с такой наглой настойчивостью смотрел на неё, его глаза горели таким предвкушающим близкую выгоду блеском, что она не выдержала:

– О, мистер Понглтон, я всё отлично понимаю! Но вот какая незадача: леди Элспет уже приняла решение по поводу завещания. Она собирается оставить весь капитал мистеру Седрику. Она сама мне об этом сказала, буквально с четверть часа назад.

* * *

К великой досаде Анны, миссис Вайсли по-прежнему чувствовала себя нездоровой, и по всему выходило, что ранний ужин, который решили подать вместо чая, придётся готовить ей самой. Были

испробованы все надёжные средства, чтобы поставить кухарку на ноги: каломель, пилюли Бичема, нюхательные соли, ложечка хинной настойки и снадобье с невообразимо отвратительным запахом и вкусом под выспренным названием «Универсальная тонизирующая микстура для дам и джентльменов, пекущихся о своём здоровье и желающих сохранить бодрость духа и избавиться от телесной слабости», но миссис Вайсли продолжала держаться за грудь и тяжело дышать.

Анна повела её наверх и всю дорогу с подозрением приноживалась к ней и присматривалась – нездоровое пристрастие кухарки к хересу ни для кого не являлось секретом. Оставив миссис Вайсли хинную настойку и пообещав после ужина провести её и принести чашку травяного отвара, Анна поспешно отправилась в кухню, ломая голову, как выйти из сложившейся ситуации без потерь.

Тем временем леди Элспет, весьма довольная собой, закончила телефонный разговор с экономкой местного викария, мистера Рутлинга, и, положив трубку на рычаг, громко и победительно произнесла: «Вот так-то!» Она не сомневалась, что викарий примет её приглашение на ужин. В прошлом они не слишком симпатизировали друг другу, но, во-первых, время смягчает сердца, а во-вторых, на чьи жертвования (к слову, необычайно щедрые) церковь обзавелась витражным окном с изображением тайной вечери? Все свои дары леди Элспет делала от имени покойного лорда Артура Понглтона, находя в этом особое удовольствие, ведь тот терпеть не мог церковных попрошаек, как он их называл, а в последние годы жизни и вовсе отличался чрезмерной скупостью.

Из-за того, что при Седрике в Мэдлингтоне к столу не подавали ни вина, ни бренди, все собирались непосредственно перед самой трапезой в столовой. Лишённые возможности праздно поболтать и расслабиться, гости входили в обеденный зал напряжённые, ещё не сбросившие с плеч груз дневных забот.

Хигнетт, стоявший у стены, со своего места мог наблюдать за ними и слышать все их разговоры. Мастерски скрывая любопытство, он наслаждался той маленькой властью, которую дарует роль наблюдателя, и которой он был лишён большую часть времени.

Вот леди Элспет обменивается с Оскаром Финчем, вернувшимся из холмов, заговорщическими взглядами, а вот Виктория Понглтон

подаёт Джорджу знак, чтобы он подошёл к ней ближе. «Ну что, ты поговорил с ней насчёт завещания?» – разобрал дворецкий её шёпот. «Да, и она согласна», – ответил Джордж, весь горя от возбуждения.

Сердце Хигнетта забилося чаще. Виктория и Джордж, несомненно, представляли серьёзную угрозу его плану. Их слаженные действия могли поколебать решимость хозяйки и вынудить её изменить условия завещания. Чтобы услышать дальнейший разговор, он сделал вид, что одна из ваз с оранжерейными пенстемонами нуждается в том, чтобы её передвинули. Весь обратившийся в слух, дворецкий не заметил, что разговор супружеской пары интересует не только его – Оскар Финч тоже внезапно ощутил настоятельную потребность полюбоваться тем же цветочным букетом.

К разговорам Седрика и Присциллы прислушиваться надобности не было – супруги болтали громко, ни от кого не скрываясь и по обыкновению обсуждая то ли новый законопроект парламента и его последствия для фабричных рабочих, то ли требования, выдвинутые забастовщиками на текстильной фабрике в Шеффилде.

Леди Элспет, Бернадетта и Оливия образовали небольшой кружок, в котором с энтузиазмом обсуждали дальнейшую подготовку к празднеству, которая должна была начаться после ужина. Правда, Оливия заметно скисла и перестала принимать участие в разговоре, когда узнала, что речь идёт о вышивке и шитье вещиц для благотворительного аукциона.

За стол сели, когда прибыл викарий – маленький, пухлый человечек с лучистым взглядом ярко-голубых глаз и такой медоточивой улыбкой, что, как шутили его прихожане, ею можно было бы сдабривать чай вместо сахара. Расточая дифирамбы леди Элспет о щедрости её недавнего пожертвования (Джордж, услышав это, побагровел и многозначительно переглянулся с Викторией), викарий сыпал беззубыми остротами, над которыми сам же и смеялся озорным мальчишечьим смехом.

Подали холодный ужин, и, хотя блюда не могли претендовать на вершину кулинарного мастерства, по сравнению со стряпнёй миссис Вайсли это были изысканнейшие яства. Оливия, разрезая холодный ростбиф, присланный из трактира, искренне рассмеялась над словами Джорджа о том, что этим вечером их плоть не будет умерщвлена печёным ревенём, и грешники навлекут на себя причитающееся им.

Атмосфера в столовой ничем не напоминала прежние трапезы – разговор вёлся крайне оживлённо, и то и дело за разными концами стола вспыхивал смех, словно присутствие викария заставляло всех играть навязанные им роли. Сам преподобный, казалось, получает огромное удовольствие от визита в Мэдлингтон, возросшее тем более, когда леди Элспет обратилась к нему с вопросом:

– А что вы скажете, викарий, о состоянии, в котором пребывает приходская школа? Недавно я проезжала мимо неё, и, надо сказать, выглядит здание плачевно.

Вся весёлость мгновенно слетела с мистера Рутлинга. Смиренно склонив голову, он молитвенно сложил пухлые ладони и возвёл очи горе.

– О, как вы внимательны, дорогая леди Элспет! И дня не проходит, уверяю вас, чтобы я не думал о том, как, какими силами суметь справиться с ветхостью и разрухой! Но в нашем земном мире, к великому сожалению, недостаточно чистых помыслов, чтобы...

– И сиротский приют совсем обветшал, – продолжила леди Элспет, пренебрегая этикетом и накалывая зелёный горошек на вилку. – Крыша выглядит прохудившейся, ставни многих окон разошлись. В приюте наверняка гуляют сквозняки. Мне думается, что несчастные дети, оставшиеся без родительского попечения, не заслуживают такой жизни.

Викарий со скорбным сожалением покачал головой и повторил как эхо:

– Не заслуживают такой жизни...

– Я просто не могу выкинуть это из головы, преподобный. Когда представишь несчастных малышей, вынужденных страдать от холода, то просто сердце кровью обливается, – леди Элспет резким движением отложила приборы и притронулась ладонью к виску, как если бы перед её внутренним взором стояли шеренги маленьких окоченевших сирот с синими от холода губами.

– Сердце кровью обливается... – вторил ей преподобный.

– У нас во Фроингеме такие суровые зимы! И о бедных детях совсем некому позаботиться, – в голосе леди Элспет слышалось неподдельное страдание. – Господь милостив в своём гневе, ведь он ниспослал этим детям испытание, но им требуется не только тёплый

дом, но и хорошее питание, и добротная одежда. И на всё это нужны, как мне думается, немалые средства.

Мистер Рутлинг испустил долгий вздох, в глазах его засветилась надежда.

– Покойный лорд Артур Понглтон, мне помнится, был чрезвычайно озабочен состоянием детского приюта, – без зазрения совести солгала леди Элспет, принимаясь за чёрный пудинг. – Он частенько повторял мне: «Элспет, дорогая, мы не вправе думать только о себе. Наш долг заботиться о тех несчастных, кому повезло намного меньше, чем нам». И я полностью с ним согласна, преподобный. Однако приют никогда не заменит ребёнку любящую семью, – вздохнула она с грустью. – Вспомнить хотя бы ту девчущку, которую лет двадцать назад обнаружили на церковном крыльце. Ребёнок был ростом не выше собаки и не говорил ни словечка, но потом, когда я нашла ей приёмных родителей, девочка расцвела, – леди Элспет изобразила руками нечто, символизирующее собой пышное цветение. – Да, детям необходима любовь, преподобный, – она вновь вздохнула. – Но им также требуется и питательная еда, и тёплая одежда, и чистая удобная постель.

Викарий с таким чувством прижал ладонь к груди и закатил глаза, что стал похож на ярмарочного комика. Джордж к этому моменту уже с трудом подавлял желание вмешаться, и сдерживал его лишь хмурый и спокойный взгляд Виктории. Остальные тоже наблюдали за сценой со всевозрастающим интересом, однако леди Элспет, вдруг оставив викария в покое и игнорируя его алчущий продолжения беседы взгляд, отвлеклась и начала разговор с Бернадеттой, расспрашивая её о мальчиках и делясь с ней воспоминаниями о детстве своих сыновей.

Ужин уже подходил к концу, когда леди Элспет громко обратилась к Оливии деловым тоном:

– Мисс Адамсон, не забудьте напомнить мне сразу после праздника о том, чтобы я пригласила в Мэдлингтон своего поверенного. Мне необходимо срочно обсудить с ним кое-что крайне важное.

Заявление это возымело странный эффект – все, кто находился в столовой, на мгновение замерли, словно ударил колокол, и они прислушивались к тому, как угасают в воздухе гулкие вибрации.

После ужина мужчины отправились в библиотеку, а дамы в малую гостиную. К ужасу Оливии, которой в пансионе Святой Урсулы так и не смогли привить любовь к рукоделию, в Мэдлингтоне уже много лет существовала традиция, согласно которой все женщины семейства Понглтон, в том числе и слуги, шили изящные вещицы для благотворительного аукциона. К делу привлекли даже Анну, которая с хмурым видом сидела на краешке стула и неловко держала пальцы.

Горничная демонстративно шмыгала носом и протыкала ткань длинной иглой так, будто всаживала шпагу в противника. Этим вечером в трактире устраивали танцы, и Анна знала, что веснушчатый сын мельника, увидев, что она не смогла прийти, быстро утешится и пригласит на танец роз и шипов белобрысую Айви, а та, дурёха, и рада будет, что отбила чужого кавалера.

Виктория Понглтон и в этой ситуации не оставила начальственных манер. Она быстро распределила работу: Бернадетту усадила за раскрой ткани, леди Элспет позволила заняться игольницами и саше (что было самым несложным, по мнению Оливии), а остальным пришлось корпеть над полотняными салфетками. Виктория тоже от работы не отлынивала – она оказалась на удивление искусной рукодельницей. Стежок за стежком под её иглой на тонком полотне расцветали нежно-сиреневые ирисы, голубые колокольчики, жёлтые настурции и зелёные веточки остролиста. За работой она успевала следить за тем, что делают остальные, и Оливия, которая пока могла похвастаться лишь одиноким пожухлым маком, украсившим уголок салфетки, вскоре от души её невзлюбила.

Бернадетта, попав в свою стихию, стала держать себя увереннее и даже осмелилась дать пару советов леди Элспет. Позолоченные ножницы быстро двигались в проворных руках француженки, когда она раскраивала податливый крошащийся бархат для изящных саше или нежную кисею для отделки.

Присцилла же, с самого начала отгородившаяся от Виктории каминным экраном и сидевшая чуть поодаль от всех, со значением пояснила, выкладывая на столик для рукоделия рулон грубого холста и моток тесьмы: «Бедные люди предпочитают практичные вещи». К концу вечера перед ней выросла горка вполне симпатичных мешочков для круп, украшенных скромным голландским шитьём.

Письмо от Филиппа Оливия прочла только когда легла в постель, обессиленная после долгого дня, с гудящими ногами и пальцами, исколотыми, будто игольные подушечки.

Брат был, как и всегда, немногословен.

«Буду во Фроингеме завтра утром. Остановлюсь в “Розе и короне”. Есть хорошие новости от оценщика. Нипочём не угадаешь, кого я встретил на днях. Подсказка: это тот, чьё имя ты не запомнила.

P.S: чёрт возьми, Оливия, во что ты ввязалась на этот раз?»

Под текстом небрежно была изображена гневливо оскалившаяся демоническая рожица с витыми козлиными рогами и кудрявой бородой. У Оливии вырвался смешок – демон был вылитый мистер Глински из десятой комнаты, любитель портера, жареных овечьих ножек и бесед о вреде всеобщего образования и избирательного права для женщин.

Пока она читала коротенькое письмо с пляшущими строчками – почерк у Филиппа был отвратительным, и одни буквы стелились по листу бумаги, как пригибаемые ветром полевые травы, а другие вздымались острыми шпильями, пронзая обитателей верхней строки, – где-то внутри оживало, разгоралось предвкушение встречи. Проведя много лет в разлуке, близнецы теперь каждое расставание воспринимали крайне болезненно, чем и объяснялся холодноватый тон письма.

Вкрадчивые июньские сумерки медленно вползали в комнату, стирали очертания платяного шкафа, массивного бюро со множеством выдвижных ящичков и деревянной резной ширмы высотой в полтора человеческих роста, чьей родиной была жаркая пряная Индия. Из распахнутого окна доносилось сладостное пение сверчков, и какая-то птица нежно выпевала историю своей любви – то жалобно, с надрывом, как в старинной ирландской балладе, то бравурно, с живостью и нарочитым легкомыслием певички из варьете.

Оливия дурашливо пропела на тот же манер: «За-а-автра-а, за-а-автра, непреме-е-енно за-а-автра, и нипочём не угадать хороших новостей». Птичьи трели смолкли, птаха явно не ожидала встретить соперницу, да ещё столь наглým образом посягающую на её репертуар. Оливия убрала письмо в сумочку, которую держала рядом, на прикроватном столике, откинулась на прохладные льняные подушки и

закрыла глаза, позволяя усталости взять верх. На душе у неё впервые за несколько дней было легко, и будущее представлялось ей безоблачным.

Глава восьмая, в которой горничная Анна обнаруживает пропажу песочных грелок, Виктория Понглтон находит в тисовых зарослях лестницу, а надежды и мечты Оливии разбиваются вдребезги

С самого раннего утра в поместье кипела работа. Времени оставалось совсем немного, а сделать ещё предстояло порядочно. Оба помоста были готовы, но второй, который перенесли к зарослям рододендронов, был сколочен грубо, наспех, и Джордж остался чрезвычайно недоволен этим фактом.

Зато шатры обустроили как надо – и обтянули алым шёлком, и водрузили флаги с гербом Понглтонов, – они преобразили лужайку, казалось, даже угрюмый по обыкновению дом исподлобья одобрительно посматривает на возню у своего брюха.

Всех, кроме несчастной кухарки, которой за ночь так и не стало лучше, охватило радостное волнение. Во время завтрака (сплошные консервы, фасоль в кислом бледном соусе и заметно подгоревшие булочки), все оживлённо обсуждали завтрашнюю погоду. Седрик, мнящий себя знатоком народных примет, на полном серьёзе утверждал, что перед рассветом видел, как на флюгер домика садовника уселась галка, что предрекало, по его мнению, дождливую погоду.

– Чепуха, Седрик, – отмахнулась от его пророчеств леди Элспет, – не городи ерунды. В день летнего праздника всегда солнечно. Не припомню ни одного года, когда бы лил дождь, – и таким же категоричным тоном объявила: – Кстати, надо решить, кто в этом году будет вручать награды фермерам. Может быть, ты, Присцилла?

– Она уже вручала их в прошлом году, – вмешался Седрик. – Может быть, этим займётся Виктория?

– Я разливаю чай в чайной палатке, – Виктория пожала монументальными плечами и, равнодушная к разыгравшемуся спору, вся погруженная в какие-то свои мысли, рассеянно взяла с подноса неказистую булочку с обуглившимся краешком.

Седрик, придвинув к себе розетку с остатками мармелада, сварливо предложил:

– Ну, так пусть Джордж вручает награды. В конце концов, он носит гетры.

– А я говорю, что вручать их фермерам будешь ты, – заключила леди Элспет тоном, не терпящим возражений, после чего поспешно покинула столовую.

– Вот всегда так! – пожаловался Седрик Оливии. – Вся чёрная работа достаётся мне, а Джордж прохлаждается в тенёчке.

Виктория сочла необходимым возмутиться таким утверждением, но Оливия не стала слушать дальнейшую перебранку и, извинившись, отправилась на поиски леди Элспет.

В длинном сумрачном коридоре было пусто. Оливия напрягла слух, но звуков шагов не уловила. Вздохнув и в который раз поразившись прыти пожилой дамы, девушка направилась в сторону кухни.

Коридоры Мэдлингтона и в самый солнечный день были наполнены сумраком. Крошечные окна, больше похожие на бойницы, были устроены высоко наверху, под самыми перекрытиями, и сочившийся через них свет освещал лишь каменную кладку сводов, не решаясь спуститься ниже. После залитой солнцем столовой глаза Оливии долго не могли обрести зоркость, и она медленно брела, одной рукой касаясь шершавой каменной стены.

– Не стоит переживать, она кажется мне совершенно безобидной, – вдруг отчётливо произнёс кто-то рядом.

Голос был мужским, и Оливии он показался знакомым.

– Нет-нет, даже не думай об этом. Ты погубишь нас обоих. Она часто меняет решения, может поступить так и на этот раз. Я подумаю, как можно этого избежать, но у нас есть только пара дней, не больше.

Звуки доносились из-за неплотно прикрытой двери то ли кладовой, то ли буфетной. Оливия огляделась и подошла чуть ближе. Слова второго участника беседы ей разобрать не удалось, как она ни прислушивалась.

– Разумеется, необходимо соблюдать осторожность. Но и так себя терзать, как это делаешь ты, тоже ни к чему. Просто будь с ней полюбезнее, вот и всё. А теперь мне пора, я и так уже порядком задержался.

После этих слов Оливия ударились в панику. Сомнений в том, что двое уединились для конфиденциальной беседы, не предназначенной для чужих ушей, у неё не было, и обнаруживать своё присутствие она ни в коем случае не хотела. Стремительно, на носочках, стараясь не издавать ни звука, она подбежала к ближайшей двери и толкнула её. Дверь сначала чуть поддавалась, а затем застопорилась, как если бы кто-то удерживал её изнутри.

Она надавила сильнее и проскользнула внутрь. За спиной раздался шорох, и Оливия, не выносившая крыс, со страхом обернулась.

Перед ней стояла Анна с видом одновременно и пристыжённым, и вызывающим. Поколебавшись всего мгновение, она нехотя объяснилась:

– Миссис Вайсли стало немного лучше, но она всё ещё очень слаба, и я пришла поискать песочные грелки, чтобы подогреть её постель, мисс.

Оливия непроизвольно посмотрела на пустые руки горничной.

– В этом доме, мисс, может пропасть всё что угодно, – вспыхнула Анна, заметив, что Оливия не верит ей. – Всё дело в том, что некому содержать его в порядке. Для Хигнетта это непосильная ноша, а мне в одиночку не управиться.

Раздосадованная тем, что ей пришлось оправдываться перед компаньонкой, Анна гордо вскинула голову и прошествовала мимо Оливии с видом оскорблённой добродетели. Та осталась стоять, рассеянно глядя ей вслед и размышляя, как много успела услышать горничная. Когда Оливия вышла в коридор, он снова был тих и безлюден. Наверху, под сводчатым потолком, плавно клубились пылинки, будто через окна-бойницы в замок пыталось проникнуть призрачное нечто.

В трактире «Роза и корона» Айви вот уже полчаса пыталась разговорить высокого красавчика с рыжеватыми усами, который сидел у самого окна и то и дело поглядывал на часы. На полу возле его ног стоял пузатый саквояж, потрёпанный настолько, что кожа задубела и приобрела цвет выдержанного портвейна. Одет молодой мужчина был небрежно, но не без шика, а на фоне обычной трактирной публики и вовсе выглядел как лондонский щеголь. С Айви он был безукоризненно вежлив, но от беседы уклонялся и сам задавать вопросы не спешил.

В конце концов она прекратила попытки вовлечь его в разговор и принялась за своё обычное занятие в тот час, когда трактир не мог похвастаться большим количеством публики – чтение иллюстрированных журналов о жизни кинозвёзд и театральных актрис.

Хлопнула дверь, и в трактир вошла та девушка, о которой рассказывала Анна. Айви внимательно её оглядела, кивнула ей несколько суше, чем до того, как узнала, что она не гостья леди Элспет, а всего-навсего компаньонка, и весьма бездарно сделала вид, что её ничуть не интересует, свидание здесь у кого-то или нет. Скосив глаза таким образом, что у менее опытного в делах подглядывания человека закружилась бы голова, Айви увидела, как парочка взялась за руки и сблизилась. Длилось это недолго, но Айви обрадовалась – теперь ей будет что рассказать Анне, когда они встретятся вечером.

– Говори тише, умоляю! – прошипела Оливия в лицо брату, что есть силы сжимая его ладони. – Эта девица за стойкой – вся огромное ухо!

Филипп хохотнул, но послушно перешёл на шёпот:

– Оливия, скажи на милость, в какую историю ты угодила на этот раз? Сначала ты звонишь и что-то лепечешь в трубку, потом выясняется, что ты застряла в Йоркшире, попав в услужение к леди, с которой познакомилась в поезде. Я уже начал думать, что тебя похитили, и тебе требуется помощь.

Филипп смотрел на Оливию с наигранной строгостью, но она знала, как сильно он рад её видеть. Разлука давалась близнецам непросто, и теперь, когда они снова воссоединились, у неё отлегло от сердца и все недобрые предчувствия, которые терзали её почти с самого приезда в Мэдлингтон, испарились.

Пока Оливия рассказывала брату события последних дней, Айви, устроившись с журналом за стойкой хитроумным и не раз опробованным способом, продолжала их разглядывать. Что-то в облике обоих не давало ей покоя, и прошло не меньше получаса, пока она (скажем честно, не отличавшаяся большой сообразительностью) поняла, что секретничающие посетители – едва ли не точные копии друг друга. Пристально наблюдая за ними, можно было заметить, что их жесты зеркальны – когда один подносил правую руку к лицу, другой в это же мгновение повторял движение левой. Кроме того, их роднили и черты лица, и сложение высоких стройных тел, а когда дверь трактира с громким хлопком закрылась за вошедшим мистером Кенни, оба они разом повернулись к старому фермеру, и на их лицах появились одинаковые рассеянно-вежливые улыбки.

– Да уж... – протянул Филипп, откидываясь на стуле и разглядывая сестру, как любопытный экземпляр, попавшийся на рыбалке. – Большой глупости, признаться, я ещё не слышал. Согласиться на место компаньонки вот так, с бухты-барахты... Такой поступок сложно назвать взвешенным решением, не так ли?

– Мне просто стало жаль её, – пожала плечами Оливия, не принимая насмешливого тона брата. – И ещё она была очень убедительна. Это как-то само собой вышло, понимаешь?

Филипп отрицательно покачал головой, скептически поджав губы, но глаза его смеялись и над ней, и над историей, в которую она ввязалась.

– А что у тебя с руками? Ты ещё и швейей решила поработать? Удивительное перевоплощение! Давай наладим серийное производство кукол: Оливия-кружевница, Оливия-компаньонка, Оливия-воздухоплаватель, – Филипп, загибая пальцы, принялся с энтузиазмом фантазировать. – Откроем маленькую кукольную фабрику, будем продавать их по два шиллинга за штуку, в таких картонных саквояжиках, знаешь?

Оливия закатила глаза и фыркнула:

– Вот ты насмехаешься, а я чуть рассудка не лишилась. Только представь, эта жуткая Виктория заставила всех нас работать чуть не до ночи. Это длилось целую вечность! Мы шили и шили, вышивали и вышивали, и Присцилла – жена этого унылого Седрика, я тебе говорила о нём, – в какой-то момент начала петь старинную песню о

жене башмачника, и мне уже стало грезиться, что Эдуард Длинноногий со всей своей свитой вот-вот постучит в ворота замка после отражения атаки валлийцев и заставит всех преклонить перед ним колено.

– Да уж, нелегко тебе пришлось, – посочувствовал Филипп, не слишком, впрочем, проникнувшись её возмущением.

– А что у тебя? – Оливия перешла от жалоб к расспросам. – Ты писал, что кого-то встретил, и у тебя есть отличные новости.

– Помнишь Дерека? Здоровенный такой парень из одного злачного места в Сохо, куда мы как-то ездили поиграть в баккара. Он ещё называл тебя «Крошка Оливия» и угощал коктейлями.

Оливия порылась в памяти, но никакого Дерека припомнить не сумела.

– Ну, неважно, – нетерпеливо отмахнулся Филипп. – Так вот, Дерек рассказал мне об одном интересном дельце, на котором можно изрядно подзаработать. Что ты думаешь о варьете?

– Варьете?! – переспросила Оливия чересчур громко и тут же увидела, как Айви высунулась из-за стойки, не в силах пропустить ни слова. – А при чём здесь мы?

– Есть одна труппа, которая лишилась антрепренёра, – Филипп наклонился к сестре, и она, повинувшись незримому приказу, повторила его движение, отчего оба стали похожи на силуэтную открытку, где изображение балерин или волшебников в остроконечных шляпах соединяется выпуклыми частями, – и им для нового сезона необходим кто-то, кто будет улаживать все вопросы с жильём, билетами, реквизитом, арендой павильонов и тому подобные вещи.

– То есть это труппа бродячих артистов? – уточнила Оливия, как ей самой показалось, с некоторой издёвкой.

– Ну да, бродячие артисты, что здесь такого? Они что, по-твоему, недостойны нормальных условий? Чем они хуже артистов на постоянном контракте? Или что, Шекспир уже не так хорош, если смотреть его не в Ковент-Гарден? Вот не думал, что ты такая снобка.

Филипп недовольно скрестил руки на груди, взгляд его стал колючим. Оливия не захотела ссориться с братом и изобразила живейший интерес:

– А программа? У них ведь есть программа?

– Немного песенок, танцев, комических сценок, фокусов и совершенно уморительный – тебе непременно понравится! – чревовещатель с куклой, которая ну просто вылитый мистер Патодам из пансиона в Кенте, куда мы ездили прошлой весной. Она презабавным образом гнусавит и чертыхается, когда рассуждает о политике. И ещё мистер Порпин, трагик, он читает монологи и способен выжать слезу даже из каменной статуи. Ах да, и ещё дуэт сестёр Фултон. Они, конечно, никакие не сёстры, но совершенно точно по-настоящему хороши! Обе премилые, но младшая, Имоджен – невероятно талантлива! Уверен, её ждёт большое будущее, это просто вопрос времени.

– Значит, талантливая Имоджен, чревовещатель и фокусник, – бесстрастно резюмировала Оливия, не без удовольствия наблюдая, как на лице брата появляется лёгкий румянец.

– Да, я понимаю, к чему ты клонишь – труппа бродячих артистов-неудачников из тех, кто колесит по стране и выступает в любом захолустье, где есть хотя бы одна пивная. Но говорю тебе, они профессионалы своего дела. Лучшей программы я не видел! Это гарантированный, стопроцентный успех! Нужно только заменить афиши, пополнить реквизит и...

– А как же поиски дома, Филипп? – в голосе Оливии звучало такое неприкрытое разочарование, что брату стало не по себе. – Мы ведь собирались продать алмазы и купить дом, ты помнишь? Я думала, что мы оба этого хотим. Перестать скитаться, наконец-то убрать чемоданы подальше, завести приятные знакомства на новом месте?..

Филипп помрачнел и отвернулся. Потом порывисто и вместе с тем нежно взял сестру за руку:

– Олив, ну неужели тебе не хочется попробовать? Ты только представь: мы увидим и Ливерпуль, и Глазго, побываем с гастролями в Шотландии и, чем чёрт не шутит, может быть, даже поплывём в Америку! С этими ребятами можно объехать весь мир! Само собой, когда-нибудь – и очень скоро, обещаю! – мы отыщем чудесное место, в котором нам захочется остаться навсегда, но скажи мне честно, разве не великолепно перед этим повидать мир? Каждый день – новые лица, каждую неделю – новые города. До Рождества мы успеем проехать по всему побережью, а потом...

...Когда Филипп заболел очередной идеей, спорить с ним было бесполезно, это Оливия знала доподлинно. Она пристально вглядывалась в его лицо, которое изучила лучше, чем собственное, пока он, бурно жестикулируя, описывал ей прелести кочевой артистической жизни и перипетии запутанных взаимоотношений членов труппы. Никогда ещё она не видела брата таким взбудораженным, и чем больше она его слушала, тем сильнее уверялась в том, что во всей этой безумной затее есть центр притяжения для него, магнит, что не отпускает и заставляет действовать вопреки здравому смыслу и житейской логике.

Догадаться было несложно – невероятно талантливая Имоджен, несомненно, и являлась этим магнитом, и Оливия против воли ощутила неприязнь к ни в чём не повинной девушке.

* * *

Так и не сумев убедить Филиппа одуматься и бросить сомнительную затею путешествовать с артистами варьете, Оливия поспешила в Мэдлингтон, пока её не хватились.

Она шагала размашисто, торопливо, и от быстрой ходьбы под палящими лучами солнца на лбу её выступила испарина. Подумать только, кочевать по стране с труппой бродячих комедиантов и фокусников – такого не одобрила бы даже мать близнецов, сама отнюдь не отличавшаяся благоразумием. А Оливия ещё гадала, кто из них унаследовал взбалмошность Изабеллы! Дедушка Матиас, узнай он о намерениях Филиппа, не преминул бы разразиться жёлчной тирадой о яблочках и яблоньках.

Взойдя на холм, Оливия приставила ладонь козырьком ко лбу и пристально всмотрелась вниз. По лужайке сновали рабочие, с этого расстояния напоминавшие некрупных деловитых жуков. Главным объектом её поисков была Виктория Понглтон – встретиться с ней именно сейчас у Оливии не было никакого желания. Жена Джорджа была прирождённым главнокомандующим, и сопротивление её напору отнимало все силы без остатка.

Однако избежать встречи с ней не удалось. Когда Оливия почти пересекла лужайку и каменные ступени крыльца, ведущие к

вожделенной прохладе холла, были уже близко, Виктория появилась прямо перед ней, выйдя из тисовых зарослей, что окружали мрачную часовню. Лицо её было багровым – то ли от возмущения, то ли от дневного зноя, – и выглядела она запыхавшейся и несвежей.

Обе женщины от неожиданности вздрогнули, но пауза продлилась недолго:

– Ну-ка, мисс Адамсон, постойте-ка! – на ней было то же платье, что и вчера, и пробковый шлем, надвинутый так глубоко, что виднелся только римский нос с горбинкой и внушительные щёки. – Эти парни из Скиптона совсем распустились! А я говорила, что нужно нанять деревенских бездельников, всё равно половина сидит без работы после увольнений на фабрике в Шеффилде. Вы только посмотрите, что они натворили!

Оливию ничуть не интересовало, чем ещё провинились рабочие, но взглянуть всё же пришлось. В тисовых зарослях, куда её властно поманила Виктория, валялась, запутавшись в ветках, складная лестница и странная конструкция, напоминающая крест, по-видимому, одна из опор злосчастливого помоста.

– Полюбуйтесь-ка! Бросили инвентарь прямо в кусты! – Виктория тяжело дышала, словно только что пыталась вытащить лестницу самостоятельно. – Вот что, мисс Адамсон! Отыщите Хигнетта и пришлите его ко мне, и поскорее. Я не могу провести здесь целый день, мне ещё нужно проверить, как установили мою чайную палатку.

Оливия с облегчением, чуть ли не бегом, отправилась к дому, пока Виктория не передумала. Холл наполняла благословенная прохлада, и она смогла перевести дух, но дворецкого здесь не было.

Зато обнаружился Седрик Понглтон. Он как раз спускался по лестнице, погруженный, как обычно, в какие-то свои невесёлые размышления, но, заметив Оливию, быстро и как-то неприятно оживился. Его бледное лицо покраснело на скулах, губы сложились в подобие приветливой улыбки.

– Как удачно, мисс Адамсон, что я вас встретил! – фальшиво изобразил он радость, потирая бледные ладони. – Давно хотел поболтать с вами. Присцилла, моя жена, очень к вам расположена. Как вам наш славный Йоркшир? Вы ведь лондонская жительница, не так ли? Но здесь, среди холмов, просто рай земной, не правда ли? Не стану повторять, что истинная Англия именно здесь, где живут и

трудятся простые сильные люди, ежедневно отвоёвывая у земли право кормиться её щедрыми дарами. А воздух тут какой, а? Только здесь и можно дышать полной грудью. Скажу вам как на духу, мисс Адамсон, если бы не моя напряжённая деятельность на благо общества, я бы в Лондоне и дня не провёл. Ни единого дня, уж можете поверить мне!

– Здесь и правда красиво, – согласилась Оливия, опасливо делая шаг назад, так как Седрик имел неприятную привычку в процессе разговора придвигаться к собеседнику вплотную.

– Не то слово! – подхватил Седрик. – А люди здесь какие, а?! Соль земли – упорные, негибаемые! Просто невозможно безучастно смотреть на то, как из них выжимают последние соки. Вам не приходило в голову, мисс Адамсон, как несправедливо существующее мироустройство?

Седрик Понглтон стоял очень близко, и воздух в холле, ещё недавно такой прохладный, будто сгустился. Оливия вспомнила предостережение леди Элспет, но было уже поздно.

– Британия нуждается в переменах, мисс Адамсон, и пришла пора браться за дело решительно и безо всякой жалости. Времена фабианцев^[7] прошли, теперь от нас требуются действия, а не разговоры, вы согласны со мной, мисс Адамсон?

Оливия посчитала за лучшее кивнуть и отступила ещё на два шага, но Седрик этого не заметил.

– К сожалению, не все разделяют наши убеждения, мисс Адамсон, – посетовал он, вновь придвигаясь ближе. – Многие предпочитают продолжать жить иллюзиями, закрывая глаза на очевидные факты. Такова и моя мать, и мой старший брат. Они и не задумываются о том, что времена тирании эксплуататоров скоро закончатся. Да-да, мисс Адамсон, расплата грядёт! – он воздел руки, точно священник во время проповеди. В полумраке холла Седрик Понглтон казался внушительнее, чем обычно, и голос его обрёл силу. – И сейчас крайне важно понять, на какой вы стороне, потому что равнодушных не останется, уверяю вас. День, когда народные массы выйдут на улицы, чтобы разрушить мир гнёта и тирании, близок, и этого не избежать, от этого не спастись! Нам! нам с вами, мисс Адамсон, предстоит увидеть, как обратится в прах старый прогнивший мир и возникнет новый – сияющий во всём своём блеске торжества справедливости!

Седрик замолчал; он замер, широко распахнув глаза и глядя поверх головы Оливии, словно наблюдал призрачные картины всеобщего благоденствия, что наступит сразу же после грядущего утверждения нового мира. Воспользовавшись этим, Оливия отступила на три шага и оказалась в спасительной близости от коридора, ведущего к кухне. Она уже собиралась с извинениями покинуть холл, но Седрик отрезал ей путь к отступлению:

– Не помню, мисс Адамсон, говорил ли я вам, что мой старший брат, Джордж, пользуется нечестными уловками, чтобы склонить нашу мать на свою сторону? – тон его теперь был буднично прост, будто он сообщал малозначительный факт семейной биографии. – Видите ли, Джордж и Виктория – частые гости в Кливденском замке, у этих нуворишей Асторов. Именно там Джордж нахватался странных и вредных для Британии идей. Всё, чего хотят мой брат и его жена – это влияние. Капитал для них – средство войти в когорту тех, кто как неразумные дети, следует за немецким дудочником. Я не удивлюсь, если мой брат получает «Блэкшет» и близко знаком с печально известным сэром Мосли. В прошлом году, мисс Адамсон, я был в «Олимпии» и собственными глазами видел, на что способны эти люди. Если они придут к власти, то мы потеряем Британию. Мы потеряем ту страну, в которой родились.

– Мне больно вам это говорить, мистер Понглтон, – Оливии действительно нелегко было ему лгать, ведь его искренняя речь тронула её, а бессребреническая одержимость всеобщим благом была достойна уважения, – но леди Элспет приняла решение завещать весь капитал целиком вашему брату. Сожалею, но вам не стоит питать напрасных надежд, – Оливия покачала головой, отступая, и поспешила уйти, но на душе у неё было скверно.

Хигнетта она отыскала возле кухни, где он распекал Анну за плохо вычищенное серебро. Горничная с независимым, если не сказать, дерзким, видом выслушивала его справедливые нападки, время от времени нагло щурясь и поджимая губы. Нехотя дворецкий удалился, не слишком торопясь прийти на помощь Виктории Понглтон, а Оливия, поражённая внезапной догадкой, застыла на месте.

«Ну конечно!» – подумала она. – «Как я сразу не поняла! В кладовой утром был Хигнетт. Это же его манера растягивать слова,

будто они каучуковые. Вот только кто был его собеседником, и кого они обсуждали?»

У неё, по всей видимости, был такой обескураженный вид, что Анна с любопытством на неё уставилась, из-за чего и упустила возможность уликнуть наверх.

Дверь кухни распахнулась, обдав девушек жаром печей и ароматами свежей выпечки. На пороге появилась раскрасневшаяся и очень недовольная леди Элспет:

– Я уже с ног сбилась, Анна, тебя дожидаясь. Ты разве забыла, что нужна мне здесь? И вы, мисс Адамсон, не спешите уходить – нам пригодится ещё одна пара рук. Бернадетте именно сейчас вздумалось показать мальчикам оранжерею, а у нас ещё предостаточно дел.

Под лестницей царил суматоха. В отсутствие кухарки направлять работу деревенских помощниц пришлось леди Элспет, и она была этому ничуть не рада. От Присциллы толку было немного – она вот уже который час растирала в глубокой глиняной миске печёные яблоки для праздничного пунша, одновременно выпрашивая работниц о текстильной фабрике, на которой многие из них трудились, пока ту не закрыли из-за постоянных забастовок суконщиков.

Анне пришлось вооружиться прихватками и вытаскивать из печей огромные противни, а потом сгружать с них пироги и кексы на деревянный стол миссис Вайсли. Оливии вручили кастрюльку с горячей глазурью и пучок фазаньих перьев, перетянутых почтовой бечёвкой. До ланча она успела украсить несколько дюжин лимонных кексов и несметное количество имбирных пряников. Занятие это было бы даже приятным – глазурь, влажно поблескивая, сначала растекалась по поверхности, чтобы после застыть белоснежным хрустким ледком, – если бы не духота, превращающая кухню в маленький ад, пропахший корицей, ванилью и кардамоном, и страшный шум, который подняли деревенские девушки, обсуждая за работой предстоящий праздник.

Они смеялись, хвастались подготовленными нарядами, подначивали друг друга и умудрялись в этом шуме перешёптываться о кавалерах, порой совершенно непостижимым образом понимая сказанное товаркой лишь по блеску её глаз и движению губ. Дюжинами взбивались свежие яйца, вскипая пышной жёлтой пеной, деревянными ложками растирались добела фунты масла и сахара,

широкими лентами лилась в миски патока – и над всем этим изобилием витал сбивающий с ног аромат тёмного эля, подогретого с ромом и мускатным орехом.

* * *

После нескольких часов изнурительной работы Оливия ничего так не хотела, как покинуть кухню Мэдлингтона и никогда больше туда не возвращаться. Однако за ланчем выяснилось, что мечтам этим сбыться не суждено.

– Я думаю, мы не вправе взваливать всё на плечи Анны. Ей и так работы хватает с лихвой, – заметила Присцилла, надрезая по кругу корочку пирога с почками. – Анна, я ведь права? Из-за нездоровья миссис Вайсли у вас прибавилось работы, не так ли? – обратилась она к горничной, которая в это время обносила гостей рубленой печенью.

Анна замерла – в ней боролись страх перед выговором, который она непременно получит от Хигнетта, и нежелание возиться на кухне второй вечер кряду, и призналась:

– Да уж не могу сказать, мэм, что прохлаждаюсь больше положенного. И ведь на мне, мэм, и уборка вся, и с выпечкой для чайных палаток я помогаю...

– Ну-ну, Анна, мы уже поняли, как сильно ты загружена, – вмешалась леди Элспет. – Совсем необязательно превращать свой ответ в поток нескончаемых жалоб.

– Думаю, что мы в состоянии справиться с приготовлением ужина самостоятельно, – заявила Присцилла и обнадеживающе улыбнулась свекрови. – Нужно привыкать обходиться без слуг, ведь скоро все будут равны и неважно, в чьих жилах кровь аристократов, а в чьей родословной фермеры и рабочие. В кладовой я видела цесарку, корзинку с лесными грибами и свежие овощи.

– О, я могу приготовить *pintade à la sauce aux champignons*^[8]. Я отлично готовлю *pintade en sauce*, – с энтузиазмом (крайне неуместным, по мнению Оливии), быстро и радостно предложила Бернадетта. Её мальчики, видит бог, были не слишком избалованы, но та пища, которую подавали к столу здесь, в Мэдлингтоне, большей частью была просто чудовищной. – А для миссис Вайсли можно

сварить бульон. В детстве мы с братом часто хворали, и тогда мама всегда давала нам бульон с капелькой красного вина.

– Полагаю, миссис Вайсли обойдётся без капельки красного вина, – подал голос Оскар Финч, и замечание это вызвало у Джорджа ухмылку, а Седрика заставило низко опустить глаза. – В противном случае леди Элспет рискует надолго остаться без кухарки или совсем её лишиться.

Бернадетта вспыхнула, сообразив, что затронула щепетильную тему, и, покраснев, умолкла.

– А я-то думала, дорогая Берни, что вы круглая сирота, – удивилась леди Элспет. – Помнится, Монти мне писал об этом сразу после вашей свадьбы.

– Я несколько лет жила в приёмной семье, пока не попала в приют Святой Женеьевы, – пояснила Бернадетта и под пристальным взглядом дворецкого смешалась ещё больше.

До самого окончания трапезы она хранила молчание и ни на кого не смотрела, только шевелила губами в беззвучной молитве.

* * *

К большому удивлению Оливии, идея спуститься в кухню и дружно облачиться в передники вызвала энтузиазм у всех, не исключая и мужчин. Оскар Финч в шутливой манере предложил свои услуги по разделке птицы, а Седрик, гордо вскинув голову, будто совершал немислимый подвиг самоотречения, пообещал чистить шалот и грибы. Даже Виктория, что было неожиданно, явилась на кухню в клетчатом платье из грубой чесучи и с достоинством пояснила: «Мы, аристократы старой закалки, не боимся испачкать руки».

Руки тем не менее она пачкать не стала. Виктория заняла место за капитанским мостиком – усевшись в высокое кухаркино кресло, оставшееся с тех времён, когда в Мэдлингтоне штат кухонной прислуги был гораздо более многочисленным, она раздавала поручения и следила за тем, чтобы никто не остался без дела.

Несчастливая миссис Вайсли, всё ещё страдавшая от слабости и стеснения в груди, и предположить не могла, какое столпотворение происходит на вверенной её попечению территории. Две кухонные

девчонки, вытаращив глаза, с недоумением и ужасом наблюдали, высунувшись из судомойни, как в кухню пожаловали гости леди Элспет и принялись беспардонно там хозяйничать. Сама же хозяйка предпочла ускользнуть и посвятить некоторое время изучению колонки, посвящённой скачкам. Чтение это всегда расслабляло её великолепным образом, даруя отдохновение и помогая обрести ясность мыслей.

К приготовлению ужина приступили с большим воодушевлением. Всем страшно надоела и неудобоваримая стряпня миссис Вайсли, и холодные закуски, доставляемые из трактира. Бернадетта – оживлённая, с сияющими глазами, вскоре перехватила у Виктории инициативу и теперь сновала по кухне, чуть смущаясь, когда требовалось отдать кому-либо очередное поручение или проверить, насколько тщательно почистили грибы или взбили уксус с маслом для соуса. Слушались её безоговорочно – никто из присутствующих кулинарными знаниями не обладал, а компетентность француженки в этом вопросе сомнений не вызывала.

– О, мистер Понглтон, это делается совсем не так!

Возмущённая Бернадетта выхватила из рук Седрика истерзанную луковицу, от которой осталась одна сердцевина. Подоспевший вовремя Хигнетт осторожно отодвинул миску с шалотом, подсунув Седрику корзинку с морковью, и без слов принялся чистить лук, снимая тонкую кожуру и выкладывая бело-розовые сочные жемчужины в фарфоровую миску. Бернадетта благодарно ему улыбнулась, одобрительно похлопала по руке и отправилась на помощь Оскару Финчу, который никак не мог сладить с цесаркой в её теперешнем, обезглавленном, виде, хотя весьма успешно справлялся с лечением её живых юрких товарок.

Лучше всех дело спорилось у Присциллы и Оливии – на широкой доске уже высилась горка нарезанных грибов, и соус был взбит и должным образом приправлен. Они работали быстро, слаженно, в четыре руки, как если бы заниматься стряпнёй обеим было не в новинку. Оливии вообще пришлись по душе и рассудительность Присциллы, и её спокойные, основательные манеры. Чем бы она ни занималась – вышивала, хозяйничала, рассказывала о тяготах жизни фабричных рабочих или беседовала с мужем, – всё у неё выходило ладно и просто. Она не делала попыток привлечь Оливию на свою

сторону, не старалась превратить её в союзницу, и это, безусловно, делало ей честь и вызывало искреннюю симпатию.

Джордж участия в готовке не принимал вовсе и лишь хмуро на всех смотрел, дольше всех задерживаясь взглядом на Седрике. Вид у него был раздосадованный, и всем было бы легче, если бы он не мешался под ногами и покинул кухню. Седрик же, наоборот, на брата смотреть избегал и выглядел до того жалко и потерянно, что Оливию принялась грызть совесть за её вмешательство в сугубо семейные дела.

Вскоре по кухне распространились упоительные ароматы. Цесарка в окружении грибов и овощей, покрытая густым соусом с пряными травами, весело булькала в большой медной кастрюле и обещала гостям леди Элспет неземное наслаждение. Даже Джордж Понглтон приободрился и решил внести свой посильный вклад в приготовление ужина – деревянной ложкой на длинной ручке он старательно, хотя и совершенно неумело, помешивал жаркое, не обращая ни малейшего внимания ни на робкие протесты Бернадетты, ни на то, что капли соуса попадают ему на манжету рубашки.

* * *

Благодаря ли совместным усилиям, предпринятым гостями леди Элспет ради горячего ужина, или причиной тому было радостное предвкушение завтрашнего праздника, но атмосфера в столовой Мэдлингтон-Касл была не в пример теплее, чем предыдущими вечерами. Однако Оливию не покидало странное щемящее чувство (описывая его впоследствии, она употребила выражение «царапанье когтистой лапы рока», что заставило Филиппа с неудовольствием поморщиться), будто где-то рядом находится источник напряжённого злобного ожидания. Ощущение это было таким осязаемым, что ей даже пришлось мысленно одёрнуть себя: «Оливия Адамсон, сейчас же прекрати выдумывать всякий вздор!» Обычно эти слова, мысленно произносимые с интонацией миссис Тредуэлл – ужасно строгой директрисы пансиона Святой Урсулы, которая недолюбливала большинство своих подопечных и не давала себе труда это скрывать, – производили на живое воображение Оливии умиряющее действие. Но

на этот раз заклинание не помогло, и беспричинная тревога никуда не делась.

Все, кроме братьев, оживлённо принимали участие в обсуждении завтрашних событий и даже, к заметному удовольствию леди Элспет, делали ставки на то, кто в этом году первый из деревенских охотников изловит свинью, вымазанную маслом. Оскар Финч без тени сомнения предлагал в фавориты мистера Виндорма из дальних холмов, который обычно не упускал ни одной возможности побороться за главный приз – молотилку, и начинал тренировки по ловле скользкой хавроньи ещё в конце февраля. Слово дали и хмурой как туча Анне, которая решительно предложила кандидатуру старого Албота из соседней деревни, известного тем, что, несмотря на его семьдесят с лишком лет, ни одна свинья ни на одной ярмарке от него ещё не ускользала.

Бернадетта, вспыхивая всякий раз, когда принимала комплименты цесарке, была сыта одним лишь вниманием к своей скромной персоне. На её тарелке лежало птичье крылышко и малая толика овощей, и она, не умолкая ни на секунду, вела беседу сразу и с Оскаром Финчем, и с Викторией, которую этим вечером, при наличии воображения, можно было бы даже назвать любезной.

Основные хлопоты последних дней были позади. Завтрашний день сулил всем массу бесхитростных развлечений, и гости леди Элспет – все, кроме Джорджа и Седрика, – обсуждали предстоящее веселье.

Бернадетта вместе с мальчиками собиралась навестить в каждую палатку, расположенную на главной лужайке, и не пропустить ни одной возможности поговорить по душам с матерью Монти. Её не на шутку встревожили беседа свекрови с преподобным Рутлингом и намерение встретиться с поверенным, и теперь убежденность в том, что дело, ради которого она прибыла в Англию, улажено, сильно пошатнулась. Сердце Бернадетты под чёрным крепом вдовьего платья билось тревожно и часто, жаркое на её тарелке совсем остыло.

От Виктории не укрылось волнение французской вдовы. Поглощая нежнейшую цесарку, но не ощущая толком вкуса пищи, она старалась быть оживлённой и вела беседу со всей непринуждённостью опытной светской дамы, которая никогда не говорит того, что думает, и не выдаёт своих истинных мыслей ни выражением лица, ни интонацией. На самом деле в душе Виктории этим вечером бушевали

чувства такой силы, что из-за шума в ушах она еле слышала собственный голос. Точно морские волны с громким шелестом яростно атаковали песчаный берег, раз от раза всё громче и громче. На Анну она старалась не смотреть, но, не в силах совладать с собой, порой разглядывала горничную с плохо скрываемой неприязнью. Разговор сплетничающих кухонных девчонок, который Виктория подслушала сегодня, нанёс ей глубокую сердечную рану. Речь шла о горничной и о шашнях, которые она завела с Джорджем. Казалось бы, ей давно стоило привыкнуть получать подобные известия, но на этот раз Джорджа видели в тот момент, когда он передавал Анне пухлый конверт с деньгами, и этого ему прощать Виктория не собиралась. В душе её происходила яростная борьба, и жажда отмщения, питаемая женской обидой и попраным самолюбием, уверенно водрузила флаг на том месте, где раньше обреталась лояльность к супругу и его маленьким слабостям.

Присцилла Понглтон по сравнению с ней являла собой образец спокойствия и уверенности. Она шутиливо, в своей обычной манере, беседовала с Оливией и пыталась расшевелить Седрика, который сидел напротив неё и выглядел опустошённым и жалким. Будто ребёнка, она уговаривала мужа как следует поесть, расхваливая ужин и пытаясь воодушевить его силой своего энтузиазма. Попытки эти оставались тщетными, и на лице Присциллы Оливия заметила неприкрытую тревогу.

Оскар Финч тоже тревожился. Обрывки разговоров, которые он подслушал за последние дни, наводили на мысли, что положение его в Мэдлингтоне становится шатким. Трагедия заключалась в том, что он опрометчиво позволил себе принять предложение мистера Селлерса, ветеринара из Лидса, собиравшегося удалиться на покой, как только отыщет преемника и выгодно продаст ему практику. Запрошенная сумма была умеренной, все условия как нельзя более подходящими, включая двухэтажный дом с небольшим садом и просторной приёмной, и Оскар Финч не нашёл в себе сил ответить старику отказом и упустить случай наконец-то обрести подобающее жильё и статус. Он знал, что желающих приобрести практику у Селлерса немало, и если он не сможет найти деньги, то останется при своих и полжизни будет об этом сожалеть.

Хигнетт, за ужином исполняющий обязанности лакея, внимательно следил за порядком, но мысли его тоже были далеки от столовой Мэдлингтона. От завтрашнего дня он ждал многого, и это заставляло его тревожиться и пытаться предугадать возможные препятствия на пути к поставленной цели. Громкий смех, раздавшийся за столом, заставил его вздрогнуть – забывшись, смеялась Анна, – ей вторили Присцилла Понглтон и Оскар Финч. Леди Элспет предлагала заключить шуточное пари, азартно склоняя всех на свою сторону, и её предложение было принято с редкостным единодушием.

Только братья отказались участвовать в пари и сидели за разными концами стола с одинаково сварливым выражением на лицах. Леди Элспет их мрачные взгляды, которые они бросали друг на друга, приводили в восторг. Шутка, разыгранная ею при помощи Оливии, казалась ей остроумным способом немного сбить с обоих сыновей спесь и отучить их лезть не в своё дело. О том, что шутка эта станет причиной трагедии, леди Элспет, конечно, не могла знать, да и никто не мог, как бы Оливия ни убеждала впоследствии себя в обратном.

Глава девятая, в которой праздник заканчивается совсем не так, как все ожидали

Оливия проснулась на рассвете оттого, что в её сны через раскрытое окно проникла песня. Мелодия была ей знакома, но слова разобрать не получалось. Звонкий женский голос струился в затихшем воздухе, скользил атласной лентой и будил в душе странную тоску.

Небо уже полыхало рассветной палитрой, и Оливия, понимая, что не уснёт, встала и подошла к окну. Комната её выходила на северо-запад, и взошедшего солнца она не увидела, зато заметила кое-что другое. Дверь в часовню, которая всегда была заперта, теперь была приоткрыта. Оливия, любопытная, словно кошка, окончательно проснулась и после секундного колебания быстро оделась и выскользнула из комнаты.

Сама не зная, что ожидает там обнаружить, Оливия почему-то была убеждена – ей стоит поторопиться. Спускаясь почти бегом по узкой крутой лестнице чёрного хода, она запыхалась, дважды чуть не скатилась по ступенькам и сама себе не смогла бы в этот момент ответить, что её выгнало из дома в такой ранний час.

Утренняя прохлада – июньская, сладостная – проникла под лёгкую рубашку и заставила её поёжиться. Обойдя крыло дома с восточной стороны, Оливия, стараясь не бежать, торопливо устремилась к часовне. Приблизившись, она замерла и принялась оглядываться, как если бы пыталась обнаружить притаившегося в тисовых зарослях врага, а потом поднялась по ступенькам и несколько раз толкнула дверь плечом, но та не поддавалась. За этой сценой с интересом наблюдала из окна своей комнаты горничная Анна, и зрелище захватило её настолько, что вода из кувшина, наклонённого над фарфоровым тазом, лилась и лилась, пока не закапала на пол и не промочила её ночные туфли.

О выздоровлении миссис Вайсли гостям леди Элспет возвестил совершенно несъедобный завтрак. Кухарка оказалась верна себе – всё, что можно было пережарить, было сморщенным и подгоревшим, остальные же блюда выглядели таким образом, точно их вообще не касалась рука повара. После вчерашнего пира потемневшие и сморщенные кровяные колбаски и прочая снедь не вызвали аппетита ни у кого.

Наскоро выпив кофе, Джордж, по-прежнему мрачный и немногословный, отправился вместе с Финчем следить за размещением прибывших лавочников, устроителей забегов в мешках и прочих увеселений, а также торговцев сладостями, керамическими свистульками, нитяными куколками, резными табакерками, разделочными досками, полыми стеклянными скалками для раскатки теста, заполненными цветным песком или бисером, и множеством других заманчивых мелочей, от покупки которых одинаково сложно удержаться на ярмарках и деревенских праздниках и детворе, и даже степенным хозяйкам, в обычные дни экономящим каждый медяк.

Из окон столовой можно было видеть, как в ворота Мэдлингтона медленно въезжают повозки, гружённые товарами до самого верха.

– Через пару часов жизнь там, внизу, будет бурлить, словно вода в кухонном котле.

Леди Элспет улыбнулась, глаза её светились детским восторгом. Она взглянула на Оливию, которая вместе с ней наблюдала за тем, как заполняется людьми главная лужайка и как оживают декорации – палатки, помосты и наскоро сооружённые торговые ряды. Ветер трепал алую ткань шатров, которые отсюда и правда походили на яркие капли крови, упавшие на зелёный бархат и застывшие круглыми бусинами.

– Завтра, мисс Адамсон, мои сыновья и их жёны уедут в Лондон, и вы, скорее всего, покинете Мэдлингтон, – предположила леди Элспет.

Оливия не стала её разубеждать.

– Признаться, мне будет не хватать вас. Оказывается, мне не доставало именно этого – иметь рядом кого-то, кому можно доверять, – задумчиво произнесла леди Элспет. – Я рада нашему знакомству, мисс Адамсон. Вы оказали мне услугу, и двери Мэдлингтона будут всегда открыты для вас.

– Благодарю, – Оливия церемонно склонила голову и решила воспользоваться моментом, чтобы выяснить кое-что, давно её интересовавшее: – Леди Элспет, а почему фамильная часовня Понглтонов всегда заперта?

Лицо пожилой дамы приобрело странное выражение. Она внимательно посмотрела на Оливию и медленно, аккуратно подбирая слова, ответила:

– Её заперли много лет назад, мисс Адамсон, ещё до того, как я вышла замуж за Артура. А почему вы спрашиваете об этом?

– Дело в том, что сегодня утром я видела, что дверь была открыта.

– Этого не может быть, – решительно отмахнулась леди Элспет. – Ключ давно утерян.

– Но я видела!..

– Значит, вам показалось. И на вашем месте, мисс Адамсон, я бы меньше слушала то, что болтают в деревне досужие сплетники.

– Я даже спустилась и решила проверить, однако дверь была...

– Прошу прощения, что прерываю, мэм, но миссис Вайсли говорит, что выпечку для благотворительного базара необходимо как можно скорее снести в шатёр для чаепития, – Анна подошла неслышно и требовательно уставилась на леди Элспет, игнорируя Оливию.

Пожилая дама с видимым облегчением повернулась к горничной:

– Конечно, Анна. Времени-то уже сколько, господи! Принеси из кладовой все корзины, которые найдёшь, и побыстрее. Через час в поместье будет яблоку негде упасть, а у нас ещё ничего не готово.

С этими словами леди Элспет стремительно покинула столовую, и горничная еле поспевала за хозяйкой, так как та, по своему обыкновению, почти бежала. Оливия осталась стоять у окна – недоумевающая и даже пристыжённая холодной отповедью, которую так неожиданно получила. Настроение её немного улучшилось только после того, как Присцилла, прервав свой разговор с Седриком, подбодрила её доброжелательной улыбкой.

Леди Элспет была права – уже через час с небольшим на лужайке перед домом забурлила жизнь. Через широко распахнутые ворота в поместье прибывали и прибывали жители окрестных деревушек и гости из Лидса, Мидлсбро, Скиптона и Шеффилда. Фермеры в чистых отглаженных рубашках; их принарядившиеся супруги, надевшие парадные шляпки и пару лучших перчаток, что обычно томятся в

комоде, завёрнутые в фестончатую бумагу; дети всех возрастов, устраивающие суматоху и путающиеся под ногами взрослых. Всюду царила суета, и раздавались крики зазывал.

До полудня было ещё далеко, но на лужайке стало настолько тесно от обилия людей, что просто шагу было некуда ступить. Оливия утомилась двигаться в толпе и предпочла отдохнуть в одном из шатров, где разливали чай, и где можно было купить овсяную лепёшку или сэндвич с яичным паштетом. Получив чашку обжигающе горячего чаю и завёрнутый в салфетку сэндвич, она с большим трудом отыскала место в самом углу шатра и тут же была обнаружена Присциллой.

– Вот вы где, мисс Адамсон, а я вас искала, – сообщила Присцилла, усаживаясь рядом и с жадным нетерпением разворачивая бумажный свёрток, в котором были маленькие слоёные пирожки с печенью. – Через полчаса Седрик будет вручать награды фермерам, а я к тому времени должна занять своё место за прилавком в шатре с галантереей. Завтрак был совершенно несъедобен, вот я и навёрстываю упущенное, – улыбнулась она и откусила сразу половину пирожка.

Оливия поймала себя на мысли, что рада Присцилле как старому другу. Ей пришло в голову, что та может знать что-нибудь о часовне.

– Скажите, миссис Понглтон, а отчего все разводят такую таинственность вокруг старой часовни? Мне помнится, вы как-то сказали, что никому из местных не пришло бы в голову укрыться там от дождя. Отчего так?

– Ну надо же, вы запомнили?! – удивилась Присцилла, отряхивая ладони от крошек. – Видите ли, дело совсем не в таинственности, просто никто из Понглтонов не любит говорить о часовне. Много лет назад там произошла трагедия – молодая женщина лишила себя жизни. Подробности мне неизвестны, но одно могу сказать точно – не стоит заговаривать об этом с леди Элспет. Она близко к сердцу принимает эту старую историю и очень расстраивается, если ей напоминают об этом.

– Теперь я поняла свою ошибку, – произнесла Оливия с сожалением. – Мне даже как-то неудобно...

– О, пустяки, – успокоила её Присцилла, – моя свекровь отходчива. Уверю вас, мисс Адамсон, через пару часов она и не вспомнит об этом. Её затянет круговорот праздничных развлечений, до

которых она большая охотница. Вот увидите, она не способна долго таить обиду. А теперь я оставляю вас, меня уже ждут. Приходите в мой шатёр, если устанете развлекаться, – и она улыбнулась, смягчая иронию своих слов.

Оливия проводила взглядом её высокую стройную фигуру. В неизменном коричневом платье и с волосами, уложенными в тугой узел, Присцилла походила на учительницу.

Свободное место за столом тут же заняли две дородные дамы в летних шляпах из крашеной соломки. Они подтащили дополнительный стул и расположились основательно, со всем возможным удобством, и теперь искоса кидали на Оливию нетерпеливые взгляды. Когда она встала, пожелав им приятного дня, на их лицах читалось облегчение.

У дальнего помоста, где Седрик и леди Элспет должны были вручать подарки арендаторам, уже собралась приличная толпа. Среди любопытствующих мелькнула и исчезла фигура высокого мужчины, чем-то напоминающая Филиппа.

К немалому удивлению Оливии, оратором Седрик оказался неплохим. Он не был слишком многословен, не испытывал терпение собравшейся публики длинными непонятными словами и даже позволял себе несколько двусмысленно и тяжеловесно шутить, отчего среди фермеров то и дело слышался одобрительный смех. На маленькой импровизированной сцене он полностью преобразился: его сутулость исчезла, плечи развернулись, в голосе появились уверенные и даже чуть властные нотки – толпа внимала ему как заворожённая, и Оливии впервые пришло в голову, что Седрик совсем не так жалок, как выглядит большую часть времени, и, возможно, это противостояние с братом приводит его в такое уныние. На миг её кольнуло раскаяние, и забава, в которой она согласилась участвовать по просьбе леди Элспет, показалась ей жестокой.

Официальная часть завершилась бурными аплодисментами и вручением фермерам памятных подарков, среди которых были такие полезные в хозяйстве вещи, как молочные бидоны, наборы литых утюгов миссис Поттс со съёмной ручкой, медные подсвечники, тазы и кастрюли, а также предметы роскоши вроде жестяных коробок с отличными сигарами или серебряных щёток для волос. Никто из арендаторов не остался обделённым, каждая семья из холмов получила

от леди Элспет подарок, и неизвестно ещё, кто был доволен больше – одариваемый или хозяйка Мэдлингтона.

Когда все подарки были вручены, Анна и Хигнетт вынесли к помосту огромную медную чашу с праздничным пуншем. Фермеры, успевшие ощутить жажду, разразились одобрительными выкриками, и леди Элспет пришлось опустошить несколько бокалов, перекидываясь словом с каждым арендатором и желая всем богатого урожая по осени. В отличие от покойного лорда Понглтона, его вдову любили, и приветственные крики фермеров были искренними, рукопожатия крепкими, а объятия их жён сердечными.

Грянул оркестр, и веселье достигло высшей точки. Фермеры, которым нечасто выпадала возможность покружиться в вальсе или проверить на прочность свои башмаки, устремились на танцевальную площадку, пространство перед помостом опустело, и тут только Оливия убедилась, что – да, ей не показалось – высокий молодой человек, который напомнил ей брата, это Филипп. Под руку его держала хрупкая блондинка в лёгком струящемся платье и шляпке с длинным сизым пером, сдвинутой по последней моде чуть набок.

Пара заметила её раньше, чем она их, и теперь оба спешили к ней – на лице Филиппа было одновременно и чуть смущённое, и вместе с тем горделивое выражение, блондинка же вышагивала с независимым видом.

– Вот здорово, Олив, что мы тебя встретили! – Филипп был оживлён, глаза его блестели. – Я так и сказал мисс Прайс: «Оливия непременно должна быть где-то здесь». Познакомься, пожалуйста, это Имоджен Прайс, она выступает с театральной труппой и приехала в Йоркшир по моему приглашению на пару дней отдохнуть. А это, мисс Прайс, моя сестра Оливия Адамсон.

Девушки пожали друг другу руки, причём Оливия протянула свою первой и лишь спустя несколько секунд ощутила вялое пожатие маленькой ладони, затянутой в шёлковую перчатку с костяными пуговками.

Мисс Прайс не показалась Оливии ни приветливой, ни любезной. Девушка вяло поддерживала разговор, нисколько не стараясь вслушиваться в сказанное её собеседниками и хмуря тоненькие высоко поднятые брови. На лице ее лежал слишком плотный для жаркого летнего дня грим, оттенок помады был чересчур тёмным, будто она

неаккуратно лакомилась пьяными вишнями и забыла воспользоваться салфеткой.

Оливия откланялась первой. Она решительно отклонила предложение составить компанию Филиппу и мисс Прайс и прокатиться в Тирск на дневной сеанс в «Ла Скала», а потом отправиться в мюзик-холл, непринуждённо кивнула обоим и пошла в противоположную сторону.

Оливия шла быстро, бездумно огибая встречавшихся ей на пути людей и сама не понимая, что это вдруг на неё нашло. Она была так погружена в свои мысли, что на полном ходу столкнулась с Оскаром Финчем и едва удержалась на ногах.

Отпрянув и потирая ушибленный лоб, Оливия принесла извинения и собиралась продолжить путь, но тут ещё раз взглянула на него и не смогла удержаться от смеха – Финч полностью преобразился и теперь несколько не походил на щеголеватого и надменного молодого человека, каким он представлялся ей прежде. Выглядел он так, словно нарядился мелким землевладельцем для костюмированной вечеринки. Чтобы дать Оливии как следует себя рассмотреть, он покрутился, раскинув руки и демонстрируя широкие брезентовые штаны, подпоясанные кожаным ремнём, твидовую куртку, протёртую на локтях, и шляпу неопределённого цвета и формы, в которой только при нешуточных усилиях можно было опознать котелок.

– Не правда ли, мисс Адамсон, я хорош? – на его лице сверкала улыбка, и без маски надменности, искажавшей его черты, он выглядел намного моложе. – Как думаете, есть у меня шансы обойти соперников в честной борьбе и изловить шустрю матушку Ландрас, чтобы не посрамить чести моей прекрасной дамы, благословившей меня принять вызов? Вообще-то, на кону стоит десять фунтов, – доверительно признался он ей, понизив голос. – Если мне удастся обойти хотя бы двоих, то уже будет не так стыдно, а выигрыш составит три фунта. А вот если свершится невозможное, и я одержу победу, то леди Элспет получит весьма приличную сумму. Только викарию не говорите о нашем маленьком тотализаторе. Боюсь, он будет потрясён и разразится потом вдохновенной проповедью о стяжателях и уготованных им в аду муках.

– Думаю, мистер Финч, шансы у вас определённо есть, – развеселилась Оливия. – Я видела эту свинью, она кажется

неповоротливой и не слишком-то молодой.

– Ну, не скажите, – замотал головой Финч. – Это вы просто её в деле не видели. Матушка Ландрас даст фору любой молодой хрюшке. Пару лет назад она так загоняла одного из участников, что тому пришлось выбыть из состязания и ждать, пока отыщут доктора.

Махнув ей рукой, он устремился к загону, куда уже стекалась толпа желающих насладиться зрелищем поимки свиньи, вымазанной гусиным жиром. Состязание это являлось одним из любимейших развлечений жителей холмов, и посмотреть на то, как заслуженные мастера и самонадеянные новички ловят разъярённую таким вниманием свинью, пришло столько людей, что к загону было не пробиться.

Оливии повезло – когда она уже отчаялась попасть в первые ряды, откуда можно было хоть что-то увидеть, ей встретилась леди Элспет. Фермеры почтительно расступились перед хозяйкой Мэдлингтона, открывая ей путь вперёд, и обе женщины сумели занять самые удобные места.

После выкрика судьи началась бешеная суматоха. Скользя свинья отличалась буйным нравом и была уже порядком раздосадована тем, что её лишили привычного покоя и забрали из тёплого свинарника, так что тянущиеся к ней со всех сторон руки и азартные выкрики сгрудившейся вокруг толпы несколько её не обрадовали.

Явно вспомнив своих диких и куда как более кровожадных предков, бродивших по окрестным холмам в стародавние времена, свинья издала истошный визг и с угрожающим хрюканьем принялась метаться по загону, сшибая участников состязания легко, будто кегли. Несчастному Финчу досталось больше всех – когда его атаковали двести пятьдесят фунтов первоклассного бекона, он плюхнулся на гору опилок прямо перед леди Элспет и Оливией.

– Резвая свинка, – кряхтя, оправдался он, уязвлённый неспортивным поведением свиньи и, пошатываясь и опираясь на загон, поднялся на ноги.

Последующие полчаса Оливия и леди Элспет попеременно болели то за свинью, то за Финча. Они даже заключили между собой ещё одно пари, что сделало наблюдение за состязанием не в пример более захватывающим. Ветеринар после своего позорного падения заметно обозлился и принялся за дело всерьёз. Однако и его главный

соперник, мистер Албот, тоже времени даром не терял. Свинья же невзлюбила их обоих, но больше всего именно Финча. Возможно, она припомнила его прошлые визиты, когда он являлся к ней с чемоданчиком, полным звякающих и неприятных приспособлений, а может, просто была не в духе и выбрала его козлом отпущения. Не обращая более внимания ни на кого, она принялась методично изводить своего обидчика, и спустя недолгое время уже невозможно было понять, кто из них преследователь, а кто жертва, причём своих кровожадных намерений свинья вовсе не скрывала.

Всякий раз, когда ей удавалось приблизиться к ветеринару, она с видимым наслаждением пыталась либо ухватить его за что придётся, либо наподдать мощным розовым рылом. Финч, парень молодой и закалённый, начал выдыхаться. На лице у него появилось затравленное выражение, и большая часть публики (хотя нашлись и те, кто наблюдал за его неудачей со злорадством) начала искренне ему сочувствовать. В толпе послышались подбадривающие выкрики, но успех предприятия был по-прежнему далёк.

Понимая, что симпатии зрителей на стороне её преследователей, свинья удвоила усилия и принялась за Финча всерьёз. После одного из падений он начал заметно хромать, и леди Элспет с сожалением произнесла:

– Придётся мне, видимо, распрощаться с моими тремя фунтами. Хорошо, что я предвидела такой исход и от имени Хигнетта поставила ещё и на мистера Албота.

Оливия мельком взглянула на неё, восхитившись такой предусмотрительностью, и поразились тому, какой утомлённой выглядит пожилая дама. Её жизнелюбие и бодрость духа обычно заставляли окружающих забывать о её возрасте, но сейчас даже в тени широких полей летней шляпки было видно, как она бледна. Над верхней губой блестели бисеринки пота, леди Элспет тяжело дышала и то и дело обмахивалась старомодным кружевным веером.

– Вам надо присесть в тени и выпить чего-нибудь холодного, – предложила ей Оливия. – Вот, пойдёмте сюда, здесь не так многолюдно и есть чем дышать. Посидите пока, а я принесу холодное питьё.

Она усадила леди Элспет на плетённый стул под раскидистым дубом и отправилась в палатку, где хозяйничала Айви, предлагавшая

всем, кто страдал от жажды, тепловатый магнет и освежающий лимонад. Однако сейчас за прилавком было пусто, только солнечные лучи отражались от блестящего кассового аппарата. Ширма, скрывающая от людских глаз бочонки с пивом и высокие стеклянные бутылки с лимонадом и апельсиновой шипучкой, колыхалась, и за ней слышались приглушённые голоса.

Оливии пришлось громко кашлянуть сначала раз, потом другой, в надежде привлечь к себе внимание, и вскоре из-за ширмы вынырнула голова Айви, вся в мелких желтоватых кудряшках. Выглядела девушка не слишком довольной, и лимонад налила небрежно, наспех, торопясь вернуться к своим таинственным занятиям.

Оливия, держа в руках мокрый и липкий стакан, пробиралась через толпу, когда её окликнула Присцилла Понглтон.

– Мисс Адамсон, как хорошо, что я вас встретила! Не могли бы вы меня выручить? Побудьте немного в моей палатке, пока я ищу Бернадетту. Она должна была прийти ещё три четверти часа назад, но её всё нет и нет. По всей видимости, водоворот веселья захватил её целиком, – и мягкая улыбка тронула губы Присциллы, когда она иронично подняла глаза к небу. – Я собиралась попросить Викторию, но её нет в чайной палатке, а в шатре с галантереей уже собралась толпа.

Пообещав ей помощь, Оливия торопливо отнесла холодное питьё леди Элспет и вручила ей стакан, предварительно обтерев его найденным в кармане брюк платком. Пожилая дама сделала пару глотков и отставила его в сторону.

– Не припомню такой жары со времён моей юности, – сообщила она. – Солнце так и печёт. Ну просто настоящие тропики, а не Йоркшир в июне.

– Я думала, в тени вам станет лучше, – участливо проговорила Оливия. – Может быть, мне проводить вас в дом?

– Вздор! Я, мисс Адамсон, много сил вложила в организацию праздника и собираюсь получить причитающееся мне удовольствие. К тому же сюда приехала одна моя старинная знакомая, которая мне кое-чем обязана. Когда-то я, можно сказать, изменила её судьбу. Мы с ней собирались выпить чаю и всласть поболтать. И вам нечего сидеть тут со мной, старой калошей. Завтра вы покинете Мэдлингтон, а сегодня

должны сполна насладиться всем, что поместье может вам предложить. Лично я намереваюсь заняться именно этим.

В подтверждение своих слов леди Элспет осушила стакан с лимонадом, неловко поправила шляпку, отчего та приобрела залихватский залом и стала похожа на треуголку пирата, и решительно отправилась в самую гущу толпы, не слушая более никаких увещаний.

Оливия пожала плечами и пошла в противоположную сторону, торопясь на помощь Присцилле. На душе у неё скребли кошки. Всеобщее веселье – кружащиеся в танце пары, ритмичные звуки оркестра, хохочущие дети и азартные выкрики разгорячённых выпивкой мужчин, – всё происходящее не только не находило отклика в её душе, но и, наоборот, служило причиной разгорающейся обиды и острого ощущения одиночества. Оливия знала, предвидела, что момент, когда их с братом пути разойдутся, неминуемо когда-то настанет, но не ожидала, что это случится так скоро.

Его готовность последовать за ничем не примечательной мисс Имоджен Прайс и развезжать по стране с бродячей труппой фокусников и комедиантов и поразила Оливию, и испугала. Слишком много в этом было от их матери, которую оба так и не смогли простить, и слишком это было похоже на безрадостное детство близнецов, воспоминания о котором оба стремились изгнать из своей памяти.

Когда Оливия – с горечью в душе и неразберихой в мыслях – вошла в палатку с галантереей, то с трудом смогла протиснуться к прилавку. Торговля шла бойко – кухонные прихватки, салфетки, саше и игольницы, вышитые подголовники для кресел и воротнички, вязаные кошельки, сумки, пояса и всяческие безделушки, – всё это, будучи предложено по умеренным ценам, имело успех, особенно у приезжих. Присцилла, заметив Оливию, впустила её за прилавок, передала ключ от жестяной коробки с выручкой и сразу отправилась на поиски Бернадетты, пообещав вернуться как можно быстрее.

Уже через полчаса в шатре стало нечем дышать. Женщины теснились у прилавка и, казалось, готовы были скупить всё, что там было. Оливия не успевала отвечать на вопросы, показывать товар, упаковывать покупки и отсчитывать сдачу. Со всех сторон требовали

её внимания, повелительно окликали, просили показать одно, развернуть другое или обернуть дополнительным слоем бумаги третье.

Когда Присцилла вернулась в шатёр, Оливия обрадовалась ей, как никому в своей жизни. К этому времени она совершенно выдохлась и успела повздорить с невероятно докучливой покупательницей из Лидса, настаивавшей на своём праве получить за одну стоимость два кухонных полотенца вместо одного, а также ввязаться в спор с матерью обширного семейства, уверенной, что ей недосдали шесть пенсов.

– Бернадетту я не нашла, – отрывисто бросила Присцилла, возвращаясь за прилавков и поправляя растрепавшиеся волосы, – её нигде нет. – В палатке Виктории тоже пусто. Ни леди Элспет, ни Финча. Всех как ветром сдуло. Я уж думала попросить Анну прийти к нам на помощь, но и её тоже нигде нет. Так что, мисс Адамсон, придётся вам побыть со мной ещё немного, – заключила она и уже громче воскликнула, обращаясь к фермерше, подозрительно ощупывающей тонкое полотно: – Отличный выбор! Эта скатерть для воскресного обеда послужит ещё вашей дочери, не сомневайтесь! И не забывайте – девять пенсов с каждого шиллинга пойдут на благоустройство детского приюта.

Как только вернулась Присцилла, паника Оливии улеглась. Вместо хаоса наступил порядок, покупательницы перестали протискиваться к прилавку без очереди, вызывая этим массу споров между собой, и, повинувшись доброжелательным приказам Присциллы, выстроились в стройную шеренгу, но Оливия уже не могла себя унять.

«Завтра же уеду», – мстительно думала она, отмеряя ярды шершавой тесьмы для жизнерадостной леди в шляпке с восковыми вишнями, оплывшими от жары. – «Пусть Филипп развлекает мисс Прайс, пусть крутится перед ней как цирковая собачка – мне всё равно. Пусть хоть выступает с варьете, показывая фокусы в пивных – я и слова ему не скажу. Утром попрощаюсь с леди Элспет и сразу же уеду в Лондон!»

Однако она ещё не знала, что ни попрощаться с хозяйкой Мэдлингтона, ни уехать в Лондон в ближайшие дни ей не удастся, потому как в это самое время леди Элспет испустила дух в фамильной часовне Понглтонов, лёжа навзничь на каменном полу, таком ледяном,

будто под ним текла подземная река, несущая свои воды к последнему берегу всех смертных.

Глава десятая, в которой инспектор Грумс нисколько не старается быть любезным, а Оливия становится жертвой жестокого розыгрыша

Худощавый, весь какой-то изломанный инспектор в мятом костюме, прибывший в Мэдлингтон, не производил впечатления джентльмена. Речь его изобиловала простонародными интонациями, движения были резкими, дёргаными. Тёмные глаза смотрели скучающе, и вообще всем своим видом Гордон Грумс давал понять, что у него найдутся дела поважнее, чем угождать родственникам покойного лорда Артура Понглтона и лить воду на мельницу их тщеславия.

Ни Джордж, ни Виктория не смогли сломить его упрямого сопротивления и заставить принимать во внимание их общественное положение, и это вызвало у Оливии невольное восхищение стойкостью полицейского.

Предварительный допрос проходил в гостиной, и роскошное убранство комнаты заставило инспектора поморщиться.

– Итак, кто обнаружил тело первым? – отрывисто спросил он.

– Не тело, а мою покойную свекровь, леди Элспет Понглтон, вдову седьмого лорда Артура Понглтона, – поправила его Виктория.

– Так это вы обнаружили тело? – Грумс резко повернулся к ней.

– Нет, леди Элспет обнаружил мой супруг.

– Тогда почему вы отвлекаете меня? – тон Грумса едва ли можно было назвать учтивым. – Мистер Понглтон, это вы обнаружили...

– Да, я. Я нашёл её в часовне.

– Она была мертва? Что вы сделали, чтобы убедиться в этом?

– Н-н-ничего, – растерялся Джордж. – А что я должен был сделать?

– Например, проверить, дышит ли она, – миролюбиво посоветовал Грумс, усевшись поудобнее. – Бывают случаи, когда человек ещё жив,

хотя и выглядит не лучшим образом, и если ему оказать медицинскую помощь, то он способен прийти в себя.

– Не думаю, что это был тот случай, – протянул Джордж, неуверенно глядя на Викторию. – Она лежала на спине, и её лицо... И вся поза...

– Инспектор Грумс! – Виктория была возмущена. – Мой муж только что потерял мать. Вы уверены, что достаточно щадите его чувства такими вопросами?

– А я прибыл сюда, миссис Понглтон, совершенно не затем, чтобы щадить чьи-либо чувства, – инспектор говорил тихо, уважительно, но в тоне его чувствовалась издёвка. – Мой долг – убедиться, что смерть наступила в результате естественных причин и не требует дополнительного расследования с привлечением полиции. Конечно, будет ещё дознание, но, думаю, я догадываюсь, что укажет в заключении коронер.

Он встал и без единого слова вышел из гостиной, оставив всех, кто там был, в состоянии лёгкого недоумения.

– Я полагаю, Джордж, что тебе следует сообщить о положении дел в йоркширской полиции своим друзьям в Скотленд-Ярде, – выразила мнение Виктория, подходя к мужу. – В полиции – даже в глубинке! – не место неотёсанным грубиянам. Подумать только: если инспектор разговаривает в подобном тоне с нами, то как же он ведёт себя с остальными людьми?!

Вся семья собралась в гостиной сразу, как только стало известно о случившемся. Недоставало лишь Седрика, которого не смогли отыскать, и Бернадетты. Оливия и Оскар Финч тоже были здесь, но сидели чуть поодаль от остальных, не глядя друг на друга.

Сейчас, после того, как стало известно о смерти леди Элспет, и мелодия, что без устали наигрывал оркестр, и гомон людской толпы, предающейся веселью, казались дикостью, и Финч, с молчаливого одобрения остальных, наглухо закрыл оба окна. В гостиной сразу стало тихо и в наступившей тишине все услышали звуки мелких и торопливых шагов инспектора.

– В кухне никого нет, – в той же отрывистой телеграфной манере сообщил он, с недовольством оглядывая сварливых всех в комнате. – Здесь что, обходятся без слуг?

– Кроме кухарки, из прислуги в Мэдлингтоне только горничная и дворецкий, – в тон ему ответила Виктория. – Кухарка в детской, с детьми, а остальных отпустили на праздник. Вы можете отдать своим людям приказ отыскать их, инспектор Грумс.

– Могу, – кивнул полицейский, но вместо этого раскрыл порядком замусоленную записную книжку и развязно уселся на подлокотник кресла. – Однако сначала я предпочту задать вопросы близким покойной.

Грумс зацарапал по плотной бумаге острым грифелем карандаша, лицо его по-прежнему хранило скучающее выражение, и Оливия вдруг вспомнила инспектора Оливера из Грейт-Бьюли^[9], чьи учтивые манеры и выдержка являли собой бросающийся в глаза контраст с грубым йоркширским полицейским.

– Начнём с вас, мистер Понглтон, – Грумс направил кончик карандаша на Джорджа. – В какое время вы обнаружили тело?

Виктория хотела было снова возмутиться, но инспектор не удостоил её и взглядом.

– Без четверти четыре часа пополудни, – послушно ответил Джордж.

– Как это произошло? Почему именно вы обнаружили тело?

– Я проходил мимо часовни и заметил, что дверь была распахнута настежь.

– Почему вас это насторожило? Вероятно, в такой жаркий день прохлада каменной часовни представляется довольно заманчивой для того, чтобы немного освежиться.

Инспектор Грумс, произнося эти слова, не сводил с допрашиваемого пристального взгляда, и Джордж, растерянно моргая, обернулся к жене.

– Семейная часовня Понглтонов, инспектор, давно не используется по назначению, – холодно пояснила Виктория. – Она стоит запертой уже много лет, и, уверяю вас, леди Элспет и в голову бы не пришло отправиться туда в поисках прохлады.

– Ну, этого вы наверняка знать не можете, – отмахнулся Грумс и снова уставился на Джорджа. – И что было потом? После того как вы обнаружили тело?

– Я сразу же прошёл в дом и позвонил в полицейское отделение.

– Вы не пытались перенести тело в дом? Или позвать кого-нибудь на помощь?

– Н-н-нет, моей первой мыслью было вызвать полицию, – Джордж промокнул лоб платком.

– Ну, хорошо, – инспектор сделал несколько записей и нацелил остриё карандаша на Викторию:

– А вы, миссис Понглтон, от кого узнали о случившемся? И где находились в этот момент?

– Я разливала чай в чайной палатке. Новость разлетелась быстро, и как только я услышала о несчастье, то сразу отправилась в дом.

– Вы не заходили по пути в часовню? Не делали попыток увидеть тело?

– Нет, инспектор. Я тотчас отправилась к мужу, чтобы поддержать его.

– Ну, разумеется, – покивал Грумс, не глядя на Викторию. – Как узнали о случившемся остальные?

Присцилла, сидевшая чуть в отдалении и державшая на коленях жестяной ящик с вырубкой, после незначительной паузы ответила:

– Мы с мисс Адамсон узнали новость от мистера Финча. Он зашёл к нам в палатку с галантереей и сообщил, что в часовне кому-то стало плохо.

– Я лишь передал то, что услышал в толпе, – зачем-то принялся оправдываться Оскар Финч. – Подробностей я не знал, лишь сказал, что, по слухам, в часовне что-то произошло. После я отправился в дом, где встретил мистера Понглтона, и тогда уже узнал о случившемся.

К этому времени Финч успел переодеться в чистую одежду и сейчас ничем не напоминал того бесшабашного и весёлого молодого человека, что с азартом предавался деревенским увеселениям. Вместе со светлым шевиотовым костюмом, лиловым шейным платком и начищенными туфлями к нему вернулась и прежняя манерность.

– Какое отношение вы имеете к семье Понглтонов? Вы служите в поместье управляющим? Шофёром?

Подобное предположение возмутило Финча.

– Я друг леди Элпет и получил от неё приглашение провести в Мэдлингтоне свой отпуск, – ледяным тоном ответил он.

– Хм, обычно молодые люди проводят отпуск либо у родных, либо на побережье, где есть возможность развлечься и приятно

провести время. Мюзик-холлы, морские прогулки с молоденькими барышнями своего круга, вечерние променады после стаканчика-другого виски... Само собой, излишества предаваться не стоит, но ведь и молодость бывает один раз в жизни, не так ли? – Грумс нахмурился, казалось, он всерьёз размышляет на тему, как должно проводить отпуск молодым людям, чтобы это не выглядело ни эксцентричным, ни выходящим за рамки приличий.

– У меня нет родных, инспектор, – оборвал его рассуждения Финч. – Никого из семьи в живых, к сожалению, не осталось, а морские прогулки и вечерние променады никогда меня не увлекали.

– Жаль, жаль, – как будто искренне посетовал Грумс. – А я вот со своей хозяйкой в прошлом году был в Ричмонде и, знаете, остался чрезвычайно доволен поездкой. Приятно иногда немного развеяться, вы так не считаете?

Вопрос, обращённый теперь ко всем присутствующим, повис в воздухе. Виктория, более не скрывая своего презрения к инспектору и его методам опрашивать близких покойной, смотрела на полицейского тяжёлым взглядом, словно он был нерадивой горничной, разбившей ценную вазу.

– А вы, я так понимаю, мисс Адамсон? – обратился Грумс к Оливии, вперив в неё остриё карандаша. – Вы тоже гостите в Мэдлингтоне по приглашению леди Элспет?

– Нет, я служила у леди Элспет компаньонкой, – Оливии не оставалось ничего другого, как обозначить своё положение среди присутствующих, чтобы избежать недоразумений.

– И вам нечего добавить к тому, что я уже услышал? Полагаю, несладко вам теперь придётся, – Грумс покачал головой. – Искать новую службу без рекомендаций, да ещё после того, как предыдущая хозяйка скоростижно скончалась... Моя свояченица как-то раз угодила в подобную историю, так она, скажу я вам, изрядно намучилась, пока нашла новое место.

Оливия пожалала плечами, не зная, что на это ответить, но тут порог гостиной переступил Седрик Понглтон, наблюдавший за этой сценой из коридора.

– А вот мне есть что добавить, инспектор. Поинтересуйтесь у мисс Адамсон, с какой целью она назначила моей матери встречу в часовне. Уверен, нам всем любопытно это узнать.

Глава одиннадцатая, в которой Оливия вызывает профессиональный интерес инспектора Грумса и получает щедрый чек

Взгляды всех присутствующих устремились к Оливии. Во рту у неё пересохло, сердце часто забилося, но ответить она постаралась спокойным тоном, ничем не выдавая своего волнения.

– Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду, мистер Понглтон. Никаких встреч в часовне я никому не назначала.

Оливия открыто посмотрела на Седрика, а потом на остальных, стараясь не замечать впившийся в неё взгляд инспектора.

– Тогда как вы объясните, мисс Адамсон, что в сумочке моей матери обнаружили записку, подписанную вашим именем? Записка у сержанта Бимиша, инспектор, и он будет здесь с минуты на минуту.

– Это и вправду любопытно, – полицейский оживился и наконец уселся в кресло приличествующим образом. – Но вам, мистер Понглтон, следует предоставить дальнейшее мне, – несколько сварливо посоветовал Грумс, недовольный тем, что у него перехватили инициативу.

Седрик повиновался полицейскому, опустившись на диван рядом с Присциллой, но продолжал неотрывно смотреть на Оливию. Его слова подтвердились через пару минут – в гостиную вошёл высокий, ростом не менее шести футов, широкоплечий молодой сержант с лицом простоватым, но вовсе не глупым и не лишённым привлекательности. Выглядел он опрятно, и манеры его были далеки от раздражающей развязности инспектора.

Бимиш передал Грумсу небольшой клочок обёрточной бумаги, какую используют зеленщики, чтобы их товар сохранил свежесть, отступил на два шага и застыл, выпрямившись, за его спиной, дожидаясь дальнейших распоряжений. Инспектор, не глядя, протянул назад записную книжку и карандаш, и сержант так же почтительно принял их и приготовился конспектировать всё происходящее.

Со сводящей с ума медлительностью Грумс развернул записку и прочёл её. Хмыкнул, переглянулся с Седриком и снова перечёл написанное. Протянул руку с запиской назад, не сомневаясь, что сержант примет её, а после сделал указательным пальцем правой руки резкое движение в сторону Оливии.

Когда записка оказалась у неё, то она с нарастающим изумлением прочла:

«Дорогая леди Элспет! Я должна сообщить вам нечто крайне важное. Это совершенно конфиденциально! Прошу вас, давайте встретимся подальше от людских глаз. Я буду ждать в часовне начиная с трёх часов пополудни. Приходите непременно, прошу, это очень важно! Ваша Оливия Адамсон».

Печатные буквы были написаны обычным грифельным карандашом, кое-где прорвавшим бумагу, будто бы писали второпях. Оливия прочитала записку ещё раз, перевернула – на обратной стороне ничего не было, – и твёрдо отреклась от авторства.

– Я не писала этого, инспектор, и никаким иным способом не назначала встречу леди Элспет. Записку написал кто-то другой, уверяю вас, – Оливия с отвращением услышала умоляющие нотки в своём голосе и повторила, теперь уже с большей категоричностью: – Я вижу её впервые, инспектор, ровно так же, как и вы.

– Ох, мисс Адамсон, ну к чему так торопиться? – Грумс сидел, откинувшись на спинку кресла, и внимательно смотрел на девушку. – Речь ведь не идёт о насильственной смерти. Вас никто ни в чём не обвиняет. Леди Элспет была не так уж молода, день был на редкость жаркий, поэтому ничего странного в том, что она внезапно почувствовала недомогание, которое затем привело к смерти, в общем-то, нет. Вы могли запаниковать, броситься за помощью, а затем испугаться реакции будущих работодательниц. Вот и решили промолчать о случившемся в надежде, что ваше имя не будет упоминаться в связи с несчастьем, постигшим хозяйку. Такое поведение, мисс Адамсон, по-человечески вполне понятно, и никто вас не осудит за это. Если бы я был молодой неопытной девушкой, то, вполне вероятно, повёл бы себя в точности таким же образом, – инспектор рассмеялся собственной немудрёной шутке и даже в порыве веселья хлопнул себя по колену.

Остальные безмолвно, с пристальным вниманием следили за словесным противостоянием Оливии и инспектора, и их молчаливое единение не вселяло надежду на то, что её словам хоть кто-то верит. На лицах Джорджа и Седрика читалось недоверие пополам с мстительной радостью, Виктория, поджав губы, покачивала головой, как бы сообщая всем: «А я вас сразу предупреждала насчёт этой сомнительной особы!», и лишь Присцилла смотрела на Оливию с сочувствием, которое, впрочем, тоже не свидетельствовало о том, что она верит сказанному ею.

– Я могу заверить вас, инспектор Грумс, что, если бы я стала свидетельницей подобного недомогания, то непременно привела бы кого-то на помощь, а не оставила человека умирать только из-за того, что побоялась бы за собственную репутацию. На мой взгляд, это естественная реакция каждого нормального человека, – Оливия решительно отмела предположения полицейского.

– Ну, не нужно этого вздора, – поморщился инспектор. – Вы, юная леди, и представить себе не можете, на какие поступки способны люди испуганные, люди, угодившие в беду не по своей воле или люди, попавшие в тиски обстоятельств. В подобных случаях естественная реакция – это спасти себя и свою репутацию, а не благородное следование догмам высокой морали, описанным в сентиментальных романах из тётушкиной библиотечки.

Видно было, что инспектору очень не хочется расставаться с собственной теорией возникновения записки в сумочке леди Элспет. Не скрывая недовольства, он, уже не делая усилий казаться любезным (даже в своём, чрезвычайно специфическом представлении о любезности), встал и обратился к Джорджу Понглтону как к новому хозяину Мэдлингтон-Касл:

– Мне хочется побеседовать с мисс Адамсон с глазу на глаз, мистер Понглтон. Где бы мы могли уединиться, чтобы никому не мешать? Вы пока вольны располагать собой как вам будет угодно. Если мне понадобится кто-то из вас, то я пришлю Бимиша.

Джордж, непринуждённо вживаясь в роль хозяина Мэдлингтона, предложил инспектору для допроса маленькую комнату в одной из башен в жилом крыле. Здесь когда-то находился кабинет экономки, где она занималась бухгалтерией, и где хранились толстые тетради со всеми записями о тратах на хозяйство и выплате жалованья многочисленным слугам. Тут до сих пор пахло сухими цветами, букеты из которых по необъяснимой причине так любят все без исключения экономки, и лежал плотный слой пыли, свидетельствующий о том, что Анна не слишком утруждала себя еженедельной уборкой.

Пока сержант Бимиш сопровождал Оливию по узким и тускло освещённым коридорам, Грумс остался в гостиной и успел наскоро переговорить с семьёй покойной, почерпнув об Оливии Адамсон весьма занятные сведения, после чего лёгкий интерес к её персоне перерос в профессиональное любопытство. Инспектор вообще был не слишком высокого мнения о современных девицах (особенно тех, что носят брюки), а к жителям Лондона он всегда относился настороженно и с истинно йоркширским недоверием.

Когда Грумс вошёл в кабинет экономки, Оливия встретила его прямым вопросом:

– Вы намереваетесь допрашивать меня, инспектор? Но я уже сказала вам, что записку я не писала. Это сделал кто-то другой, не я.

– Ну, что вы, мисс Адамсон. О допросе пока речь не идёт. Я всего лишь хочу побеседовать с вами и затронуть несколько моментов, которые пока остаются для меня неясными, – Грумс прошёл за стол экономки и, выдвинув стул, провёл пальцем по его подлокотнику.

Оливия скорее почувствовала, чем услышала, как сержант Бимиш, стоявший за её спиной, раскрыл записную книжку и приготовился конспектировать.

– Расскажите мне, как вы оказались в Мэдлингтоне. Жизненный опыт говорит мне о том, что вы, мисс Адамсон, не очень-то похожи на девушку, привыкшую быть в услужении. Как так вышло, что вы получили должность компаньонки у леди Элспет Понглтон?

Грумс всё ещё возился со стулом, обходя вокруг, смахивая с него пыль и с подозрением похлопывая по обивке. Оливии пришло в голову, что таким же точно образом некоторые собаки крутятся вокруг себя, перед тем как улечься.

– Я познакомилась с леди Элспет в поезде. Мы ехали в одном купе, и когда разговорились, то она предложила мне место компаньонки.

– Вот так и предложила? – Грумс с преувеличенным удивлением поднял кустистые брови. – Совершенно незнакомому человеку? Я, мисс Адамсон, конечно же, могу ошибаться, так как не знаю, как это всё принято у леди и лордов, но мне всегда казалось, что компаньонка – это доверенное лицо, и к её выбору обычно подходят крайне щепетильно. Я уже рассказывал про свояченицу? Так вот, перед тем, как устроиться на последнее место, ей пришлось больше полугода ждать ответа от одной вдовы полковника. Больше полугода, мисс Адамсон! И заметьте, её кандидатура рассматривалась до того пристально, что понадобились все имеющиеся рекомендации. А у вас, выходит, и рекомендации были с собой?

Оливия глубоко вздохнула и с тоской посмотрела в окно. Ей вспомнились первые эмоции, когда Оскар Финч высадил её у чёрного хода Мэдлингтона. Получается, предчувствия её не обманули, и сгоряча принятое решение принесло ей всё-таки неприятности.

– Нет, инспектор, никаких рекомендаций у меня нет. Я никогда не служила компаньонкой, так что им неоткуда взяться. И я понимаю, сэр, что со стороны всё это выглядит странным образом, – Оливия постаралась придать своим словам весомость, – но, уверяю вас, никакого преступного умысла у меня не было. Тут скорее недоразумение. Леди Элспет предложила мне место компаньонки временно, только до той поры, пока не закончится подготовка к празднику, и все её родственники не разъедутся. Она подчеркнула, что я буду считаться больше её гостьей, чем компаньонкой. Завтра утром я собиралась покинуть Мэдлингтон согласно нашему с ней уговору.

– Хм, как интересно, – протянул Грумс. – А она не объяснила вам, зачем ей это понадобилось?

Оливия на мгновение замаялась, не зная, стоит ли раскрывать истинное положение дел в семействе Понглтон. Она ещё не свыклась с мыслью, что леди Элспет мертва, и посчитала, что предаст её интересы, раскрывая все обстоятельства посторонним людям.

– Она намекнула мне на кое-какие неурядицы в отношениях со старшим сыном, – осторожно выразилась Оливия.

– С Джорджем Понглтоном?

– Да. И ещё она была озабочена тем, как пройдёт встреча с прибывшей из Франции вдовой младшего сына, Монтгомери. До этого они с его женой не были знакомы лично, и леди Элспет немного переживала о том, смогут ли они найти общий язык.

– И как всё прошло? – поинтересовался Грумс.

Оливия пожала плечами, не понимая, чего от неё хочет инспектор.

– Полагаю, удачно. Бернадетта оказалась милой женщиной.

– Мне думается, мисс Адамсон, что вы со мной не до конца откровенны, – прищурился Грумс. – Я тут краем уха услышал кое-что... Но будет лучше, если вы расскажете обо всём сами.

– Что вы имеете в виду? – насторожилась Оливия. – Расскажу о чём?

– О том, какова была ваша истинная цель, когда вы предложили леди Элспет свою кандидатуру на должность её компаньонки. Вы не подумайте, мисс Адамсон, я ведь без всякого осуждения. Нынешние времена простыми не назовёшь. Иногда приходится вылавливать рыбку в мутной воде, так сказать. Моё дело – расследовать уголовные преступления, поэтому вы можете без утайки поведать мне эту историю, и я гарантирую, что не буду разглашать услышанное. Само собой, конечно, если вы не собирались ограбить покойную. Ну же, не упрямитесь, мисс Адамсон, у нас с сержантом Бимишем ещё полно дел, – увещевал её полицейский.

– Я уже рассказала вам, инспектор, каким образом я попала в Мэдлингтон, – холодно ответила Оливия. – Не представляю, что ещё вы хотите от меня услышать.

– Например, то, в какую сумму вы оценили своё содействие интересам мистера Джорджа Понглтона, – склонив голову к плечу и не глядя на Оливию, Грумс сложил найденный на столе лист бумаги пополам, а потом ещё раз и ещё, всё это время не прекращая говорить: – Мне озвучили сумму в двести фунтов – очень неплохой доход для юной леди! – но, мисс Адамсон, между нами говоря, мне кажется, что вы не получили бы и половины обещанного. В своё время я навидался таких, как мистер Понглтон – да у них и чёрствого сухаря не выманишь. Мой вам совет на будущее: всегда требуйте задаток! Не стоит доверять людям только потому, что они живут где-нибудь в Белгравии и обедают с графом, а ужинают с виконтом. И не

удовлетворяйтесь словом джентльмена! Оно, к сожалению, стоит всё меньше и меньше.

– Это возмутительнейшее предположение, инспектор! – вскипела Оливия, не отдавая себе отчёт, что сейчас ей больше поможет холодное спокойствие и рассудительность, а не горячность и демонстрация праведного гнева. – Да, это так, мистер Понглтон предлагал мне вознаграждение за то, что я буду информировать его супругу о том, что происходит в Мэдлингтон-Касл. Но я не собиралась этого делать! Я в тот же день рассказала обо всём леди Элспет и, уж конечно, шпионить за ней в мои намерения не входило!

Грумс быстро взглянул на Оливию и снова увлёкся бумажным листом, который к этому моменту превратился в нечто, топорщившееся во все стороны.

– Да что ты будешь делать, – в сердцах выругался он, – как ни стараюсь, всё никак не получается! Мисс Грумс мне поручение дала, – с нескрываемой отцовской гордостью пояснил он, – папа, говорит, сделай мне сверчка, как тот забавный мистер, что скручивает всяких зверей из бумаги на субботней ярмарке в Скарборо. Вроде занятие нехитрое, когда со стороны посмотришь. Думаешь, вот делов-то – из бумаги поросят да лягушек вертеть! А выходит, и тут сноровка нужна, и в этом наостриться надо. А мисс Грумс у меня стро-о-огая! Чуть что не по ней – покоя не жди. Но мне вот что интересно, мисс Адамсон, – и Грумс резко взглянул ей в лицо, – почему мистер Понглтон заверил меня, что вы сами предложили ему свои услуги? Кому из вас мне стоит верить? История эта никак не затрагивает мою профессиональную деятельность, но по-человечески мне любопытно: кто же из вас двоих лжёт?

– Я рассказала вам правду, инспектор, – произнесла Оливия уже без прежнего возмущения. – И поверьте, я ни о чём так сильно не жалею, как о том, что откликнулась на просьбу леди Элспет и поддалась на её уговоры.

На неё отчего-то навалилась смертельная, лишаящая сил усталость, будто на плечи легло тяжкое бремя. Пока длился допрос, солнце успело уплыть за холмы. Ручеёк золотистого света, проникающий через витражное окно, иссяк, и теперь тесная комната напоминала пересохший колодец. Бимиш за спиной Оливии вёл себя до того бесшумно, что она уже и забыла о его присутствии.

– Могу я поинтересоваться, мисс Адамсон, куда вы намереваетесь отправиться дальше? Раз уж выяснилось, что вы не имеете обыкновения наниматься в услужение, я хотел бы знать, где можно вас найти, если в деле появятся новые обстоятельства.

– Я собираюсь вернуться в Лондон, инспектор Грумс. И как можно быстрее, – категорично заявила Оливия, вновь упорствуя в своём заблуждении, потому что ни в какой Лондон она не уехала ни на завтрашний день, ни через два дня, ни даже через пять.

* * *

Новые обстоятельства, о которых туманно выразился инспектор, не заставили себя долго ждать.

Пока Грумс беседовал с Оливией, в Мэдлингтон прибыл доктор Мэтьюсон. После осмотра покойной он установил причину смерти – сердечный коллапс, вызвавший шок, а затем и летальный исход.

Его вердикт подтвердил умозаключения инспектора, отчего тот испытал удовлетворение собственной проницательностью и уже собирался отбыть из Мэдлингтона вместе с сержантом и констеблями, как в простом и ясном на вид деле появились эти самые новые обстоятельства. Известие застало его на ступенях парадного крыльца, где собрались все гости покойной леди Элспет.

О ещё одной улике вновь сообщил Седрик, принимавший во всех событиях живейшее участие. За его спиной маячила перепуганная Бернадетта, глаза её были полны слёз.

– Вот, полюбуйтесь-ка, инспектор. Очередная записка. Похоже, кому-то в день праздника вздумалось устроить игру в почтальона.

Седрик передал записку Грумсу и, скрестив руки на груди, застыл в выжидающей позе. Сложно сказать, чего именно он ожидал от инспектора, но его чрезмерное возбуждение было заметно всем присутствующим.

Записка, адресованная Бернадетте, гласила:

«У меня есть сведения о вашем муже. Не сомневаюсь, что вы захотите их узнать. Приходите в оранжерею к трём часам пополудни и будьте готовы ждать, сколько понадобится».

– Любопытно, – протянул Грумс, вынимая из кармана первую записку и сравнивая её со второй. – Почерк вроде бы тот же. И толщина грифельного карандаша на первый взгляд совпадает.

– Эти записки писал один и тот же человек, инспектор, – категорично заявил Седрик и обратился к Оливии: – Непонятно только, мисс Адамсон, зачем вам это понадобилось. Разве что вам доставляет удовольствие плести интриги.

От его слов, от его взгляда Оливию обдало холодом. Все – и даже Присцилла – смотрели на неё недоумевающе, с презрением, так, будто были уверены, что записки непременно написала она.

– Миссис Понглтон, каким образом вы обнаружили послание? – тон Грумса не оставлял сомнений в том, что находка встревожила его.

– Записка была в моей комнате, на подушке, месье, – голос Бернадетты дрожал, она с трудом сдерживала слёзы, – я нашла её после завтрака.

– Почему вы никому не сказали о записке? Разве вам не показалось это подозрительным? Тем более что, насколько я знаю, ваш муж, Монтгомери Понглтон, погиб во Франции несколько лет назад.

– Не знаю, месье, сама не знаю, – Бернадетта умоляюще сложила руки и, пробормотав что-то по-французски, принялась сбивчиво объясняться: – Я не придавала большого значения, месье. Все были так заняты праздником. И я тоже, месье, я тоже была очень занята. Потом, ближе к трём часам, я вспомнила о записке и решила всё-таки пойти в оранжерею. Но никто не пришёл, месье, никого кроме меня, там не было! Я была там так долго, что потеряла счёт времени, и лишь тогда поняла, что это была чья-то дурная шутка, а потом мистер Седрик рассказал мне, что над леди Элспет тоже подшутили... – и Бернадетта с неожиданной злобой взглянула на Оливию.

По лицу Грумса было заметно, что он находится в замешательстве. Однако инспектор не привык тратить время без пользы, к тому же дома его ждала требовательная мисс Грумс, ожидающая обещанных ей леденцов и чтения вслух очередной главы из Энид Блайтон, и он сделал выбор в пользу намеченных планов. Совесть его не терзала – смерть пожилой леди, настигшая её в небывало жаркий для Йоркшира день, по всем признакам не была насильственной, а значит, дело было закрыто и его вмешательства не требовало.

Когда полицейские отбыли из Мэдлингтона, все стали расходиться. Виктория, крепко ухватив Джорджа под руку, повела его в дом. Проходя мимо Оливии, она смерила её уничижительным взглядом. Седрик, неудовлетворённый реакцией инспектора на вторую записку, попытался затеять неприятный разговор, но Присцилла сначала что-то долго ему втолковывала, а потом супруги тоже ушли в дом. Вместе с ними покинули крыльцо и Бернадетта, и Финч, сказавший напоследок громко и с неприкрытым сарказмом: «Выходит, мисс Адамсон, леди Элспет здорово ошиблась на ваш счёт».

На крыльце осталась только Оливия – растерянная, угнетённая, мрачно обозревающая безлюдную лужайку с брошенными шатрами, помостами и гонимыми ветром обрывками бумаги и рекламными проспектами.

* * *

Узнав о смерти хозяйки, миссис Вайсли прибегла к своему излюбленному способу успокоить нервы, после чего вновь слегла. Анна, спешно вернувшаяся из деревни, сбилась с ног, ухаживая за кухаркой и обеспечивая Викторию холодной водой, горячим чаем и дополнительными подушками. Под нажимом жены Джордж улёгся в постель и теперь с видимым удовольствием принимал её заботу, создавая хлопоты горничной и изображая сломленного горем человека.

Он лежал, прикрыв глаза и разглядывая обширную спину Виктории, которая, присев за шаткий туалетный столик, сразу же взялась за дело – принялась звонить, писать письма и планировать похороны свекрови, пряча за лихорадочной деятельностью чувство облегчения. Наклеивая на конверт универсальную марку, она недовольно взглянула на медлившую на пороге горничную и отрывисто спросила:

– Что тебе, Анна? Кстати, передай Хигнетту, что он мне нужен.

– Хигнетт ещё не вернулся, мэм, – покачала головой горничная и осталась стоять, засунув руки в карман мятого передника.

Виктория продолжала смотреть на неё с холодным недоумением, и решимость Анны начала испаряться. Тем не менее горничная вдохнула поглубже и произнесла:

– Я, миссис Понглтон, премного сожалею, что леди Элспет умерла. Вы не подумайте, что я бесчувственная какая или думаю только о себе. Мне правда жаль, что так вышло, и я нисколько не радуюсь. Но мне хочется, чтобы всё было по справедливости, как и обещано мне леди Элспет.

– Ничего не понимаю – какая справедливость, какие обещания? О чём ты говоришь, Анна? – лицо Виктории приобрело неприятное, подозрительное выражение.

– Я о пяти тысячах фунтов говорю. Которые мне леди Элспет обещала. Она так и сказала под Рождество: я, говорит, Анна, о тебе позабочусь. Раз ты сирота, о тебе и позаботиться некому, а я позабочусь. Ты, говорит, на эти деньги сможешь свою жизнь хорошо устроить, и в услужение тебе больше наниматься нужды не будет. Будешь сама себе хозяйка, и никто тебе указывать не будет, чего тебе делать или не делать, – Анна сглотнула и снова перешла к оправданиям: – Но вы не подумайте, миссис Понглтон, я у неё ничего не просила. И после того разговора ничуть не расслабилась – как работала прежде со всем усердием, так и продолжала. Вот только всё равно по справедливости надо поступить, миссис Понглтон. Большой грех, говорят, волю покойника не исполнить.

Высказавшись, Анна устала на носки своих выходных туфель, которые так и не успела переодеть, и шея у неё покраснела почти так же, как и лицо Виктории. Джордж, полусидя-полулёжа среди подушек, шумно втянул воздух через стиснутые зубы, когда Анна объявила сумму, но предоставил разбираться с этим жене.

– Позволь-ка уточнить: речь идёт о том, что леди Элспет намеревалась оставить тебе в наследство часть семейного капитала? Я правильно поняла тебя, Анна?

– Ну, так выходит, миссис Понглтон. В наследство она собиралась мне эти деньги оставить. Позаботиться обо мне. Вот только я не знаю, что мне нужно сделать, чтобы это наследство получить, – успокоенная тем, что Виктория Понглтон не вышла из себя, а продолжает её внимательно слушать, Анна приободрилась. – Может, мне бумагу какую подписать надо?

Виктория на несколько секунд прикрыла глаза, чтобы не видеть горничную, и ей представилось, как она хватает наглуую девицу за плечи и трясёт, трясёт – так, что голова той в неряшливых

полуразвившихся кудряшках болтается из стороны в сторону, а глаза наполняются ужасом и мольбой о пощаде. Однако Виктория не была бы собой, если бы не умела брать себя в руки в самые острые моменты, когда гнев застилал глаза и на язык просились необдуманные слова.

Улыбнувшись, Виктория ответила ровным, светским тоном:

– Для начала, Анна, тебе нужно дождаться оглашения воли покойной. Для этого через несколько дней в Мэдлингтон приедет семейный поверенный, мистер Броттиген. Именно он и прочтёт нам завещание леди Элспет, и, уверяю тебя, его работа в том и заключается, чтобы сделать всё по справедливости. А сейчас будь добра, отыщи Хигнетта и пришли его ко мне.

Анна хотела было сказать что-то ещё, но, подняв глаза на Викторию и ужаснувшись её ненатуральной, будто приклеенной, улыбке, молча кивнула и вышла из комнаты, медленно притворив за собой дверь.

* * *

Оливии никто не сказал открыто, чтобы она уезжала из поместья, но было понятно, что её дальнейшее присутствие нежелательно. Тем не менее, сознавая, что правда на её стороне, она решила уехать из Мэдли завтрашним утром, оставшись ещё на одну ночь.

Было ли это непонятное упрямство, вызванное обидой, либо зародившиеся сомнения в естественности смерти леди Элспет – она пока не знала. Оливия сидела на краешке кровати у себя в комнате, держа спину очень прямо, а руки, сцепленные в замок, положив на колени. Глаза её были закрыты, перед внутренним взором мелькали, словно кадры кинематографической ленты, картины праздника и события последних часов. Ей отчётливо вспомнилось лицо леди Элспет, то, каким оно было, когда та сидела под деревом и жадно пила лимонад. Возможно, что уже в тот момент с ней происходило нечто, что и привело к скоропостижной смерти.

Не в силах бездействовать и нуждаясь в поддержке брата, Оливия отправилась в холл. По дороге ей встретился Хигнетт – в руках у него

был чайный поднос с одной чашкой чая и серебряным молочником. Лицо дворецкого выглядело искренне опечаленным.

В трактире долго не снимали телефонную трубку, а когда томный женский голос, принадлежавший, несомненно, Айви, протянул «Алло-о-оу», то выяснилось, что ни Филипп, ни мисс Прайс ещё не возвращались. На заднем фоне рокотал океан людских голосов – этим вечером у завсегдатаев «Розы и короны» было что обсудить.

Стоя в сумрачной прохладе холла с телефонной трубкой в руке, Оливия представила, как брат и его спутница сидят в кинозале бок о бок, и на их лицах оживление и восторг от праздного времяпрепровождения и взаимной симпатии. Филипп, скорее всего, даже и не знает о том, что произошло в Мэдлингтон-Касл, иначе – ей отчаянно хотелось в это верить – он непременно бы нашёл способ поддержать сестру.

От грустных мыслей её отвлекла Присцилла. Она спустилась в холл и быстро приблизилась к Оливии. Лицо её выражало одновременно и дружеское участие, и некоторую холодность, отчего она выглядела растерянной.

– Я боюсь, мисс Адамсон, что мы все отнеслись сегодня к вам не слишком справедливо. Знайте, я вовсе не считаю вас способной на подобные шутки с записками. Я убеждена, что такие выходки совершенно не в вашем характере. Скорее уж это похоже на дело рук Оскара Финча. Ему всегда нравилось мистифицировать окружающих. И... Вот, – она протянула Оливии сложенный вдвое чек. – Анна нашла его на прикроватном столике леди Элспет. Моя свекровь, скорее всего, выписала его заранее и собиралась отдать его вам сегодняшним вечером или завтрашним утром. Я знаю, каково это – зарабатывать на жизнь собственным трудом, и не хочу, чтобы вы оказались в неловком положении и были вынуждены вести разговор об оплате своих услуг с Джорджем или Викторией.

Она взяла Оливию за руку, вложила в неё чек и, покачав головой, пресекла все возражения с её стороны:

– Леди Элспет терпеть не могла быть чьей-либо должницей. Не отрицайте её последнюю волю, мисс Адамсон. Поверьте, вы найдёте этим деньгам лучшее применение, чем Джордж.

Не найдя подходящих слов для отказа, Оливия приняла у неё чек, но заглянула в него лишь тогда, когда Присцилла покинула холл.

Сумма, выписанная размашистым почерком со старомодными виньетками, была более чем щедрой – настолько, что ей представилось, какое негодование охватит Джорджа, узнай он об этом.

* * *

После несправедливых обвинений, высказанных в её адрес, Оливия хотела поддаться малодушному порыву и попросить Анну принести ей ужин в комнату, но быстро передумала. Собравшись с духом, она переделалась и отправилась в столовую через анфиладу узких и сумрачных коридоров Мэдлингтона. Ей вспомнилось, как недавно на этом пути её сопровождала леди Элспет – полная жизни, искрящаяся обаянием и предвкушающая грядущее празднество и не совсем невинные развлечения, которые мог подарить ей визит родственников.

Когда она вошла в столовую, ни Седрик, ни Джордж с Викторией даже не посмотрели в её сторону, и только Бернадетта не удержалась от хмурого осуждающего взгляда, да Финч с ухмылкой отпустил пару замечаний на тему шутников и их сомнительных забав.

Ужин был преотвратным: сплошь консервированные мясные закуски – серо-розовые, в дрожащем желе, тут же растекающемся по тарелке мутноватой лужей, и остатки нераспроданных пирогов, принесённые из чайного шатра, – но никто не роптал. Мысли всех присутствующих вращались вокруг внезапной кончины леди Элспет и последующих за этим событий.

Вообще, можно было с уверенностью утверждать, что единственными людьми, кому было по-настоящему, от сердца, жаль взбалмошную и жизнелюбивую леди Элспет, были Присцилла и Оливия Адамсон.

Братьев общая потеря не только не сплотила, но и, наоборот, вызвала нарастающее напряжение между ними, от которого, казалось, в столовой витает запах озона, предвещающий скорую яростную грозу. Напряжение это выражалось мрачными взглядами в упор и отвлечёнными фразами, демонстрирующими готовность к боевым действиям. Между Присциллой и Викторией тоже наблюдалось заметное охлаждение, и из-за всей этой холодной чопорности и слов,

пропитанных вежливостью и в то же время ледяной неприязнью, крошечная Бернадетта с испуганным узким личиком чувствовала себя настолько потерянной, что готова была разрыдаться. Её миссия, её самое главное в жизни дело – оберечь своих детей, дать им судьбу лучшую, чем уготована ей или их отцу, – была под вопросом, и эта неизвестность заставляла её нервничать так сильно, что столовые приборы в её руках выбивали дробь, соприкасаясь с тарелкой.

Когда подали анжуйский пирог, который Анна присыпала сахарной пудрой с целью скрыть растёкшуюся глазурь, Оливия, сославшись на головную боль, покинула столовую. Пока она шла к выходу, за её спиной нарастал, точно шорох приближающейся морской волны, осуждающий шёпот, и ей стоило серьёзных усилий не ускорить шаг и выйти из комнаты с достоинством.

Оливия позвонила в «Розу и корону» ещё раз, и после долгого ожидания вновь услышала недовольный голосок Айви: «Мистер Адамсон ещё не возвращался». Задумчиво постукивая трубкой по ладони, не в силах заставить себя вернуться в свою сумрачную комнату и зная, что определено не сомкнёт глаз до рассвета, она решилась на рискованный шаг.

К этому времени июньские сумерки загустели и укрыли все окрестности поместья серо-лиловой кисеей, так что Оливия не опасалась, что кто-то сумеет её заметить. Она быстро, чтобы не передумать, вышла через холл на крыльцо и торопливо спустилась в сад. Когда Оливия обходила клумбу с цветущими розами, то в нос ей ударил резкий запах хереса и влажной земли, и она чуть помедлила, недоумённо вода головой и принохиваясь.

Однако терять время не годилось, и она снова пошла быстрым шагом, почти побежала, но, когда в щёку врезался крупный жук, тихонько вскрикнула от неожиданности и умерила шаги.

Над часовней на фоне ночного неба выступала зубчатая стена леса. Здание, укрытое до самого верха разросшимся за долгие годы одеялом из плюща, выглядело тёмным, угрожающим, и Оливия только сейчас сообразила, что осмотреть его внутри у неё не получится – она не захватила с собой ни фонарика, ни свечи.

Тем не менее отступать было поздно. Она поднялась по высоким ступеням и толкнула дверь – та распахнулась легко, без скрипа.

Застоявшаяся, затхлая прохлада нежно окутала её, когда она вошла под своды часовни, и под ногами захрустели мелкие камешки.

Когда к этим звукам прибавились чьи-то вкрадчивые шаги, Оливия резко обернулась. На фоне дверного проёма стояла, широко расставив ноги, тёмная фигура. В тот же миг захлопнулась дверь, и в глаза ей ударил узкий луч ручного фонарика.

– Так-так, мисс Адамсон, и что же вам здесь понадобилось?

От неожиданности она растерялась, тело до странности одеревенело.

– Мистер Финч, вы не могли бы... – попросила она, прикрывая глаза ладонью. – Я так ничего не вижу.

Он повёл фонариком в сторону, и жёлтый луч зазмеился по стене, покрытой трещинами.

– Зачем вы пришли сюда? Вам совершенно нечего здесь делать, – тон Финча был весьма нелюбезен.

Он хмуро, без намёка на улыбку, смотрел Оливии прямо в глаза, ожидая ответа, и загораживал собою выход.

Внезапно Оливия разозлилась. Финч и до этого дня вёл себя большей частью надменно, а его манера ухмыляться и отпускать едкие замечания по каждому поводу была ей неприятна.

– С какой это стати вы меня допрашиваете, мистер Финч? И что привело сюда вас? Вы шли за мной следом? Крадучись, как я понимаю, иначе я бы услышала ваши шаги раньше.

Финч приглушённо рассмеялся, и луч фонарика заплясал, хаотично перемещаясь по стенам.

– Нет, мисс Адамсон, я заметил вас, только когда вы поднялись по ступеням. Я шёл сюда кружным путём, через старые конюшни. А привело меня в часовню – вы не поверите! – любопытство. Леди Элспет была моим близким другом, что бы ни говорили злые языки, и меня ошеломила мысль, что она скоропостижно умерла здесь, в заброшенной часовне, совсем одна, от загадочного сердечного припадка. Вот я и решил взглянуть на это место. Признайтесь, всё было так, как предположил инспектор? Вы назначили встречу, а когда ей стало дурно, испугались и сбежали?

– Я уже говорила это, мистер Финч, и готова повторить вновь: я не писала эти записки и не назначала встреч ни леди Элспет, ни

Бернадетте. Записки с таким же успехом мог написать кто угодно – например, вы.

– Ну и зачем бы мне это понадобилось? – ухмыльнулся Оскар Финч. – К чему, по-вашему, мне было плести интриги? Или вы намекаете, что я заманил леди Элспет сюда и сказал ей что-то такое, что вызвало сердечный приступ, приведший к смерти?

– А вообще бывает, чтобы человек умер от потрясения? – Оливия вдруг схватилась за это предположение. – Может такое произойти – в жизни, я имею в виду, а не в бульварных листках о всяких ужасах, которые по субботам продают мальчишки-газетчики?

– Ну-у-у, у кролика или мыши, например, может разорваться сердце от испуга, – неуверенно протянул Финч. – Такое бывает, и в этом нет ничего удивительного. Дело в том, что нервная система у грызунов устроена несколько иначе, чем у животных других видов, в частности...

– Но леди Элспет не кролик и не мышь, – перебила его Оливия. – Может быть, у неё были проблемы со здоровьем? День и правда был невероятно знойным. Я знала одного человека, который пострадал от апоплексического удара после того, как в жаркий день прошагал десять миль без единой передышки. И я сама видела, как леди Элспет ощутила недомогание. Ей стало дурно ещё у загона со свиньями, где вы так отчаянно сражались за главный приз, – позволила она себе небольшую колкость.

– Почему же вы не настояли на том, чтобы пригласить к леди Элспет доктора? – с вызовом спросил Финч, не простивший намёка на свой бесславный проигрыш матушке Ландрас.

– Да откуда же я могла знать, что дело настолько серьёзное? – Оливия решительно отмела обвинение. – Да и заставить леди Элспет спокойно усидеть на месте не так уж легко. Единственное, что она позволила мне для неё сделать, так это принести лимонад и смочить виски одеколоном – и как только ей стало лучше...

– Да, да, это очень похоже на леди Элспет, – не слишком вежливо перебил её Финч и вдруг принялся с любопытством осматривать дверные петли.

Он присел на корточки и провёл пальцами по железной скобе, а потом обнюхал их. Хмыкнув, поднялся на ноги и, передав Оливии фонарик, вытащил из кармана брюк платок и тщательно вытер ладонь.

– Масло, – пояснил он. – Машинное масло. Кто-то недавно смазал петли.

– Но это ведь не означает, что...

– Конечно, нет, – без запинки ответил Финч. – Петли мог смазать садовник. Возможно, часовня не так уж и заброшена, как многие думают, – и он протянул руку за фонариком.

Яркий свет обнажил разрушения, которые нанесло часовне безжалостное время – стропила прогнили, железные стяжки проржавели, стены и веерный свод были покрыты трещинами и пятнами, щербатые каменные плиты пола крошились под ногами. От внутреннего убранства не осталось ничего, только железный крюк в потолке, потемневшее от времени деревянное распятие на противоположной от входа стене и над ним узкое двустворчатое окно с витражами. Слева от него находилась низкая дверь, и Оливия, подойдя к ней и толкнув, убедилась, что та заперта. Нагнувшись, она, сощурив один глаз, осмотрела замочную скважину, а после, по примеру Финча, провела пальцами по дверным петлям, и он не преминул высмеять её поведение:

– Не впадайте в крайности, мисс Адамсон, – посоветовал ей Финч снисходительно. – Это всего лишь старая часовня, а не приют контрабандистов. Здесь нет скрытых комнат и потайных ходов. Признайтесь, в детстве вы зачитывались приключениями Алого Пимпернеля и леди Молли.

– Вы на редкость проникательны, мистер Финч, – в тон ему ответила Оливия, нисколько, впрочем, не устыдившись. – А что в детстве читали вы? Киплинг, Брэм?

– Почти угадали, – Финч радостно рассмеялся, будто воспоминания о детстве доставили ему неподдельное удовольствие, и Оливия вновь поразились тому, как преображается его лицо, лишаясь маски надменности, – и Брэм, и, конечно же, Лофтинг. В приюте, в котором я рос, была чудесная библиотека. Нам, воспитанникам, позволялось читать столько, сколько захочется, и мы всю пользовались этой привилегией. В общем-то, чтение и определило мою дальнейшую судьбу. Я всегда воображал себя доктором Дулитлом и однажды даже подлатал охромевшего кухонного кота, соорудив ему шину и повязку из подручных материалов.

– И что с ним стало потом? – заинтересовалась Оливия.

– С котом-то? – Финч выпрямился после того, как осмотрел дверь снизу, и смахнул пыль с брюк. – Лапа срослась, но через пару месяцев он сломал другую, неудачно спрыгнув с дерева. Скорее всего, он страдал от повышенной хрупкости костей. Сейчас я бы мог прописать ему курс препаратов с кальцием и фосфором, и проблема была бы решена. Его звали Бирмингем, и он был всеобщим любимцем. Старый такой, блохастый котище с отмороженными ушами. Но трудяга. В радиусе трёх миль от приюта никто ни разу не видел ни одну мышь.

Воспоминания заставили его улыбнуться, но он тут же резко согнал улыбку с лица. Повернувшись к девушке спиной, вынул из кармана лупу, с помощью которой принялся осматривать замочную скважину.

Оливия прошла по часовне ещё раз, и, когда её лица коснулось нечто лёгкое, незримое, свисающее откуда-то сверху, от неожиданности тихо вскрикнула. В тот же момент Финч обернулся и направил луч фонарика прямо на неё, и в ярком сливочно-жёлтом свете она увидела, как с чёрного облезлого крюка в потолке свешиваются, колеблясь от еле уловимого сквозняка, несколько длинных волнистых нитей с лохматыми концами.

– Сколько нужно нитей, чтоб сплести верёвку? – не успев подумать, пропела Оливия тонким голоском, и часовня погрузилась во тьму – Финч неловко разжал ладонь, фонарик запрыгал по каменным плитам, на мгновение осветив его искажённое ужасом лицо, и сразу же погас.

Глава двенадцатая, в которой Оливия решительно приступает к расследованию, предварительно обзаведясь находчивыми помощниками

Оливия покинула Мэдлингтон на рассвете, не прощаясь ни с кем из Понглтонов. Собрав свои немногочисленные вещи, она спустилась в холл и распахнула тяжёлую входную дверь.

Раннее утро встретило её прохладой, и она, застегнувшись и приподняв воротник пиджака, торопливо зашагала по росистой траве, радуясь, что покидает поместье и совсем скоро увидится с братом.

Дойдя до кованых ворот, она обернулась. В этот момент солнечные лучи, перебравшиеся через холм, осветили дом, и ей пришло в голову, что, возможно, даже самые уродливые вещи ранним утром кажутся лучше, чем в действительности, но к Мэдлингтон-Касл это явно не относится. Здание выглядело мрачным, ни из одной трубы, даже из кухонной, не шёл дым; на лужайке до сих пор стояли шатры, увенчанные флагами и покрытые алым трепещущим шёлком. По земле ветер гнал бумажный мусор, и от этого казалось, что поместье подверглось нападению и все его жители захвачены в плен.

Весь путь до трактира Оливия составляла в голове план разговора с Филиппом. Она не собиралась в ближайшее время покидать Йоркшир и должна была убедить брата остаться и помочь ей, несмотря на его явную заинтересованность делами мисс Прайс.

Основываясь лишь на интуитивном подозрении и не располагая никакими внушительными фактами, Оливия тем не менее не могла отделаться от мысли, что со смертью леди Элспет не всё так уж гладко. Ей, в силу молодости и отменного здоровья, думалось, что ни один человек на свете, если только он, разумеется, не на смертном одре, не может взять и умереть от естественных причин столь скоропостижно, как это произошло с её нанимательницей.

Так, мысленно беседуя с братом и находя на его возражения всё новые доводы, Оливия уже через полчаса вошла на холм, за которым

виднелась деревня. К этому времени её вымышленная речь приблизилась к триумфальному завершению, и в "Розу и корону" она вошла окрылённой и во всеоружии.

В этот час трактир был безлюден, и только Филипп в одиночестве сидел у окна и с жадностью поглощал сыр, хлеб и холодное мясо. Он заметил сестру лишь тогда, когда она села напротив, прислонив чемодан к ножке стула. Что-то в выражении её лица заставило его отодвинуть в сторону тарелку и с тревогой нахмуриться.

– Олив, что случилось? Я не ждал тебя так рано.

Он снова придвинул приборы и принялся за еду.

– Не смотри на меня так. Мы веселились до самого утра и не успели толком поужинать, так что я голоден как лошадь. Если хочешь, можешь взять горбушку.

– Ты что, ничего не знаешь? – удивилась Оливия, оставив без внимания щедрое предложение брата и, обернувшись, убедилась, что любопытной Айви за стойкой нет.

– Не знаю о чём?

– Леди Элспет вчера умерла. Я думала, что в деревне известия разносятся с головокружительной скоростью.

– Ты серьёзно?! По-настоящему умерла?

– Настоящей некуда, – мрачно подтвердила Оливия и в этот момент остро осознала неотменимость случившегося и ощутила детское, упрямое несогласие с произошедшим.

– Я слышал только какую-то историю о призраке в часовне, но подумал, что речь идёт об игре. Ну, знаешь, деревенские праздники, немудрёные развлечения и тому подобное.

– О призраке в часовне? – Оливия заинтересовалась и резко подалась вперёд, чуть не столкнув со стола тарелку с сыром.

– Ну да. В каждой уважающей себя английской деревне есть призрак, обитающий в часовне, а в ирландской так сразу несколько, разве ты не знала? – Филипп снова принялся пережёвывать хлеб, заедая его сыром и предусмотрительно отодвинув тарелки подальше от сестры.

– От кого ты это слышал? – Оливия по-прежнему не сводила с брата внимательного взгляда.

– Да не знаю я от кого, – в тоне Филиппа послышалась досада. – На кухне кто-то из судомоек болтал, когда я упрашивал кухарку не

дать мне умереть с голоду. Ты как полицейская ищейка, Олив, честное слово. Нельзя же вот так набрасываться на людей с утра пораньше.

– Расскажи мне всё, что слышал на кухне, – приказала Оливия, и, не обращая внимания на протесты брата, забрала горбушку с остатками сыра.

– Я проснулся на рассвете, почувствовал голод и спустился...

– Эти подробности можешь пропустить. Переходи сразу к делу, – распорядилась Оливия.

– Ты что-то совсем раскомандовалась, не находишь? В общем, одна из кухонных девчонок сказала: «Не стоило им тревожить дух несчастной Айрин. Все знают, что она сторожит часовню», а вторая ей говорит: «А я бы ни за что туда не пошла. Вот хоть режьте меня, а даже на порог бы не ступила. Неудивительно, что сердце у неё не выдержало». И тут пришла кухарка и прикрикнула на них, чтобы разожгли огонь как следует и перестали языком молоть.

– Айрин, которая сторожит часовню... – повторила Оливия задумчиво. – Кто эта Айрин, они не говорили?

Филипп покачал головой и поспешно допил холодный чай.

– Ты что, уходишь куда-то? – удивилась Оливия, которая ещё не обсудила с братом и десятой доли того, что намеревалась. – Но я же...

– Прости, Олив, но мне нужно бежать. Маленькое дельце, всего на полчаса. Ты хотела мне что-то ещё рассказать? Может, по пути в Лондон? Уверен, что Имоджен, ну, то есть мисс Прайс, тоже будет интересно послушать.

– Ты не понял, Филипп. – При упоминании мисс Прайс Оливия потеряла всякое терпение и подготовленные заранее аргументы оказались не нужны. – Мы не едем сегодня в Лондон. И завтра тоже. Я хочу остаться в Йоркшире и выяснить, почему умерла леди Элспет. И мне нужна твоя помощь.

* * *

Айви, не слишком довольная новыми хлопотами, проводила сестру немногословного, но такого обаятельного мистера Адамсона к единственному свободному номеру в конце коридора. Его доступность

объяснялась непомерно высокой стоимостью, но Оливию, в сумочке которой лежал более чем щедрый чек леди Элспет, это не остановило.

Комната оказалась просторной, из окон открывался вид на холмы, между которыми серебрилась лента реки. В обстановке номера самым примечательным предметом была высокая постель под пыльным атласным балдахином со свисающими, будто тропические лианы, кистями, и резной викторианский шкаф устрашающих размеров, похожий на галеон Великой Армады, в котором с лёгкостью могла бы разместиться ещё одна небольшая комната.

– В оплату входит завтрак, мисс, но вы, наверное, позавтракали в Мэдлингтоне?.. – Айви изучающе смотрела на Оливию, обшаривая её цепким и в то же время обманчиво-равнодушным, как у уличного воришки, взглядом.

– Нет, нет, Айви, я очень голодна и буду признательна, если завтрак мне принесут сюда. И мне понадобится две чайных чашки и большой чайник крепкого чаю.

– Как скажете, мисс, – вздохнула Айви, ничуть не вдохновлённая перспективой тащиться по лестнице с тяжёлым подносом, и отправилась вниз, чтобы передать распоряжение кухарке.

Айви неплотно прикрыла за собой дверь, и, когда та распахнулась от сквозняка, Оливия невольно разгадала причину торопливого исчезновения брата – у дверей смежного номера, прямо возле пары коричневых замшевых туфелек на непрактичных тонких каблучках, появился роскошный букет, перевязанный шелковой лентой. Алые маки, пышные садовые розы чудного абрикосового оттенка, гортензии с кремовыми, как дорогая писчая бумага, лепестками, и влажный, с капельками росы на листьях, любисток. Нелепый, несочетаемый подбор растений указывал как на то, что букет не был приобретён в цветочной лавке и составлялся собственноручно, так и на то, что в номере по соседству, скорее всего, проживала мисс Имоджен Прайс.

В этом Оливия убедилась через полчаса, когда почти справилась с обильным йоркширским завтраком, включавшим в себя копчёную пикшу, нежную взбитую яичницу, хрустящий бекон и горячие овсяные лепёшки, к которым прилагался кружок жёлтого масла с вытисненным на нём узором в виде чертополоха. Трактирные кушанья не шли ни в какое сравнение со стряпнёй миссис Вайсли, ярой почитательницы ревеня и фасоли, и Оливия отдала должное каждому блюду.

В дверь постучали, когда она уже допивала чай. На пороге стояли Филипп и подозрительно румяная Имоджен Прайс в полосатом костюмчике с пышной юбкой. Узкий поясок подчёркивал неправдоподобно тонкую талию, и Оливия подумала, уж не затянулась ли мисс Прайс в корсет, однако постаралась скрыть разочарование тем, что брат пришёл не один, и широко улыбнулась его спутнице.

– Какая жалость! Если бы я знала, мисс Прайс, что вы тоже придёте, то постаралась бы не накидываться так на овсяные лепёшки.

– Ничего страшного, – милостиво склонила та кудрявую головку, – я не имею привычки завтракать.

Войдя, девушка постаралась сесть так, чтобы видеть своё отражение в овальном зеркале трюмо, и Филиппу не оставалось ничего другого, как примоститься сбоку, у самого окна.

– Как вам Йоркшир, мисс Прайс? – осведомилась Оливия светским тоном. – Вам уже доводилось здесь бывать?

– О да, позапрошлым летом я была занята в большом турне по этим местам. Мы проехали от Лидса до Скарборо и давали по два выступления – дневное и вечернее. Каждый день – полный зал. Нас так хорошо принимали, что у меня до сих пор остались об этих местах самые тёплые воспоминания. Здесь, в Йоркшире, удивительно душевные люди. Дарить своё искусство такой публике – настоящая честь для любого артиста, – тёплым, грудным голосом призналась Имоджен Прайс, а Оливия подумала, уж не приняла ли та её за хроникёра местной газеты, ведущего театральную колонку. – А сегодня, представляете, кто-то из тех, кто видел меня на сцене и узнал о моём частном визите, прислал мне чудный букет. Это так по-настоящему трогательно, вы не находите?

– Ну разумеется, – согласилась Оливия, со злорадством отметив, как разочарованно вытянулось лицо у Филиппа. – Давно вы на подмостках, мисс Прайс?

– Сколько себя помню. Мои родители, а они служили в театре, возможно, вы даже слышали о них – дуэт Липински, одно время они были невероятно популярны! – включили меня в свой номер, когда мне было семь лет. О, это было так по-настоящему волнительно! Я до сих пор помню, как впервые вдохнула этот запах, который не спутаешь ни с чем – бархатных кулис, фанерных декораций, грима...

– Какая удивительная и необычная театральная судьба, мисс Прайс! – всплеснула руками Оливия, надеясь прервать поток воспоминаний и повернуть беседу в нужное ей русло. – Это просто необычайная удача, что вы откликнулись на приглашение моего брата и приехали во Фроингем. Дело в том, что мне необходим ваш профессиональный совет. Как думаете, Филипп, если его подучить, сможет сыграть роль весьма состоятельного, но слегка эксцентричного американского фабриканта, который на просторах Англии ищет возможности для преумножения своего капитала?

Погруженный в невесёлые раздумья Филипп тем не менее отреагировал незамедлительно и бурно:

– Эксцентричный американский фабрикант?! Олив, что бы ты ни задумала, я в этом участвовать не собираюсь.

Девушки, нисколько не обратив внимания на его слова, переглянулись. В глазах Имоджен Прайс Оливия прочла любопытство и азарт, и в душе у неё шевельнулось что-то вроде симпатии к спутнице брата.

Филипп, зная упрямство сестры, продолжал протестовать, но она повернулась к нему и со всей серьёзностью произнесла магическую фразу, заклинающий призыв родом из детства, который служил для близнецов сигналом к тому, что отступление невозможно:

– Мне нужна твоя помощь, Филипп.

Тот на несколько секунд прикрыл глаза и издал длинный тяжёлый вздох.

– Да, конечно, – ответил он обречённо, – всё, что скажешь. Но ты уверена, что мы не пожалеем об этом? С чего ты вообще взяла, что смерть леди Элспет наступила не от естественных причин? Пока всё выглядит так, будто она провела слишком много времени на жаре и стала жертвой сердечного припадка.

– С того, что записки – сплошное надувательство. Если я их не писала, то кто же? Кто, прикрываясь моим именем, заманил леди Элспет в часовню, а Бернадетту в оранжерею? Пусть инспектор и все остальные убеждены, что это сделала я, но я-то ведь знаю правду. Кто-то умышленно постарался бросить на меня подозрение, и я хочу выяснить, кто он и какую цель преследовал, – и Оливия принялась копаться в чемодане, который почему-то находился под столом. – Я точно знаю, леди Элспет не заслуживала того, чтобы её убили, – под

столом голос Оливии звучал сдавленно и глухо. – И к тому же она..., – Оливия выпрямилась и триумфально положила на середину стола полученный от Присциллы чек, – ...заранее оплатила мои услуги.

Филипп взял чек и, взглянув на сумму, присвистнул.

– Это чрезвычайно щедро со стороны леди Элспет.

– А она такой и была – щедрой и доброй. Может быть, самую малость взбалмошной, но это простительный недостаток. И мне невыносима мысль, что никто в Мэдлингтоне не сожалеет о ней, и никому нет дела до того, как именно она умерла.

– А тебе не приходило в голову, что, вероятно, лучшим вариантом для нас будет покинуть Фроингем и вернуться в Лондон ближайшим поездом?

Оливия отрицательно покачала головой, не скрывая своего возмущения словами брата:

– Как ты не понимаешь, я не могу оставить леди Элспет неотмщённой! Никто не вправе лишать человека жизни в угоду своим страстям. Зло не должно торжествовать победу, это противно самой сути цивилизации.

Переглянувшись с Имоджен Прайс, Филипп невежливо закатил глаза:

– Ты неисправимый идеалист, Олив. Не боишься, что это может тебя погубить?

Глава тринадцатая, в которой Оливия знакомится с самой злостной сплетницей во всём Фроингеме, а Гумберту Проппу предстоит судьбоносная встреча

После бурного обсуждения деталей предстоящего расследования молодые люди разошлись каждый по своим делам. Филипп и мисс Прайс отправились в Лидс за новым костюмом, шляпой, ботинками и прочим реквизитом, который должен был послужить появлению во Фроингеме экстравагантного американского дельца, заинтересованного во вложении средств в местную недвижимость, а Оливия присела на шаткий высокий стульчик у бюро красного дерева и принялась за составление письма Джорджу Понглтону.

Насыщенное событиями утро утомило её, и дело двигалось с трудом. Обычно лёгкое перо Оливии не знало препятствий, еле поспевая за мыслями, а слог её писем был невесом и забавен. Однако на этот раз она столкнулась с трудностями. И первый, и второй варианты письма полетели в корзину, да и третий был не идеален, но времени размышлять уже не оставалось.

«Дорогой лорд Понглтон!» – говорилось в письме. «Позвольте мне ещё раз принести вам свои глубочайшие соболезнования из-за постигшей вас утраты. Я искренне надеюсь, что со временем боль вашей потери утихнет. Сожалею, что не успела попрощаться с вами и вашей супругой, покидая Мэдлингтон-Касл, но семейные обстоятельства вынудили меня поступить подобным образом.

Дело в том, что из Америки прибыл мой единокровный брат, Филипп Адамсон. Его поездка носит деловой характер, что и заставило меня вспомнить о нашем с вами разговоре. Филипп обладает свободным капиталом и намеревается выгодно вложить средства в английскую недвижимость. Сейчас он находится в поиске интересных с деловой точки зрения предложений, и я осмелилась рассказать ему о

том, что вы желаете модернизировать поместье и превратить его в отель. Мой брат, имеющий опыт в подобных делах, был впечатлён вашей деловой хваткой и широтой политических взглядов.

Думаю, вам будет небезынтересно обсудить возможность взаимовыгодного сотрудничества. Для вашего сведения, мы с Филиппом намереваемся провести во Фроингеме ещё пару дней, так как к нам присоединилась наша дражайшая подруга, баронесса Хелена Ангелика фон Мюффлинг, путешествующая инкогнито, и все мы пленились красотой этого чудного края, являющего собой истинный рай земной».

Оливия перечла письмо, чуть нахмурилась, но потом решила не вносить никаких изменений и, свернув его вчетверо, вложила в конверт. Отправить письмо-приманку она решила самостоятельно, дабы не вводить в искушение любопытную, будто сорока, Айви.

Спустившись, она с удивлением заметила стоявшего у стойки сержанта Бимиша. Тот был один, без инспектора, и вёл обстоятельную беседу с Айви, делая записи в замусоленном блокноте. Девушка же, покрасневшая от внимания к своей персоне, то и дело хихикала и флиртowała с сержантом, отчего тот принимался глупо улыбаться и переминаться с ноги на ногу. Увидев Оливию, Айви вдруг вспыхнула и отвернулась, мазнув по ней неприязненным взглядом, и та поняла, что беседуют эти двое о ней.

Не заостряя на этом внимание, но отметив про себя этот неприятный факт, Оливия неторопливо направилась к центру деревни, где были сосредоточены все крупные лавки, начальная школа, церковь и жилище vicария при ней, а также детский приют и старинное здание тюрьмы.

Длинная центральная улица с плотными рядами двухэтажных домов из тёсаного камня привела её сначала к монументу в честь павших на Великой войне жителей Фроингема, затем к пабу «Зелёная лошадь», за которым виднелась аптека с вывеской, сообщавшей, что «Желудочные капли и печёночные пилюли Картера сделают вашу жизнь счастливой». В поддержку этого сомнительного утверждения на вывеске был изображён тучный джентльмен, сидевший за обильно накрытым столом и с хищным вниманием разглядывавший запечённую баранью ногу с гарниром из картофеля и горошка.

Хмыкнув, Оливия взобралась на пригорок, за которым и обнаружила почтовую контору – она располагалась в приземистом одноэтажном здании. Возле входа, положив длинную морду на широкий порожек, дремал палевый бордер-колли. Когда Оливия приблизилась, собака комично приоткрыла один глаз, отчего приобрела сходство с Беном Тёрпином, изображающим косоглазого лакея в «Параде любви». «В-ваф», – лениво пожаловался пёс, не подвинувшись и на дюйм. «И в самом деле, на редкость жаркий денёк», – вслух согласилась Оливия и вошла внутрь.

Служащая почты, очень высокая и нескладная девушка с густыми взъерошенными бровями, как раз отсчитывала сдачу пожилой даме с плетёной корзинкой в руках, всячески уклоняясь от беседы с ней, что было не таким уж простым делом. Покупательница, находившаяся в преклонных годах, тем не менее умудрялась вести бойкий, хоть и односторонний, разговор, и появление ещё одного вероятного собеседника встретила с большим энтузиазмом, сразу же попытавшись втянуть Оливию в обсуждение неравного брака дочери мясника со вдовым фермером из холмов.

Оливия, которая терпеть не могла сплетен, вежливо дала понять, что торопится, купила несколько марок, открытку с видами Йоркшира и поспешила откланяться. Однако чуть позже, в бакалейной лавке, назойливая старушка встретила её вновь – оглянувшись, Оливия увидела за спиной её улыбающееся сморщенное личико.

– И года не пройдёт! – категорически заявила она, продолжая начатый ею разговор с того же места, на котором и остановилась. – Вот увидите, юная мисс, через год она сбежит от него с органистом, и бедняга начнёт искать утешения в «Зелёной лошади». Ферма придёт в упадок, а потом и вовсе с молотка пойдёт, и бедняга кончит свои дни как бродячий пёс, а во всём она будет повинна – вертихвостка Молли, – и она принялась быстро-быстро кивать, будто китайский болванчик.

Оливия улыбнулась ей так холодно, как позволяли приличия, купила полфунта лакричной карамели и торопливо пробралась к выходу, стараясь не смотреть на пожилую леди. Манёвр не помог ей избавиться от преследования – старушка вышла вслед за ней и предприняла попытку продолжить беседу, выкрикивая нечто невразумительное и задыхаясь от быстрой ходьбы.

С христианским долготерпением (и почти таким же выражением лица, как и у первых мучеников за веру у выхода на римскую арену), Оливия умерила шаг, а затем остановилась. Пожилая леди расплылась в улыбке и, хищно вцепившись зрачками в свою жертву, заковывала к ней, опираясь на тонкую щегольскую тросточку, никак не вязавшуюся с её грубоватым обликом и изношенной одеждой. В другой руке она с видимым усилием тащила плетёную корзину с покупками, которую незамедлительно вручила Оливии.

– Вот как славно-то! – с облегчением выговорила она, отдуваясь, и, не оглядываясь, засемила вперёд, оставляя в мягкой дорожной пыли цепочку отверстий, проделанных остриём трости.

Оливии пришлось последовать за ней. Солнце стояло в зените, и даже через плотную хлопковую рубашку чувствовалась его злая сила. На висках у неё выступил пот. Корзина оттягивала руку, из неё отчётливо доносился рыбный тинистый душок, особенно неприятный в такой жаркий день. Старушка же нисколько не выказывала усталости, продолжая неумолимо переступать крошечными ногами в разношенных детских ботинках с пряжками.

Шли они долго, время от времени сворачивая то направо от главной дороги, то налево, и вскоре Оливия совершенно потерялась. Единственным ориентиром оставался высокий холм на западе, по которому медленно проплывали тени и бродили овцы, издали казавшиеся клочками облаков, запутавшихся в вереске.

Тут, вдалеке от главных улиц деревни, на окраине, очарование Фроингема несколько потускнело. Дома уже не напоминали жилища фей, скорее, домики злых колдуний. Увидев в конце улицы, перед самым лесом, покосившийся коттедж с остроконечной крышей и выкрашенными в тёмно-зелёный цвет ставнями, Оливия каким-то внутренним чутьём поняла, что это и есть конечный пункт утомительного путешествия.

Так оно и оказалось. Старушка, повозившись с хитро устроенной щеколдой, распахнула перед ней калитку, и, не слушая никаких возражений, чуть ли не за руку втащила упирающуюся гостью в дом и усадила её у очага, в котором громоздились крупные куски торфа, покрытые заплесневелым спитым чаем. Пока она гремела на кухне посудой, у Оливии мелькнула малодушная мысль попросту взять да и сбежать, но в доме было прохладно, приятно пахло сухими травами и

грибами, развешанными на длинных нитях возле очага, и чашка чая представлялась достойной наградой за ходьбу по жаре с тяжкой ношей в руках. Белёные стены, тростниковые циновки на полу, низкий потолок и грубая самодельная мебель напомнили ей рыбацкую хижину в Корнуолле, где они с Филиппом однажды провели целое лето. Правда, вместо рыболовных сетей всюду были развешаны вырезки из «Рождественского приложения» и оправленные в грошковые деревянные рамки библейские изречения, посвящённые грешникам и уготованным им мукам. Среди них, что уж совсем неожиданно, висела репродукция, изображающая фельдмаршала Китченера в парадном мундире.

Хозяйка, с некоторым опозданием представившись «миссис Грин», принесла закопчённый поднос с миниатюрными, словно из кукольного сервиза, чайными принадлежностями и расставила на столе скудное угощение – зачерствевшие лепёшки и остатки ежевичного джема, засохшего настолько, что его пришлось бы резать ножом, найдись охотник до такого лакомства. Исполнив долг гостеприимства, она обстоятельно уселась в кресло-качалку, прикрыла колени клетчатым пледом и принялась тихонько раскачиваться, попутно просвещая гостью о жизни обитателей Фроингема и нанизывая на грубую нить ломтики грибов.

Очень скоро Оливия убедилась, что попала в дом самой злостной сплетницы во всём Йоркшире. За первой чашкой чая она узнала всю подноготную соседей миссис Грин, за второй – викария, бакалейщика, зеленщика и булочника, а после третьей решила взять дело в свои руки, раз уж перед ней оказался поистине неиссякаемый источник деревенских сплетен и новостей.

Услышав, что Оливию интересует семейство Понглтон, миссис Грин обрадованно закивала и расплылась в такой широкой улыбке, что её глазки, окружённые глубокими морщинами, почти что скрылись от мира, а всё лицо покрылось ямочками и стало похоже на плохо пропечённую овсяную лепёшку.

– По-о-онглтоны, – с нескрываемым наслаждением выговорила она, откидываясь на спинку кресла и складывая руки на животе. Её узловатые короткие пальцы, сплетённые в замок, были покрыты пятнами чернильного цвета, а маленькая голова на морщинистой шее напоминала черепахью. – Старинное йоркширское семейство, да.

Много про них говорят всякого, а я вот дурного не скажу. Дурное о людях говорить – грех. Дьявол-то рядом, он всё слышит. Где богохульствуют или ближних честят – в тот дом он и направляет своих приспешников.

Миссис Грин умолкла, придав лицу выражение невинности: бледные губы плотно сжаты, редкие выцветшие брови приподняты, глаза опущены долу. Оливия, уже не в первый раз наблюдавшая подобную интерлюдия, спокойно отпила глоток крепчайшего чая, зная по опыту, что уже через несколько минут последует продолжение, и не ошиблась.

– Работёнка-то дьяволу всегда найдётся, что уж там, – с невыразимой печалью изрекла миссис Грин, издавая тяжкий сожалеющий вздох и вновь принимаясь раскачиваться в кресле. – Люди-то каковы? Никого им не жалко, про всякого готовы дурную молву пустить. Даже вот взять леди Элспет – упокой, господи, её душу! – так ведь и про неё слухи распустили, будто она лорда Понглтона со свету сжила. Сначала окрутила его, а потом и жизни лишила. Подушкой, говорят, уморила, а пока он дух не испустил, всё шептала ему прямо в ухо: умри да умри, руки мне освободи.

– Как же кто-то мог узнать такие подробности?

– Вот и я говорю, – с жаром подхватила миссис Грин, – грязные рты у людей, и помыслы не чище. То-то дьявол веселится, то-то потирает руки, – она разомкнула ладони и потёрла одну об другую, демонстрируя, как веселится Христов искуситель.

– А я слышала, что старый лорд умер из-за несчастного случая, – не сдавалась Оливия. – Что его лошадь понесла, и он запутался ногой в стремях, а потом...

– Пустое это, милая, – отмахнулась миссис Грин. – Она, говорю тебе, она устала его смерти ждать да и взяла грех на душу. А может, с Финчем они это всё дело обстряпали, как знать? Он парень молодой, видит, можно поживиться, вот они и сговорились старого лорда извести, да после на его денежки припеваючи жить. Недаром мастер Джордж его от Мэдлингтона отваживал. Понимал, видно, что погубит тот и отца, и мать.

Оливия не нашлась, что возразить на это безумное предположение, и решила направить беседу в другое русло.

– Миссис Грин, а почему все так боятся фамильной часовни Понглтонов? Говорят, там когда-то давно умерла юная девушка. Вы что-нибудь слышали об этом?

– Да кто же не слышал, милая? Грех-то какой учинила над собой, – перекрестилась миссис Грин, крепко зажмурившись. – Айрин Шепли её звали, и жила она у мельницы. С матерью одной жила, отца у неё в шахте завалило. Бедно жили, подённой работой кормились. Наградил её Создатель красотой, только ума пожалел: связалась она со старым лордом да и забрюхатела. Ходила к ведунье, что у ручья жила, за старой фермой Томасов, ходила, да без толку. Не смогла она преступный плод вытравить, крепко младенчик, видать, завязался. Мать её не знала, как в глаза людям смотреть. Работу им перестали предлагать, жили они впроголодь, огородом одним. А когда ребёночек родился, отлежалась она малость да и пробралась в часовню Понглтонов. Там она и прокляла всех будущих детей старого лорда и весь его род, и явился ей диавол, и говорит ей: «Возьму я душу младенца твоего, да и отдам демонам своим на растерзание». А она ему в ответ: «Не тронь душу ребёнка невинного, лучше мою возьми, всё одно пропадать мне». И повесилась она прямо там, и до самого последнего вздоха не смолкал у неё в ушах хохот дьявольский, – и миссис Грин тонким голоском крайне бездарно изобразила дьявольский хохот.

Судя по всему, история эта была давно отрепетирована и рассказывалась несчётное количество раз, но Оливию передёрнуло от нескрываемого наслаждения собеседницы произошедшей трагедией. Та же, выдержав паузу, сделавшую бы честь и актрисе Королевского театра, добавила обыденным тоном:

– Нашли её на следующий день, к вечеру, когда праздник в самом разгаре был. Матушка старого лорда чуть чувств не лишилась, так...

– Какой праздник? – Оливия очнулась от невесёлых мыслей.

– Так в июне который, – ответила миссис Грин, недовольная тем, что её перебили. – В июне это произошло, лет двадцать семь, а может, и все двадцать восемь назад. Хотя... – она принялась считать, загибая пальцы и шевеля губами, – может, и больше времени прошло. Не обучена я грамоте, да и в голове всё путается. Но леди Эстер точно ещё жива была. Ух и гневалась она на сынка! Нрав у неё буйный был,

пока здоровье позволяло, вот и чихвостила его на чём свет стоит. Жалко ей часовню было, её ещё при Толстощёком Хэле^[10] строили.

– А что стало с ребёнком, который родился у Айрин? Он остался тут, в деревне?

– Ублюдок-то? Да нет. Мать Айрин увезла его с собой сразу после того, как дочь в землю закопали, а куда увезла, никто так и не узнал. Не приезжали они во Фроингем больше, но и дом не продали. Так и стоит заколоченным.

Заметив, что её гостя ёрзает и явно собирается откланяться, миссис Грин, редко имеющая удовольствие посплетничать всласть, с намерением её удержать поторопилась налить ещё одну чашку чая, тёмно-коричневого, словно торфяные лужи на болоте. Силы Оливии к этому моменту уже совершенно иссякли, из-за духоты на лбу выступила испарина, а высокий певучий голос хозяйки вызывал теперь лишь головную боль.

– А дворецкий-то их, Хигнетт, поговаривают, жену с детьми бросил, – без всякой связи с озвученными ранее событиями вдруг объявила миссис Грин, придвигая к Оливии блюдо с зачерствевшими лепёшками. – А когда совесть мучить начинает, то он им всё вещи по каталогу выписывает да по почте высылает. И Анна, горничная, тоже хороша – от сына мельника нос воротит, а сама, поговаривают, ездит в Лондон и распутничает там с Мардж Джессоп, бывшей подавальщицей из трактира миссис Тимпани! А приёмыш-то, Седрик Понглтон, вот уж он набедокурил в своё время! Что ни день, то бражничал без устали. Пил как лошадь, милая, просто спасу от него никакого не было. Но, правда, тихо себя вёл, не то, что некоторые, – и она с неподдельной печалью пошмыгала носом, пытаясь оттереть с ладони чернильные пятна уголком полотенца. – Так что никто у них там, в Мэдлингтоне, не без греха. Все в своё время дьявола потешили, – довольным тоном заключила миссис Грин и оттолкнулась ногой от пола.

Кресло-качалка увеличило амплитуду, и Оливия, против воли следя за его движениями, ощутила лёгкую дурноту. От крепкого чая её желудок болезненно сжимался, и поток нескончаемых злобных сплетен о жителях Фроингема обрёл явственное зловоние – запахи неряшливого жилища мешались с затхлым запахом сушёных грибов и кислым ароматом перестоявшего чая.

В кухне послышались тяжёлые шаги, что-то упало, прогромыхав, и миссис Грин резко выпрямилась в кресле. На лице её застыло страдальческое выражение.

– Эдвин явился, сынок мой, – проворчала она, не глядя на Оливию. – Опять из трактира на бровях пришёл. Я уж сколько раз просила миссис Тимпани не привечать его, да всё без толку. Вот я ему насыплю опять, будет знать!

Грохот в кухне всё нарастал, казалось, там орудует безумец – судя по звукам, Эдвин словно бился о стены, – и Оливия поспешила покинуть коттедж словоохотливой миссис Грин.

* * *

Пока Оливия распивала чай со сплетнями вместо сэндвичей, в Лидсе, на Викар-лейн, стоя у окна, не блещущего чистотой, в это утро томился невнятной печалью некий Гумберт Пропп. Был он единственным сыном весьма зажиточного торговца тканями, державшим лавку готового мужского костюма, шляп и прочих аксессуаров для молодых и не очень джентльменов, желающих быть одетыми достойным образом и в соответствии с самыми последними веяниями капризной моды.

Лавка не могла похвастаться сверкающими витринами, широкими распашными дверями или солидным усатым швейцаром в пышной ливрее, и потому не в силах была конкурировать с крупными магазинами. Тем не менее знающие люди ни за что бы не променяли возможность одеваться у Проппа на сомнительную радость покупки безликой, хотя и более дешёвой одежды в больших трёхэтажных универмагах, наводнённых студентами Лидского Университета, клерками, приказчиками и прочим невзыскательным народом.

Гумберт Пропп обладал поистине редчайшим даром – способность молниеносно оценить не только телесные параметры клиента, но и его уровень достатка, жизненные обстоятельства и даже тайные мечты вызывала у неподготовленного человека недоумение, сменявшееся чуть ли не суеверным страхом. Точно фокусник, хозяин лавки, не слушая никаких маловразумительных объяснений, подбирал, полагаясь на своё природное чутьё, пиджаки, брюки, рубашки, кушаки

и шляпы, формируя целостный образ. Не более трёх четвертей часа проходило с того момента, как клиент переступал порог лавки «Пропп и Пропп» и вот он уже с восхищением и лёгким недоверием любуется собственным отражением в огромном зеркале, и отражение это превосходит его самые смелые фантазии.

Служащий, надеявшийся выпросить прибавку к жалованью и пришедший всего лишь за новым зонтом, покидал лавку полностью преображённым и вскоре переходил на должность с гораздо более заманчивым окладом. Юноша, собиравшийся просить руки понравившейся ему особы и приобретший для этих целей новый костюм от Гумберта Проппа, в ближайшее время становился вхож в такие круги общества, что его предыдущая пассия оставалась в далёком прошлом, так как он мог претендовать на значительно более выгодную партию. А что уж говорить о солидных торговцах, имевших отношение к экспорту шерсти и заключавших сделки, чья стоимость превышала десятки тысяч фунтов стерлингов? Уж эти-то почтенные джентльмены были многим обязаны Гумберту Проппу.

Печаль же, захватившая хозяина лавки в свой плен, объяснялась легко. Имея самую непримечательную внешность – жидкие волосы песочного цвета, зачёсанные назад с целью скрыть намечавшуюся лысину, небольшие голубые глаза и широкий тонкогубый рот, из-за которого в школе однокашники прозвали его лягушонком Гумби, – и ведя размеренную жизнь, единственными тревогами в которой были участвовавшие забастовки рабочих на текстильных фабриках да происки конкурентов, Бернард Пропп ощущал непреходящую жажду творческого самовыражения.

Тайный ящик в его рабочем бюро, за которым он встречал посетителей, был забит альбомными листами с эскизами невероятных, умопомрачительных платьев, похожих на одеяния фейри, какими их изображают художники романтического направления. Цветные перья, прозрачная кисея и мерцающие блёстки, осиные талии и невероятные шляпы, украшенные ярдами тюля и бисером – все эти роскошные одеяния грезилась ему будто наяву. Гумберт Пропп вообще был романтической натурой (хоть и тщательно скрывал это и от служащих в его лавке, и от немногочисленных друзей, которые после смерти отца перешли к нему как бы по наследству), и всё убыстряющийся темп жизни и стремление современных девушек выглядеть как можно более

невзрачно были ему ненавистны. Все эти брюки, туфли на плоском ходу, напоминающие ботинки фабричного рабочего, безобразные укороченные юбки и полное отсутствие корсетов (без которых, по его категоричному мнению, не могло быть и речи о женственном силуэте), ввергали его в тоску об ушедшей эпохе и мысли о том, что двадцатый век слишком стремителен и груб для него.

Когда он порой после воскресного обеда позволял себе выпить подогретого вина и погрузиться в сладчайшие грёзы, в его мечтаниях вырисовывался призрачный образ очаровательной незнакомки в летящем платье. Образ смутный и такой неуловимый, что после пробуждения он был не в силах вспомнить ни цвет её глаз, ни причёску, и только ощущал томление в сердце и будто бы лёгкий аромат гиацинтов, напоминавший ему о матери, к которой он был невероятно привязан и которую потерял в далёком детстве по причине прозаической и вместе с тем ужасной – миссис Пропп, гостившая у сестры в Бате, подавилась кусочком салли-ланн^[11] и так никогда и не вернулась к мужу и сыну, оставив их горевать и предаваться безудержной скорби.

Погруженный в невесёлые мысли, Гумберт Пропп не сразу заметил, что напротив его лавки остановилась молодая пара. Филипп и мисс Прайс к этому времени уже успели перекусить картошкой с острой подливкой и осмотреть, единодушно ужаснувшись, Собор Святой Анны, выстроенный на месте церкви несколько десятилетий назад. Воодушевлённые и небольшим путешествием, и ясным солнечным днём, и компанией друг друга, они, сами не зная почему, остановились напротив невзрачной витрины, за которой виднелся манекен, одетый в щегольский шерстяной костюм и увенчанный несколько старомодным цилиндром.

Глухо звякнул дверной колокольчик. Первой в лавку вошла Имоджен Прайс, а следом за ней высокий молодой джентльмен с густыми рыжеватыми волосами и очень светлой кожей, казавшийся рядом со своей миниатюрной спутницей великаном.

Позабыв про учтивость, Гумберт Пропп уставился на девушку, не веря собственным глазам. Как профессионал, он сразу оценил великолепного покроя полосатый костюм с узкой юбкой и коротким жакетом, который, несомненно, не мог быть куплен в магазине готового платья и явно шился на заказ. Но не только это привлекло его

внимание. Девушка воплощала собой незнакомку из его грёз – разглядывая её, он словно бы уже видел милые его сердцу черты. Каждая деталь её туалета говорила об изысканном вкусе – и туфельки цвета слоновой кости с бархатной перепонкой, привлекающие внимание к стройным лодыжкам, и сумочка-кисет, расшитая жемчужным стеклярусом, и нежнейшего сливочного оттенка лёгкая шляпка с отделкой из полупрозрачной органзы, из-под которой выбивались золотистые локоны. В руках же незнакомка держала – нет, ему не показалось! – викторианский парасоль с кружевными фестонами по краю и сетчатыми вставками, расшитыми бисером.

Когда приветливость на лице посетительницы начала сменяться недоумением, хозяин лавки, наконец, обрёл дар речи:

– Гумберт Пропп и мой магазин готового платья к вашим услугам. Чем я могу быть вам полезен?

Деловито, без тени сомнения, девушка, сложив парасоль и изящно указав им на своего спутника, произнесла:

– Мистер Адамсон желает приобрести готовый костюм и всё, что к нему полагается. Вот только имеется одно важное обстоятельство... – доверительно прибавила она.

Хозяин лавки склонил голову к плечу, демонстрируя, что весь обратился в слух.

– Мистер Адамсон – известный театральный антрепренёр и ему предстоит поездка в Америку для заключения контракта. Поэтому костюм должен выглядеть... – она пошевелила пальцами в воздухе и мечтательно прикрыла глаза.

– ...Так, чтобы мистер Адамсон имел возможность заключить контракт на самых выгодных для себя условиях, – продолжил Гумберт Пропп, и от восхищения, вспыхнувшего в глазах очаровательной посетительницы, его бросило в жар.

Следующий час с четвертью пролетел для него как одно мгновение – вместе с неутомимой мисс Прайс они одобряли или отвергали десятки костюмов, шляп и рубашек. Участие Филиппа на этом этапе не требовалось вовсе, и он, сидя на неудобном шератоновском диванчике, пытался уследить за передвижениями своей спутницы, хмурясь в те моменты, когда она склонялась над конторкой, чтобы рассмотреть рисунок на ткани, и её лицо оказывалось слишком близко к пунцовой лягушачьей физиономии хозяина лавки.

Когда дело было сделано, и Филипп в сопровождении младшего служащего вышел из комнаты для примерки, мисс Прайс не сдержалась и захлопала в ладоши.

– Мистер Пропп, вы настоящий волшебник! Да я готова держать пари, что этот джентльмен живёт в двух шагах от Вулворт-билдинг!

Хозяин лавки смущённо улыбнулся, принимая заслуженную похвалу. При выборе костюма он отверг и шерсть, и твид, остановившись на хлопке оттенка слоновой кости, и, как оказалось, это было единственно возможным решением. Широкий, чуть более мешковатый, чем принято у англичан, двубортный пиджак с накладными плечами придавал худощавому Филиппу атлетичность и заграничный лоск, а белая рубашка со стояче-отложным воротничком, вошедшая в заокеанскую моду, подтяжки и великолепная федора^[12] от Dobbs из мягкого, но превосходно державшего форму, фетра завершали иллюзию. Теперь мистер Адамсон являл собой молодого и, судя по всему, удачливого и не стеснённого в средствах американского дельца средней руки.

После того, как молодые люди оплатили покупки и вышли, собственная лавка показалась Гумберту Проппу и тёмной, и тесной, а перед глазами промелькнула вереница будущих однообразных дней, складывающихся в годы и десятилетия. Ему вдруг примерещилось, что безголовые манекены, одетые в сюртуки, пиджаки и пальто, образовали тесный круг и придвинулись к нему ближе, чем были утром. И привычная тоска вновь захватила бы Гумберта Проппа, если бы не золотистый картонный прямоугольник в его руке, на котором под именем «Имоджен Прайс, певица, актриса романтического жанра» изгибались чёрные буквы, сообщавшие: «В скором времени одной очень талантливой театральной труппе понадобится костюмер. Подумайте об этом, мистер Пропп, и, как только будете готовы, пишите по адресу 23, Монтегю-плейс, Блумсбери».

Глава четырнадцатая, в которой благодаря актёрскому дарованию мисс Прайс на сцену выходит баронесса фон Мюффлинг, Джордж и Виктория обретают надежду добиться успеха, а Седрик морально сломлен и насылает проклятия на голову брата

На дознание, проходившее в здании суда, Оливия пробралась никем не замеченной и села в самом углу, рядом с пожилым джентльменом в старомодном котелке и траченном молью вязаном жилете. Со своего места она видела только спины членов семьи Понглтон и лица нескольких скучающих присяжных из числа достойнейших деревенских жителей.

Всё прошло быстро и, как ей показалось, бездушно. Присутствующие вяло переговаривались между собой, время от времени прикрывая ладошками рты, чтобы скрыть зеवоту, а один джентльмен даже подрёмывал, склонив седовласую голову на плечо и уютно присвистывая.

Коронер на основании показаний доктора Мэтьюсона заключил, что смерть леди Элспет наступила в результате скоротечного сердечного припадка, и это удовлетворило всех присутствующих и поставило точку в расследовании Гордона Грумса, но ничуть не убедило Оливию. Сразу после оглашения вердикта она выскользнула из дверей и быстрыми шагами отправилась к «Розе и короне».

Прошло уже два дня, как Оливия отнесла на почту письмо, адресованное Джорджу Понглтону, и отсутствие ответа на него начинало её тревожить, поэтому, когда Айви вручила ей письмо из Мэдлингтон-Касл, сердце её забилось чаще. Прочитав послание на ходу (она с трудом разобрала мелкий бисерный почерк и каким-то шестым чувством догадалась, что письмо написано не Джорджем, а

Викторией), Оливия вихрем взлетела по лестнице, даже не обратив внимания на то, что ободрала мысок туфельки о торчавший из ступеньки гвоздь, и забарабанила в дверь комнаты, где жил Филипп.

После долгой паузы брат, недовольный таким бурным вторжением, появился на пороге. За его спиной Оливия увидела мисс Прайс, сидевшую на краешке дивана с невинным выражением на ярко-накрашенном лице.

– Олив, что стряслось? – не слишком любезно буркнул Филипп. – Мы с Имоджен проходим сложную сцену её монолога Гекаты. Признаться честно, ты слегка не вовремя.

И слова брата, и тон, каким они были произнесены, больно царапнули Оливию, но виду она не подала. Пройдя в комнату (значительно более скромно обставленную, чем её собственный номер, и с окнами, выходящими во внутренний двор), она торжествующе помахала письмом и объявила:

– Сработало! Нас троих ждут в поместье к завтрашнему ланчу и даже: «...будут счастливы, если мистер и мисс Адамсон, а также баронесса фон Мюффлинг смогут насладиться гостеприимством Мэдлингтон-Касл и примут приглашение остаться на пару дней» – зачитала она цитату из письма.

Имоджен Прайс широко раскрыла глаза:

– Но это же великолепно! Это даже лучше того, на что мы рассчитывали! И Филипп уже почти сносно изображает американского фабриканта. Он даже научился курить манильские сигары, что мы купили в Лидсе, и начал неплохо разбираться в биржевых сводках.

– Ужасающая гадость, между прочим, – скривился Филипп. – Это я про сигары. Если я охрипну на всю жизнь, то это будет на твоей совести.

– Несколько сигар не заставят тебя охрипнуть, – отмахнулась Оливия. – Меня больше волнует, примут ли мисс Прайс за баронессу фон Мюффлинг. Уж не знаю, насколько немецкие девушки отличаются от нас, англичанок, но, судя по карикатурам в газетах... Да и принадлежность к театральному миру скрыть не так уж просто. К тому же Джордж и Виктория якшаются с чернорубашечниками Мосли и могут быть близко знакомы с аристократическими семьями из Германии.

Имоджен Прайс в ответ на эти слова загадочно улыбнулась и отвернулась к окну. Перемена в ней произошла молниеносно – в следующее мгновение девушка, повернувшись к близнецам, ничем, кроме одежды и причёски, не напоминала артистичную и легкомысленную мисс Прайс. Перед Филиппом и Оливией предстала молодая особа с горделивой осанкой, строгим, бескомпромиссным взглядом чуть исподлобья и крайне серьёзным выражением лица.

Губы её были плотно сжаты, челюсть слегка выдвинута вперёд, отчего вокруг рта обозначились вертикальные морщинки, свойственные людям с характером суровым и неуживчивым. Даже изящная субтильная фигура мисс Прайс из-за выбранной ею позы показалась угловатой и несколько непропорциональной – словно руки её удлинились, а ноги, наоборот, стали короче.

Голосом глухим и лишённым тёплых обертонов она произнесла, приподняв левую бровь:

– Ставлю вас в известность, мисс Адамсон, что я, баронесса Хелена Ангелика фон Мюффлинг, путешествующая инкогнито, не привыкла выслушивать подобные речи. Когда я была ещё юной фройляйн, то часто бывала в Англии, и англичане всегда были любезны со мной. Ваши намёки не только смехотворны, но и вредны, ведь в политических кругах моя семья по-прежнему имеет значительный вес.

Произнеся свою отповедь с лёгким акцентом и глядя при этом Оливии прямо в глаза, Имоджен Прайс пересекла комнату решительной походкой и покинула импровизированную сцену.

Филипп, восхищённо присвистнув, с гордостью сказал сестре:

– Говорил я тебе, что мисс Прайс – сокровище? И это ты ещё не видела, как она представляет королеву Титанию! Попомни мои слова: через два или три года её имя будет на всех театральных афишах Лондона и Нью-Йорка.

* * *

После похорон леди Элспет Анна долго не могла избавиться от навязчивого запаха розмарина. Он преследовал её всюду – и в кухне, и в столовой, и в собственной комнате под самой крышей. Как она ни

тёрла руки щелочным мылом для стирки, всё равно ощущала едкий смолистый аромат, который витал по всему дому.

Похороны, по настоянию Джорджа и Виктории, были закрытыми, хотя желающих проститься с леди Элспет нашлось бы предостаточно. Присутствовали только члены семьи, Оскар Финч и немногочисленные слуги – дворецкий Хигнетт, кухарка миссис Вайсли и Анна, стоявшие в стороне с приколотыми к шляпным лентам веточками розмарина и молитвенниками в руках. Больше всех, казалось, о безвременной кончине леди Элспет скорбел викарий, разразившийся пространной речью о Царстве Божием, верблюдах и тесноте небесных врат.

После церемонии Виктория Понглтон, с недавних пор морщившаяся всякий раз, когда ей приходилось обращаться к Анне, отдала приказание подготовить три комнаты для гостей. Каково же было удивление горничной, когда выяснилось, что этими самыми гостями будут Оливия Адамсон с братом и немецкая баронесса.

После таких новостей любопытство Анны разгорелось столь сильно, что для его удовлетворения ей пришлось наведаться в кабинет покойной хозяйки, где находился один из телефонных аппаратов, и побеседовать с заклятой подругой Айви. В процессе разговора горничной удалось выяснить следующие интересные факты: во-первых, не далее как два дня назад сержант Бимиш нанёс Айви визит, во время которого подробнейшим образом расспрашивал её о постояльцах по фамилии Адамсон, а во-вторых, парализованной миссис Баркер, местной блаженной, во время очередного припадка было видение – дух повешенной Айрин пробудился от сна, жаждет мести и обещает расправиться со всеми, в чьих жилах течёт кровь Понглтонов.

Гости прибыли в Мэдлингтон на следующий день к ланчу. Как потом на кухне рассказывала Анна, пока Хигнетт не приказал ей замолчать, немецкая баронесса, путешествующая инкогнито, оказалась дамой неопишуемой красоты и с такими аристократичными манерами, что Виктория Понглтон рядом с ней походила больше на торговку пирогами, чем на супругу лорда и будущего члена парламента. Мистер Адамсон тоже произвёл на горничную незабываемое впечатление: высокий, в великолепно сшитом костюме нездешнего покроя и туфлях, зеркальная поверхность которых отражала облака над его головой. На их фоне мисс Адамсон в своих неизменных мешковатых брюках и

соломенной шляпке с обтрепавшимися полями выглядела донельзя эксцентрично.

Седрик и Присцилла встретили гостей настороженно, не скрывая того факта, что не разделяют общего воодушевления по поводу их прибытия в Мэдлингтон. Вражда между братьями создавала напряжённую обстановку во всём доме, и разговоры за ланчем на тему превращения поместья в отель заставляли Седрика сдерживать возмущение с большим трудом.

После трапезы, когда Анна убирала со стола, ей довелось стать свидетельницей безобразной сцены. Братья, оставшиеся одни в столовой, обсуждали завещание покойной леди Элспет, и разговор вёлся на повышенных тонах. Горничной даже не пришлось напрягать слух, чтобы уяснить для себя суть разногласий. «Ты всегда был неудачником и слабаком, Седрик!» – категоричным тоном заявил Джордж. – «Ума не приложу, с чего ты решил, что сможешь распорядиться капиталом Понглтонов. Ну, или тем, что от него осталось. Имей в виду, я приложу все усилия, чтобы оспорить решение моей матери. Все, кто её знал, были осведомлены о странностях, которые она себе позволяла. Я не премину обсудить это с поверенным, который прибудет завтра для оглашения её последней воли».

Обсуждение завещания заставило Анну превратиться в невидимку. Ни один серебряный прибор не звякнул о поднос, ни одна салфетка не издала шуршания, пока горничная медленно, не делая резких движений, нагружала поднос грязной посудой.

«На этот счёт я не питаю ровно никаких иллюзий, Джордж», – надтреснутый голос Седрика был полон ярости. – «Все знают, что ты ни перед чем не остановишься, чтобы получить своё. Это ведь ты подставил Монти, чтобы его вычеркнули из завещания и всех семейных книг. И именно из-за тебя отец выкинул меня из поместья как шелудивого пса. Ты и представить себе не можешь, что мне пришлось пережить и из какого ада выбираться. Но ты! ты после этого стал любимчиком – примерным сыном, опорой, настоящим Понглтоном! Так что ты мог и не предупреждать: я и так знаю, на что ты способен. Вот только пойдёт ли это на пользу твоей карьере? Не думаю, что, объявив свою мать безумной, ты сможешь рассчитывать на место в палате лордов. Семейные скандалы – штука обоюдоострая».

Точку в их беседе всё же поставил Джордж. Уже выходя из столовой, он обернулся и ровным, устрашающе вежливым тоном произнёс: «Моей семьёй был отец. Только он, а не выродок Монти и не наша с ним общая мать, которая понятия не имела о чести рода и семьи и до самой своей смерти позорила фамилию Понглтон. И уж никак не ты – сирота, приёмный, принятый в семью из сострадания».

После этих слов Джордж вышел, оставив двери, ведущие в коридор, открытыми, и, несмотря на знойный день, пролетевший мимо сквозняк заставил Анну вздрогнуть. А ещё через мгновение она чуть не уронила тяжёлый, нагруженный посудой поднос – фарфоровый кувшин, запущенный рукой Седрика, разбился вдребезги о каминную решётку, усыпав аккуратную горку угля белоснежными осколками.

* * *

Напряжённая атмосфера в поместье не укрылась от глаз Оливии. За те несколько дней, что она провела вдали от Мэдлингтона, тут, без сомнения, кипели страсти.

Единственной, кто сохранял присущее ей спокойствие и невозмутимость, была Присцилла Понглтон. Ещё при встрече она улыбнулась Оливии тепло и душевно, с искренним дружеским расположением. Значительно менее радушно она поприветствовала Филиппа, представленного Понглтонам как гостя из Америки, которого в Англию призвали коммерческие интересы, и надменную баронессу Хелену Ангелику фон Мюффлинг, неудовольствие от знакомства с которой даже не попыталась скрыть.

Хмурый Седрик, стоявший за спиной жены, поздоровался с гостями сквозь зубы и сразу же после этого удалился, бормоча себе под нос что-то о вандалах^[13]. Оливию он не удостоил и взглядом. Бернадетта с мальчиками, которые испуганно к ней жались, вся в чёрном крепе, была молчалива и казалась такой отстранённой, будто её терзали тяжелейшие мысли.

Вопреки опасениям Оливии, и Филипп, и мисс Прайс за ланчем вели себя безупречно, вдохновенно играя свои роли. Так называемая баронесса фон Мюффлинг оживлённо беседовала с Викторией, а Филипп, демонстрирующий бульдожьей хваткой американского дельца,

бомбардировал Джорджа вопросами о состоянии Мэдлингтон-Касл и о планах по реконструкции замка. К завершению ланча беседа приобрела совсем уж деловой характер, и мужчины условились продолжить её в кабинете после осмотра поместья.

Виктория в разговоре участия не принимала, развлекая баронессу светскими сплетнями, и попутно пыталась выяснить, есть ли у них общие знакомые. Мисс Прайс мастерски ускользала из расставленных ловушек, а наблюдать за тем, как она заставляет надменную Викторину заискивать перед ней, было одним сплошным удовольствием. Оливия, не стыдясь себе в этом признаться, испытывала прямо-таки злорадное наслаждение тем, как Имоджен Прайс, демонстрируя отличные манеры, раз за разом ставит Викторину Понглтон на место, предвосхищая её грубоватые манёвры и сохраняя невинное выражение на лице.

После ланча Виктория предложила гостям прогуляться по саду, и все с радостью согласились. Несколько переигрывая, на взгляд Оливии, баронесса восхищённо всплеснула руками:

– О, эти английские сады! Я страстный, страстный любитель ваших чудесных садов! Покажите же мне скорее все его укромные уголки!

Следующие два часа показались Виктории вечностью. Баронесса фон Мюффлинг оказалась и впрямь страстной любительницей садов – она без устали, не прерываясь и на минуту, задавала вопросы об устройстве аллей и самшитовых изгородей, выказывала сумбурные, но достаточно глубокие познания о цветении сезонных растений, и готова была провести в розарии весь день до самого вечера, хоть и не преминула заметить, что розы выглядят пожухлыми и явно нуждаются в более тщательном уходе. А вот оранжерея и цветущие там орхидеи привели её в совершенный восторг, и маленький фонтан, скрывающийся в тисовом лабиринте, заставил изумлённо распахнуть глаза и разразиться бурной тирадой на немецком.

Речь баронессы лилась без остановки, препятствуя попыткам Виктории втянуть её в разговор о политике или обсудить с Филиппом планы по восстановлению Мэдли. Единожды завладев беседой, баронесса уверенно и властно заставляла всех плясать под свою дудку и не допускала никаких вольностей. Филипп по возможности ей вторил, Оливия отмалчивалась, и Виктории не оставалось ничего

другого, как смириться и позволить гостье болтать без умолку о пустяках.

День был знойный, безветренный. Виктория, которая силилась оказать гостям радушный приём, в своём тесном траурном платье и узких туфлях, сжимающих её крупные ступни, выдохлась уже через час. Баронесса же оставалась свежа и щебетала как птичка. Она немного заигрывала с Филиппом, хохотала низким голосом, нюхала цветы, любовалась видами и, без сомнения, проводила время приятнейшим образом, ничуть не замечая затруднений хозяйки и нисколько не страдая от жары.

Наконец, Виктория не выдержала и покинула гостей под предлогом того, что ей необходимо отдать распоряжения прислуге, пообещав прислать к ним Джорджа для продолжения экскурсии по саду. По лицу её градом катился пот, и, когда она грузной походкой двинулась к дому, каблуки её туфель проваливались в дёрн до самого основания.

– Господи ты боже мой, – когда Виктория удалилась на приличное расстояние, Имоджен Прайс, не до конца сбросив образ капризной и грубоватой баронессы, сердито притопнула ногой, – что за кошмарная женщина! Держу пари, что именно она убила леди Элспет. Я таких знаю – они ни перед чем не остановятся, лишь бы получить желаемое.

– Мисс Прайс, вы были неподражаемы, – Филипп не сводил с девушки восхищённого взгляда, и вид у него, по мнению Оливии, был невероятно глупый. – Такое внимание к деталям! А акцент! А манеры!..

Оливия, не в силах совладать с собой, прервала его:

– Мисс Прайс, безусловно, умница, Филипп, но сюда с минуты на минуту прискачет Джордж и затянет ту же песню, что и Виктория. Не забывай, пожалуйста, для чего мы здесь. Им обоим необходим кто-то, кто даст деньги на перестройку этого монстра, – и она махнула рукой за спину, в сторону Мэдлингтон-Касл. – Никто ведь пока не знает, кому леди Элспет завещала семейный капитал. При всём уважении к покойной, с неё останется оставить всё церковному приходу или Женскому институту. Поверенный, как я слышала, приедет для оглашения завещания только завтра. И если всё наследует Джордж, то ты ему будешь уже не особенно интересен. Мисс Прайс справилась со своей ролью великолепно, но следующим будешь ты, Филипп. Поверь,

Джордж тот ещё зануда, и тебе предстоит нелёгкая задача. Не говори ему ни да ни нет, води за нос, сколько сможешь – от этого зависит, сколько мы здесь пробудем, не вызывая подозрений.

– А что, скажи на милость, будешь делать ты? – инструктаж сестры, проведённый категоричным тоном, задел Филиппа, который не желал предстать перед Имоджен Прайс в роли простого исполнителя.

– Я постараюсь проникнуть в часовню и осмотреть её при дневном освещении. Вдруг я что-то пропустила в прошлый раз? Я убеждена, что разгадка кроется именно там. Ну не верю я в призраков, обитающих в старых часовнях, особенно если речь идёт о наследственных распрах.

– А вот и мистер Понглтон торопится-спешит, – тихонько пропела себе под нос мисс Прайс, и, поправляя шляпку, жалобно вздохнула: – Вот от чего бы я не отказалась, так это от крошечного стаканчика «Собачьего носа». Интересно, найдётся ли в кухне капелька джина?

– Я бы на это не рассчитывала. В Мэдли не подают алкоголь, – и Оливия ущипнула брата, чтобы он перестал как зачарованный глазеть на баронессу и приготовился играть свою роль как следует.

* * *

Джордж Понглтон оказался намного выносливее своей супруги. Он с видимым удовольствием отвечал на вопросы о Мэдлингтоне и, не обращая внимания на зной, ещё раз провёл гостей по обширному саду, не упуская ни единой возможности углубиться в историю своего родового гнезда. Почти до самого чая близнецам и баронессе фон Мюффлинг пришлось осматривать поместье, демонстрируя живейший интерес и скрывая усталость.

Оливия получила возможность приступить к исполнению намеченного плана лишь тогда, когда Джордж повёл всех осматривать южную сторожевую башню, оставшуюся с тех времён, когда Мэдлингтон-Касл исполнял роль фортификационного укрепления. Башня достраивалась в течение нескольких веков и сохранилась весьма неплохо, но снизу смотрелась устрашающе. Высокая, не менее сорока футов, с зубчатым каменным выступом поверху, она казалась уродливым наростом на теле холма, и Оливии вспомнилась её

фантазия, будто глубоко под землёй покоится уснувший доисторический ящер, чей гигантский окаменевший гребень показался из почвы, обнажённый йоркширскими ветрами и ливнями. Она тронула рукой потемневшие от времени камни, покрытые кое-где редким рыжеватым мхом, и поразилась тому, что они холодны, как могильная плита.

Наверх вели растрескавшиеся ступени винтовой лестницы, и Джордж шагнул на них первым, не умолкая ни на секунду и ожидая от своих гостей, что они без колебаний последуют за ним. Приложив палец к губам, Оливия пропустила вперёд Филиппа и баронессу, торопливо обошла башню и зашагала вдоль стены по направлению к часовне.

Расчёт её строился на том, что Джордж не позволит Филиппу и мисс Прайс спуститься до тех пор, пока не будут рассказаны все истории славных деяний его предков, услышанные им от отца. Это должно было занять не меньше, чем три четверти часа, как раз до того момента, как Анна и Хигнетт начнут накрывать к чаю.

Идти было недалеко – достаточно обойти стену и пересечь открытое пространство лужайки, – но Оливия избрала кружной путь. Ей ни к чему было привлекать к себе внимание тех, кому могла прийти охота выглянуть в окно.

Под прикрытием хозяйственных построек она преодолела бóльшую часть пути, но, когда проходила мимо заброшенной конюшни, её услышала звуки, доносившиеся оттуда – захлёбывающийся восторгом детский смех, сопровождающийся тоненьким свистом, словно где-то рядом крутили водяное колесо.

Оливия подошла ближе, заглянула в просвет между дверями и судорожный вскрик застрял в горле – на неё стремительно неслась белая фигура с развевающимися волосами и раззявленным в немой жалобе алым ртом, – и она отшатнулась, ступив, не глядя, в наполовину вкопанный в землю металлический жёлоб, и тут же ощутила резкую боль в лодыжке.

Несколько секунд она нелепо вертела руками в воздухе, но всё же не удержалась на ногах и упала на спину, больно ударившись головой о притаившийся в густой траве камень. Сами собой из глаз полились слёзы, и какое-то время Оливия просто лежала, ни о чём не думая, на мягкой подстилке из трав, наблюдая за тем, как огромное пухлое

облако вкрадчиво обволакивает злобный раскалённый шар, в который за эти дни превратилось солнце.

И детский хохот, и посвистывание всё продолжались, не смолкая, и именно это привело её в чувство. Морщась от ноющей боли в ноге, она села и ощупала затылок. Крови не было, но под кожей обнаружилась небольшая шишка, волнами рассылающая боль по всей голове. Злость на себя придала ей сил, и Оливия решительно встала, стараясь беречь подвёрнутую ногу, и рывком распахнула двери конюшни.

Две пары мальчишечьих тёмно-ореховых глаз уставились на неё в испуге. У куклы, мешковато сидевшей между ними, глаз не было вовсе. Все трое сидели на деревянной крестовине, обмотанной ржавой цепью и уходившей куда-то под потолок. По широкой амплитуде импровизированные качели двигались то на Оливию, то от неё, пока один из мальчиков Бернадетты, тот, что постарше, не спрыгнул ловко на пол и не остановил их на излёте.

Сглотнув, Оливия хрипло спросила, указывая на жуткую куклу:

– Где вы это нашли?

– Здесь, – старший показал куда-то себе за плечо. – Мы играли и нашли её за загородкой, в соломе. Мы не должны были её трогать, да? Это ваше? – речь мальчика была правильной и чёткой, почти без акцента.

Оливия отрицательно покачала головой и тут же чуть не вскрикнула от пронзившей шею резкой боли.

– Нет, она мне не принадлежит. Но я хотела бы узнать, кто её хозяин, – Оливия улыбнулась, чтобы не напугать детей излишней серьёзностью.

Мальчишки пожали плечами, а младший, прикрыв обеими ладошками рот, спрятался за старшего брата и смотрел на растрёпанную Оливию из-за его плеча, испуганно тараща глаза.

* * *

Чай в соответствии с указаниями Викторией Понглтон (которая уже вполне освоилась в роли хозяйки Мэдлингтона и нагружала прислугу, как могла) накрыли в саду, в спасительной тени старого

дуба. Для этого пришлось вынести плетёную мебель из оранжереи, вычистить её от пыли и заменить выгоревшие на солнце полосатые сиденья разномастными подушками, на которые сверху набросили всё, что отыскали в сундуках леди Элпет – яркие стёганные покрывала, индийские шали и отрезки тканей, предназначавшиеся когда-то в дар супругам арендаторов.

Стремясь произвести благоприятное впечатление на баронессу и зарекомендовать себя перед новой хозяйкой наилучшим образом, Хигнетт собственными руками срезал в оранжерее цветы для букетов и бдительно проверил, чтобы Анна как следует накрыла на стол, переделась в свежий передник и вообще привела себя в подобающий вид. Отголоски их ругани, причиной которой стал категоричный отказ горничной надевать белоснежную наколку, застала Оливия, которая, стараясь не наступать на больную ногу, прибыла первой.

С осторожностью опустившись на стул, она на минуту прикрыла глаза, чтобы унять головную боль.

– Что с вами, мисс Адамсон? Вам нездоровится? – с искренней обеспокоенностью спросила Прицилла, наклонившись к ней так близко, что Оливия увидела золотистые искорки на радужке её глаз.

– Ничуть. Со мной всё хорошо, миссис Понглтон, – Оливия улыбнулась ей так бодро, как сумела. – Немного не рассчитала свои силы, только и всего. Сад Мэдлингтон-Касл так великолепен, что я слишком увлеклась прогулкой, не обращая внимания на жару, и вот, поплатилась за это, – со смехом заключила она.

– Жара и вправду стоит несусветная, – брюзгливо заявил Седрик Понглтон, который подошёл к столу и услышал обрывок её малоубедительной тирады. – Фермеры сбиваются с ног, чтобы обеспечить полив посевов, на фабриках рабочие в цехах падают в обмороки от перегрева. Сколько это будет продолжаться? – спросил он, строго уставившись на Оливию, будто это именно она была повинна в том, что Йоркшир плавится от летнего зноя. – Ещё немного, и урожай будет начисто загублен, что даст правительству повод взвинтить цены на зерно. А пострадает от этого простой рабочий люд! Понимаете?! Не правящая верхушка и не те, чей капитал находится в заокеанских банках, – и он резким кивком указал на приближающихся Джорджа, Филиппа и баронессу, которые находились в отдалении и не могли его пока слышать. – Страдают всегда простые люди, и страдания их

велики, но власти предержавшие и не думают внять гласу толпы, хотя он и вопиёт...

– Полагаю, сейчас неподходящий момент, чтобы рассуждать о подобных вещах, – прервала его Виктория, и Оливия в который раз поразила тому, как неслышно появляется эта крупная женщина, когда её совсем не ожидаешь увидеть.

Виктория переделалась в то же свободное платье, в котором хлопотала во время подготовки к празднику, сочтя, что траурный чёрный креп в такую жару – это сущее самоубийство. Причёска её находилась в некотором беспорядке, на затылке волосы хранили след от подушки, а лицо и шея покрылись неопрятной россыпью веснушек, против которых оказалось бессильно модное лондонское снадобье, широко разрекламированное и обещавшее «кожу юную и белоснежную даже тем дамам, чьи дочери уже принимают ухаживания от молодых людей».

– Не бывает неподходящего времени для того, чтобы подумать о ближних и их нуждах, – Седрик назидательно подчеркнул свои слова поднятым вверх указательным пальцем. – Присцилла, к примеру, сегодня побывала в деревне, где навещала заболевшую женщину. У той был страшный припадок, после которого наступило полное бессилие, – он пощёлкал пальцами и нахмурился, пытаясь вспомнить имя. – Миссис... миссис...

– Баркер, – подсказала ему Присцилла без всякого энтузиазма. – Но Виктория права, дорогой, не стоит сейчас рассуждать об этом.

– Это почему это? – Седрика впал в одно из тех своих настроений, когда его было сложно унять. – Я всего лишь хочу сказать, что, пока другие думают только о своём благе, некоторые из нас пекутся о ближних, презрев собственные тяготы. Уверен, что эта миссис Баркер была благодарна, что кто-то предложил ей помощь. Подумать только, несчастная женщина всю свою жизнь трудилась не покладая рук, чтобы на склоне лет столкнуться с одиночеством и немощью и остаться без всякой поддержки со стороны тех, на кого она годами гнула спину! – бурно жестикулируя, Седрик смахнул со стола фарфоровый молочник и тот упал в траву, треснув ровно посередине.

Присцилла подняла половинки, с которых стекали белые капли.

– Я схожу в кухню, – миролюбиво предложила она. – Мисс Адамсон, не желаете составить мне компанию?

Оливия заколебалась, опасаясь привлечь внимание к своему недомоганию, но Виктория уверенно заявила:

– Совершенно нет нужды куда-то идти, для этого есть прислуга, – и она позвонила в колокольчик, бесполезный здесь, на приличном расстоянии от дома.

– Во-о-от! О чём я и говорил! – Седрик обрадованно подскочил на месте и хищно простёр ладони к жене брата. Выражение лица у него при этом было пренеприятное. – Прислуга! Для всего есть прислуга, не правда ли? Анна вычистит столовое серебро, Хигнетт откроет двери, кухарка приготовит обед. А что они за люди, в чём нуждаются, о чём страдают – это ведь не так уж и важно, верно? Вам вот, дорогая Виктория, например, известно, что миссис Вайсли снова слегла? Держу пари, что вы и не знаете, что за недуг приковал её к постели. А вот Присцилле это известно – только лишь она одна и поднималась к ней, чтобы отнести бульон и проведать больную.

– Как раз недуг миссис Вайсли мне хорошо известен, – со значением произнесла Виктория, ханжески поджав губы, и Седрик, осознавший, что далеко зашёл, стушевался и принялся неловко отирать пот со лба вынутым из кармана платком. – А горничная Анна – воровка, и я обязательно напишу об этом в её рекомендациях. У меня пропала ценная брошь, подаренная мне Джорджем на годовщину свадьбы, и я уверена, что её взяла именно эта невоспитанная девица.

– Миссис Вайсли и правда так плоха, как говорит Седрик? – Оливия наклонилась к Присцилле, стараясь не вслушиваться в перепалку Седрика и Виктории.

– Нет, что вы! С ней всё будет в порядке. Мы с Анной отыскали её запасы хереса и перепрятали их, так что кухарку скоро ждёт выздоровление.

– Насколько я знаю Викторию, кухарку скоро ждёт увольнение, – с прежней запальчивостью, но всё-таки понизив голос, многозначительно заявил Седрик.

Как бы Виктории ни хотелось проучить деверя за дерзость, но она сдержалась. К столу как раз приблизилась баронесса фон Мюффлинг, державшая Джорджа под руку, и Филипп Адамсон, а семейная склока в присутствии гостей, которые могли бы оказаться полезными её мужу, была бы не к месту.

Когда все расселись, и Виктория начала разливать чай, на лужайке показался Оскар Финч. Он приветственно махал шляпой, сверкал беспечной мальчишеской улыбкой и шёл так быстро, что Хигнетт не успел его опередить. Они подошли к столу почти одновременно, и теперь дворецкий растерянно топтался за его спиной, не зная, стоит ли докладывать хозяйке о ещё одном госте, хотя необходимость в этом явно отпала сама собой.

– Вот так сюрприз, мистер Финч, – протянула Виктория не слишком радостным тоном. – Вы, верно, проезжали мимо?..

– О, это моя вина, – спохватилась Присцилла и с мягкой улыбкой пояснила: – Я встретила мистера Финча сегодня в деревне, и мы разговорились. Выяснилось, что владелица квартиры на время его отпуска сдала комнату, в которой он живёт, молодожёнам из Лидса. Конечно же, я пригласила мистера Финча погостить у нас, раз он остался без крова. Вот только рассказать об этом я совершенно забыла. Ну просто вылетело из головы!

– Всё верно, – Финч обратился к присутствующим своё сияющее дружелюбием лицо. – И я несказанно благодарен за приглашение. Возможность провести эти жаркие дни на природе – просто дар небес, не иначе!

Виктория сдержанно улыбнулась, но вид её не оставлял сомнений, что она на самом деле думает о тех, кто сваливается как снег на голову во время послеполуденного чая, и о тех, кто раздаёт приглашения направо и налево, не спрашивая предварительно мнение хозяйки дома.

– Хигнетт, передайте Анне, чтобы она принесла молоко и ещё одну чашку, – приказала она.

Пока Финча познакомили с Филиппом и баронессой фон Мюффлинг, пока все светским тоном уверяли друг друга, что рады, невероятно рады знакомству, Оливия пила чай и бездумно наблюдала за перемещением кружевных теней на скатерти. Невзирая на то, что день клонился к вечеру, солнце не прекращало лить сверху свой беспощадный свет, и лучи его, проникая сквозь плотную листву, рассылали по льняному полотну искристые дрожащие пятна. Взгляд Оливии упал на индийскую шёлковую шаль, брошенную на кресло, в котором сидел Джордж, вместо накидки, и ей вспомнилось, что эта же самая шаль укрывала плечи леди Элспет в тот день, когда она приветствовала компаньонку в Мэдлингтон-Касл. Прошло всего

несколько дней, и вот уже леди Элспет покоится на семейном кладбище Понглтонов, а её вещами без всякого стеснения распоряжается властная Виктория.

С безотчётным чувством неприязни Оливия посмотрела на Джорджа, который в этот момент, словно подслушав её мысли, с энтузиазмом принялся рассуждать о переустройстве всего поместья.

– Разумеется, это потребует немалых расходов, – мечтательно и вместе с тем деловито заявил он, не сводя глаз с Филиппа. – Но затраты окупятся всего за несколько лет. Под площадку для гольфа я планирую отвести западное поле, а котлован для плавательного бассейна мы выроем...

– П-п-постояй-ка, Джордж, – перебил его Седрик, вскакивая из-за стола и приходя в сильнейшее возбуждение, – к-какой котлован? К-какой бассейн? Ты в своём уме? Ты что, собираешься...

– Седрик, не надо! – в голосе Присциллы слышались одновременно раздражение и мольба. – Сядь, дорогой, не стоит сейчас спорить об этом!

– Успокойся, Присцилла, мы с ним не будем спорить об этом ни сейчас, ни потом, – Джордж самодовольно откинулся на спинку кресла и шумно отхлебнул чай. – Всё уже решено. Поместье ветшает с каждым годом, и скоро, если ничего не предпринять, от него останутся одни развалины. Я не в силах смотреть на то, как упорный труд моих предков идёт прахом, и не собираюсь сидеть сложа руки. Мэдлингтон должен приносить доход, в противном случае на него наложит лапу Национальный траст. Я не могу допустить, чтобы по дому моих предков за шиллинг и шесть пенсов водили посудомоек и докеров.

Он взглянул на Седрика с видом победителя и повернулся к баронессе, показывая брату, что разговор окончен.

– Н-нет, Джордж, постоя! – Седрик, не поддаваясь на увещевания жены, отступить не собирался. – Я ещё не всё сказал. Ты не имеешь права так поступать! Западное поле граничит с фермой Леттеров. Их семья арендует эту землю уже двести сорок лет. Что ты собираешься им сказать?! Что из-за твоего каприза у них под окнами богатые иностранцы будут играть в гольф?

– Я собираюсь им сказать, что арендный договор будет расторгнут с начала следующего года, – против обыкновения, Джордж сохранял спокойствие, и голос его звучал тем тише, чем громче говорил

Седрик. – Леттерам придётся искать другую землю, так как на месте их фермы будут построены гостевые шале.

– Что, прости?.. Шале?! – Седрик силился ещё хоть что-то произнести, но вместо этого только беспомощно моргал.

– О, в прошлом году в Швейцарии я жила в очень милом шале на берегу озера, – глухим баском сообщила баронесса всем присутствующим. – Думаю, это отличная затея. В таких местах всегда бурлит светская жизнь и встречается много знакомых, с кем можно приятно провести время. Игра в гольф, в бридж, небольшие вечеринки с коктейлями... Я с радостью порекомендую Мэдлингтон-Касл друзьям. Мы с моими немецкими друзьями с удовольствием будем приезжать сюда немного развеяться. Не поймите меня превратно, но в Англии редко где умеют по-настоящему веселиться, – и она отправила в рот маленькое круглое пирожное в розовой глазури.

– Будь ты... Будь ты проклят, Джордж. Будь ты проклят на веки вечные, – Седрик сбросил с плеча ладонь Присциллы и медленно зашагал к дому, оставив всех, кто сидел за столом, в неловком молчании.

* * *

– Я знаю, как убили леди Элспет! – сообщила Оливия.

Трое молодых людей медленно шли по тисовой аллее, в конце которой виднелся заросший камышами пруд. Где-то рядом надрывалась лесная птица, потревоженная вторжением чужаков. Они уже удалились на достаточное расстояние от дома, чтобы их не подслушали, и теперь могли говорить свободно. Впрочем, Понглтонам сейчас было не до гостей – они были слишком заняты семейным скандалом.

– Ещё недавно ты не была уверена в том, что леди Элспет вообще убили, – резонно заметил Филипп, внимательно глядя на сестру. – Кстати, почему ты хромаешь? Тебе что, пришлось вступить в схватку с беспощадным убийцей?

– Я запнулась о жёлоб для стока воды, – пояснила Оливия, поморщившись. – Но перед этим я увидела кое-что сногшибательное.

Кое-что в буквальном смысле сногшибательное, – повторила она и сделала загадочное лицо.

Чего у мисс Прайс было не отнять, так это умения слушать, особенно в том случае, если предмет разговора касался таинственных событий или необъяснимых явлений. Вот и теперь она придвинулась к Оливии почти вплотную и молча, чуть приоткрыв губы, будто ребёнок, увлечённый сказкой, сверлила её внимательным взглядом.

Воодушевлённая интересом к её зловещим зловещим, Оливия продолжила:

– Дети Бернадетты играли с куклой! И вы просто не представляете себе, насколько она ужасна!

– Что может быть ужасного в кукле? – усомнился Филипп.

– А то, что я уверена – именно с помощью этой куклы убийца отправил леди Элспет на тот свет! Она большая, почти с меня ростом, и сделана из простыней, песочных грелок и верёвок, а вместо волос у неё мотки шерсти! У куклы нет глаз, только рот, грубо нарисованный красной краской. Когда я заглянула в двери конюшни, мальчишки как раз раскачивались вместе с ней, и мне показалось, что на меня стремительно надвигается призрак в развевающихся одеждах. При свете дня это было не особенно ужасно, скорее неожиданно, но если леди Элспет увидела такую же картину в часовне, и если у неё было больное сердце...

– Про сердце ты не можешь знать наверняка, – вмешался Филипп.

– Не могу, – покладисто согласилась Оливия, – но это можно легко узнать у семейного врача Понглтонов.

– Какой-то странный способ убийства, ты не находишь? А если у неё не случилось бы сердечного приступа, и она просто выбежала бы из часовни? Ни один нормальный убийца не будет так рисковать, – покачал головой Филипп.

– Может, в этом случае он надеялся обратить всё в шутку? – предположила мисс Прайс с сомнением.

Оливия и сама понимала, какой шаткой выглядит эта теория, но в памяти отпечатались тот ледяной ужас, который охватил её, когда она увидела надвигающийся на неё безглазый призрак с алым бесформенным провалом на месте рта.

– В конце концов, ты после такого потрясения вполне себе жива и здорова, – Филипп по-прежнему не желал верить в важность её

открытия.

– Вы просто не видели её воочию, – начала горячиться Оливия. – Да, при ближайшем рассмотрении она не столько пугающа, сколько нелепа. Чем-то напоминает оживший детский рисунок. Голова набита песком и перевязана верёвкой, как у висельника, длинные мотки шерсти пришиты к ней грубыми стёжками, отчего кукла выглядит полулысой. Дети сказали, что она была спрятана в соломе. Ума не приложу, почему убийца не избавился от неё сразу же после гибели леди Элспет.

– Это не так-то просто сделать, – заметила мисс Прайс. – Не мог же он сжечь её в камине на глазах у всех. Или таскать под мышкой, пока не представится удобный случай избавиться от неё. И мне кажется, что я начинаю понимать, почему кукла показалась Оливии такой пугающей, – медленно произнесла она, а потом встала так, чтобы солнце не светило ей в лицо и прикрыла глаза: – Здесь и правда требуется воображение. Вот открывается дверь часовни... Тихо, без единого скрипа... Леди Элспет входит, делает шаг, другой... И вдруг из полумрака к ней устремляется Нечто... Белая фигура с развевающимися волосами. Она надвигается прямо на неё, не оставляя путей к отступлению, и откуда-то раздаётся потусторонний смех. Ледяной холод пронизывает все её члены, а фигура меж тем становится всё ближе, ближе... И тогда сердце её не выдерживает напряжения, – мисс Прайс схватилась за грудь и зашаталась, – и леди Элспет падает замертво, – тут она выдержала паузу, открыла глаза и произнесла вполне будничным тоном: – Два года назад, когда мы ставили сценку из Шекспира, малышки-Блоссом – у них синхронный степ и несколько лирических песенок, – соорудили что-то подобное. Правда, вместо мотков шерсти у нашего призрака был настоящий парик. Но вышло на удивление убедительно. Из зала даже слышались вскрики, а одна немолодая леди дважды упала в обморок, после чего нам пришлось убрать номер из репертуара, чтобы не распугать зрителей.

– Ну не знаю, не знаю, – протянул Филипп, – всё это как-то слишком театрально. Просто комическая оперетка Гильберта и Салливана. Всё-таки речь идёт об убийстве. Олив, у тебя уже есть подозрения насчёт того, кто мог это повернуть? – спросил он,

нахмурившись, точно инспектор полиции, всякого повидавший за годы службы.

Оливия пожала плечами. Лодыжка болела, и наступивший вечер не принёс облегчения – зной в отсутствие ветра, казалось, наоборот, усилился. Ощущая, как тонкий муслин рубашки липнет к спине, она попыталась рассуждать логично:

– Первый, кто приходит на ум – Джордж.

– Согласен на все сто, – с жаром поддержал её брат. – Джордж Понглтон на редкость неприятный тип. Вы и не представляете, какие мерзкие планы он вынашивает. Когда он рассказывал мне о дружбе с нацистами, его буквально распирало от гордости. Для такого типа нет ничего святого. Если он хочет раскрыть немцам объятия после того кошмара, что они творили в Великую войну, то убийство для него сущая ерунда. Брата он ненавидит, всех остальных презирает. Если вдуматься, то такой дьявольский замысел, как испугать леди Элспет до смерти в старой часовне самодельной куклой – это вполне в его духе.

– Не сказала бы, – покачала головой Оливия. – Тут нужна какая-никакая изобретательность, а Джордж, на мой взгляд, чересчур прямолинеен. Скорее, такая выходка в духе Виктории.

– У меня от неё мурашки по коже, – обхватила себя руками мисс Прайс и нарочито вздрогнула. – Жуткая женщина. И всё время сверлит меня взглядом, словно дырку мне во лбу хочет проглядеть. Я ещё никогда так не нервничала перед публикой, даже когда нам достался в качестве зала самолётный ангар, а зрителями были увечные ветераны Великой войны. Вообразите, за весь вечер ни единого хлопка! И в довершение ко всему у нашего тенора пропал голос, а фокусник забыл свой реквизит в Ливерпуле! Мы все тогда...

Позади Филиппа с сухим треском отломилась ветка от старого тиса, и все вздрогнули от неожиданности. Пройдя немного вперёд, Филипп взгляделся в смешение серых теней, которые заполнили аллею, но никого не заметил. Тем не менее продолжить беседу он предпочёл полушёпотом:

– А почему мы всё время забываем про Седрика? Ведь он тоже мог соорудить эту кошмарную – только с твоих слов, Олив! – куклу.

– У него недостаточный мотив для убийства леди Элспет. Так же, как и у Присциллы. Поместье со всеми прилегающими землями наследуется как майорат и переходит к старшему сыну. При этом без

капитала Мэдлингтон скорее обуза, чем желанное наследство. А вот кто получает деньги – пока остаётся загадкой. Даже я не знаю, какое решение приняла леди Элспет. С равным успехом это может быть и Джордж, и Седрик, и даже местный детский приют.

– А Оскар Финч? Может так получиться, что капитал получит он? – спросил Филипп. – Насколько я понял, леди Элспет была не сильно привязана к сыновьям, а с Финчем её связывает осуждаемая всеми дружба.

– Может, – кивнула Оливия. – От леди Элспет можно ожидать чего угодно. В этом случае, конечно, разразится грандиозный скандал, но Финч не выглядит человеком, решимость которого это может поколебать.

Имоджен Прайс залилась добродушным смехом и всплеснула руками:

– Вы только представьте, каково это – заставить наследников переживать, мучиться неизвестностью... Я уверена, что леди Элспет наслаждалась каждой секундой интриги.

– Не очень-то это по-христиански, – заметил Филипп.

Фальшивая баронесса легкомысленно махнула рукой:

– Жизнь слишком коротка, чтобы соблюдать все без исключения заповеди. К тому же это попросту скучно, – и она лихо спрыгнула с плоского камня, на который взобралась, чтобы во время обсуждения сравняться ростом с близнецами.

Глава пятнадцатая, в которой в Мэдлингтон прибывает поверенный мистер Броттиген, баронесса падает в обморок, а горничная Анна получает пощёчину

Поверенный мистер Броттиген, превосходно отдохнувший в Бате с семьёй своей двоюродной сестры, прибыл в Мэдлингтон-Касл для оглашения завещания леди Элспет не в самый удачный момент – тело Джорджа в синей пижаме из египетского шёлка как раз было обнаружено дворецким. С искажённым предсмертной мукой лицом и ладонью, сжатой в кулак, Джордж лежал в часовне, у самого выхода, и в его открытых глазах застыл ужас, будто перед тем, как пожать свою скорбную жатву, смерть явила ему невыразимо кошмарные картины.

Позже, на кухне, Хигнетт, открывший в своей душе такие бездны преклонения перед охватившим его суеверным ужасом, что даже самому стало неловко, утверждал, что в тот момент, когда он вошёл под своды часовни и увидел тело хозяина, в его ушах раздался отчётливый хохот призрака, следившего за этой сценой, и он сразу понял, что Мэдлингтон обречён превратиться в одно из тех выморочных мест, что годами стоят в запустении, пока камни не рассыплются по холмам, а ветра не развеют саму память о былом величии рода, воздвигшего проклятые стены.

Признание это, не лишённое поэтического восхваления всего сверхъестественного, произвело неизгладимое впечатление на чуткую миссис Вайсли. Кухарка, воспользовавшись переполохом, отправилась наверх, чтобы улечься в постель, предварительно утолив жажду полупинтой эля и бокалом бренди, оставшимися после приготовления праздничного пунша и предусмотрительно спрятанных ею в судомойне, между коробками с эпсомской солью и графитовой стружкой для чистки чугунной плиты.

В доме тем временем царила полная неразбериха. Мрачный Оскар Финч и встревоженные Седрик и Присцилла находились в холле, совещаясь, как сообщить Виктории трагическую весть. На беднягу поверенного никто не обращал внимания, и он, то и дело утирая потный лоб, сидел в одиночестве в гостиной, куда его провела растерянная горничная.

Бернадетта, узнав о случившемся, тут же принялась истово молиться, и слова католической молитвы, произносимые ею звонким шёпотом, оказывали на присутствующих самое тягостное впечатление.

Близнецы и баронесса фон Мюффлинг, спустившиеся к завтраку, обнаружили столовую безлюдной. Буфетная стойка была пуста, на столе отсутствовали приборы. Переглянувшись, они медленно прошли через гостиную, где, ссутулившись, сидел в обнимку со своим портфелем мистер Броттиген, и вышли в холл как раз в тот момент, когда Финч в рубашке с закатанными рукавами и Хигнетт, весь красный от натуги, вносили тело Джорджа Понглтона.

– Мне кажется, он ещё жив. Пульс прощупывается!

Как только Финч произнёс это, из уст Джорджа послышался невнятный стон. Распростёртое на мраморном полу, его грузное тело выгнулось, на губах появилась пена.

Финч бросился на колени рядом с ним и схватил его за запястье, пытаясь нащупать пульс, но тот с неожиданной для умирающего силой вырвал руку и, разжав ладонь, попытался метнуть подальше от себя какой-то мелкий и блестящий предмет. Губы его искривились, он силился что-то произнести, но время Джорджа Понглтона истекло – спустя несколько секунд всё было кончено. Его глаза закатились, руки бессильно опали, и лишь правая нога ещё продолжала конвульсивно подёргиваться.

Именно эту картину застала Виктория, которая, стиснув у горла воротник халата, застыла на последней ступени лестницы. Округлившимися глазами она смотрела на тело Джорджа, и в наступившей тишине дробный стук его ботинка, отбивающего по мрамору своеобразную, не поддающуюся расшифровке морзянку, казался особенно ужасающим.

Пока звонили в полицию и провожали оцепеневшую Викторину в её комнату, пока спорили о том, можно ли переносить тело Джорджа и нужно ли накрывать его простыней, Финч поднял с пола то, что умирающий отшвырнул, повертел в руках, хмыкнул и опустил в карман. Заметив, что Оливия смотрит на него, он снизошёл до объяснения:

– Полагаю, инспектору будет любопытно на это взглянуть. Передам улику лично ему в руки, как только он прибудет в Мэдли, уж не сомневайтесь.

Кивнув, Оливия проследила за ним взглядом и прошептала Филиппу и мисс Прайс: «Мне непременно нужно проникнуть в часовню именно сейчас! Придумайте что-нибудь! Что угодно, лишь бы я смогла выскользнуть отсюда незамеченной!»

Надо отдать мисс Прайс должное – девушка быстро обрела самообладание и на просьбу Оливии откликнулась незамедлительно, хотя и в свойственной ей театральной манере.

– Боже... Я, кажется, теряю сознание... Перед глазами всё кружится...

Она шаткой походкой приблизилась к перилам лестницы, но не успела обрести опору, как осела на руки подоспевшего вовремя Оскара Финча. Вместе с Филиппом они препроводили ослабевшую баронессу в гостиную, где продолжал томиться неизвестностью мистер Броттиген, ни о чём не мечтающий так сильно, как о скорейшем отправлении своих обязанностей и отъезде из Мэдлингтона.

Воспользовавшись суматохой, Оливия проскользнула мимо Седрика с Присциллой и дворецкого, уловив отголоски их спора («... не дело это, если мистер Понглтон так и будет лежать на холодном полу...»), «...но послушайте же, Хигнетт, мы не можем трогать его до приезда полиции...»), и никем не замеченная, вышла из дома.

Утро выдалось туманным, что предвещало знойный день, и, когда Оливия подбежала к часовне со стороны леса, всё лицо её было покрыто мелкими капельками влаги, а рукава просторной лёгкой блузы прилипли к коже. Отбросив за спину волосы, заплетённые в косу, она вошла под своды часовни через маленькую дверцу, оказавшуюся открытой, и принялась. Сладковато пахло свечным воском – так обычно пахнет в церквях и молельных.

Из небольшого окна над распятием лился скудный свет, освещая раскрытый молитвенник, лежавший прямо на полу. Издание было не новым, уголки обтрепались, страницы пожелтели от времени. На форзаце виднелись полустёртые инициалы «А. Ш.». Оливия вернула молитвенник на то место, где он лежал, прошла вперёд, до самой двери, так и оставшейся распахнутой настежь, и каждый её шаг сопровождался хрустом, словно она шла по морскому берегу.

Закинув голову, осмотрела железный крюк в потолке и тщательно прошлась по углам. Заглянула за распятие, но не обнаружила там ничего, кроме пустого полотняного мешочка с завязками, скомканного и засунутого за верхнюю перекладину, и большого недовольного паука, который сидел на краешке полуразорванной паутины. Ничто из увиденного ею не указывало на причину смерти Джорджа Понглтона.

* * *

– Что я пропустила? – поинтересовалась она у брата, когда вернулась в дом после своей рискованной вылазки.

– Инспектор ещё не прибыл, но будет с минуты на минуту. Поверенный собрал всех в столовой, чтобы огласить завещание леди Элспет, а Виктория залепила горничной пощёчину у всех на глазах, – шёпотом отрапортовал Филипп. – А ты сумела обнаружить что-нибудь важное?

– Мне кажется, что да, – ответила Оливия, – но я не стала ничего трогать, оставила всё на своих местах. А почему Виктория ударила Анну?

– Понятия не имею, – пожал плечами Филипп. – Наверное, была не в себе.

Близнецы, не сговариваясь, прошли в гостиную, так как в холле по-прежнему находилось тело Джорджа Понглтона, теперь накрытое покрывалом. Мисс Прайс оставалась в своих покоях, куда её проводил Оскар Финч во избежание повторного обморока.

Оглашение последней воли леди Элспет не заняло много времени. Завещание было составлено весьма лаконично, и никаких разночтений не допускало.

Первой от поверенного вышла Виктория. На неё было просто страшно смотреть. Вся она сотрясалась то ли от сдерживаемых рыданий, то ли от негодования. Не глядя ни на кого, она тяжёлыми шагами пересекла гостиную и вышла в холл.

Следом за ней показались Оскар Финч, Бернадетта и горничная Анна. На их лицах сияли вряд ли уместные в свете утренних событий улыбки. Все они выглядели, как люди, получившие долгожданные подарки, и были не в силах скрывать воодушевление и радость по этому поводу. Заметив, как внимательно наблюдает за ней Оливия, Анна вспыхнула и с очень независимым видом прошествовала к выходу. Бернадетта же, стерев с лица улыбку, принялась шевелить губами, молитвенно сложив миниатюрные ладони.

Тут на подъездной дорожке зашуршал гравий, и спустя минуту в холле послышались шаги и резкий голос инспектора Грумса, отдающего приказания своим подчинённым. Из-за этого Оливия пропустила момент, когда от поверенного вышли Седрик и Присцилла, и увидела их лишь со спины. Сама не зная почему, она расстроилась и отругала себя за то, что отвлеклась и не увидела их лиц.

– Сейчас начнётся кутерьма, – многозначительно произнёс Оскар Финч, подходя ближе и кивая в сторону полицейских. Через раскрытую дверь были видны их слаженные действия, которыми руководил инспектор. – Грумс мне напоминает ирландского пшеничника, – поделился он негромко. – Превосходная собака для сельской местности, скажу я вам. Отличный друг и товарищ детям, и справедливый пастух, и сторож для овец. При этом чрезвычайно активный пёс с игривым нравом. Кстати, вы, мисс Адамсон, когда-нибудь наблюдали за терьером, увлечённым поимкой крысы или белки?

Оливия, уже понимая, куда клонит Финч, тем не менее отрицательно покачала головой.

– И зря, – осуждающе приподнял брови Финч, как если бы Оливия сознательно пропустила важнейший для себя опыт. – В момент погони этот пёс превращается в спрессованный сгусток безжалостной энергии. Крыс ненавидит всеми фибрами души. Может преследовать свою добычу часами, не снижая темпа. Хотя обычно достаточно пятнадцати минут. Перекусывает грызуну хребет, и кончено дело! – он

резко хлопнул в ладоши, и Оливия против воли вздрогнула и часто заморгала.

Довольный её реакцией, Финч самым нелестным образом рассмеялся и вышел прочь. Плечи его продолжали мелко сотрясаться – он изо всех сил сдерживал неуместный, но совершенно искренний смех.

* * *

Какое бы впечатление ни производил инспектор Грумс, но дело своё он знал хорошо. Сразу же после прибытия он вместе с сержантом Бимишем развернул столь бурную деятельность, что о покое можно было забыть как о недостижимой роскоши.

Инспектор, казалось, был одновременно везде. Его видели как во всех жилых помещениях замка, так и в часовне, причём с такими малыми временными промежутками, будто он обладал сверхъестественной способностью перемещаться в пространстве лишь силой мысли, с лёгкостью обходя непреодолимые для обычного человека преграды материального мира.

Вместе с сержантом он осмотрел комнату леди Элпет и Джорджа, а после кратковременного колебания (незамеченного, впрочем, никем, кроме его помощника) отдал приказ всем, кто находился в своих комнатах, покинуть их и предоставить констеблям возможность провести в них осмотр. Не сжалился он даже над Викторией Понглтон, которая с самого утра избегала всякого общества, закрывшись в своей комнате и отказываясь от чая и пищи.

Поверенный тоже не избежал определённых неудобств. Покинуть Мэдлингтон сразу же после оглашения завещания ему не удалось. Грумс, нисколько не стараясь быть любезным, отрывисто приказал ему оставаться в гостиной и ждать дальнейших распоряжений, и мистеру Броттигену, отличавшемуся робостью и неумением отстаивать своё мнение, пришлось отложить дела и всё утро, до самого ланча, просидеть в душной комнате, залитой безжалостным солнцем.

Осмотр личных вещей все обитатели Мэдли восприняли очень поразному. Кто-то (как, например, Присцилла и Седрик), ничуть не возражал и всячески способствовал работе констеблей, а вот

Бернадетта, от которой этого совсем никто не ожидал, громко возмущалась и даже расплакалась. Анне пришлось спешно приготовить для неё чашку крепкого чая, но и это не помогло. Маленькая француженка продолжала называть констеблей жандармами и уверять, что их цель – обвинить во всём именно её, раз уж она иностранка, и сфабриковать против неё доказательства. Такое поведение заставило Грумса обратить на Бернадетту пристальное внимание, отчего та расстроилась ещё больше, и Оливии пришлось взять на себя труд утешать её.

Объявив, что после ланча он будет беседовать лично с каждым, инспектор отпустил констеблей подкрепиться в деревню, а сам вместе с сержантом заперся в кабинете покойного лорда Понглтона. К угощению, которое Анна принесла им, инспектор не притронулся и сержанту тоже сделал внушение. Нагруженный доверху поднос пришлось нести обратно в кухню, но даже этот факт не расстроил горничную, в таком превосходном расположении духа она пребывала после известий, полученных от поверенного.

За ланчем присутствовали только Седрик с Присциллой, близнецы, Финч, заплаканная Бернадетта и робкий, напуганный всем происходящим мистер Броттиген. Виктория так и не откликнулась на деликатный стук Хигнетта, а баронесса сказала, что вряд ли сможет проглотить хоть кусочек после кошмарной утренней сцены, которую ей довелось наблюдать.

Случившееся в Мэдлингтоне потрясло всех. К Джорджу никто не питал добрых чувств, но его загадочная, необъяснимая смерть заставляла задуматься о бренности земного существования и прочих нерадостных материях. Как это ни странно, но именно присутствие за ланчем поверенного несколько разрядило обстановку, будто человек, по роду деятельности часто сталкивающийся с последствиями смерти, одним своим присутствием превращал её в обыденный, поддающийся здравому осмыслению факт, что позволяло на время отвлечься от её безжалостной природы.

Так как миссис Вайсли до сих пор не приступила к своим обязанностям, и готовить ланч, и подавать его пришлось Анне. Работу свою она выполняла из рук вон плохо, но замечаний ей никто не делал – даже Хигнетт, мысли которого были далеки от происходящего.

После ланча потянулось томительное ожидание. Инспектор, занимавшийся в кабинете какими-то своими таинственными делами, не спешил приглашать свидетелей на допрос. Проволочки, как и осмотр комнат и личных вещей, все восприняли по-разному. Седрик с Присциллой по-прежнему демонстрировали спокойствие и некоторую отрешённость. Супруги вполголоса беседовали с поверенным, уединившись в нише у окна, и Оливия, снедаемая отнюдь не праздным любопытством, дорого бы дала за то, чтобы услышать их разговор. Бернадетта выказывала все признаки нервозности, справиться с которыми пыталась при помощи молитв, творимых тишайшим шёпотом. Финч же развивал фантастические теории о причинах, повлёкших смерть Джорджа Понглтона. Некоторые из его идей были настолько чудовищными, что набожная Бернадетта посчитала за лучшее пересесть от него подальше. Финч вообще вопреки обыкновению был сверх всякой меры возбуждён и несдержан, и близнецы, переглядываясь, гадали про себя, отчего смерть Джорджа, которого он откровенно недолюбливал, произвела на него такое разрушительное действие.

На самом деле длительное ожидание было не лишено смысла. Инспектор Грумс, дважды за одну неделю столкнувшийся со смертью в Мэдлингтон-Касл, на этот раз с трудом допускал мысль о естественности случившегося. Первое, что пришло ему на ум в качестве причины – отравление, и теперь он, с удобством устроившись в любимом кресле старого лорда, ожидал известий от доктора и его предварительного заключения о смерти Джорджа Понглтона. Инспектор высоко ценил профессионализм Мэтьюсона и его обширный опыт, и потому не желал допрашивать подозреваемых, не имея на руках козырей.

Когда часы пробили два пополудни, дворецкий (явно нервничающий и напуганный последними событиями) проводил инспектора к телефону, и Грумс, молча выслушав предназначавшееся ему сообщение, удовлетворённо улыбнулся.

Первым к инспектору пригласили поверенного. К этому моменту мистер Броттиген настолько сильно желал покинуть поместье, что даже оставил привычную робость и вялость и, отвечая на вопросы полицейского, был весьма расторопен и оживлён. Из краткой беседы с ним Грумс уяснил для себя, что от смерти леди Элспет выиграли все,

кроме Джорджа, Виктории и дворецкого. Семейный капитал – а если точнее, то, что от него осталось, – целиком наследовал Седрик Понглтон. Зная характер семейных отношений между братьями, инспектор оценил всю глубину неприязни покойной леди Элспет к собственным сыновьям, за что, впрочем, нисколько её не осуждал.

– Кроме этого, крупные суммы были завещаны клиенткой вдове младшего сына, Бернадетте Понглтон, а также Анне Фелпс, горничной, и мистеру Оскару Финчу, местному ветеринару.

– Я знаю, кто такой мистер Финч, – сварливо перебил поверенного инспектор, которого этот маленький робкий человечек с пушистыми ресницами чем-то неуловимо раздражал. – Насколько крупные суммы упомянуты в завещании?

– Бернадетте Понглтон причитается двадцать тысяч фунтов...

Инспектор присвистнул и хлопнул раскрытой ладонью по столу.

Мистер Броттиген вздрогнул, но, тут же опустив глаза, продолжил:

– ...со специально оговорённым условием, что её сыновья получают образование в одном из учебных заведений Англии. Горничная Анна Фелпс получает пять тысяч фунтов и некоторые вещи из гардероба покойной, как то: пальто из нутрии...

– Дальше! – снова перебил его инспектор, не желающий терять время попусту.

– Мистер Финч получает семь тысяч фунтов и памятный дар – портрет леди Элспет, который в данный момент занимает место в семейной галерее Понглтонов.

– А дворецкий? Он что же, не участвует в этом благотворительном забеге?

– Дворецкому Хигнетту причитается сумма, равная его годовому жалованью, и только.

– Вот бедняга, – прищёлкнул языком Грумс. – Не досталось на его долю щедрых даров. Как он был, расстроен, когда понял, что его лошадка прискакала последней? – и он разразился резким лающим смехом. – Верно, кулаки готов был сгрызть от досады?

Поверенный снова вздрогнул и быстро посмотрел на сержанта Бимиша. Тот невозмутимо вёл записи, никак не выражая своего отношения к скверным манерам инспектора.

Отсмеявшись, Грумс лёгким движением руки, словно отгонял не слишком проворную муху, приказал сержанту выпроводить порядком надоевшего ему крючоктвора и привести следующего свидетеля.

* * *

Присцилла Понглтон вошла в кабинет почти бесшумно. Изящно опустилась в предложенное кресло, которым сержант по приказу Грумса заменил жёсткий деревянный стул. Молча, без улыбки она смотрела на инспектора в ожидании его вопросов, и он оценил её выдержку.

– Что вы почувствовали, миссис Понглтон, когда узнали, что по завещанию ваш муж получает семейный капитал в единоличное пользование? – инспектор задал вопрос в лоб и теперь внимательно следил за реакцией свидетельницы.

– Радость, – улыбнулась она, пожав плечами.

– Хм... Не слишком ли вы откровенны, миссис Понглтон?

– Я ценю и своё, и ваше время, инспектор. Не думаю, что вы пригласили меня, чтобы ходить вокруг да около. Я в самом деле очень рада за мужа, ведь теперь он сможет осуществить многое из того, что пойдёт на благо и людей, и Британии. Седрик не понаслышке знает, что такое лишения, голод и отсутствие крыши над головой. Я всей душой верю в то, что он сможет облегчить положение тех несчастных, кто нуждается в крове и пище.

Пока она говорила, Грумс молчал и старался ничем не выказать собственных чувств. О репутации Седрика Понглтона он был наслышан, о его «подвигах» на ниве социалистической борьбы тоже. Нет, никаких недостойных или подпадающих под возможность ареста деяний за ним не числилось, но и зримых результатов такая мышьяная возня принести, конечно же, не могла. Инспектор, чья не подлежащая сомнениям мужественность позволяла ему открыто восхищаться неординарными женщинами, сильными духом, с сожалением подумал о том, что Присцилла Понглтон, скорее всего, так и проведёт всю жизнь в служении своему ничкёмному мужу, потакая его воображаемой пламенной борьбе за правое дело.

– А как вы расцениваете отношения между братьями, миссис Понглтон? Они часто вздорили? Были между ними трения?

– Вы не хуже меня знаете, что Седрик и Джордж никогда не ладили, – тон Присциллы стал холоден, как только она поняла, к чему клонит инспектор. – Да, они не проявляли друг к другу тёплых чувств, но это не значит, инспектор, что мой муж желал дурного своему брату.

– Ну что вы, миссис Понглтон, об этом и речи пока не идёт, – пошёл на попятную Грумс. – А в чём заключалась суть их разногласий? Как я понимаю, отношения осложнялись наследственными распрями?

– Вовсе нет, – покачала головой Присцилла. – Дело в том, что Джордж занял неверную политическую позицию и свёл знакомства с людьми, цель которых – нанести вред Британии. Наверное, вы слышали о сэре Освальде Мосли?

Инспектор кивнул, не сводя со свидетельницы внимательного взгляда.

– Так вот, Джордж и Седрик превратились в непримиримых политических оппонентов, и это, разумеется, не могло не повлиять и на их родственные отношения. Кроме того...

– А я вот слышал, что в основе их ссоры лежит совсем другое, – перебил Присциллу инспектор. – Ходят слухи в деревне – а я, как вы знаете, местный деревенский житель и в курсе всего, о чём болтают досужие сплетники, – что это Джордж добился того, чтобы лорд Артур Понглтон выгнал Седрика из дома и запретил ему являться на глаза.

Присцилла нахмурилась и умолкла. Минуту-другую она размышляла, склонив голову к плечу и глядя в окно, но, когда вновь заговорила, в голосе её не было никаких сомнений:

– Мне ничего не известно об этом, инспектор. Полагаю, что не всем сплетням стоит доверять.

– Ну, хорошо, оставим это, – покладисто согласился Грумс и, встав из-за стола, подошёл к камину и взял в руки фарфоровую фигурку слона с темнокожим погонщиком на спине. – Вынужден спросить, миссис Понглтон, где вы находились прошлой ночью? Простая формальность, вы же понимаете, – извиняющимся тоном сказал он и издал неловкий смешок.

– У себя в постели, инспектор. И, предваряя ваши дальнейшие вопросы: я ничего не слышала и не видела. Окно комнаты выходит на

лужайку и подъездную аллею, и я бы никак не сумела увидеть часовню.

– Можете припомнить, миссис Понглтон, что подавали на ужин прошлым вечером?

– Кажется, суп с кореньями, мясной паштет и пироги с крольчатинной. Но я не уверена... Может быть, суп был позавчера?

Инспектор отмахнулся от её сомнений и пробормотал себе под нос: «Всё равно следов уже не найти».

– Вы подозреваете отравление? – удивилась Присцилла. – Господи, неужели среди нас отравитель? Но каким образом?! Джордж был совершенно здоров и во время ужина, и после него... Они с Викторией по-хозяйски прогуливались перед домом до самых сумерек и что-то с жаром обсуждали. Я видела это из окна своей спальни.

– Точно, Виктория! – оживился инспектор и щёлкнул пальцами. – Да забудьте вы про отравление, – с досадой приказал он свидетельнице, опасаясь, что поторопился с оглаской этой версии и теперь не избежать паники среди женщин и прислуги. – Они с Джорджем были дружны между собой? Как вы оцениваете их брак?

– Я мало знаю об их жизни в Лондоне, – уклончиво ответила Присцилла.

– Ну вот, а в начале нашей беседы вы не собирались тратить даром ни моё, ни своё время, – укорил её Грумс.

– Скажем так, – покорила Присцилла с видимой неохотой, – они были дружны во всём, что касалось их политических воззрений. С той только разницей, что если Виктория не считает представителей низших классов за людей, то Джордж порой позволял себе проявлять довольно настойчивый интерес к особам женского пола – горничным, подавальщицам в чайных и секретарям-стенографисткам.

– Что, разумеется, не могло радовать его жену, – заключил инспектор.

– Разумеется, – подтвердила Присцилла со вздохом. – Но Виктория из тех, кто выбирает хорошую мину при плохой игре. Существуют женщины, которые предпочитают не замечать слабостей супруга, знаете ли. Хотя, надо полагать, брак с Джорджем был для неё сплошным разочарованием.

– Почему это? – заинтересовался Грумс, возвращаясь за стол и грузно усаживаясь в кресло, предварительно тщательно поддёрнув

брюки.

– Виктория всю жизнь стремилась в большую политику. Её происхождение позволяло ей выйти замуж за подходящего молодого человека, вот только диктаторские замашки и внешность... – Присцилла замялась.

Инспектор пришёл ей на выручку:

– Ограничивали выбор претендентов. Вы это хотели сказать?

– Да, благодарю вас. Вот и случилось так, что она приняла предложение Джорджа. Бог знает, какие у него самого были резоны, не берусь об этом рассуждать. Тем не менее они заключили этот брак, но счастья Виктории он не принёс. Джордж слишком самолюбив, недалёковиден и прямолинеен, что препятствует вхождению во влиятельные политические круги, к тому же у него не было на это средств. Виктории вечно приходилось улаживать последствия его промахов, оплачивать долги и закрывать глаза на невинные шалости, как принято у мужчин называть свои похождения.

– Да уж, сомнительный рецепт семейной идиллии, – задумчиво покивал инспектор, не сумев скрыть осуждения, так как сам относился к тем немногим преданнейшим мужьям, что способны всю жизнь испытывать трепетные чувства к одной-единственной женщине. – Ну что ж, миссис Понглтон, благодарю вас за откровенность. Если моя просьба вас не затруднит, то попросите навеститься ко мне горничную Анну.

Присцилла кивнула ему и легко поднялась из мягкого кресла. Пока она шла к двери, инспектор Грумс провожал её взглядом – покрой простого коричневого платья обрисовывал стройную фигуру с тонкой талией и узкой спиной, тяжёлый узел волос венчал длинную шею, – и он ещё раз подумал о том, что Седрику Понглтону совершенно незаслуженно повезло с женой.

* * *

Когда Анна вошла в кабинет старого лорда, то застала инспектора за нелепым детским занятием, на которое только ярмарочные бездельники время и находят. Грумс, хмурия морщинистый лоб, складывал так и этак мятый листок оберточной бумаги, чертыхаясь

себе под нос. Бимиш невозмутимо перечитывал записи в блокноте, стоя спиной к двери, и даже не повернулся, когда она вошла.

Анна сразу же успокоилась, а успокоившись, обрела привычное нахальство и потому грубовато спросила, не дожидаясь, когда к ней обратятся:

– Вы хотели меня видеть, сэр? Вот только у меня овощи к ужину не почищены, и мясник с минуты на минуту прикатит.

– Анна, тебе жаль Джорджа Понглтона? – внезапный вопрос инспектора застал горничную врасплох, и она растерянно заморгала.

– Я... Мне... Я не знаю, сэр, – Анна настороженно смотрела на полицейского и судорожно пыталась сообразить, куда он клонит. – Само собой, всякого человека жалко, если с ним чего случается. Вот и мистера Понглтона все жалеют. Миссис Понглтон вообще слегла – и дверь не открывает, и чай не приказывает подать.

Инспектор покачал головой и впервые взглянул на горничную.

– Нет, Анна, я не про то спрашивал. Тебе самой-то хозяина жалко? Расстроилась ты, что он умер?

На лице Анны отразилась борьба. Правильный ответ на этот каверзный вопрос лежал на поверхности, но природная склонность отстаивать своё мнение – неожиданная и даже вредная в девушке её происхождения – всё же взяла верх.

– Нет, сэр, не расстроилась, – наконец ответила Анна, и голос её был уверенным и звонким. – Мистер Понглтон, говорят, хотел сюда, к нам во Фроингем, немцев привезти. И я даже и сама слышала, как он про это рассказывал. И в Лондоне, говорят, мистер Понглтон с ними встречается, и даже в Германию собирался ехать.

– А когда леди Элспет умерла, ты расстроилась? – продолжал допытываться Грумс, вновь увлечшись бумажной фигуркой, которая теперь начала отдалённо напоминать лягушку после встречи с почтовым фургонном.

– А как же, сэр! – с некоторой обидой заявила Анна. – Леди Элспет мне очень жалко было. Я ведь не бесчувственная. Прямо вот как родная мать она мне была! И работой не мучила, и, если мало ли с кем из родственников что приключится, всегда отпустит...

– Насколько я знаю, Анна, у тебя нет родственников, – Грумс поднял на неё глаза, и горничная смешалась под его взглядом и замолчала. – И вот что ещё мне скажи: как так вышло, что леди Элспет

оставила тебе в наследство такую внушительную сумму? Пять тысяч фунтов – это огромные деньги для горничной. Как ты их тратить-то собираешься?

Со всем возможным достоинством Анна ответила:

– Я, сэр, хочу вместе с подругой чайную открыть. Леди Элспет меня надоумила.

– О как! – восхитился Грумс и даже оторвался от своего сомнительного занятия. – И где же ты чайную открывать собираешься? У нас, во Фроингеме?

– Нет, сэр! Что я тут забыла? – в голосе Анны послышались злорадные нотки, что удивило инспектора. – В Лондоне, конечно.

– Ничего себе! – присвистнул Грумс. – Аж в самом Лондоне! А пяти тысяч-то тебе хватит?

– У моей подруги есть сбережения, – пробормотала Анна и густо покраснела.

– Ясно, – сделал инспектор вид, что ничуть не интересуется загадочным происхождением сбережений не менее таинственной подруги. – Отчего, как ты думаешь, умер Джордж Понглтон? – снова задал он вопрос в лоб.

Анна испуганно вздрогнула и посмотрела в сторону окна, за которым виднелась крыша часовни, поросшая мхом. После этого она перекрестилась и переступила с ноги на ногу.

– Все знают, отчего. И вы, сэр, тоже знаете. Потревожили они её, – и она качнула головой в сторону окна.

Инспектор вновь отвлекся от бумажного комка, в который превратилась лягушка. С пристальным вниманием, молча, он смотрел на горничную, и она была вынуждена продолжать.

– Вы же знаете, сэр, что это она наслала проклятие на всех Понглтонов. И теперь вот её дух пробудился, чтобы мстить всем, кто живёт в Мэдлингтоне, – и Анна опять перекрестилась.

Никак не обозначив своего отношения к услышанному, Грумс взял новый лист бумаги и аккуратно загнул у него все четыре уголка.

– Ты слышала или видела что-нибудь подозрительное прошлой ночью, Анна?

– Я, сэр, спала у себя в комнате и ни слышать, ни видеть ничегошеньки не могла, – с непонятной обидой ответила горничная. –

У меня дел невпроворот. Хигнетт считает, что у меня восемь рук или что я...

– Ну, вдруг ты допоздна засиделась у Айви, – словно и не слыша её жалоб, задал вопрос Грумс. – Вечером же ты ходишь в деревню? А может, сын мельника пригласил тебя в кино. Может ведь такое быть, правда?

Демонстрация инспектором того, что он всё про неё знает, заставила Анну стать осторожней. Эта насторожённость горничной так сильно бросалась в глаза, что Грумс на время отложил свои упражнения с листом бумаги.

– Нет, сэр, я никуда прошлым вечером не выходила, – произнесла она кротко.

– Ну, хорошо, – Грумс вздохнул с видом человека, который знает, что его собеседник лжёт, но не торопится вывести его на чистую воду. Вновь принявшись сгибать бумажный лист на разные лады, он спросил: – Анна, как, по-твоему, Джордж Понглтон и Виктория были счастливы в браке? Ладили они между собой?

Лицо Анны расплылось в злорадной улыбке.

– Вот уж не думаю, сэр, – категорично заявила она.

Инспектор не стал требовать объяснений, только быстро взглянул на горничную и вновь начал проводить непонятные манипуляции с бумажным листом.

– А с братом Джордж Понглтон в каких был отношениях?

– А вы будто не знаете? – ответ прозвучал слишком уж нахально, и горничная поспешил исправиться: – Как кошка с собакой – вот какие у них были отношения. А вчера за чаем мистер Седрик проклятие на него наслал! Так и сказал ему: будь ты проклят на веки вечные.

Грумс поднял взгляд на Анну. Услышанное явно его заинтересовало, однако он не торопился подробнее расспрашивать горничную. Та, не в силах вытерпеть навязанную ей паузу, облизала губы и опять переступила с ноги на ногу, недоумевая, почему инспектор так прохладно отнёсся к этому известию. Айви, так та, например, прямо глаза вытаращила, услышав о ещё одном проклятии в стенах Мэдли.

Грумс же, наблюдая терзания свидетельницы, не спешил задавать ей новые вопросы и продолжал развлекаться с мятым листом бумаги.

Когда горничная расслабилась настолько, что не ждала подвоха, он вдруг спросил:

– Анна, а твоя подруга Мардж Джессоп по-прежнему служит в кондитерской «Принц» в Лондоне?

Выражение лица горничной подтвердило догадки инспектора, и он, довольный собой, приказал Бимишу пригласить к нему следующую свидетельницу.

* * *

Бернадетта с тяжёлым сердцем вошла в кабинет, где её вот уже четверть часа ожидали инспектор с сержантом.

– Миссис Понглтон! – радушно, будто она заглянула в гости к старому другу, а не на допрос, поприветствовал её Грумс. – Входите же скорей!

Покашливая от смущения и сжимая в руках платок, выкрашенный в чёрный цвет, Бернадетта робко опустила на самый краешек кресла. Губы её были плотно сжаты, глаза опущены. Грумсу вдруг пришло в голову, что свидетельница в своём чёрном платье из дешёвого крепа больше похожа на монахиню, чем на вдову.

– Может быть, мне вызвать Анну и попросить её принести вам чашку чая, миссис Понглтон? – подчёркнуто любезно предложил он, перегнувшись к ней через стол.

– Нет, нет, господин инспектор, не нужно! – она вскинула на него тёмные глаза, в которых Грумс различил не подающийся объяснению страх.

– Тогда расскажите мне, миссис Понглтон... Или мадам Понглтон? Как вы предпочитаете?.. Ну, хорошо, пусть будет миссис Понглтон, так привычнее... Расскажите мне вот что: где вы находились прошлой ночью?

– Я была у себя в спальне, месье, – Бернадетта по-прежнему пристально смотрела на собственные колени, сжатые под платьем так плотно, что заныли косточки.

– Может быть, вы слышали или видели что-либо подозрительное?

– Нет, господин инспектор. Я ложусь рано, как только уснут сыновья. После нашей тесной квартирки в Лилле... К вечеру они

просто выбиваются из сил. Робер, как мне кажется, успел подрасти, так на пользу пошло ему солнце и простор, – и в её голосе слышалась материнская гордость, она оживилась, щёки порозовели, и всякое сходство с монахиней пропало. – Я не вижу мальчишек весь день, а потом они появляются – голодные, загорелые! Им так нравится в Мэдли! Я едва успеваю накрыть их одеялом, как они уже спят.

Она долго ещё рассказывала о своих сыновьях, перескакивая с одного на другое, и инспектор догадался, что Бернадетта Понглтон просто тянет время. Ей, судя по всему, смертельно не хотелось отвечать ни на какие его вопросы, а ещё она была напугана. Не преминув этим воспользоваться, Грумс прервал поток её излишний прямым вопросом:

– Что вы почувствовали, миссис Понглтон, когда поверенный огласил завещание леди Элспет?

В ту же секунду он мог наблюдать любопытную метаморфозу – оживлённая мать семейства в мгновение ока исчезла, чтобы вновь уступить место монахине, смиренно опустившей глаза долу.

– Так как же, миссис Понглтон? Вы обрадовались, огорчились, рассердились? Какие чувства вы испытали, узнав, что становитесь обладательницей внушительного состояния?

– Я... я испытала радость. Леди Элспет как-то раз мне намекнула, что хочет поучаствовать в судьбе моих мальчиков, но я и не думала, что она будет столь щедра.

– То есть сумма наследства стала для вас сюрпризом?

– О да, месье! Я не смела и надеяться на подобное, господин инспектор, уверяю вас! – теперь в голосе её слышалось неподдельное ликование.

Она выпрямилась и так открыто и радостно улыбнулась Грумсу, что он даже растерялся. Бернадетта Понглтон производила в этот момент впечатление человека, все мечты которого исполнились разом.

– Вы католичка? – уточнил инспектор.

– Да, месье, я исповедую католическую веру.

– Но разве католикам разрешается так неприкрыто радоваться чьей-либо смерти?

– Смерть – это всего лишь окончание земной жизни. Душа же – вечна, и души праведников вечно пребывают в радости подле отца небесного. Я скорблю о леди Элспет, но и радуюсь за неё, ведь теперь

ей уготовано вечное счастье. Деньги же, что она завещала мне, позволят моим сыновьям получить образование и жизнь, достойные их происхождения.

Эта детская логика, отдающая изошрённым иезуитством, заставила инспектора нахмуриться.

– А Джорджу Понглтону, как думаете, тоже уготовано вечное счастье? – поинтересовался Грумс, не скрывая ехидства.

– Не думаю, господин инспектор, – покачала головой Бернадетта. – Он был не слишком праведным человеком.

– Вы имеете в виду его... – инспектор долго пытался подобрать подходящее выражение, пока из глубин его памяти не всплыло громоздкое слово «адюльтер».

Бернадетта кивнула, не дожидаясь продолжения.

– Вам что-то об этом известно?

– Нет, месье, совсем ничего. Так, пустяки. Я даже не уверена, что мне следует об этом говорить.

Инспектор терпеливо ждал, и пауза вновь дала предсказуемый результат.

– Однажды я видела, как он передавал горничной Анне конверт.

– Может быть, в нём было письмо?

– Не думаю, месье. Анна заглянула в него так, словно в нём было что-то другое, и вид у неё при этом был не слишком почтительный.

– Ну, Анну Фелпс в принципе не назовёшь почтительной, – то ли в осуждение, то ли в оправдание ей сказал инспектор. – Но девушка она честная и ни в чём предосудительном до сей поры замечена не была, – Грумсу явно не понравилось, что иностранка пытается очернить репутацию английской горничной.

– И ещё я как-то раз слышала разговор, который состоялся между мистером Понглтоном и его женой. Они шли по коридору и очень серьёзно ссорились. Виктория произнесла что-то вроде: «Эта девица – нахалка, каких свет не видывал, и ты был просто обязан её приструнить, а не обещать ей деньги».

– И вы решили, что речь шла об Анне Фелпс?

– А о ком же ещё? – взгляд Бернадетты Понглтон был чист и простодушен.

– Ну а об Оскаре Финче что вы можете сказать? В деревне, признаюсь, ходят такие безобразные слухи о его отношениях с леди

Элспет, что мне даже совестно повторять их.

Бернадетта пожала плечами и с явным сожалением призналась:

– Мне ничего об этом неизвестно, месье. Я ведь приехала недавно и не знаю никого в деревне.

Инспектору, который отчего-то был убеждён, что все француженки, даже самые набожные, отъявленные сплетницы, пришлось сменить тему.

– А что вы скажете о мисс Адамсон? Вы по-прежнему считаете, что та записка, в которой вам назначили встречу в оранжерее, написана её рукой?

– Да, месье, я по-прежнему так думаю. И я не доверяю ни мисс Адамсон, ни её брату, ни этой немецкой баронессе. Они здесь не к месту! – Бернадетта не сумела скрыть неприязнь.

– Им здесь не место, – машинально поправил её Грумс, и сержант Бимиш перечеркнул написанное и начал с новой строки.

Дальнейшая беседа со вдовой Монтгомери Понглтона не дала ничего. Как только у неё появлялась возможность, она принималась без устали расхваливать своих сыновей и посвящать инспектора в мечты об их будущем. Грумса, хоть он и сам был любящим отцом, это в немалой степени раздражало.

Повертев в руках лист с загнутыми уголками, инспектор в последний раз взглянул на свидетельницу, и, предупредив её о том, что до конца расследования ей не стоит покидать поместье, отпустил. К двери Бернадетта Понглтон шла так стремительно, что чёрный креп закручивался водоворотом вокруг её худеньких ног.

Когда дверь за ней закрылась, Грумс воскликнул, обращаясь к сержанту:

– Любопытные они, эти иностранцы, а, Бимиш?

– Католики, сэр, – бесстрастно резюмировал сержант, переворачивая страницу блокнота.

* * *

Хигнетт вошёл в кабинет старого лорда ровно в три часа пополудни. Инспектор, не выпуская из рук очередной эксперимент, на этот раз напоминающий безногого поросёнка с непропорционально

большой головой, оценил точность дворецкого. Тот остановился напротив стола, принял почтительную позу и приготовился отвечать на вопросы.

– Сколько лет вы служите в Мэдлингтоне, Хигнетт?

– В июле будет два года, сэр.

– Кем и где служили до этого?

– До того, как стать дворецким у леди Элспет, я был вторым лакеем у лорда Сирли, сэр. У меня сохранились все рекомендации, если они вам понадобятся, – добавил он, понизив голос.

– Пока не нужно, – отмахнулся Грумс и подумал, что малый слишком торопится. – Что вы можете сказать о Джордже Понглтоне? Он и правда собирался перестроить поместье и превратить его в отель?

– Да, сэр, именно это мистер Понглтон и собирался сделать.

– Означало ли это, что вы потеряете работу? Или он намеревался поставить вас управляющим?

– О планах мистера Понглтона мне ничего не известно, сэр. Он не обсуждал со мной ничего подобного.

– Ну, может, вы что-то слышали?.. Или видели?.. – в тоне инспектора недвусмысленно чувствовался намёк на то, что обычно прислуга видит и слышит значительно больше, что ей полагается.

– Не представляю, как бы я мог это сделать, – с достоинством опровергнул эти инсинуации Хигнетт, но на его лице появилась и тут же без следа исчезла усмешка.

– Где вы находились прошлой ночью? – Грумс задал дежурный вопрос без всякой надежды на новые обстоятельства и был весьма удивлён, когда в ответ услышал:

– С полуночи и до двух часов я сидел в беседке, что находится перед розарием.

– Что?! – Грумс не справился с плотной бумагой и выпустил незаконченную фигурку из рук. Она тут же развернулась, превратившись в неопрятный ком, и теперь продолжала с тихим, едва различимым шелестом медленно возвращаться к исходной форме. – И что вы там делали? Поджидали местную фею, которой назначили свидание среди роз и фиалок?

– Вовсе нет, сэр, – Хигнетт, казалось, был искренне шокирован подобным предположением. – Я пытался изловить нарушителей границ поместья. Дело в том, сэр, что после июньского праздника в

траве, в том месте, где располагались торговые палатки, остаётся немало оброненных медяков. Деревенские мальчишки знают об этом, и, когда стемнеет, пробираются на территорию Мэдлингтона и разыскивают их.

– Ну, большого преступления в этом нет, – разочарованно буркнул инспектор, явно ожидавший от откровений дворецкого чего-то более значительного.

– Конечно, сэр, но это всё-таки нарушение границ частной собственности. Если им вовремя не преподать урок, то они останутся безнаказанными и будут считать, что не совершили ничего предосудительного. К тому же они могут пробраться в оранжерею и попортить цветы и фрукты.

– Вы что же, Хигнетт, каждую ночь устраиваете засаду у розария?

– Нет, сэр. Конечно же, нет. Но прошлая ночь выдалась лунной, и мне показалось, будто кто-то перебежал от одного дерева к другому. Поэтому я и спустился.

– И что? Застали кого-нибудь из сорванцов?

Хигнетт отрицательно покачал головой и пожал плечами.

– Нет, сэр, там не обнаружилось ни одной живой души, – ответил он со значением.

Инспектор уловил изменение интонации дворецкого и взглянул на него, нахмурившись:

– Вы, Хигнетт, тоже собираетесь рассказывать мне бабкины сказки о призраке Айрин Шепли, которая явилась с того света, чтобы отомстить Понглтонам?

При упоминании призрака дворецкий вздрогнул. В памяти его ещё жило воспоминание о том, как выглядел Джордж Понглтон после встречи с тем неведомым, что затаилось в часовне.

– Нет, сэр, но я знаю, что я видел, – упрямо произнёс Хигнетт.

– И что же?

– Тогда я подумал, что это мальчишки светят фонариком себе под ноги, чтобы отыскать монетки. Но теперь... Это было светлое пятно, такое мерцающее. Очень похожее на свет фонарика, который прикрывают рукой. И оно двигалось. Вот только сейчас я понял, что оно находилось гораздо, гораздо выше, чем ребёнок мог бы держать фонарик.

– Ну, это-то как раз легко объясняется: Джордж Понглтон ведь должен был как-то добраться до часовни, раз ему пришла охота наведаться туда ночью, – сварливо оборвал рассуждения дворецкого Грумс и, решив, что с него хватит чепухи, приступил к расспросам о взаимоотношениях между обитателями поместья.

Хигнетт отвечал толково, без лишних, не относящихся к делу деталей. Во время допроса он никак не проявил свою лояльность к леди Элспет, но и досады или разочарования в связи с её последней волей не выказал. И о Седрике с Присциллой, и о Джордже с Викторией дворецкий отзывался в нейтральных выражениях, которые не позволяли обнаружить его настоящие чувства.

Единственными, о ком он говорил с видимой неприязнью, были близнецы Адамсон. В этом он был солидарен с Бернадеттой Понглтон, так как тоже считал, что им не место в Мэдлингтоне.

– Отчего же? – сразу заинтересовался инспектор. – От них много хлопот прислуге? Или они как-то подозрительно себя ведут?

– Они посторонние здесь, – ответ дворецкого прозвучал туманно. – И такие... внимательные.

Как ни пытался инспектор добиться, что тот имеет в виду, но Хигнетт так и не раскрыл, что кроется за его словами.

– Лезут не в своё дело? Дотошные? Придирчивые? – гадал Грумс, входя в азарт, но из дворецкого больше ничего не получилось вытянуть.

Глава шестнадцатая, в которой Седрик Понглтон демонстрирует не слишком разумное поведение, Оливия получает карт-бланш, а Виктория угрожает инспектору Грумсу разрушить его карьеру

Когда за Хигнеттом закрылась дверь, инспектор решил сделать передышку. На этот момент он уже имел веские причины полагать, что в Мэдлингтоне произошло преступление, и, с высокой долей вероятности, не одно. Единственной его версией пока было отравление, но какое именно вещество использовал преступник, и каким образом жертва подвергалась пагубному воздействию яда, определить затруднялся.

Выхватив у Бимиша блокнот, Грумс бегло просматривал записи, когда раздался громкий стук, и вслед за этим в кабинет старого лорда, не дожидаясь приглашения, вошёл Оскар Финч.

Надо сказать, что о его особе инспектор был уже изрядно наслышан. Слухи, распространяемые фроингемскими сплетницами за чаем и в очереди за марками и писчей бумагой, с печальной периодичностью доходили и до него. Неосторожное поведение леди Элспет, проводившей много времени с этим сомнительным молодым человеком и её щедрые подарки ему вкупе с эксцентричными выходками (вроде посещения в его обществе скачек или игорного клуба для избранных) – всё это не могло упрочить репутацию Оскара Финча в глазах деревенских жителей.

Ветеринар был одет в тёмно-коричневый костюм, что должно было, по всей видимости, обозначать траур, но благодаря яркой внешности выглядел скорее франтовато. Инспектор бегло оценил и его дорогой шелковый галстук (из тех, что продаются по три фунта за пару), и тускло мерцающие золотые запонки, и начищенные до блеска остроносые туфли. Даже тому, кто не состоял на службе в полиции,

было бы предельно ясно: скудный доход сельского ветеринара без собственной практики не мог покрывать столь нескромные запросы.

– Надеюсь, я не помешал вам, инспектор? – Оскар Финч широко улыбнулся, но в выражении его глаз чувствовалась напряжённость. – Четверть часа назад мне поступил звонок с фермы Уоткинса. У его лучшей джерсейки начались роды, и симптомы, как я могу судить, тревожные. Мне придётся уехать, и бог его знает, насколько это затянется. А вы, полагаю, хотите побеседовать с каждым именно сегодня, так сказать, по горячим следам, – и он снова улыбнулся, демонстрируя дружелюбие.

– Правильно полагаете, – бесстрастно ответил Грумс и знаком предложил свидетелю присесть напротив. – Постараюсь надолго вас не задержать, мистер Финч, раз уж вы находите в себе силы совмещать отдых с нелёгким трудом. К слову, сколько лет вы уже трудитесь ветеринаром?

– Три года. Я начал сразу, как только приехал во Фроингем после окончания колледжа.

– Не задумывались о собственной практике? Верно, нелегко всё время быть на подхвате? Да и с материальной точки зрения, наверное...

– Нелегко по всем статьям, – признался Финч, – но за эти годы я набрался опыта и теперь ни на что его не променяю.

– Всё верно, – одобрительно закивал Грумс. – Помню, когда я ещё был сержантом... – и тут же сам себя оборвал: – Впрочем, время дорого, приступим к делу. Где вы находились прошлой ночью, мистер Финч?

– У себя в комнате. Я недавно получил посылку с книгами по ветеринарии, и мне не терпелось насладиться приобретением. Поэтому сразу же после ужина я отправился к себе.

– Вы сидели за книгами допоздна?

– Боюсь, что да, я несколько увлёкся.

– Может быть, вы видели или слышали что-либо подозрительное? На какую сторону выходят окна вашей комнаты?

– На холмы, инспектор. Но даже если бы из моего окна была видна часовня, и в ней прошлой ночью собрались все призраки Англии, то я вряд ли бы это заметил. В комментариях к справочнику по ветеринарии я обнаружил любопытную версию лечения гнойного

сепсиса у свиней. То, что там предлагается, на первый взгляд кажется смелым, но автор утверждает, что в восьми случаях из десяти вскрытие гнойника и последующая его обработка раствором, состоящим из...

– Я понял, мистер Финч, понял, – прервал его Грумс, который ровным счётом ничего не хотел знать о гнойном сепсисе свиней. – Вы были очень заняты своими изысканиями и ничего не слышали и не видели. Что вы намереваетесь делать с наследством? Полагаю, получив по завещанию солидный капитал, вы оставите своё занятие?

– Наоборот, – Финч снисходительно улыбнулся, – теперь, когда у меня появилась возможность не беспокоиться о хлебе насущном, я намереваюсь вплотную заняться ветеринарией. Я люблю своё дело, понимаете, инспектор? Знаю, многие жители Фроингема не доверяют мне, предпочитают обращаться к старому Селлерсу. Но он собирается уйти на покой, как только найдёт преемника, а я теперь могу предложить за его практику приличные деньги.

– Вы знали о том, что леди Элспет собирается включить вас в число своих наследников?

Оскар Финч внезапно прекратил улыбаться и замкнулся в себе.

– Да, инспектор, я знал об этом. Нет смысла скрывать, да я и не собирался.

– Как близкому другу леди Элспет, вам что-нибудь было известно о её слабом сердце?

– Слабом сердце?.. Сердце у неё было в полном порядке, – уверенно заявил Финч. – Если хотите знать, то с её смертью что-то явно нечисто.

– Почему вы так думаете?

Грумс даже отложил в сторону смятые листки – результаты своих экспериментов по созданию фигурок животных из бумаги – чтобы дать свидетелю понять, насколько он заинтересован в его мнении. Такой нехитрый трюк отлично развязывает язык тому типу людей, что мнят себя проницательнее прочих.

– Во-первых, – Финч принялся загибать пальцы, – ни о каких сердечных болезнях леди Элспет никогда не упоминала. Во-вторых, перед смертью возле неё крутилась эта мисс Адамсон, которая взялась как из ниоткуда. И в-третьих, я застал мисс Адамсон в часовне в тот же

день, когда с леди Элспет случилось несчастье. Был поздний вечер, и я явно застиг её врасплох.

– Любопытно. И как же мисс Адамсон объяснила своё присутствие на месте преступления?

– Она была испугана и явно не ожидала никого увидеть. Притворилась, что терзается сомнениями о причинах смерти леди Элспет и потому решила осмотреть часовню.

– То есть вы ей не поверили? – уточнил инспектор.

– Не то чтобы не поверил... Но разве не так повёл бы себя убийца, пытающийся скрыть улики, которые могут его изобличить? И эти странные записки, которые она подкинула Бернадетте и леди Элспет. Зачем бы ей это понадобилось в противном случае?

– А вы-то сами зачем отправились в часовню? – Грумс не спешил поддаваться на провокацию свидетеля.

– Я увидел, как мисс Адамсон, оглядываясь, крадёт по саду, – без всякой растерянности сообщил Финч. – Разумеется, мне стало любопытно, куда она держит путь.

– То есть вы следили за ней?

– А что ещё мне оставалось делать? – развёл тот руками. – Кстати, вы отметили, инспектор, что мисс Адамсон находилась в Мэдлингтоне и в тот день, когда умерла леди Элспет, и прошлой ночью, когда умер Джордж Понглтон. Недурное совпадение, а?

– Спешу вас заверить, мистер Финч, что я отмечаю для себя все обстоятельства дела, – не стал скрывать своего недовольства Грумс, которому показалось, что свидетель заигрался в детектива. – Лучше скажите мне, как по-вашему, Седрик и Джордж сильно не ладили между собой?

Финч понял, что перегнул с подозрениями в адрес мисс Адамсон и утратил часть доверия инспектора.

– По-моему, более подходящее слово для их отношений – это вражда, – заявил он, не вдаваясь в подробности.

Грумс, не ожидавший другого ответа, кивнул.

– Вы помните, что подавали вчера за ужином?

– М-м-м... Суп, кажется. И что-то ещё, вроде бы бараньи котлеты. Лучше спросить об этом у горничной или дворецкого. Я редко замечаю, что ем. Единственное, что я запомнил точно – на десерт были оранжерейные персики.

– Чем же они так привлекли ваше внимание?

Оскар Финч непритворно оживился:

– Дело в том, инспектор, что на одном из персиков я заметил плодовую мушку. Я тщательно её осмотрел под лупой и убедился в своей правоте: передо мной был не экземпляр *Drosophila melanogaster*, как подумало бы большинство людей на моём месте, – и он выдержал интригующую паузу. – Это была *Drosophila suzukii*!^[14] Я совсем недавно видел изображение в *Insecta Matsumurana* и сразу узнал её! Дело в том, что эта разновидность укусной мухи имеет интересную стратегию размножения. Вместо того чтобы откладывать яйца в...

О размножении плодовых мух инспектор хотел знать ещё меньше, чем о болезнях свиней, поэтому не дал Финчу закончить спонтанную лекцию и быстро поднялся из-за стола, давая ему понять, что допрос окончен.

– Надеюсь, мистер Финч, вы не собирались покинуть Йоркшир? – осведомился Грумс благожелательно. – Вообще, я бы попросил вас на время задержаться в Мэдлингтоне. Уверен, что Седрик Понглтон не будет против. Мне было бы удобнее, если бы все, кто заинтересован в скорейшем проведении расследования, находились в одном месте.

– Вы ведь подозреваете Седрика, не так ли? Он первый, кто приходит на ум. Я тоже подумал об этом. Но каким образом?!

– Я пока не склонен обсуждать обстоятельства дела. И буду признателен, если вы, мистер Финч, будете вести себя как можно сдержаннее и не станете разводить панику среди обитателей поместья, – Грумса донельзя утомил энергичный молодой человек, и он самостоятельно выпроводил его из кабинета, стараясь не замечать откровенную усмешку Бимиша.

* * *

Никто из жителей деревни не питал большой симпатии к Седрику Понглтону. Грумс тоже не был исключением. Однако, когда тот вошёл в кабинет, вид его – потерянный и жалкий – заставил инспектора выбрать чуть более любезный тон, чем он изначально намеревался.

Седрик производил впечатление человека, глубокопогружённого в раздумья. В душе его, казалось, велась некая внутренняя работа,

требующая сосредоточения и не оставляющая сил на отражение атак внешнего мира. Он даже в кресле сидел как-то полубоком, ссутулив узкую спину и опустив крупные, обвитые голубыми венами, руки между колен.

Всё это вынудило инспектора вначале выразить свои соболезнования, а потом уже приступить к допросу.

– Где вы находились прошлой ночью, мистер Понглтон?

– Спал, наверное, – пожал плечами Седрик, не глядя на Грумса.

– Наверное? То есть вы в этом не уверены? – не упустил возможности инспектор, позабыв про все свои добрые намерения.

– Я плохо сплю по ночам, инспектор. Порой вообще не могу глаз сомкнуть и тогда сажусь к столу, работать, или читаю в постели, пока сон не заставит выпустить книгу из рук.

– Мистер Понглтон, вы покидали дом? Возможно, вы решили прогуляться? В надежде, что усталость возьмёт верх и обеспечит вам крепкий сон.

Седрик усмехнулся и поднял глаза на Грумса:

– Я вижу, к чему вы клоните, инспектор. Да, мы с Джорджем не были связаны узами братской любви, скорее, наоборот. Между нами всегда существовало напряжение. Мы враждовали с самого детства. Дня не проходило, чтобы мы не дрались, а позже, когда подросли, вздорили по любому, даже самому пустячному поводу. Наша мать никогда не пресекала эти стычки, а отец находил их забавными и относился к ним как к щенячьей возне. Порой он даже стравливал нас друг с другом, чтобы посмотреть, кто одержит верх.

Грумсу, который рос в дружной семье, гордившейся своими шотландскими корнями, было неприятно слушать жалобные излияния взрослого мужчины о безрадостном детстве. Тем не менее он терпеливо внимал свидетелю, который в его глазах всё увереннее переходил в категорию подозреваемых.

– Как видите, я не сломлен горем, – Седрик с жалкой полуулыбкой на лице расправил плечи, но они почти сразу вернулись в прежнее положение. – Тот, кто положил свою жизнь на алтарь политической борьбы, не должен позволять личным неурядицам становиться помехой на пути к цели. Но если бы вы, инспектор, могли заглянуть мне в душу, то увидели бы, как искренне я сожалею о гибели тех, кто

был моей семьёй. – Помолчав, он добавил уже без прежней патетики: – К тому же из Понглтонов я теперь остался один.

– А как же сыновья Монтомгери, вашего младшего брата? – быстро спросил инспектор.

– Ну да, разумеется, – без энтузиазма отозвался Седрик, явно позабывший об их существовании. – Но всё же английская ветвь Понглтонов, скорее всего, прервётся на мне. Быть последним в роду – это так печально.

– Но все печали способно развеять завещание, по которому вам отходит семейный капитал, не так ли? Кроме того, в скором времени вы станете законным владельцем поместья и титула.

– От титула я намерен отказаться, – уверенно заявил Седрик. – Он мне ни к чему. Через десяток лет титулов не будет вообще, все просто поймут, насколько это нелепо. Борьба за равенство между всеми людьми ведётся денно и нощно, и совсем скоро принесёт плоды. Не будет больше классов, сословий, каст и прочих искусственно созданных...

– Ну, это вы как-нибудь потом уладите, – прервал его Грумс, не желавший выслушивать от свидетеля ещё одну лекцию, на этот раз социалистической направленности. – Расскажите мне лучше вот о чём, мистер Понглтон: это правда, что вчера вы насылали проклятия на голову брата?

Седрик на секунду зажмурился, а когда открыл глаза, инспектор заметил в них влажный блеск.

– Да, – он кивнул и ещё сильнее стиснул сплетённые в замок пальцы. – Я вышел из себя и наговорил Джорджу чёрт знает чего.

– Как я понимаю, это происходило не первый раз? – в тоне Грумса сквозило ехидство. – И как часто вы выходите из себя?

– Понимаю, как это выглядит, инспектор, понимаю, – Седрик покачал головой, на лице его застыло выражение тоскливой печали. – Но не судите меня строго, прошу вас! Если бы я только знал, что уготовано моему брату! Если бы я только мог вообразить!

Инспектора утомили покаянные речи свидетеля, и он не слишком любезно поинтересовался:

– Отчего, как вы думаете, погиб Джордж Понглтон?

Лицо Седрика мгновенно потеряло виноватое выражение. Теперь он смотрел на Грумса с подозрительным вниманием и уже не казался

несчастливым и потерянным.

– Откуда мне знать? Или вы, инспектор, подозреваете насильственную смерть?

– А что же мне ещё остаётся, мистер Понглтон? – в тон ему ответил Грумс. – В фамильной часовне обнаруживают скоропостижно скончавшуюся леди Элспет, а пять дней спустя там же находят её старшего сына и наследника. Как по мне, так это весьма странное совпадение. Вам так не кажется, мистер Понглтон?

– Я и сам размышлял над этим, – признался Седрик.

– И к какому выводу вы пришли?

– Всё дело в наследственном недуге, – неожиданно заявил Седрик и постучал себя по левой стороне груди. – Я слышал о таком от одного шахтёра из Глостершира. Он рассказал мне, что в шахтах встречаются микроскопические существа, которые вместе с воздухом попадают человеку в кровь, – и он проделал несколько пассов в области носа, иллюстрируя свои слова. – Потом они распространяются по всему организму и поражают главным образом лёгкие, но бывает, что и сердце. Человек просто начинает задыхаться, а потом падает замертво.

– Любопытная теория, – искренне восхитился Грумс. – Но если бы подобное было правдой, то никто не смог бы работать в шахтах.

– В том-то и дело, – Седрик привстал и придвинул кресло поближе к столу, за которым сидел инспектор. – Этот недуг смертелен только для некоторой категории людей, не для всех.

– Но ведь и часовня не шахта, – не сдавался Грумс. – Или под ней есть глубокий подземный ход? – он всё пытался доказать свидетелю несостоятельность его вздорной теории.

– Про подземный ход я слышал в детстве от слуг, – нехотя подтвердил догадку инспектора Седрик. – Не знаю уж, насколько их фантазии соответствовали действительности. Но болезнь такая, безусловно, существует, хоть доктора, скрывая своё невежество, и отрицают её, – он с упрямой настойчивостью постучал раскрытой ладонью по столу и заверил инспектора: – Лично я к часовне и на пушечный выстрел не подойду!

Теория Седрика о причинах смерти матери и брата изрядно позабавила инспектора, но он всё же сделал знак Бимишу проверить, существует ли подземный ход, связывающий часовню и замок.

– А как вы, мистер Понглтон, относились к тому, что леди Элспет водит дружбу с мистером Финчем?

Седрик Понглтон пожал плечами.

– Разве от моего мнения что-нибудь зависело? Мать никогда не слушала никого из нас, только отец имел на неё влияние.

– То есть вас не задевало то, что леди Элспет преподносит мистеру Финчу дорогостоящие подарки? – недоверчиво прищурился Грумс.

Почему-то этот вопрос заставил Седрика Понглтона окончательно утратить самообладание. Бледность на его лице сменилась нездоровой краснотой, глаза гневно заблестели.

– Я не понимаю, инспектор, к чему вы клоните, – запальчиво заявил он и тут же закашлялся. Обретя вновь способность говорить, Седрик продолжил с прежней горячностью: – Я занятой человек, мне некогда обращать внимание на всякую чепуху. Вы хоть понимаете, что мы стоим на пороге революции? Вот проснётесь вы завтра в своих уютных постелях, а мир уже совсем другой, незнакомый вам, враждебный, – свидетель с некоторым злорадством обвёл взглядом и инспектора, и сержанта Бимиша. – Пока вы занимаетесь мелкими дрызгами, локомотив революции уже несётся вперёд. Да-да, инспектор! Пока вы стоите на страже мелких помещичьих интересов, простые люди страдают от бесчеловечных законов капиталистического общества. На вашем месте я бы задумался об этом, а не тратил свои силы на то, чтобы прислуживать сытомордым обывателям, – он снова надсадно закашлялся, и Грумс, утомлённый допросами, следующими один за другим, почёл за лучшее отпустить свидетеля.

Когда Седрик покинул кабинет, инспектор позволил себе высказать пару крепких словечек в его адрес. Бимиш, приводящий в порядок записи, как обычно, сделал вид, что ничего не слышал.

* * *

Оставив допрос вдовы Джорджа Понглтона на потом, инспектор прежде решил побеседовать с мисс Адамсон, о которой так и не сумел составить единого впечатления. В их первую встречу она показалась ему недалёкой легкомысленной особой, испуганной тем, что на её

глазах умерла хозяйка большого поместья. Теперь же, после того как многие обитатели Мэдлингтон-Касл недвусмысленно продемонстрировали неприязнь к компаньонке леди Элспет, её личность заинтересовала Грумса по-настоящему. Любопытство его возбуждал и тот факт, что у мисс Адамсон обнаружился брат-близнец, якобы намеревающийся вкладывать средства в английскую недвижимость. Всё это выглядело подозрительным, и профессиональное чутьё инспектора побуждало его разобраться в этой странной ситуации.

Грумс приготовился ловко расставлять сети, уличать в обмане и выводить на чистую воду. Он даже ощутил нечто вроде азарта, как всегда, когда ему предстояло интеллектуальное сражение с возможным преступником. Грумс был готов к тому, что ловкая девица примется отнекиваться, юлить и пытаться выскользнуть из расставленных ловушек, и был тем более удивлён, когда мисс Адамсон, слегка прихрамывая, вошла в кабинет старого лорда и, не успев сесть, с горячностью провозгласила:

– Инспектор, я пришла, чтобы рассказать вам всё!

Она так и осталась стоять, нависая над столом, и была полна решимости и воодушевления. Волосы её, уложенные в небрежный пучок, слегка растрепались, серо-голубые глаза блестели от возбуждения. Инспектор в этот момент испытал чувство растерянности, схожее с тем, что испытывает охотничий пёс, когда преследуемая им добыча вдруг прекращает убегать и демонстрирует полную готовность быть пойманной.

– У меня есть для вас крайне важная информация, – пояснила Оливия, не понимая причины возникшей паузы.

– Да вы присаживайтесь, мисс Адамсон, присаживайтесь, – наконец нашёлся инспектор и сделал знак Бимишу, чтобы тот пододвинул свидетельнице кресло. – Буду счастлив услышать то, что вы намереваетесь мне сообщить. Но сначала ответьте мне на маленький вопрос: как так вышло, что вы опять оказались в Мэдлингтоне? Или кому-то вновь понадобились услуги компаньонки без рекомендаций?

Не обращая внимания на ехидство, сквозившее в тоне Грумса, Оливия опустилась в кресло и начала подробный рассказ. Все события, связанные с поместьем и произошедшими смертями, она

излагала кратко – только самую суть, не приукрашенную эмоциями или предположениями. Инспектор слушал её, не перебивая, и вскоре саркастичное выражение покинуло его лицо, уступив место профессиональной внимательности. После того как Оливия описала жутковатую находку, с которой играли дети, и высказала догадку о том, как именно преступник мог использовать куклу, Грумс не смог сдержаться:

– Я, разумеется, наведу в конюшню, мисс Адамсон, но чувствую, что ваша богатая фантазия сыграла с вами злую шутку. Скорее всего, вы стали жертвой рассказней старухи Грин с Лысого холма. Она обожает пичкать новоприбывших небылицами.

– Но зачем ещё сооружать такую кошмарную куклу, как не затем, чтобы напугать ею кого-нибудь до смерти? – Оливию задело, что инспектор пренебрёг главной, на её взгляд, уликой, которая могла бы помочь установить личность преступника.

– Я найду ответ на этот вопрос, – самонадеянно пообещал ей Грумс и откинулся на спинку стула. Минуту или две он молча, без улыбки, смотрел на свидетельницу, и в глазах его и выражении лица невозможно было прочесть истинные мысли. – Признаться, мисс Адамсон, вы меня удивили, – заключил он наконец. – Вы такие шпионские игры затеяли на ровном месте, что я просто поражён вашей энергичностью. Втянули в это дело и мистера Адамсона, и мисс Прайс. Немецкая баронесса фон Мюффлинг, путешествующая инкогнито, надо же, господи! – и Грумс разразился громким лающим смехом, звонко хлопая себя по колену.

Бимиш привычно переживал приступ веселья своего начальника, вытянувшись в струнку и держа карандаш наготове. Оливия заметила, как сержант, стараясь не привлекать к себе внимания, скосил глаза и разглядывает её.

– Как же ещё, по-вашему, я могла проникнуть в поместье? – с напускной кротостью спросила она, когда инспектор отсмеялся и принялся вытирать лицо огромным клетчатым платком.

– Не знаю, мисс Адамсон, не знаю, – Грумс всё ещё посмеивался, – уверен, что тысячей разных способов, которые вам могла подсказать ваша бурная фантазия. Но надо отдать вам должное: письмо Джорджу Понглтону сработало! – и он снова расхохотался. –

Представляю, как он обхаживал мистера Адамсона, полагая, что тот выложит ему солидную сумму на реконструкцию всего поместья!

Бимиш, стоявший у окна с блокнотом, откашлялся и отчётливо засопел. Такое веселье за счёт покойного он никак не мог одобрить и считал необходимым донести это до шефа. Покашливание сержанта возымело своё действие – Грумс утихомирился и посерьёзnel.

– Вот что, мисс Адамсон, я вам скажу. Я не ставлю под сомнение искренность ваших побуждений. Но...

– Но вмешиваться в официальное расследование вы мне запретите и настоятельно посоветуете покинуть Мэдлингтон, – договорила за инспектора свидетельница, и на лице её появилось упрямое выражение.

Оливия в этот момент так сильно напомнила инспектору маленькую мисс Грумс, что в голосе его появились отеческие нотки.

– Ну почему же? – возразил он. – Расследуя дело, я не склонен пренебрегать помощью, от кого бы она ни исходила и в какой бы форме она ни выражалась. Напротив, мисс Адамсон, я настоятельно попрошу вас с братом и ммм... баронессу фон Мюффлинг, – инспектор с видимым усилием подавил приступ смеха, – не покидать Мэдлингтон-Касл и до окончания расследования быть моими глазами и ушами. Дело это семейное и очень непростое, с подвохом. Опыт подсказывает мне, что убийца хитёр и беспринципен. Само собой, я призываю соблюдать осторожность и не давать повода заподозрить кого-то из вас в двойной игре. Никаких необдуманных действий, мисс Адамсон! Это я вам запрещаю строго-настрого! – Грумс сдвинул брови и для наглядности постучал по столу узловатым пальцем в жёлтых табачных пятнах. – В противном случае я расторгну договорённость о нашем маленьком сотрудничестве, и вся ваша троица вернётся в гостиницу миссис Тимпани, а потом и напрямиком в Лондон.

Услышанное так поразило Оливию, что какое-то время она молча сидела и смотрела на инспектора.

– То есть вы разрешите нам участвовать в расследовании? – ей всё ещё не верилось в такую сговорчивость полицейского.

– Ну а я что сказал? – буркнул Грумс, беря в руки измятый лист бумаги и возвращаясь к прежнему занятию. – Если вы туговаты на ухо, мисс Адамсон, то вряд ли сможете на время расследования быть

моими ушами, – съязвил он, с досадой сминая бумагу в раздражении от бесплодных попыток.

Не успев осознать, что делает, Оливия порывисто выхватила у него лист и – тут прижав, там подогнув, пальцы её двигались быстро и ловко, словно у опытной цветочницы, мастерицей бутоньерку – через минуту вернула его инспектору в виде прехорошенькой лисицы с остроконечными ушками.

Грумс недоверчиво потрогал кокетливо изогнутый лисий хвост.

– Ловко вы, ничего не скажешь, – ревниво заключил он. – Долго тренировались?

– Однажды, в детстве, мы с братом оказались в ловушке – нас заперли одних в гостиничном номере, и мы трое суток не могли оттуда выйти. У нас не было воды и пищи, зато были две пачки писчей бумаги и масса свободного времени. Номер располагался в отдельно стоявшем домике на берегу моря, и вероятность того, что нас найдут прежде, чем... – Оливия запнулась, но тут же продолжила: – Мы научились делать из бумаги забавных зверюшек и птиц, и выкидывали их в окно. На каждом листе мы писали просьбу о помощи и своё местонахождение, в надежде, что кто-то из детей подберёт бумажного слона или зайца и принесёт находку домой, где её увидят взрослые.

– Сколько же лет вам с братом было? – поинтересовался инспектор.

– Девять.

– Неплохо для мелюзги, – Грумс одобрительно покивал и начал разворачивать лисицу слой за слоем, чтобы уяснить для себя последовательность предпринятых Оливией действий.

– Скажите, инспектор, у вас уже есть версия, что же всё-таки случилось с Джорджем? Пока всё так запутано, что я...

– Дигиталис, – уверенно сказал он. – Я многое на своём веку повидал, мисс Адамсон, и с уверенностью заявляю, что причиной смерти Джорджа Понглтона является порция старого доброго дигиталиса. Уверен, что судебный медик подтвердит мои слова после... э-э-э... некоторых манипуляций с телом, – при свойственной ему резкости манер и широте взглядов викторианское воспитание всё же не позволяло инспектору обсуждать с юной девушкой такие приземлённые вещи, как вскрытие покойника.

– А как же леди Элспет? – Оливия пытливо уставилась на него в ожидании версии. – Как быть с ней? Насколько я знаю, дигиталис вызывает симптомы, схожие с параличом сердечной мышцы. Можно ли утверждать, что леди Элспет постигла та же участь?

– Вот об этом нам и скажет судебный доктор после того, как...

– ...произведёт вскрытие, – закончила его мысль Оливия. – Значит, будет проведена эксгумация тела леди Элспет?

Грумс поморщился от такого откровенного, как он считал, смакования деталей. Современные девушки порой вообще его ужасали. И хотя ему, преданнейшему отцу чрезвычайно своенравной дочери и казалось, что большая, чем прежде, свобода женщинам лишь на пользу, от некоторых предрассудков он отказаться всё же не мог.

– Если позволите, мисс Адамсон, этот вопрос мы обсудим с вами чуть позже, – сухо ответил он, наклонив голову и делая всем телом движение, будто собирался резко пуститься бегом.

Оливия поняла, что беседа окончена, тепло поблагодарила инспектора, улыбнулась Бимишу и вышла из кабинета, не слишком плотно прикрыв за собой дверь. Для верности она немного постояла рядом, надеясь услышать что-либо важное, сказанное инспектором сержанту и не предназначавшееся для чужих ушей, но ответом ей была тишина, точно в кабинете никого и не было.

* * *

Ни один звук не тревожил сумрачный покой комнаты, в которой Виктория Понглтон предавалась печальным раздумьям. Скрывшись за расправленной ширмой, отгородившись от всех, она полулежала в мягком кресле, распустив тесный пояс платья и положив на лоб салфетку, смоченную в розовой воде. Взгляд её упорно, вновь и вновь проходил по резному орнаменту один и тот же маршрут: от чудоптицы с длинным клювом до льва с разверстой пастью, вставшего на задние лапы и борющегося с рыцарем в доспехах. Искусный мастер потрудился на славу – в львиной гриве можно было пересчитать каждый завиток, а на лице рыцаря застыла упрямая решимость, которую порождает отчаяние.

Виктория сама себе напоминала рыцаря, сражающегося с жизнью в надежде одержать победу. Бездействие казалось ей слабостью, уделом тех, кому не суждено добиться намеченной цели. Размышляя об этом, она задавалась вопросом: а были ли у неё шансы предотвратить то, что случилось этим утром? Могла ли она предвидеть, чем обернётся для неё поездка в Йоркшир?

От тягостных мыслей её отвлек деликатный стук в дверь. Смахнув со лба салфетку, Виктория, зажмурив левый глаз, приникла вплотную к ширме.

Через просвет между резными дубовыми листьями она увидела, как дверь медленно открылась. На пороге появилась горничная Анна, в руках она держала поднос с чашкой чая и молочником.

– Миссис Понглтон? – голос её звучал учтиво, но не более того – обида из-за полученной пощёчины была ещё свежа. – Я принесла вам чай. И инспектор просил сообщить, что он будет крайне признателен, если вы сможете ответить на несколько его вопросов. Он ждёт в гостиной, вместе с сержантом Бимишем.

Первым побуждением Виктории было выгнать наглую девчонку из комнаты, а грубияну-инспектору попросить передать, что он может ждать её сколько угодно, но, как и обычно, здравый смысл взял верх над чувствами. Она выждала, пока Анна поставит поднос на столик у бюро и удалится, и принялась приводить себя в порядок.

Когда Виктория Понглтон вошла в гостиную, где её ждали полицейские, то никто не смог бы сказать, что три четверти часа тому назад она предавалась тяжелейшему отчаянию.

Полицейские встали при её появлении, и Бимиш сразу же отошёл к окну, где и замер с карандашом и блокнотом наготове.

– Позвольте выразить вам, миссис Понглтон, мои глубочайшие соболезнования, – начал Грумс, учтиво поклонившись.

– Я бы предпочла сразу перейти к делу, инспектор. У вас, кажется, были ко мне вопросы? Вот и задавайте их.

Виктория тяжело опустилась на диван, стоявший у камина. С поджатыми от негодования губами, напудренная так сильно, что лицо её напоминало маску, сейчас она выглядела значительно старше своих лет. От её крупной фигуры прямо-таки ощутимо веяло холодом, тяжёлый взгляд маленьких светлых глаз под выпуклыми, нависающими веками, вызвал у Грумса неуютное чувство. Тем не

менее, видя, что свидетельница не нуждается в участии, он приступил к допросу:

– Миссис Понглтон, у вашего мужа имелись враги?

– Главный враг моего мужа – его брат, Седрик Понглтон. И вам об этом отлично известно. Я просто недоумеваю, инспектор, почему вы до сих пор не арестовали Седрика и Присциллу.

– Как, и Присциллу Понглтон тоже? – удивился Грумс. – У неё что, были разногласия с вашим мужем?

– Присцилла заодно с Седриком, и так было всегда. Каждому, у кого есть голова на плечах, ясно, что они задумали расправиться с Джорджем и в придачу получить Мэдлингтон и все деньги Понглтонов.

– Вы всерьёз так полагаете? – уточнил Грумс. – Может быть, у вас имеются доказательства преступного сговора?

– Искать и находить доказательства – это ваша работа, инспектор. Не думаете ли вы, что я должна выполнять её за вас? – брови Виктории поднялись так высоко, что обозначились многочисленные морщинки на белоснежной от пудры коже. – Седрик всю жизнь завидовал Джорджу. Он никогда не был ни на что способен. Вы же знали, что покойный лорд Артур Понглтон усыновил его, не так ли? Формально он был его двоюродным дядей. Родители Седрика погибли в печально известном плавании, и мальчик остался сиротой. Лорд Артур вложил в него столько сил! Но результат, как мы все можем наблюдать, плачевный. Думаю, дело в том, что мать Седрика была родом из Венгрии. Природная склонность к деградации, вы ведь понимаете, что я хочу сказать? – она прищурилась, и вокруг её глаз веером растеклись морщинки, придавшие лицу хищное выражение.

– Безусловно, миссис Понглтон, – ответил инспектор, никак не выразив своих мыслей по поводу этого утверждения. – У вашего мужа было крепкое сердце? Как часто он посещал доктора?

– Джордж был совершенно здоров, – категорично заявила Виктория. – Его наследственность со стороны матери, конечно, оставляла желать лучшего, но здоровье от обоих родителей ему досталось отменное. Джордж не страдал никакими недугами и находился в великолепной форме. Я надеюсь, инспектор, вы уже выяснили, какова причина его гибели?

– Пока ещё нет.

– Когда вы намерены арестовать преступников? – Виктория всё увереннее овладевала инициативой. – Я надеюсь, инспектор, у вас для этого хватает полномочий?

Такого Грумс стерпеть не мог. Несклонный к тому, чтобы щадить чьи бы то ни было чувства, он резким жестом подозвал сержанта и прищёлкнул пальцами. Бимиш вынул из портфеля картонную коробку, снял с неё крышку и почтительно подал инспектору.

Из коробки Грумс достал брошь – небольшого размера, из золота, она была выполнена в форме ажурного цветка, в центре которого находился крупный медовый топаз.

– Это принадлежит вам, миссис Понглтон?

– Да, инспектор, это моя брошь. Где вы её нашли? Полагаю, что в комнате Анны во время обыска, – губы Виктории скривились, но она казалась довольной.

– Почему вы так решили?

– Потому, что она украла её у меня. Я обнаружила пропажу несколько дней назад, но не стала поднимать шум. Понадеялась на людскую порядочность. Вот только низшим классам она ни в коей мере не свойственна, – она пожала плечами, как бы сетуя на собственную наивность.

– Почему вы решили, миссис Понглтон, что брошь взяла именно горничная? Я давно знаю Анну Фелпс, она, можно сказать, росла...

– Потому, инспектор, что у неё на лице написана вороватость, завистливость и склонность к стяжательству. Кроме того, она брахикефал, – тоном, каким учитель объясняет ученику прописные истины, заявила Виктория. – Если вы ещё не изучали работу герра Гюнтера^[15], то настоятельно советую вам это сделать. Уверена, в будущем вам это пригодится.

– Непременно, миссис Понглтон, – легко согласился Грумс. – Припомните, пожалуйста, когда именно пропала брошь?

Виктория нахмурилась и прикрыла глаза. Несколько минут она оставалась неподвижна, и в таком виде – напудренная до белизны, в чёрном мешковатом платье, укрывающем её крупное тело подобно кокону, – казалась высеченной из мрамора скульптурой.

– Позавчера. Её украли позавчера, – она открыла блёкло-зелёные глаза, но выражение лица её не изменилось. – Утром брошь лежала в шкатулке, где я храню драгоценности, а вечером её уже не было. А в

чём дело, инспектор? Вместо того, чтобы арестовать убийц, вы решили изловить вора? – Виктория не скрывала ехидства.

– Дело в том, миссис Понглтон, что эту вещь обнаружили в руке убитого. Он сжимал её так крепко, что на ладони отпечатались следы. И, разумеется, мне крайне важно знать, как брошь оказалась на месте преступления.

Грумс не дал себе труда смягчить эту информацию. Ему даже хотелось увидеть на лице Виктории Понглтон замешательство, страх или горестную тень, но ничего подобного черты свидетельницы не выражали. Наоборот, казалось, услышанное её развеселило.

– А вы спросите об этом Анну, – посоветовала она, не скрывая сарказма. – Спросите-спросите! Эта неумеха-горничная – весьма подозрительная особа. Начать с того, – и она резко подалась вперёд, отчего инспектор непроизвольно откинулся на спинку кресла, – что Анна буквально умоляла леди Элспет взять её на службу в Мэдлингтон. При этом она была предупреждена, что это место «прислуги-за-всё». Её даже не смутило, что жалованье вовсе не так велико, а помощников нет и не предвидится. Каждому понятно, что пронырливая девица задумала что-то своё. Спросите её, инспектор, об этом – и увидите, как она начнёт лгать и изворачиваться. Они все так делают, когда понимают, что деваться некуда.

Всё это Виктория высказала свистящим шёпотом, будто раскрывала невесть какие тайны. Её настойчивое желание выставить горничную в дурном свете вынудило Грумса отбросить в сторону сомнения.

– Я вынужден задать вам глубоко личный вопрос, миссис Понглтон, – сказал он, постукивая себя по верхней губе. – И прошу ответить на него правдиво. У меня сложилось впечатление, что за вашим неприязненным отношением к Анне Фелпс кроется нечто большее, чем вы сейчас пытаетесь представить. Дело в ревности, не так ли? Ваш муж оказывал горничной знаки внимания, и поэтому вы попытались выставить её воровкой?

От услышанного Виктория Понглтон мгновенно пришла в ярость. Толстый слой пудры не смог скрыть расплывающиеся по её лицу и шее красные пятна негодования.

– Да как вы смеете?! – в её голосе можно было различить и истинный гнев, и неподдельную боль женщины, которая привыкла

быть обманутой, но не собиралась обсуждать этот факт с кем бы то ни было. – Мой муж, Джордж Понглтон, был достойнейшим человеком и собирался баллотироваться в парламент. Вместо того чтобы арестовать его убийц, вы оскорбляете его память и меня, его жену! Вы понимаете, инспектор Грумс, что я этого так не оставлю? Вас... понизят в должности! вам придётся уйти в отставку! Я добьюсь, чтобы вы принесли мне свои извинения в присутствии шефа лондонской полиции, слышите?!

За спиной у инспектора было двадцать пять лет крепкого брака с уроженкой шотландских предгорий, выросшей на ферме с восемью братьями – женщиной, вне всяких сомнений, достойной, но отличающейся неукротимым нравом, поэтому он предоставил свидетельнице возможность «выпустить пар», а сам, сохраняя спокойствие, тем временем обдумывал дальнейший ход расследования.

Виктория же, наливаясь нездоровой краснотой, долго ещё расписывала инспектору неприятности, которые неминуемо омрачат его пребывание на службе, если он не прекратит порочить честное имя её покойного супруга. Досталось всем – и Седрику, распускающему грязные сплетни о брате, и Присцилле, по мнению Виктории, настраивающей мужа против остальных членов семьи, и Анне, ведущей себя недопустимо развязно для горничной из приличного дома, и даже Оскару Финчу, который втёрся в доверие леди Элспет с явно неблагоприятными целями.

А в это время, пока в гостиной Виктория Понглтон изливала потоки желчи на ни в чём не повинных полицейских, под самой крышей Мэдлингтон-Касл, в крохотной комнатке с узким окном, прекратило биться сердце кухарки миссис Вайсли, коронным блюдом которой был так нелюбимый многими печёный ревень.

Глава семнадцатая, в которой инспектор Грумс вынужден вернуться в Мэдлингтон-Касл

Тело миссис Вайсли обнаружили вечером, когда полицейские уже отбыли из Мэдлингтона. Весь день Анна была настолько загружена работой, и к тому же кухаркино нездоровье стало уже чем-то привычным, и удивления ни у кого не вызывало, что вспомнили о ней только после вечернего чая.

Раздосадованная и допросом, и суетой в доме, и несправедливыми обвинениями в воровстве, и перебранкой с Хигнеттом, который в очередной раз упрекнул её в нерадивости, Анна в сердцах скинула передник, накричала на перепуганную судомойку из-за разбитого соусника и отправилась наверх, чтобы заявить миссис Вайсли о том, что ужин она в одиночку готовить нипочём не собирается, и вообще, некоторые воображают, что жалованье платят просто так. После известия о наследстве Анна уже мысленно видела себя владелицей большой и светлой чайной: с яркой вывеской, маленькими круглыми столиками (на каждом – букетик свежих цветов в посеребрённой вазочке) и витринами, полными пирожных, – и должность прислуги-за-всё тотчас показалась ей тесной, будто севшее после неудачной стирки шерстяное платье.

Горничная, которая с порога принялась высказывать миссис Вайсли своё недовольство, в какой-то момент осознала, что живые люди, даже спящие крепчайшим сном, навеянными парами хереса, не выглядят так безжизненно и вместе с тем нелепо. В комнате кухарки было невозможно душно и пахло, как в пивной.

Снова начались звонки в полицейское отделение и нехорошая суета.

У кухонной девчонки случилась истерика, и, посоветовавшись с дворецким, Анна отправила её к родителям, в деревню, строго-настрога приказав не болтать лишнего. Само собой, удержаться девчонка не сумела и выложила родным всё как есть, изрядно приукрасив случившееся, отчего в деревне с удвоенной силой

поползли слухи о кровожадном призраке Айрин, что бродит по замку и умерщвляет всех, кого встречает на своём пути.

– Два покойника за один день – это уже слишком, – сказал инспектор, которого новость застала на пороге полицейского отделения, и сержант Бимиш не стал с ним спорить.

Примерно так же выразился и Седрик, которому новость сообщила встревоженная Присцилла. На жене просто лица не было – бледная, дрожащая, она обхватила плечи руками, словно мёрзла и никак не могла согреться, – Седрика до глубины души тронула её способность принять близко к сердцу несчастье, произошедшее с человеком из низов, который всю свою жизнь посвятил честному труду. Обычно не склонный проявлять заботу о ком-либо, он спустился в кухню и собственноручно приготовил Присцилле чашку крепкого чая, попутно залив водой стол и усыпав пол чайными листьями.

До прибытия полицейских все обитатели Мэдлингтона собрались в гостиной. Испуганная Бернадетта не отпускала детей ни на шаг от себя, и они, не понимая толком ещё, что произошло, приникли к матери, вздрагивая от резких возгласов Виктории, адресованных всем сразу и никому в частности.

– ...всё бесполезная трата времени! – заявляла она, встряхивая головой и обводя взглядом присутствующих. – Этот ваш инспектор – тупица, каких свет не видывал. О, я сразу это поняла! Здесь, вдалеке от Лондона, невозможно встретить толкового человека на службе...

Близнецы и баронесса фон Мюффлинг сидели немного в отдалении от остальных и молча переглядывались. Оливия внутренне кипела – на её глазах убийца совершил уже три преступления, а у неё всё ещё не было ни улики против него, ни чёткого понимания, как ему это удалось. К тому же её выводило из себя поведение Оскара Финча – он то и дело поглядывал на неё с мрачным подозрением и что-то едва слышно бормотал себе под нос.

Даже Присцилла, всегда такая спокойная и рассудительная, выглядела встревоженной. Она вежливо слушала Седрика, который, по своему обыкновению, разразился не относящейся к делу тирадой о положении рабочих шерстопрядильной фабрики в Лидсе, но мысли её, как предполагала Оливия, блуждали далеко.

На лицах дворецкого и горничной застыла печаль. Кухарка миссис Вайсли была женщиной глуповатой, суетливой и безмерно любила

распевать, находясь в определённом состоянии, старинные ирландские баллады, но у неё были и свои достоинства. Она никогда не наушничала хозяйке о мелких провинностях других слуг, не ставила под сомнение главенство Хигнетта и всегда готова была закрыть глаза на то, что Анна, побросав все заботы и скрывшись от дворецкого в кладовке с припасами, позволяла себе вздремнуть пару часиков на мешках с мукой.

Полицейские прибыли без четверти восемь. Дневная жара потихоньку уступала место вечерней прохладе, и небо, затянутое облаками, давало надежду на то, что ночью пойдёт дождь. Когда тело миссис Вайсли, накрытое коричневым брезентом, выносили через парадный вход (Виктория пыталась было запротестовать, но инспектор самым неучтивым образом оборвал её), в небе раздался отдалённый грохот.

– Над Лидсом идёт, – негромко сказал Финч, и все с надеждой посмотрели на запад.

Инспектор Грумс был немногословен и деловит. Он пренебрёг допросами по отдельности и собрал всех, не исключая и слуг, в гостиной.

– Во-первых, я настаиваю на том, чтобы никто не покидал Мэдлингтон без моего позволения, – начал он строго, и даже Виктория не посмела оспаривать его решения. – Во-вторых, кто последним видел кухарку живой?

Анна проглотила комок в горле и сделала шаг вперёд.

– Я, сэр, – призналась она, теребя в руках передник. – Но миссис Вайсли была в полном здравии! Ну, почти...

– Она жаловалась на самочувствие?

– Ну, она держалась за грудь, и дышалось ей тяжело, но в остальном...

– Почему к ней не вызвали доктора? – Грумс повернулся к Седрику, и тот, побледнев, быстро отвёл глаза.

– Потому, инспектор, – вмешалась Виктория, не сумевшая смолчать, – что недомогание кухарки было тесно связано с кухонным шкафчиком, где хранится херес, и куда она частенько заглядывала. Будем называть вещи своими именами, она попросту...

– Это правда? – спросил Грумс у Присциллы, не дослушав Викторию.

– К сожалению, да. Смерть леди Элспет, видимо, повлияла на неё больше, чем можно было подумать. Нам с Анной пришлось даже обыскать кухню и ликвидировать всё найденное в дальней кладовой.

– Чтобы исключить, так сказать, соблазн, полагаю? – усмехнулся инспектор и удостоился из-за этой усмешки укоризненного взгляда сержанта Бимиша.

– Именно, – подтвердила Присцилла.

Дальнейшие расспросы инспектора ничего не дали. Никто, кроме Анны, не видел миссис Вайсли в этот день и не мог сообщить никаких новых фактов, относящихся к делу. К тому моменту, как полицейские закончили осматривать комнату кухарки, атмосфера в гостиной бесповоротно испортилась – Седрик и Виктория не скрывали враждебности по отношению друг к другу, а Оскар Финч ненароком довёл Бернадетту до слёз подробным пересказом недавно прочитанной научной статьи, в которой приводились доказательства невозможности существования Бога.

* * *

Дождь начался ближе к десяти и шёл всю ночь, без передышки, орошая обожжённые солнцем холмы и напитывая тёплой влагой измученные засухой посевы. Капли его барабанили так звонко, что в этом перестуке чудилась ускользающая мелодия, а в воздухе витали ароматы роз и прошедшей стороной грозы.

После позднего ужина, состоявшего исключительно из консервированных блюд, близнецы и мисс Прайс, которая временно (и с немалым облегчением, надо сказать) сбросила с себя личину надменной баронессы фон Мюффлинг, собрались в комнате Оливии.

– Мне бы капельку джина и чуточку портера, – проговорила Имоджен Прайс, скорчив жалобную гримаску и уютно устроившись в самом удобном кресле. – Всё бы отдала сейчас за стаканчик «Собачьего носа». Жуткий день, по-настоящему жуткий.

Вид у неё был утомлённый, как и у всех, но Оливии показалось, что в глубине души девушка наслаждается трагизмом произошедших событий.

Тусклый свет лампы слабо освещал комнату, и Филипп попытался развести огонь в камине, где лежала небольшая горка угля. Не меньше половины брикетов оказались сырыми, и от его усилий по полу начал стелиться едкий дым, похожий на туман, предвещающий появление призрака.

– Филипп, прекрати, – с досадой попросила Оливия. – Лучше сядь и скажи, что ты думаешь обо всём этом.

– Сейчас, я тут ещё немного... – Филипп продолжил орудовать каминными щипцами и, наконец, добился успеха – вспыхнули язычки пламени, в комнате сразу стало светлее и уютнее. Он придвинул стул поближе к тому креслу, в котором сидела мисс Прайс, уселся и категорично заявил: – Мы попали в переделку, Олив. И втянули в неё Имоджен. Сказать по правде, я не слишком поверил тебе, когда ты утверждала, что леди Элспет убили. Но теперь я вижу, что здесь и правда творятся недобрые дела. Призраки в старой часовне, умирающие люди...

– Это убийства, Филипп, а не какие-то «недобрые дела», – резко заметила Оливия, которую злила новая манера брата изъясняться словами из театральных пьес. – И призраков не существует. Существует человеческая воля, а люди, как ты знаешь, иногда бывают злыми.

– Однажды мы с труппой были приглашены выступить на благотворительном вечере, – вмешалась в спор близнецов мисс Прайс. – Это в Дартмуре, где сплошные болота и осенью темнеет сразу после чая. Мы давали два представления – вечернее и дневное. И вот когда нас всех разместили на ночлег, – она нарочито вздрогнула и плотнее завернулась в принесённую с собой накидку, – ночью я почувствовала, что на меня кто-то пристально смотрит. Я приподнялась на постели и увидела, как возле окна дрожит призрачная фигура – огромная, ростом под самый потолок... – глаза её широко распахнулись, руки стиснули горло, будто она сдерживала рвущийся из груди крик ужаса, но Оливия уже была сыта по горло байками из богатого театрального прошлого фальшивой баронессы фон Мюффлинг.

– Причудливая игра света и тени, только и всего, – грубовато прервала она её воспоминания. – Никаких призраков не существует, мисс Прайс. Ну или вы стали жертвой розыгрыша. Давайте лучше

сосредоточимся на тех, у кого была возможность совершить все эти убийства. Филипп?

Тот в недоумении развёл руками:

– Да как мы можем это выяснить, если даже не знаем, что являлось орудием преступления? Для леди Элспет роковым стал паралич сердца. А для Джорджа? Для миссис Вайсли?

– Как мне шепнул инспектор, – с удовольствием произнесла Оливия, демонстрируя свою осведомлённость, – предварительная версия полицейского врача – паралич сердца.

– Что, у всех троих?

– Выходит, так, – пожала плечами Оливия. – Правда, инспектор подозревает отравление дигиталисом.

– Может быть, у леди Элспет просто было слабое сердце, – предположила мисс Прайс.

– Может быть, – согласилась Оливия, – хотя Оскар Финч и говорит, что ему ничего об этом неизвестно.

– Он мог и солгать, – сказал Филипп, снова взявшись за каминные щипцы, чтобы огонь в камине не потух. – Из всех он кажется мне самым подозрительным.

– Почему? – живо заинтересовалась Оливия, которая всегда доверяла интуиции брата.

Филипп пожал плечами.

– Нет, ты скажи! – не отступала она. – Видишь ли, я тут всё думаю о том, что мне рассказала миссис Грин. Ну, та деревенская сплетница, что заманила меня в свой дом и наплела о Понглтонах невесть чего, я вам рассказывала. Так вот, а что, если незаконнорождённый ребёнок несчастной Айрин – это и есть Оскар Финч? Что, если он сменил фамилию и вернулся в Йоркшир, чтобы отомстить за свою мать? Родственников у него нет, он сам в этом признавался. И по возрасту он вроде бы подходит.

Мисс Прайс, немного заскучавшая, не на шутку оживилась:

– Мечь! Всепоглощающая, разрушающая всё на своём пути мечь! Это же как у Шекспира, в «Гамлете», – глаза её заблестели, и она низким прерывистым голосом продекламовала:

Взывает к мщенью каркающий ворон.

О мысль моя, отныне ты должна

Кровавой быть, иль прах тебе цена!

Филипп не смог скрыть восхищения многогранностью сценического таланта мисс Прайс и уставился на неё, как на сахарную сливу.

– У Финча был и мотив, и возможность, – чуть громче, чем следовало, продолжала рассуждать Оливия, но её никто не слушал. – Сначала он ловко втёрся в доверие леди Элспет, воспользовавшись её легкомыслием и одиночеством, а потом заманил в часовню и напугал до смерти куклой, имитирующей висельника. Вот почему он вернулся на место преступления в ту ночь, когда она умерла! Он проверял, не осталось ли в часовне улики! А если бы вы только видели выражение его лица, когда он услышал детскую песенку «Сколько нужно нитей...» Он был в ужасе! И в момент убийства Джорджа он тоже оказался в Мэдлингтоне. Вряд ли это случайность. Нужно будет узнать у Присциллы, что он ей наплёл, чтобы добиться приглашения в поместье.

– Я согласна с Оливией, – глубокомысленно заявила мисс Прайс, как если бы и сама частенько размышляла о подходящей кандидатуре на роль убийцы. – Оскар Финч и в самом деле ведёт себя подозрительно. Но что, если у него был сообщник?

– Очень может быть, – протянула Оливия задумчиво. – Возможно, Хигнетт? С кем-то же дворецкий шептался в кладовке? Это точно был он, я тогда узнала его голос.

– Не могут два человека быть одержимы мстью, – покачал головой Филипп. – Если только внебрачных детей у несчастной Айрин было двое.

– Миссис Грин говорила про одного.

– А что, если дело всё-таки не в мести? Может, не стоит сбрасывать со счетов очевидный мотив – деньги. От смертей леди Элспет и Джорджа выигрывает только один человек, и это Седрик Понглтон.

– Он и так получил семейный капитал по завещанию.

– А поместье? Ты говорила, что без капитала оно превращается в тяжкое бремя, а не в лакомый кусок. И кстати, исходя из того, что ты рассказывала о сомнительных шуточках леди Элспет, до самого

оглашения завещания Седрик находился в полной уверенности, что капитал достанется Джорджу. Братья не ладили между собой, никаких родственных чувств друг к другу не испытывали. Разве не так?

– Всё так, – Оливия кивнула. – Ты совершенно прав. Вот только Седрик, как бы это сказать... Мне сложно представить, что он собственноручно мастерит ту жуткую куклу, а потом наблюдает, как женщина, ставшая ему матерью, падает замертво и выпускает дух на его глазах.

– Куклу могла соорудить и Присцилла. Они производят впечатление крепкой супружеской пары и вполне могли вступить в сговор и избавиться от родственников, чтобы прибрать к рукам поместье. Что Седрик хочет устроить в Мэдлингтоне? Детский приют?

– Школу. Школу-пансион для сирот фабричных рабочих.

– Благое дело, – одобрил Филипп. – Уж точно лучше, чем отель-резиденция для чернорубашечников. – Видя, что сестра нахмурилась, он мягко спросил:

– Что тебя смущает в этой версии? Ты подружилась с Присциллой и не хочешь верить в то, что они с Седриком могут оказаться преступниками?

– Да не в этом дело, – возмутилась Оливия, раздосадованная тем, что её уличили в пристрастном отношении к одному из подозреваемых, – просто кукла – это так театрально. Как сценический реквизит.

– О да! – с неуместным воодушевлением подхватила мисс Прайс, до этого с отрешённым видом глядевшая на огонь. – Старинная часовня как сцена, на которой происходят злодеяния. – И она, приподнявшись в кресле и прищурившись, будто вглядывалась в скрытый за огнями рампы зрительный зал, зловеще прошептала:

*Меня он в гибель вводит. Мне нужна
Верней опора. Зрелище – петля,
Чтоб заарканить совесть короля*^[16].

Оливия внимательно посмотрела на девушку, а после продолжила:
– И мы забываем о миссис Вайсли. Даже если преступники Седрик с Присциллой, то кухарка-то им чем могла помешать? За что её

убили?

– Должно быть, она что-то видела или слышала, вот им и пришлось разобраться с ней, – предположил Филипп. – Ну или в том случае, если убийца всё же Финч и он действовал, руководствуясь мстью, кухарка могла быть причастна к разыгравшейся много лет назад трагедии с его матерью.

– Каким это образом? Звучит сомнительно, – покачала головой Оливия. – На мой взгляд, кому-то очень выгодно выдавать свои злодеяния за мсть Понглтонам. Это может означать, что Седрик тоже в опасности. И вот ещё что: мы не знаем, что именно случилось с Монтомгери Понглтоном. Про него вообще ничего не известно, кроме того, что он был изгнан отцом из Англии и погиб во Франции. А если это не так? Вдруг он не погиб? Узнал, что отца больше нет в живых, и решил получить всё – и поместье, и капитал? Для этого ему необходимо было устранить мать, Джорджа и Седрика. С первыми двумя он уже расправился. Вообразите: все Понглтоны умирают, и тут выясняется, что Монти жив и готов вступить в права наследования. Как вам эта версия?

– Звучит как полный бред, – не слишком любезно высказался Филипп. – Подобные истории печатают в субботнем выпуске «Всемирных новостей».

– Ладно, – вздохнула Оливия. – Всё равно у нас пока мало информации, чтобы строить предположения. Но версию мести исключать не стоит. Давайте поступим так: я завтра поговорю с инспектором и постараюсь убедить его в необходимости запросить у французских коллег сведения о гибели Монтомгери Понглтона и, кроме того, наведаюсь к миссис Грин. Она должна помнить, как выглядела Айрин. Вдруг это поможет.

– А что делать нам с Филиппом? – Иможден Прайс, признавая главенство Оливии в предстоящем расследовании, взглянула на неё с детским энтузиазмом.

– Держаться подальше от всех, кто живёт в Мэдлингтоне, – мрачно ответил за сестру Филипп. – Один из них – убийца. Или даже двое. Если, конечно, леди Элспет, Джордж и кухарка и в самом деле умерли насильственной смертью, как подсказывает Оливии её бурная фантазия.

– Ты и правда считаешь, что я всё выдумала? – брови Оливии приподнялись в искреннем недоумении.

– Да нет. Уже нет, – покачал головой Филипп. – Всё произошедшее и правда сильно смахивает на преступный умысел. Поэтому я и считаю, что нам не стоит подвергать опасности мисс Прайс и впутывать её в это дело. Вообще, лучшим выходом из ситуации будет возвращение в Лондон.

– Филипп, я ни за что туда не вернусь, пока не выясню, на чьей совести смерть леди Элспет, – сказала Оливия.

– И я, и я тоже! – подхватила Имоджен Прайс. – В Лондоне сейчас такая скука – все уехали на побережье набираться сил перед новым сезоном. И я не желаю упускать возможность поучаствовать в настоящем расследовании!

– К тому же инспектор Грумс настаивает, чтобы никто не покидал поместье, – резонно заметила Оливия.

После этого близнецы уставились друг на друга с совершенно одинаковыми выражениями на лицах. Противостояние длилось недолго – Филипп первым отвёл взгляд и пожал плечами, словно говоря, что он умывает руки:

– С упрямством женщин мне не сладить одному. Старания мои пропали втуне, – выдал он экспромтом, подпустив в тон трагичности.

– Значит, договорились! – постановила мисс Прайс. – Так что я должна делать?

После недолгих споров было решено, что Филипп и Имоджен постараются аккуратно, соблюдая всяческие предосторожности и не допуская прямых расспросов, собрать информацию у остальных обитателей поместья об Оскаре Финче, а Оливия, как и намеревалась, нанесёт визит миссис Грин и поподробнее расспросит её об Айрин.

– Правда, у старушки в голове всё спутано-перепутано, – задумчиво произнесла Оливия, расправляя рукава блузки. – Она может и не вспомнить Айрин, но не преминет нафантазировать и выдать свои выдумки за правду. Такие уж они, деревенские сплетницы – им невыносимо признаваться, что они чего-то не знают или не помнят.

– Будь осторожнее, Олив, – негромко попросил её Филипп и незаметно дважды пожал ей локоть, напомнив сестре их секретный сигнал родом из детства, который они использовали, чтобы успокоить или ободрить друг друга.

– Ну всё, я спать! – объявила Имоджен Прайс и легко поднялась из недр мягкого кресла.

Теперь она казалась воодушевлённой и энергичной, и Оливия в который раз подумала, что избранница брата сконцентрирована исключительно на своей персоне: вот и сейчас произошедшие в поместье трагедии она рассматривает, как способ развлечься в отпуске и получить новые, пикантные впечатления. Подтверждая её мысли, девушка привстала на мысочки, с кошачьей грацией потянулась, направив кончики пальцев к потолку, так, что подол тонкой шерстяной юбочки приподнялся и обнажил прелестные стройные щиколотки, а потом, испустив довольный вздох, доверительно спросила: – Как думаете, когда Вивиан Крэббс приедет в Англию, чтобы познакомиться со мной, она посчитает полезным для моей сценической карьеры опыт участия в настоящем расследовании?

– Непременно, – быстро нашёлся Филипп, заметив, как нахмурилась Оливия. – Спокойной ночи, мисс Прайс, добрых снов.

Девушка одарила близнецов воздушными поцелуями и танцующей походкой покинула комнату.

– Погоди-ка, – остановила Оливия брата, который собирался спешно ретироваться. – Кузина Вивиан, что, приезжает в Англию?

– Может быть. Не знаю. Да какая разница?! Во всяком случае, ей ничего не мешает это сделать, – огрызнулся Филипп.

– А мисс Прайс ничего не мешает думать, будто она сможет познакомиться с заокеанской коллегой, у которой есть связи в кинематографическом мире? – скорее утвердительно, чем вопросительно, произнесла Оливия, не скрывая своего разочарования действиями брата.

Глава восемнадцатая, в которой Оливия получает от инспектора гневную отповедь и навещает миссис Грин, а в поместье происходит новое несчастье

Намёки инспектора на отравление, как на возможный способ убийства, дали свои бурные всходы. За утренней трапезой, сервированной Анной при помощи Присциллы, все демонстрировали вялый аппетит.

Думая, что никто не видит его манипуляций, Оскар Финч, не расстающийся с лупой, нашёл ей ещё одно полезное применение – всякий кусок хлеба, консервированного кролика или пирога с почками, который он брал с общего блюда, подвергался пристальному изучению и даже обнюхиванию. Каждый раз после этого он поднимал взгляд и мимолётно оглядывал всех присутствующих с тем же пытливым выражением естествоиспытателя, что и пищу. Все эти манипуляции производились так демонстративно, что больше походили на дурную шутку.

Седрик, который вбил себе в голову, что ему стоит опасаться за свою жизнь, выглядел ещё более измождённым, чем обычно. Бессонная ночь не прошла для него даром – нездорового цвета кожа обтянула скулы, глаза запали, губы потрескались. Присцилла, навязчиво пытающаяся накормить его завтраком, потерпела поражение и теперь сидела молча, хмурая и недовольная.

Однако никто не желал признавать свои опасения и произносить вслух то, что терзало каждого. В призраков, убивающих из мести, само собой, не верил никто, но и мысль о том, что среди них безжалостный отравитель, была невыносима.

– Я так полагаю, что спорить с инспектором бесполезно, – вдруг нарушила общее молчание Виктория.

Оливия поразились тому, как безжизненно прозвучал её голос. Ни следа бурлящей напористой энергии, которая так отвращает окружающих от женщин подобного склада, ни малой толики присущей ей властности – Виктория напоминала тень себя прежней.

– Я имею в виду, что он не позволит мне покинуть Мэдли, пока расследование не окончено.

– Ну конечно же нет, – Финч отвлёкся от изучения рыбного паштета. – Грумс не оставляет выбора никому из нас. И это, знаете ли, правильно. Я доверяю Грумсу – он своё дело знает. Уверен, уж он-то мигом разберётся, что к чему, – последнюю фразу Финч произнёс довольно-таки зловеще и посмотрел почему-то в сторону близнецов.

Сразу же после завтрака прибыл Грумс с сержантом. Он хозяйски обосновался в кабинете старого лорда и через Хигнетта передал, что желает видеть Викторию и Седрика. Присцилла порывалась сопровождать мужа, но Бимиш выпроводил её, а Грумс при этом в самых категоричных выражениях попросил не препятствовать расследованию. Рассказывая об этом Оливии, Присцилла не сумела сохранить присущее ей самообладание и даже позволила себе пару резких высказываний в адрес полицейских. Снедаемая тревогой за мужа, она, обхватив плечи руками, то переходила от одного окна гостиной к другому, то застывала на месте.

Филипп с мисс Прайс бесследно исчезли сразу после завтрака, остальные разбрелись по своим комнатам, а Оливия заняла наблюдательный пост на лестнице, усевшись прямо на ступеньках и чутко прислушиваясь, не хлопнет ли дверь кабинета, где инспектор допрашивал подозреваемых.

Ожидание длилось долго. Оливия успела изучить в подробностях все портреты из семейной галереи, сделав для себя вывод, что большинство представителей славного рода Понглтонов были, скорее всего, на редкость неприятными людьми. Об этом свидетельствовали их суровые лица – надменные, с хищными складками у рта, – что сейчас сообща разглядывали чужачку, обманом проникшую в их цитадель. Один из Понглтонов (судя по высокому плоёному воротнику, живший в елизаветинскую эпоху) выглядел особенно высокомерным, и что-то в его лице или в выражении его глаз почудилось Оливии знакомым. Знакомым настолько, что она тут же принялась копаться в

памяти, где, у кого она могла видеть эту язвительную усмешку и этот разлёт густых бровей, приподнятых в мнимом добродушии.

Оливия так увлеклась, что прозевала момент, когда инспектор отпустил допрашиваемых. Бог его знает, что происходило там, в кабинете, но, когда двери всё же распахнулись, Седрик Понглтон представлял собой жалкое зрелище, а Викторину, казалось, вот-вот хватит удар. Как ни странно, возмущение, испытываемое обоими, сплотило недавних врагов. Не обращая внимания на Оливию, Седрик и Виктория прошествовали мимо неё, с жаром обсуждая что-то шелестящими голосами заговорщиков. До неё донеслось: «... неслыханно, просто неслыханно, кому сказать, так никто...» – и они очень быстро скрылись в коридоре, ведущем в холл.

Когда смолкли звуки их шагов, Оливия стремительно вскочила на ноги и отправилась к полицейским.

* * *

Грумс бегло просматривал записи сержанта, когда в дверь весьма настойчиво постучали. Усмехнувшись, так как сразу же понял, кто добивается его аудиенции, инспектор сделал знак Бимишу впустить посетительницу.

Интуиция его не обманула. В кабинет вошла – нет, вбежала – мисс Адамсон. Она основательно устроилась в одном из плюшевых кресел, стоявших напротив стола, за которым расположился инспектор, и, судя по всему, в ближайшее время уходить не собиралась. Пока Грумс делал вид, что полностью погружен в изучение записей, она напряжённо следила за ним, с трудом сохраняя молчание, но, как только он, вздохнув, вернул блокнот Бимишу и поднял на неё взгляд, сразу же подалась вперёд:

– Ну как, инспектор? Каковы результаты вскрытия? Это дигиталис, как вы и предполагали? Мне столько всего нужно вам рассказать! Во-первых, у меня появилась версия, во-вторых...

От такого напора Грумс опешил. Со всей строгостью, на которую был способен, он указал визитёрше на недопустимость её поведения:

– Минутку, мисс Адамсон! Уж не вообразили ли вы, что расследование двух, а то и трёх преступлений, совершённых в

Мэдлингтоне, мы ведём с вами вместе?! Хочу напомнить, что вы с братом до сих пор пребываете здесь лишь потому, что входите в число вероятных причастных к делу лиц. Да-да! И то, что я имел неосторожность поделиться с вами некоторыми фактами и размышлениями, не означает, что вы можете врывать ко мне, когда вам заблагорассудится, и требовать отчёта. Установленные по делу факты – это конфиденциальная информация! Усвойте себе это раз и навсегда!

Щёки девушки порозовели от гневной отповеди, и вид сделался пристыжённый. Энтузиазм её заметно увял, однако она продолжала сидеть в кресле, и на лице её застыло точь-в-точь такое же упрямое выражение, которое инспектор имел удовольствие частенько наблюдать на лице маленькой мисс Грумс. Смягчившись, он проворчал:

– Пять минут. У вас, мисс Адамсон, есть пять минут, чтобы изложить мне свою версию, – и он, склонив голову к плечу, уставился на неё с подчёркнутым вниманием.

– Дело не в наследстве, – категорично заявила Оливия. – Главный мотив – месть. И мне кажется, я знаю, кто преступник.

– С чего вы это взяли? – инспектору не понравился её самоуверенный тон. – Ну и кто, по-вашему, убийца? И кому он мстит?

– Убийца – сын той несчастной девушки, которую соблазнил лорд Артур, и которая свела счёты с жизнью в фамильной часовне Понглтонов. Об этом говорит и выбор места преступления, и способ, которым умертвили леди Элспет. Я имею в виду ту жуткую куклу, с которой играли дети, – пояснила Оливия. – Кстати, вы проверяли её на наличие отпечатков? Маловероятно, конечно, ведь дети таскали её по всей конюшне...

– Куклу мы не обнаружили, – прервал её рассуждения Грумс. – Так что о её существовании, равно как и внешнем виде, я знаю только от вас. Вы уверены, что это была не обычная детская игрушка, которая посредством вашей бурной фантазии преобразилась в ужасное орудие убийства?

Оливия возмущённо вскинула на инспектора глаза, и он примирительно раскрыл ладони, а потом не слишком вежливо постучал пальцем по циферблату часов и выразительно посмотрел на дверь.

– Так вот, – продолжила Оливия, – убийца непременно хотел, чтобы и леди Элспет, и Джорджа обнаружили именно в часовне. Поэтому он их туда и заманил. Для него это было крайне важно! На это указывает и молитвенник, принадлежавший Айрин Шепли. Убийца специально его оставил, чтобы все поняли – это не просто убийства, это – возмездие.

– Ну а как же кухарка миссис Вайсли? – инспектор не скрывал скепсиса в отношении высказанной версии. – В момент смерти она находилась в своей комнате, а не в часовне. И за что убийце мстить кухарке, скажите на милость? Зачем было её убивать?

– Может быть, она видела или слышала что-то, что могло навредить убийце? – предположила Оливия. – Возможно, она близко знала Айрин Шепли, а значит, могла опознать и её сына, когда он появился в Мэдлингтоне. Когда случилось первое убийство, она могла насторожиться, а после второго связать произошедшее с ним и потребовать объяснений.

– Домыслы, мисс Адамсон. Несостоятельные домыслы, – безжалостно вынес свой вердикт инспектор. – Я думал, у вас и правда есть некая любопытная версия произошедшего, но сейчас вижу, что в своих рассуждениях вы руководствовались не фактами, а фантазиями. Вы смотрите на это дело как на увлекательный ребус в воскресном выпуске газеты, созданный, чтобы разогнать скуку.

– Да нет же, инспектор! – обвинения в том, что она относится к расследованию как к своеобразному способу развлечься, заставили Оливию бурно запротестовать. – Согласна, сэр, я многого пока не могу объяснить, но я работаю над этим! Разве не говорит в пользу моей версии то, что две жертвы из трёх найдены в часовне? Неужели убийце не проще было бы воспользоваться дигиталисом без таких сложностей, как записки, самодельная кукла и прочее? Ну скажите же, стал бы он устраивать спектакль без веской на то причины?

Осознав, что тон её далёк от общепринятого обращения к полицейскому чину, и она явно перешла границы дозволенного, Оливия осеклась. Однако ещё одной отповеди не последовало – инспектор с гримасой неудовольствия на лице принялся вертеть в руках картонную папку.

– Не было никакого дигиталиса, – наконец сказал он и бросил папку на стол.

Оливия молчала, ожидая, что тот продолжит, но инспектор смотрел в окно, за которым лил дождь и качались на ветру ветви тиса, усеянные каплями воды.

– То есть ваше предположение, что жертвы были отравлены, не подтвердилось? – осторожно спросила она, переводя взгляд с Грумса на сержанта Бимиша. Тот стоял за креслом инспектора с непроницаемым лицом и смотрел на неё, как ей показалось, с едва уловимой насмешкой. – Может быть, было использовано другое вещество? Не дигиталис?

– Согласно заключению доктора Мэтьюсона, леди Элспет, Джорджа Понглтона и миссис Вайсли настиг сердечный припадок, – инспектор беспомощно развёл руками.

– Что, всех троих? – вырвалось у Оливии. – Но такого просто не бывает! Скажите, инспектор, а обнаружены ли на теле жертв какие-либо повреждения? Что-то, свидетельствующее о предсмертной борьбе или...

– У Джорджа Понглтона на затылке обширная гематома, – нехотя сообщил Грумс.

– Ну, он мог получить её в результате падения. При его комплекции это неудивительно.

– Согласен, почему бы и нет, – пожал плечами инспектор. – Тут же, мисс Адамсон, понимаете как? Нет орудия преступления – нет преступника. Как можно кого-то подозревать, а тем более осудить, если неизвестен способ, каким убийца умертвил своих жертв. Никаких зацепок пока нет, вынужден это признать. К сожалению, дело застопорилось.

– В деревне, сэр, упорно ходят слухи о проклятии рода Понглтонов, – подал голос сержант Бимиш.

Оливия обрадовалась неожиданной поддержке:

– Я же говорю, инспектор, кому-то крайне выгодно, чтобы все думали именно так! Я просто уверена, что нужно сосредоточиться на личности сына Айрин Шепли. Он сирота, а это сужает круг подозреваемых. Кроме того, мы можем точно определить его возраст. Ему сейчас должно быть что-то около двадцати семи или двадцати восьми лет. И есть только один человек, который подходит под это описание.

Инспектора немало покорило, что настырная мисс Адамсон явно перехватывает инициативу в расследовании, и он не преминул высмеять ее предположения:

– Под это описание, мисс Адамсон, подходит добрая треть жителей деревни. Мне что же, всех прикажете записать в подозреваемые? Сержант Бимиш, например, тоже сирота и вырос в ричмондском приюте. Это все последствия Великой войны и эпидемии синей смерти^[17]. Сержант, сколько вам лет? – он резко обернулся к Бимишу.

– Двадцать девять, сэр, – с готовностью ответил тот, и инспектор, удовлетворённо хмыкнув, повернулся к Оливии.

– Ну вот, видите? Кстати, вы так и не сказали, кого прочите в убийцы. Кто же, по-вашему, насылает смерть на представителей рода Понглтонов?

Насмешки полицейского нисколько не поколебали уверенности Оливии.

– Думаю, это Оскар Финч, сэр. Он сам признался мне в том, что воспитывался в приюте. По возрасту он вполне может оказаться сыном Айрин Шепли. Никто ничего не знает о том, откуда он приехал. И он очень странно вёл себя после того, как в часовне обнаружили тело леди Элспет.

– Странно – это как? – насмешливо поинтересовался инспектор, и Оливия поняла, что её версия не показалась ему правдоподобной.

Тем не менее она рассказала, стараясь быть убедительной, о том, как Финч отреагировал на детскую песенку, так некстати вспомнившуюся ей тогда в часовне. Грумс, выслушав, поморщился, и Оливия пожалела о своей откровенности. Понимая настрой инспектора, Бимиш тоже теперь вовсе не скрывал отношения к выскочкам, мнящим себя детективами – он встал у окна, загородив собою свет, и насмешливо поглядывал на Оливию, готовый выпроводить её из кабинета, как только инспектор подаст ему знак.

Долго ему ждать не пришлось. Выразительно посмотрев на часы, Грумс встал и учтиво, но крайне холодно улыбнулся. Оливии ничего не оставалось, как отступить. Стараясь не выдать своего огорчения тем, что инспектор ей не поверил, она сдержанно поблагодарила его за уделённое время и торопливо вышла, но развязная ухмылка сержанта Бимиша долго ещё стояла у неё перед глазами.

После беседы с инспектором Оливии стало понятно, что в расследовании ей придётся полагаться только на свои силы. Его насмешки несколько не поколебали её уверенности в том, что она на правильном пути, и от намеченных планов она не отказалась.

Дождь лил с прежней силой и прекращаться, по всей видимости, не собирался. Небо затянули тучи, порывы ветра встряхивали кроны деревьев в саду с устрашающей лёгкостью – без зонта, похоже, было не обойтись.

В поисках Хигнетта Оливия отправилась под лестницу, однако в кухне застала только Филиппа. Напевая себе под нос брагурный мотивчик, тот возился с чайником, чашками и блюдцами, безуспешно пытаясь уместить их на крошечном подносе таким образом, чтобы влезла ещё и серебряная вазочка с пышной сиреневой гортензией.

– М-м-м, намечается чаепитие? – поинтересовалась Оливия. – Как любезно с твоей стороны! В такую погоду очень приятно выпить чашку горячего чая. Тем более что я собираюсь навеститься к старухе Грин, а путь неблизкий.

– А, это ты, – Филипп даже не обернулся. – Мисс Прайс сегодня не в голосе, а нам необходимо разучить несколько партий для будущих выступлений. Мы решили полностью пересмотреть её репертуар, чтобы в новом сезоне она могла продемонстрировать все грани своего таланта. Имоджен – трудяга, каких свет не видывал. Просто поразительная работоспособность! – с гордостью заявил он, берясь за поднос и проходя мимо сестры.

– Уверена, Седрик не откажется побеседовать с тобой о нелёгком труде фабричных рабочих, – выглянула в коридор Оливия, но брат был уже на середине лестницы и вряд ли услышал её слова.

Зато их слышал Хигнетт, который в этот момент вышел из кладовой. Повернувшись и увидев его, Оливия вздрогнула от неожиданности.

– Чем я могу помочь, мисс Адамсон? Вы, наверное, искали Анну? – по его лицу было невозможно определить, слышал ли он разговор близнецов целиком или только последние фразы.

– Нет, нет, Хигнетт, я искала именно вас. Я собираюсь в деревню, и мне нужен зонт и, желательно, макинтош.

– Позволю себе заметить, мисс Адамсон, что погода не слишком подходит для прогулки, – дворецкий продолжал стоять на месте, не сводя пристального взгляда с Оливии, и ей вдруг почудилась угроза, исходящая от него. – В такой день лучше всего зажечь огонь в камине и провести время в тепле и уюте, занимаясь своими делами. Я мог бы показать вам дом, ведь совсем скоро мы все покинем его, а Мэдлингтон-Касл, без сомнения, заслуживает внимания.

Не зная, как реагировать на такую вольность со стороны слуги, Оливия растерялась, но тут с лестницы послышался торопливый перестук шагов, и в кухню вошла запыхавшаяся Бернадетта. Вдова и дворецкий обменялись быстрыми взглядами, как если бы у них была назначена встреча.

Словно очнувшись, Оливия настойчиво повторила свою просьбу:

– Я воспользуюсь вашим предложением в другой раз, Хигнетт. А сейчас мне требуется зонт и макинтош. Я буду ждать в холле.

* * *

До деревни Оливия добиралась дольше, чем ожидала. От дождей дорога раскисла, и идти приходилось медленно, огибая глубокие лужи. К тому моменту, как Оливия вышла на площадь, нижняя часть её брюк промокла насквозь и неприятно холодила лодыжки. Дождь всё не унимался, улицы были пустынные, и почти из каждой каминной трубы вился лёгкий дымок.

Дойдя до приземистого здания почты, Оливия поняла, что совершенно не представляет, в какой стороне находится дом миссис Грин. В прошлый раз путь к её жилищу показался ей бесконечным, но вполне могло быть, что старушка намеренно вела её длинной дорогой, чтобы после соблазнить чашкой чая и заполучить новую слушательницу деревенских сплетен.

Решив спросить дорогу на почте, Оливия поприветствовала старого знакомого, который на сей раз прятался от дождя в просторной будке, стоявшей у крыльца. Пёс узнал её, вышел, виляя хвостом, но тут же с неудовольствием отряхнулся и, что-то проворчав, вернулся на место. Проливной дождь, равно как и палящий зной, он одинаково не жаловал.

За прилавком на высоком стуле сидела миниатюрная сухая дама в пенсне и вязала из белоснежной шерсти крохотные, будто игрушечные носочки.

– Простите, – обратилась к ней Оливия, – я ищу дом миссис Грин. Мы познакомились пару дней назад, и я хотела бы её навестить.

Вопреки опасениям Оливии, служащая почты не выказала никакого любопытства по этому поводу. Она аккуратно сняла пенсне, положила его стёклами вверх на прилавок и вышла к Оливии. Молча подвела её к окну, а после кратко проинструктировала, по какой дороге ей следует идти и сколько раз и в какую сторону свернуть. Затем она также неспешно ушла за стойку, основательно уселась на стул и снова принялась за вязание.

Оливия решила рискнуть.

– Простите, что отвлекаю, – начала она. – Боюсь, мой вопрос может показаться вам странным. Скажите, не помните ли вы некую Айрин Шепли? Она жила вместе с матерью недалеко от фермы Томасов. Около тридцати лет назад с ней случилось несчастье, и она свела счёты с жизнью.

– А, вы про полоумную Айрин? – довольно равнодушно отозвалась дама в пенсне, расправляя пальцами крохотную вязаную пяточку. – Помню я её. Шепли и её мать убирались у моей свекрови, пока девчонка не натворила бог знает чего и родители мужа не отказались от их услуг, – она продолжала вязать, шёпотом считая количество петель.

– Да, – подтвердила Оливия, приготовившись к вопросам, с какой стати она интересуется местными событиями давно минувших дней, но их не последовало.

Вместо этого женщина выложила на прилавок клубок белоснежной шерсти и с гордостью сообщила, приглашая разделить её радость:

– Доча моя, старшая, два дня назад разродилась! Первая внучка у меня! И слава богу, что не мальчишка – хлопот с ними не оберёшься. Сначала расстроилась она, мол, муж-то первенца ждал, сына, а я ей говорю: «Неча! Дочь-то всегда к матери ближе». Будет и у неё, и у меня опора в старости. А парни – они ненадёжные. Сегодня вроде тут, а завтра попадёт вожжа под хвост и в Лондон умотает, или ещё куда, – она махнула рукой куда-то в сторону окна. – Или новую войну затеют –

там, эти, – высоко подняв брови, глазами она указала наверх, но тут же её скуластое лицо осветила улыбка: – Внучка-то – вылитая моя дочь! Ну прямо как её, малышку, на руках держу! – и глаза у неё засияли той фанатичной любовью, через которую не в силах прорваться трагедии внешнего мира.

– Примите мои поздравления! – Оливия церемонно склонила голову. – Скажите, а вы, случайно, не помните, как выглядела Айрин Шепли? Брюнетка или блондинка? Высокая она была или изящного сложения, вот как вы, например?

Завуалированный комплимент не был принят. Даже лёгкий намёк на существование хоть какого-то сходства с полоумной Айрин вызвал у собеседницы негодование и заставил её нахмуриться.

– Красивая она была, тут ничего не скажу. Все это признавали. Но винтиков у неё в голове всегда не хватало, с самого детства. Высокая, низкая – этого не помню, а вот волосы у неё были роскошные. Светлые, с таким медным отливом – горели на солнце золотом. Весёлая она была, за работой петь любила.

– Не хватало винтиков... – задумчиво повторила за ней Оливия. – То есть она была слабоумной?

– Да скажете тоже, – почему-то обиделась женщина, вновь берясь за спицы, и Оливия поняла, что та окончательно потеряла интерес к беседе. – Нормальная она была, ложку мимо рта не проносила. Но мать с ней смучилась – то Айрин с соседскими детьми играет, то с ними же по деревьям лазит. А ведь взрослая девица! А когда мистер Пуллборо, почтальон местный, на покой собрался, упростила его продать ей старый велосипед и разъезжала на нём как ни в чём не бывало. Мать её стыдит, а та хохочет. Добром такое кончиться и не могло, – многозначительно заключила она и ханжески поджала тонкие губы.

Оливия не нашлась, что на это ответить, но тут дверь распахнулась, и на пороге появились три местных матроны, пришедшие поздравить новоиспечённую бабушку. Маленькая комнатка сразу наполнилась запахом домашней снеди и мокрого твида, громкими восклицаниями и традиционными пожеланиями здоровья младенцу и его юной матери. Оливию оттеснили в сторону, и она, поспешно выйдя на крыльцо, против своей воли ощутила странную

горечь и обиду за умершую много лет назад Айрин Шепли и её не нужное никому дитя.

* * *

На середине пути к домику миссис Грин дождь утих, превратился в лёгкую туманную взвесь, которая оседала на лице и волосах и смягчала все краски и звуки, и дальние холмы напомнили Оливии гигантские неряшливые клубки зелёной шерсти. В серебристой дымке не видно было даже овец, бродивших там, по пологим склонам, по мокрой траве. Дышалось тяжело – воздух был так насыщен влагой, что лёгкие с усилием принимали его, и ещё очень сильно пахло дымом от горящего торфа, которым топили камины многие жители этой части деревни.

Тяжёлый макинтош, который выдал ей Хигнетт, сковывал движения, но от влаги защищал хорошо. Тем не менее туфли у Оливии промокли насквозь, и чашка горячего чая, пусть даже и из рук миссис Грин, начала казаться желанным призом.

Однако её ждало разочарование. Оливия долго стояла на ступенях крыльца, дожидаясь, пока ей откроют – горничной у миссис Грин явно не было, – а потом, когда старуха отперла дверь и подслеповато уставилась на неё, излагать дело пришлось наскоро, стоя на пороге, так как в дом её не пригласили.

– Эдвин дома, – пояснила миссис Грин со страдальческой гримасой.

Оливия, изобразив понимание, с сочувствием кивнула.

– Миссис Грин, в прошлый раз мы с вами говорили об Айрин Шепли, – напомнила она старухе. – Я подумала, может, вы помните, как выглядела девушка? Какого цвета у неё были глаза, волосы? Говорят, она была красавицей.

Миссис Грин, казалось, не сразу поняла, что от неё хочет гостья. Склонив голову к плечу, она прислушивалась к тому, что происходит в доме. Оливии пришлось повторить свой вопрос:

– Айрин Шепли, миссис Грин. Вы помните, как она выглядела?

Старуха посмотрела на неё слезящимися глазами. В них наконец отразилась искра понимания и уже знакомая Оливии готовность к

сценическим эффектам:

– Я тебе так, милая, скажу – кто хоть раз видел Айрин Шепли, тот никогда уже б не смог её забыть. Да-да, – она многозначительно покивала. – Волосы у неё были тёмные, как сама душа у дьявола, глазища – чернее ночи безлунной. Это всё потому, что... – из дома донёлся резкий гроыхающий звук, будто в стену запустили стулом, и миссис Грин вздрогнула всем телом, но не обернулась, а только принялась говорить быстрее, – ...что когда её мать в тягости была, укусил её бес, обернувшийся чёрным псом. И повитуха сказывала, что родилась она с отметиной дьяволовой: у ней на спине пятно было – распятие перевёрнутое. И ночью той разразилась гроза невиданная – все посева побило, а реки из берегов вышли. Так что все в округе знали: если посмотрит Айрин на младенца – не жить ему, а если скотину какую домашнюю тронет – ту болезнь настигнет.

От нелепой истории, щедро сдобренной суевериями и деревенскими выдумками, Оливия оторопела. Миссис Грин же, довольная собственным красноречием, заключила:

– Люди говорят, вернулась Айрин. Что ж, не будет теперь покоя Понглтонам, – и она захихикала, прикрывая рукой наполовину беззубый рот.

Через приоткрытую дверь послышался то ли короткий вопль, то ли рёв, и вся её весёлость тут же пропала – миссис Грин сгорбилась под гнётом жизненных забот, лицо обрело несчастное выражение, как у маленького ребёнка, готовящегося заплакать. Она отступила в дом и уже собиралась закрыть за собой дверь, но Оливия предприняла ещё одну попытку выудить у полубезумной старухи хоть толику полезных сведений.

– А младенец Айрин, миссис Грин? Мальчик у неё родился или девочка? Постарайтесь припомнить, это очень важно! – умоляюще попросила она.

Старуха, стоя вполоборота и чутко прислушиваясь к происходившему в доме, больше не в силах была представлять обличительницу дьявольских козней и ответила со всей возможной простотой:

– Ублюдок-то? Да не знаю я, откуда мне знать? Старая Шепли уехала сразу же, как дочь её в землю зарыли. В тот же день уехала, и не видал больше никто ни её, ни ублюдка Айрин, – она пожевала

бледными губами, пытаясь извлечь из глубин проеденной временем памяти ответ на вопрос Оливии, но безуспешно. С досадой на настырную гостью пожалала плечами: – Парень это был, как иначе? У Понглтонов всегда рождаются сплошь сыновья, – и дверь её домика захлопнулась.

* * *

Проклиная про себя непостоянство йоркширской погоды, Оливия, продрогшая, с мокрыми ногами, брела по просёлочной дороге, одной рукой удерживая капюшон макинтоша над головой, а другой не позволяя порывам ветра вывернуть зонт наизнанку. К тому моменту, как её беседа с миссис Грин завершилась, дождь снова полил стеной. Поверхность луж вскипела от множества тяжёлых капель, которые не в силах были удержать низкие мохнатые тучи.

В голове у Оливии был сплошной сумбур, руки и ноги заледенели. Услышанное от жительниц деревни поколебало её уверенность в первоначальной версии. Оскар Финч уже не казался ей самой подходящей кандидатурой на роль убийцы, хотя поведение его по-прежнему выглядело подозрительным.

Выбрав короткую дорогу, Оливия, оскальзываясь в мокрой траве, перебирала в памяти все приметные события последних дней, все услышанные разговоры и сведения, что сообщил ей инспектор. Ветер изменил направление и бросил ей в лицо щедрую горсть холодных капель, словно издеваясь, и Оливия, чертыхнувшись, от неожиданности сделала неверный шаг и неловко упала, выпустив зонт. Бродяга-ветер тут же принялся с ним забавляться, погнав его вниз с холма, приглашая путницу вступить в игру.

Оливия не стала гоняться за зонтом и уселась на каменистом возвышении, подстелив под себя макинтош и глубже надвинув капюшон. Капли стекали ей на руки, но она не замечала этого. Со стороны могло показаться, что девушка любит замок, чьи очертания проступали в туманной мгле, будто вырезанные из серой замшевой бумаги, но на деле она чувствовала к нему лишь неприязнь. Мэдлингтон-Касл, надёжно укрытый спинами холмов, по-прежнему казался ей гигантской несуразицей – щетинился дымовыми трубами,

зубцами стен, острыми короткими шпильями башенок, – и внутри его (её уверенность в этом была тверда) затаился кто-то, обладающий злобной и разрушительной волей. Несмотря на ранний час, окна опалово мерцали, и Оливии пришло в голову, что из-за этих красноватых точек дом похож на многоглазое чудовище – затаившееся, терпеливо высматривающее в дождливых сумерках свою добычу.

Передохнув, Оливия продолжила путь вниз, по дороге подобрала зонт, брошенный ветром, словно надоевшая игрушка, и обнаружила, что две спицы сломались.

Когда она добралась до замка, силы окончательно её оставили. В холле не было ни души, хотя горели все лампы и откуда-то слышались протестующие женские крики. Сердце у Оливии заколотилось быстрее, и первой мыслью было: «Неужели опять что-то случилось?» Тревога за брата заставила её торопиться, и она, сняв макинтош, набросила его на бронзовую руку статуи Геракла, не обращая внимания на то, с каким комичным ужасом изваяние смотрит на промокший плащ в прилипших травинках.

В эту минуту на галерее послышались шаги и через холл, не глядя на Оливию, пробежал Хигнетт, а следом за ним появился Филипп, на ходу вытряхивающий сигарету из пачки.

– Ну слава богу! Я уже думал отправляться на поиски. Чёрт знает что тут творится, не знаешь уже, что и думать. Где ты была весь день? – брат заметно волновался.

– Я ходила в деревню, повидать миссис Грин, – Оливия говорила медленно, неосознанно пытаясь отсрочить ещё одно страшное известие. – Я рассказывала тебе о ней. Я подумала, что, возможно, старая женщина помнит Айрин Шепли и скажет, как та выглядела. А что... Что тут произошло? Что-то случилось с Седриком?..

– Дети исчезли, – Филипп шумно выдохнул табачный дым, и во влажной духоте холла тот повис перед ним мутным облаком. – Инспектор Грумс хотел переговорить со старшим мальчиком, Робером, но ни его, ни младшего, найти не смогли. Если в ближайшие пару часов дети не объявятся, то из участка придут констебли, чтобы прочёсывать поместье.

Глава девятнадцатая, в которой Виктория Понглтон щедро делится своими воззрениями о том, как следует воспитывать детей, а Оливия совершает два разоблачения

Ванная комната, примыкавшая к спальне Оливии, напоминала каюту корабля. Сходство усиливало большое круглое окно, по которому сейчас стекали струйки дождя, точно замок плыл по бушующему морю и волны плескали в иллюминаторы. Медная ванна, оправленная в ящик красного дерева, наполнялась горячей водой, и приторно пахло свежераспечатанным лавандовым мылом «Ярдли», которое Анна принесла вместе с чистыми, но донельзя измятыми полотенцами.

Горничная крутилась тут же: то проверяла, надёжно ли пробка воткнута в слив, то хваталась за промокшие насквозь замшевые туфли Оливии, представляющие собой печальное зрелище – к мыскам, выпачканным глиной, прилипли травинки и колючки чертополоха, каблучки покривились, и в одном месте отклеилась тонкая подошва.

– Ног-то вы сегодня не жалели, – заключила бережливая Анна с некоторым осуждением. – До завтра туфли не просохнут, мисс, и надеяться нечего. Если у огня поставить, то волной материал пойдёт, потом ничем это не выправишь. Попробую сухой бумагой набить, а после щёткой пройду, но чудес не ждите, – сварливо предупредила она.

– О, Анна, спасибо вам, – Оливия с признательностью ей улыбнулась. – В хозяйственных хлопотах, по правде говоря, я полный профан. В пансионе Святой Урсулы нас, конечно, обучали рукоделию, но, как только мисс Хэвишем с сундучком для шитья входила в класс, я всеми правдами и неправдами изображала недомогание, так что меня частенько отправляли в дортуар, чтобы я не расхолаживала остальных учениц.

– Ха! – Анна скомкала лист оберточной бумаги и вложила его в правую туфельку. – Попробовали бы вы, мисс, этот трюк в нашем приюте, так живо бы научились чистить, гладить да стирать. У миссис Барнаби если кто начинал отлынивать, так живо об этом забывал и принимался за дело.

Не выдавая своей радости, что разговор свернул на нужную ей тему, Оливия стыдливо скинула халат и быстро, не давая себе привыкнуть к смене температуры, погрузилась в воду и села, поджав колени к груди и обвив их руками.

– Строгая она была, эта миссис Барнаби?

– Нет, мисс, это другие строгие были, а миссис Барнаби добрячка, каких поискать. Просто она старалась, чтобы мы в жизни не пропали. Говорила, что нам самим придётся дорогу прокладывать, и если мы будем себе спуск давать, то ничего путного из нас не выйдет.

Оливия повертела в руках этикетку от мыла. На ней были изображены продавцы цветов – женщина и двое детей, державшие в руках корзинки с душистым товаром, – и их лица показались ей уставшими и потерявшими надежду.

– Нелегко вам было в приюте, Анна?

Та неопределённо пожала плечами, и за её нарочитым равнодушием Оливии почудилась неостывшая обида на мир, то и дело допускающий несправедливость.

– Ели мы досыта, мисс, и одежда тёплая у нас всегда была, – ответила горничная бесстрастно и повернулась спиной.

– Но ведь дети нуждаются не только в пище и одежде, – Оливия напомнила себе, что у её вопиющей назойливости есть оправдание, и продолжила: – Детям нужны любовь и внимание, им необходимо чувствовать, что они в этом мире не одни, и их есть кому защитить.

– К нам хорошо относились в приюте, если вы об этом, – помолчав, ответила Анна и, не желая упускать возможность пожаловаться на жизнь заинтересованному собеседнику, повторила: – Хорошо относились, да это не то же самое, как в семьях к детям относятся. Вон у миссис Понглтон мальчишек найти не могут, так она ведь чуть не в обмороке лежит. Хигнетт от неё не отходит. Хотел ей рюмку хереса подать, чтобы нервы успокоить, так ничего не нашёл. А она так убивается, что смотреть страшно. Вся бледная, трясётся, молитвенник из рук не выпускает и шепчет всё время: «Это нам за

грехи наши Всевышний воздаёт». А если б мальчишки из приюта были? Стала бы она так горевать из-за них, а? – Анна хмыкнула, давая понять, что вопросы эти скорее риторического характера.

– А вы, Анна, не знаете, где могут быть мальчишки? – Оливия протянула руку за мылом, принуждая себя не смотреть на горничную.

– Да откуда?! Я же весь день кручусь-верчусь, света белого не вижу. Да и зря такой шум подняли, я считаю. Мальчишки у неё дикие, чисто как котята, и такие же тихие. То в одном, то в другом месте мелькнёт кто-то, и всё – нет уже никого. Прячутся они где-то. Может, набедокурили чего и взбучку получить боятся. Или...

– А херес, Анна? – вдруг села Оливия в ванне, не замечая, как от её резкого движения на пол выплеснулась вода. – Хигнетт нашёл херес?

– Не знаю, мисс, – коротко ответила Анна, раздосадованная сменой темы, так как историй о том, как этот мир несправедлив к сиротам и горничным, у неё в запасе было предостаточно. – Скорее всего, не осталось ничего после миссис Вайсли, упокой, господи, её душу, – она наскоро перекрестилась. – Узнать, мисс?

– Нет, нет, Анна, это я так, – быстро спохватилась Оливия. – Вы простите, я что-то устала сегодня, – и она снова опустилась в ванну, позволяя тёплой воде сомкнуться вокруг её плеч и шеи.

– Отдыхайте, мисс, отдыхайте, – Анна сурово кивнула, давая понять, что уж ей-то не отдыха со всеми этими хлопотами. – Я подам чай в гостиную в четверть шестого. И не переживайте вы так! – она перевесила полотенце поближе к Оливии. – Вот увидите, к чаю мальчишки проголодаются и прибегут обратно.

С этими словами она вышла, а Оливия, выждав несколько минут, резво выбралась из ванны и принялась торопливо сушить волосы полотенцем, задумчиво глядя в круглое окно, за которым по-прежнему лил и лил дождь, и в небе не было ни единого просвета, указывающего на смену погоды. Перед тем, как покинуть ванную комнату, Оливия ещё раз взгляделась в грустные лица цветочницы и её детей, изображённых на обёртке от мыла.

Вопреки убеждённости горничной, к чаю дети не вернулись. Об этом Оливии сообщил Филипп, которого она встретила на лестнице, и сердце её сжалось от недобрых предчувствий.

Когда близнецы вошли в гостиную, то застали там только Анну, накрывавшую к чаю, дворецкого и заплаканную Бернадетту в неизменном чёрном платье. Блюдце с нетронутым кусочком кекса в её руке мелко подрагивало, лицо, опустошённое тревогой, выражало скорбь, на коленях лежал раскрытый молитвенник. За креслом, в котором она сидела, стоял хмурый Хигнетт, готовый в любую минуту прийти к ней на помощь.

Анна вручила Оливии чашку горячего чая, и та с благодарностью её приняла, пересев поближе к камину, чтобы все ещё влажные на затылке волосы быстрее просохли.

– Скажите, Бернадетта, а мальчики сегодня возвращались к ланчу? – Оливия отпила глоток чая и с состраданием посмотрела на несчастную мать, терзаемую страхом.

Та покачала головой и охрипшим от рыданий голосом объяснила:

– Обычно они только завтракают и ужинают в детской, а в остальное время перехватывают что-нибудь на кухне.

– Я специально оставляю для них на видном месте съестное: кусок сыра, пирог, несколько яблок, – вмешался Хигнетт. – Иногда хлеб с джемом или холодное мясо.

– А сегодня? Вы оставляли для них еду?

– Да, но она осталась нетронутой, – Хигнетт развёл руками. – И лепёшки, и сэндвичи с сыром – к ним никто не прикасался.

Бернадетта низко опустила голову с тугим узлом чёрных волос, плечи её мелко затряслись, и дворецкий укоризненно посмотрел на Оливию. Тут вошли Седрик с Присциллой, баронесса фон Мюффлинг и Оскар Финч, а следом за ними шествовала Виктория, надевшая траурное платье и явно чем-то крайне недовольная.

Пока все рассаживались, пока разливали чай и передавали друг другу чашки и блюдца с кексом и неряшливо, наспех приготовленными сэндвичами, некое подобие оживления ещё скрашивало чаепитие, но как только все получили желаемое, наступила тишина.

Беседа не клеилась. Все присутствующие сохраняли молчание, даже баронесса воздерживалась от присущих ей грубоватых замечаний. Выглядела она, впрочем, не слишком расстроенной, скорее,

глубоко погруженной в свои мысли, и Оливия могла бы заключить пари, что среди них не было места загадочному исчезновению двух детей.

– Помню, в детстве мы с Монти как-то заигрались на чердаке, – откашлявшись, вдруг нарушил тишину Седрик Понглтон. – Что-то такое мы там нашли – не помню уже в точности, что, – но совершенно потеряли счёт времени и спустились только к ужину. Пропустили и ланч, и послеполуденный чай... Уверен, Робер и... – он с досадой защёлкал пальцами.

– Жан, – подсказал ему Хигнетт.

– Да, да, я помню, Жан, – рассеянно кивнул ему Седрик. – Так вот, уверен, что мальчишки беззаботно резвятся где-то на просторе, позабыв обо всём, и думать не думают, что стали причиной беспокойства стольких взрослых. Дети, что с них взять! – он пожал плечами и издал натужный смешок.

Все, включая Бернадетту и слуг, в этот момент посмотрели за окно, где по-прежнему бушевал ливень, Седрик же с величайшим интересом принялся разглядывать кекс. Оливия обратила внимание, что руки у него дрожат, а на лбу и переносице выступила испарина. «Да он же напуган до полусмерти!» – подумала она, и взгляд Присциллы на мужа, полный жалости, подтвердил её догадку.

– Детям нельзя позволять отбиваться от рук! – заявила Виктория, со стуком поставив чашку на ломберный столик. – Их место – в детской. Если бы их глупые игры не отвлекали инспектора от расследования, то мы все, вероятно, получили бы возможность поскорее уехать из Мэдли. Седрик прав в одном: мальчишки преспокойно играют где-нибудь на чердаке и знать не знают, что из-за них поднялась суматоха.

– Не далее, как полчаса назад я осмотрел чердак вместе с Хигнеттом, – ответил на её тираду Оскар Финч. – Возможно, дети там и побывали раньше, но сейчас чердак пуст.

– Полагаю, баронесса, в Германии такое поведение попросту невозможно, ведь у вас детям прививают дисциплину и послушание с пелёнок, – Виктория никак не отреагировала на замечание Финча.

– Полагаю, что да, миссис Понглтон, – мисс Прайс устало пожалала узкими плечиками, но тотчас же спохватилась: – Да, да, разумеется, так и есть! Наш отец огромное значение придавал дисциплине,

почтительности и неукоснительному соблюдению распорядка дня. Мы с сёстрами и помыслить не могли, чтобы послушаться его.

– Вот видите, – Виктория вроде бы обращалась ко всем присутствующим, но смотрела только на съёжившуюся в своём кресле Бернадетту. – Я убеждена, детям необходима строгая рука. Свобода и отсутствие дисциплины вредят им и лишают возможности стать в будущем полезными членами общества. Из этого проистекают и другие проблемы: невоздержанность, потворство низменным страстям... – Виктория долго перечисляла всевозможные прегрешения и наконец заключила, – и всё это в итоге ведёт к жизненному краху. Так-то вот! – она откусила от сэндвича крупными белыми зубами и принялась жевать, рассеянно глядя на огонь в камине.

Высказавшись, Виктория больше не смотрела на Бернадетту. Противник под градом неоспоримых аргументов был повержен, и терзающая её сердце боль на время утихла. Маленькая, робкая Бернадетта не посмела ничего возразить на эту несправедливую тираду, но Оливия поразились тому, какой неожиданной злобой сверкнули её тёмные глаза, и каким неприязненным взглядом она окинула Викторию. Сразу после этого Бернадетта раскрыла молитвенник – губы её задвигались, ладони сомкнулись, но и в тяжёлом взгляде, прикованном к ничего не замечающей Виктории, и во всей позе было что-то пугающее, почти языческое, будто она не Пречистую молила о снисхождении, а призывала кару небесную на головы неугодных.

Страх – вот что ощутила Оливия, присмотревшись к тем, кто сейчас находился в гостиной. За бравадой, за нарочитым спокойствием, за подчёркнутой тревогой – за проявлениями всех этих чувств скрывался страх. Исчезновение детей заставило каждого гнать от себя мрачные мысли, удерживать свой страх на вытянутой руке, не позволяя ему одержать победу, и вместе с тем страшась взглянуть ему в глаза. Лишь Филипп и его избранница были неподвластны ему – молодые люди, презрев всякие приличия, сидели очень близко друг к другу, соприкасаясь плечами; их лица освещало яркое пламя, сообщая чертам резкость, графичность, – и Оливия вдруг ощутила внутри сосущую пустоту, напомнившую ей годы, вынужденно проведённые в разлуке с братом. Пользуясь тем, что в гостиной разгорался спор между Седриком и Викторией, и всё внимание было устремлено к ним,

Филипп поднёс ладонь фальшивой баронессы к губам и незаметно для остальных запечатлел на её запястье нежный поцелуй. Оливия отвела взгляд, и в этот момент в голове её пронеслась мысль: «Откуда Иможден Прайс было известно о том, что дверь в часовню открывалась бесшумно? Ведь я совершенно точно не говорила этого ни ей, ни Филиппу».

* * *

К вечеру дождь начал стихать, и появилась надежда, что мальчики покинут укрытие, в которое загнал их ливень, и вскоре вернутся в дом. Однако прошёл час, затем другой, а дети так и не появились.

Теперь принялись тревожиться даже те, кто сохранял спокойствие и считал исчезновение мальчишек детской шалостью. Оскар Финч вместе с Хигнеттом, Седриком и Филиппом вновь осмотрели старые конюшни и часовню, заброшенную маслобойню, хозяйственные пристройки и чердак, но никаких следов пропавших детей не обнаружили. От Седрика в поисках толку было немного, он совсем раскис и лишь плёлся вслед за остальными, низко держа фонарь дрожащей рукой и затравленно озираясь по сторонам.

Когда мужчины вернулись ни с чем, у Бернадетты случился нервный припадок. Присцилла настояла, чтобы та легла в постель, отправила Анну готовить травяной чай, а Оливию попросила составить ей компанию и приглядеть за несчастной.

В комнате Бернадетты из-за закрытых ставней было темно, только в камине неярко тлели угли. Она лежала в постели, свернувшись клубочком и прижав к животу подушку. Широкий подол чёрного платья скрывал очертания тщедушного тела, превращая её в невидимку, и среди одеял и подушек выделялось только заплаканное лицо – бледное и отрешённое, будто она уже мысленно попрощалась с сыновьями. Зрелище такой душевной муки разбило Оливии сердце, и то, что она намеревалась совершить, показалось ей вдруг безнравственным.

Присцилла тоже испытывала смущение.

– Перед подлинным горем слова бессильны, – сказала она негромко и заботливо укрыла Бернадетту, которую начала бить нервная

дрожь, шерстяным одеялом. – Самое лучшее сейчас для вас, дорогая Берни, это согреться и уснуть. Инспектор уже выехал, Анна готовит чай, а я пока вам почитаю. Закройте-ка глаза, будьте умницей.

Обессиленная горем Бернадетта послушно прикрыла глаза и прерывисто, как ребёнок после долгих рыданий, вздохнула. Включив лампу, Присцилла раскрыла принесённую с собой книгу и принялась негромко читать монотонным голосом историю кельтских племён. На вопросительный взгляд Оливии, удивлённой таким выбором, она пожалала плечами и шепнула: «Взяла в библиотеке, не глядя, но это, поверьте, именно то, что нужно».

Она оказалась права. Уже через несколько минут дыхание Бернадетты стало размеренным, веки перестали трепетать. Оливия и сама ощутила магию низкого мягкого голоса Присциллы, повествующего о грандиозных битвах с римлянами и друидах, отправляющих священные обряды во славу Цернунна и Бригитты. Она беззвучно зевнула и откинулась на спинку кресла, радуясь передышке.

Внезапно Бернадетта села на кровати. Она скомкала платье на груди и по лицу её потекли слёзы.

– Я сама, сама во всём виновата! – яростно ударяла она себя в грудь ладонью, сжатой в кулак. – Это меня покарала Пречистая, это мне вовек не вымолить прощения у неё!

Присцилла вместе с Оливией заставили её снова лечь, и она покорно позволила им это, не переставая сокрушаться.

– Мои мальчики, мои мальчики! Господь, молю, сжалясь над ними! – только это и можно было разобрать в её рыданиях.

– Да что же это такое, где Анну носит? – возмутилась Присцилла. – Я же сказала ей поторопиться с чаем. Побудьте с ней, я сейчас сама всё сделаю, – кивнула она и с облегчением покинула комнату.

Припадок вымотал Бернадетту, она опять затихла и теперь безучастно смотрела на то вспыхивающие, то угасающие угли в камине, не двигаясь и не говоря ни слова.

Оливия проглотила комок в горле. «Сейчас, именно сейчас!» – приказала она себе и придвинула кресло вплотную к кровати.

– Берни, – позвала она. – Ответом ей было молчание, но Оливия придвинулась ещё ближе, склонилась над самой кроватью: – Берни,

признайтесь, вы ведь никогда не видели Монтгомери Понглтона? И кстати, Бернадетта – это ваше настоящее имя?

Женщина на кровати вздрогнула и хотела то ли спрятаться в подушках, то ли отвернуться, но у неё не достало на это сил.

– И кем вам приходится Говард Хигнетт? – не отступала Оливия, вдохновлённая тем, что её догадки подтвердились.

– Говард – мой брат, – прошептала женщина, выдающая себя за Бернадетту Понглтон, и снова залилась слезами.

* * *

Инспектор Грумс прибыл в Мэдлингтон перед самым ужином. С ним вместе приехали сержант Бимиш и двое констеблей, все в прорезиненных плащах и с самыми мощными фонариками, какие только удалось найти в полицейском участке. Вид у всех был весьма бравый, на лицах читалась решимость во что бы то ни стало отыскать детей до наступления ночи.

К поискам приступили незамедлительно. Вместе с полицейскими отправились Филипп, Оскар Финч и Седрик Понглтон. От последнего толку было меньше всех, но инспектор оставил его при себе, поручив нести фонарь.

Вновь осмотрели конюшни, хозяйственные постройки, чердак и часовню, но ни малейших следов пребывания детей не обнаружили. Разбившись на группы, мужчины принялись прочёсывать поместье, и в сумрачной пелене дождя по всему саду замерцали огни фонарей – картина эта напомнила Анне, выглядывающей в окно, торжественное шествие, которым по традиции заканчивался июньский праздник.

– Выше, мистер Понглтон, выше! – потребовал инспектор, когда они углубились в тисовую аллею и вечерние тени сгустились вокруг них. – Ни черта же не видно, если держать фонарь так низко. Ну-ка, направьте-ка свет во-о-от туда, – он указал на пышные заросли рододендрона и, поравнявшись с ними, принялся раздвигать ветви руками, отфыркиваясь от падающих за шиворот капель, словно недовольный терьер.

Из зарослей Грумс выбрался изрядно промокшим. Унылый вид Седрика, который с трудом держал тяжёлый фонарь на вытянутой руке

и вздрагивал от каждого шороха, доносившегося из-за кустов, настроение ему не улучшил. Впереди темнела аллея, и клонившиеся друг к другу деревья превращали её в туннель, откуда тянуло сыростью.

– Вот что, мистер Понглтон, – инспектор вынул носовой платок и промокнул капли дождя на лице и шее, – что это вы недавно рассказывали о подземном ходе? Ну, будто бы он ведёт из часовни в замок? Вы ещё говорили, что под ним находится глубокая шахта, а в ней живут микроскопические существа, от которых человек падает замертво, и предположили, что именно эта участь и постигла вашего брата Джорджа.

Услышав про часовню, Седрик нервно заморгал и опустил фонарь ниже.

– Я... Я и не помню толком ничего. Так, слуги когда-то болтали... – и он с невыразимым ужасом уставился на что-то, находившееся за спиной инспектора.

Глаза его округлились, рот приоткрылся, и вид сделался ещё более жалким, чем до этого.

Грумс резко обернулся – в сизых сумерках на них неслась белая плоская морда с блестящими круглыми глазами и длинным вдавленным носом, похожая на гротескную венецианскую маску. Птица издала хриплый вскрик и, облетев нарушителей её убежища по широкой дуге, скрылась в тисовых зарослях.

– Что вы, сипуху не видели? – брюзгливо поинтересовался инспектор у побледневшего Седрика, который, казалось, еле устоял, чтобы не обратиться в бегство. – Так что с тайным ходом, мистер Понглтон, а? Постарайтесь припомнить. Сами понимаете, время сейчас на вес золота. Если мы не отыщем ребятишек к утру...

– Почему вы думаете, что они могут оказаться в подземелье?

– Потому что просто так, бесследно, дети не пропадают, – Грумс смотрел без улыбки, строго, и Седрик снова занервничал. Фонарь в его руке начал дрожать, и ему стоило больших усилий не впасть в панику.

– Я, правда, не помню ничего об этом, – умоляюще сказал Седрик. – Я бы и рад быть полезным, но совсем ничего...

– Об этом – это о чём? – инспектор придвинулся ближе, и теперь стало ещё труднее противиться его воле. – О чём это вы совсем ничего не помните, а, мистер Понглтон? Учтите, мне сейчас не с руки долго

вас уговаривать, – в тоне его явственно звучала угроза, но Седрик продолжал молчать и только моргал, когда крупные капли дождя попадали ему на лоб и щёки.

Грумс вздохнул и, внезапно на что-то решившись, отошёл на два шага назад и обернулся. Внимательно взгляделся в летние сумерки, а после приблизился к Седрику так стремительно, что тот не успел отпрянуть и ощутил затхлый табачный дух, которым пропитался старый макинтош инспектора.

– В общем, я так скажу, – Грумс, согнув указательный палец крючком, постучал им по плечу Седрика, – дело это у меня так и так последнее. Если отыщутся мальчишки, то на пенсию уходить, если же ребятшек не найдём... Тогда в отставку с позором. Поэтому признаюсь честно: если б речь шла только о Джордже Понглтоне, я бы и палец о палец не ударил. Он всегда был паршивцем, прости меня Господь. Но сейчас, в эту самую минуту, где-то здесь, на этой проклятой земле, возможно, ещё живы двое ребят. И моя задача – их отыскать. Хоть живых, хоть...

– Когда-то давно, в детстве, Джордж запер меня в подzemелье, – Седрик, обессилев, опустил руку и теперь фонарь освещал лишь ботинки обоих мужчин да немного подсвечивал снизу их лица. – Я не помню, как я там оказался – мы с ним играли в ближнем лесу, и вдруг он меня толкнул. Помню внезапное падение, и что я здорово ушибся, а потом меня окружила чернота. Было очень сыро и темно, – его голос прервался, крупный кадык дёрнулся, а затем он признался шёпотом: – Время в подzemелье тянулось бесконечно, и единственное, что не позволило мне сойти с ума – это мысль о том, что я должен отыскать выход и убить Джорджа. Это решение казалось мне в тот момент и правильным, и единственно возможным. Я прокручивал в голове все варианты, разгонял себя до невыносимой ярости...

– Как вы выбрались?

– И этого я тоже не помню, – покачал головой Седрик. – В какой-то момент мне стало дурно, я начал задыхаться и, скорее всего, потерял сознание. Очнулся я на руках у отца. Он ни о чём меня не спрашивал – да я бы и не смог ничего рассказать, память сразу же скрыла от меня все подробности. Отец крайне разгневался, и Джорджа впервые на моей памяти серьёзно наказали, но больше мы случившееся никогда не обсуждали.

– Но хотя бы что-то вы должны помнить, – настаивал Грумс, не желавший верить, что если тебя столкнули в подземелье, то можно вот так взять и позабыть всё, что этому предшествовало.

– Я рассказал всё, что помню. Я бы и рад, но, как только я начинаю об этом размышлять, опускается какой-то туман и я вообще уже ни в чём не уверен. Порой я даже думаю, что всё это мне приснилось.

Грумс отвёл взгляд, чтобы не видеть, как Седрик Понглтон растягивает в извиняющейся улыбке бледные обкусанные губы. Капюшон его макинтоша сполз, по лицу стекали капли дождя, но наследник рода Понглтонов, чьи предки много веков назад вторглись на земли англосаксов и яростно сражались бок о бок с Вильгельмом Завоевателем, не делал попыток стереть их.

– Идите-ка вы обратно, – сжалился инспектор, но Седрик, представив, как в одиночку пересекает сад, полный вечерних шорохов и мелькания теней, протестуяще помотал головой. – Тогда держите фонарь выше, мистер Понглтон, выше, ну сколько можно повторять!

* * *

Дворецкий Хигнетт, вне себя от волнения, спустился в кухню и застал там лишь Анну – судомойка, что, в общем-то, было совершенно неудивительно, уже два дня как перестала являться в поместье. Горничная неторопливо собирала на подносе чай, лицо её было задумчивым и серьёзным.

На лестнице прогремели торопливые шаги, и в кухню разъярённым смерчем влетела Присцилла Понглтон.

– Анна! – резкий окрик так не вязался с её привычной мягкой манерой, что слуги вздрогнули. – Я же полчаса назад попросила тебя принести Бернадетте чашку травяного чая! Ну надо же иметь хоть какое-то понимание! – вооружившись полотенцем, она схватила медный ковш и принялась лить кипяток в заварочный чайник.

Упрёки были справедливы, и горничная заторопилась исполнить приказание. Женщины покинули кухню вместе, крайне недовольные друг другом, и какое-то время Хигнетт продолжал слышать, как Присцилла распекает Анну за вечную медлительность.

Когда их голоса и шаги стихли, дворецкий оперся руками о деревянный стол, выскобленный до белизны, и свесил голову так низко, что слышал теперь только шумный прибой крови и биение пульса. Он пытался прочесть молитву, надеясь, что, как его сестра всегда черпала силы в обращении к Богу, так и он сумеет вымолить прощение, но облегчение не приходило, наоборот, тяжесть содеянного лишала последних сил. В этой позе его и застала Оливия, оставившая Бернадетту-не-Бернадетту на попечении Присциллы.

Лёгкий шорох, нарочитое покашливание – Хигнетт вздрогнул и стремительно выпрямился, ожидая увидеть инспектора, пришедшего за ним в сопровождении констеблей, но вместо полицейских обнаружил Оливию Адамсон. Та ещё раз откашлялась и негромко произнесла:

– Хигнетт, я только что говорила с вашей сестрой Адель.

После паузы дворецкий спросил:

– Как она?

– Она выпила чай и, надеюсь, сможет ненадолго уснуть. С вашей сестрой осталась Присцилла, она позаботится о ней.

– Инспектор?..

– Нет пока, – покачала головой Оливия, – но вы же понимаете, что он должен об этом узнать.

– Разумеется, – сухо кивнул ей Хигнетт.

– Я не стану расспрашивать вас о причинах, по которым вы решились на этот чудовищный обман, – не глядя на него, Оливия принялась бездумно переставлять с места на место содержимое полки со специями. – Ответьте мне только на один вопрос, Хигнетт. Вы знали, что миссис Вайсли имеет пристрастие к хересу?

От неожиданности дворецкий непонимающе нахмурился.

– Да, знал, но какое это имеет значение теперь?.. Когда вы собираетесь сообщить инспектору?

– А Анна о миссис Вайсли знала? – Оливия проигнорировала его вопрос.

– Ну конечно, – в тоне дворецкого слышалась досада, он заметно нервничал. – Все об этом знали, включая леди Элспет. Понятия не имею, почему она мирилась с этим, но сейчас это ведь уже неважно?! Так когда вы...

– А Виктория, Седрик и Присцилла, как думаете? Все они были в курсе слабостей кухарки? Оскар Финч?

– Да откуда же мне знать? – за время импровизированного допроса Хигнетт извёлся. Он вообразил, что Оливия просто мучает его, наслаждаясь той властью, что ей дало знание об афере, и, не выдержав, опустил на стул и разразился сбивчивой речью: – У нас с Адель разные матери, мисс Адамсон, но я всегда любил сестру и старался облегчить ей жизнь. Вся ответственность за обман целиком лежит на мне. Адель виновата лишь в одном – что поддавалась на мои уговоры. Она мать, её нельзя осуждать за то, что она хотела защитить своих детей и дать им шанс на лучшую жизнь. Муж её оказался никчёмным человеком, он был не в состоянии содержать семью и предпочёл скрыться, не оставив даже адреса. Адель вернула имя, данное ей при рождении, и стала сама заботиться и о себе, и о детях. Она бралась за любую работу: дни и ночи напролёт шила, украшала шляпки, вместе с детьми продавала цветы. Мисс Адамсон, я не мог спокойно смотреть на то, как моя сестра и племянники бедствуют, поймите. Порой, когда работы не было, им приходилось жить на шесть франков в день. Шесть франков в день, мисс Адамсон!

– И тогда вы решили воспользоваться семейной трагедией Понглтонов, – Оливия выдвинула из-под стола низкую скамеечку и уселась, скрестив руки на груди и вытянув длинные ноги.

– Да. Я знал от леди Элспет, что Монтгомери Понглтон погиб во Франции при невыясненных обстоятельствах, оставив после себя вдову.

– А если бы настоящая вдова приехала в Англию?

– Невозможно, – покачал головой Хигнетт. – Я сумел выяснить, что она умерла от болезни печени. Риска не было никакого – леди Элспет не стала бы инициировать расследование гибели младшего сына и последних лет его жизни, слишком дурная слава окружала его имя.

– Вы знали, что леди Элспет отличается щедростью и у неё доброе сердце, – бесстрастно произнесла Оливия.

– Да, я был уверен, что она примет бедствующую вдову сына с детьми и выделит им содержание, приличествующее их происхождению.

– Обучение для мальчиков в хорошей английской школе, небольшой дом с садом, прочное положение в обществе – я понимаю. Полагаю, вы ещё надеялись получить славный куш по завещанию?

Дворецкий изобразил возмущение, но почти сразу же, ссутулив плечи, кивнул.

– Да, не скрою, расчёт на это у меня был. Моя сестра экономна и не привыкла швырять деньги на ветер. Даже самый скромный капитал позволил бы ей жить без вечного изматывающего страха остаться без куска хлеба и крыши над головой. Но ни я, ни она и пальцем леди Элспет не тронули, клянусь, мисс Адамсон! – в тоне дворецкого слышалась отчаянная мольба. – Я никогда не желал хозяйке зла! В любом случае, повторяю, вся ответственность лежит на мне. Я скажу инспектору, что угрозами заставил сестру участвовать в обмане, поклянусь перед ним на Священном Писании, что заставил Адель пойти на это против её воли!

– Не думаю, что ваши клятвы смогут повлиять на инспектора Грумса, – Оливия не скрывала скептицизма на этот счёт. – У вас есть подозрения, кто может быть причастен к исчезновению детей?

Хигнетт глубоко вздохнул и стиснул ладони:

– Знаете, мисс Адамсон, если бы у меня было хоть малейшее подозрение в чей-то адрес... Я бы душу вытряс из этого человека. Я бы заставил его признаться в том, что он сотворил с детьми. Если же их нет в живых, то я надеюсь только на одно – что окажусь рядом с этим человеком раньше, чем полицейские.

– Значит, в злонамеренного призрака вы больше не верите? – Оливия усмехнулась.

– Призраки, мисс Адамсон, не таскают из кладовой сухари. Кроме мешка с сухарями, пропали две бутылки с яблочным сидром и кусок запечённого мяса.

– Всё это могли взять дети, – резонно возразила Оливия. – Помню, мы с братом частенько играли в детстве в золотоискателей. Ручей, протекающий через поместье нашего дедушки, был ничем не хуже Бонанза-Крик, а роль самородков исполняли серебряные приборы, которые мы утащили из кладовой, присовокупив к ним значительное количество консервированного паштета в качестве припасов.

– Робер и Жан слишком малы для этого, – упрямо возразил Хигнетт. – И кроме того, они не смогли бы достать до верхней полки,

даже если бы воспользовались хозяйственной лестницей.

– Лестницей?! – встрепенулась Оливия. – Да, конечно, лестницей, – повторила она задумчиво, не замечая недоумённого взгляда дворецкого. – Тут вы совершенно правы: для тех, кто маленького роста, лестница – большое подспорье.

* * *

Поиски детей свернули только на полчаса, чтобы дать промокшим констеблям и добровольцам возможность выпить горячего чая и согреться. Время ужина давно миновало, и Оливия совместно с Анной и Присциллой торопливо намазывала хлеб маслом и джемом и выкладывала сэндвичи на большие плоские блюда. Виктория и Имоджен Прайс остались присматривать за спящей Бернадеттой.

Хигнетт развёл в кухонном очаге огонь и принёс все стулья, которые сумел отыскать. Мужчины торопливо пили чашку за чашкой, стараясь немного обсохнуть и согреться перед тем, как снова выйти под неутихающий ливень. Надежда отыскать детей до утра таяла, и они разговаривали вполголоса, словно исход поисковой операции в их глазах имел всё меньше шансов на успешное завершение.

Хуже всех выглядел Седрик. Он примостился на самом краю стола и грел ладони о чашку с обжигающе горячим чаем, рассеянно глядя на огонь в очаге. От его одежды шёл пар, воспалённые глаза слезились. Когда Присцилла принесла ему полотенце, он долго не мог понять, что от него требуется, и тогда она, не обращая внимания на присутствующих, промокнула ему лицо и шею, а после и слипшиеся от дождя волосы ровно так же, как это делают матери своим детям.

– Вы хоть что-то обнаружили? – спросила Оливия, встав у брата за спиной и подливая ему в чашку свежий кипяток.

– Не-а, – промычал он с полным ртом, а после, прожевав кусок сэндвича, обернулся к ней и добавил: – Детей нигде нет. Ни следа. Решено идти к холмам, потому что сад мы осмотрели дважды.

– Хигнетт сказал мне, что из кладовой исчез мешок сухарей и две бутылки сидра, – наклонившись к самому уху Филиппа, прошептала Оливия. – Это значит...

– Это значит, что они могут быть живы и находятся где-то на территории Мэдли.

– Да, – кивнула Оливия. – Я очень надеюсь, что это так.

По сигналу сержанта Бимиша все полицейские и добровольцы встали, побросав недопитые чашки с чаем и недоеденные сэндвичи. Торопливо надев так и не просохшие макинтоши и схватив фонари, мужчины вышли через чёрный ход, и кухня вновь опустела. Присцилла с Анной принялись убирать со стола и перемывать посуду, а Оливия, под предлогом, что хочет проверить, не нужно ли чего Бернадетте, поспешила в свою комнату.

Мэдлингтон-Касл в эту ночь сиял огнями. Хигнетт прошёлся по всем коридорам и жилым комнатам и всюду зажёл лампы. Теперь сумрак, которым, казалось, пропитался старый замок, отступил, сжался и растёкся кляксами по углам, затаился в складках пыльных портьер. Скульптурные изображения почивших Понглтонов, установленные в стенных нишах, провожали Оливию незрячими взглядами, и она была уверена, что слышит, как они перешёптываются за её спиной, недовольные тем, что их покой потревожили чужаки.

Войдя в свою комнату, Оливия первым делом проверила тайник – тетрадь была на месте как и прежде, и прикреплённая в уголке прозрачная нить, выдернутая из кисейной занавески, позволяла надеяться, что её записей не касалась чужая рука. Она внимательно просмотрела все свои схемы (для стороннего наблюдателя выглядевшие совершеннейшей чепухой, но на деле весьма содержательные) и, воспользовавшись карандашом, аккуратно внесла кое-какие поправки.

В дверь требовательно постучали, и Оливия торопливо захлопнула тетрадь и убрала её на прежнее место – внутрь диванной подушки в гобеленовом чехле. Уголок тетради из формованного картона немного выпирал, и она ладонью вдавила его поглубже в рыхлую подушечную мякоть. Мгновение поразмышляла и столкнула подушку с кровати, и та улеглась в углу, почти невидимая за пышными оборками покрывала.

– Войдите, – настороженно произнесла она.

В комнату к ней влетела фальшивая баронесса и, закрыв за собой дверь, прижалась к ней спиной, как если бы опасалась преследования.

– Кошмарная женщина, ненавижу её! Просто... Просто сколопендра какая-то! – Имоджен Прайс в сердцах сорвала с себя лёгкую узорчатую накидку и бросила её на стул. Проверив ещё раз, заперта ли дверь, она обессиленно опустилась в кресло напротив трюмо и по привычке бросила на себя оценивающий взгляд. – Господь да простит мне мои слова, но призраку Айрин следовало умертвить именно её, а не леди Элспет, никому не сделавшую вреда! Я долго слушала её речи, но всякому терпению положен свой предел! – эту фразу Имоджен произнесла на два тона ниже и громче, чем следовало, из чего Оливия сделала вывод, что это перефразированная цитата из какой-то пьесы, в которой той довелось играть. – Боюсь, я несколько вышла из роли баронессы, – вздохнула она и, расшнуровав туфельки, уютно устроилась в кресле, подогнув ноги. – Я просто не выдержала! Когда я заявила Виктории прямо в лицо, что вся эта теория происхождения рас – первостатейная чушь, она так на меня вытаращилась, будто я у неё на глазах застрелила лису^[18]. А потом принялась отчитывать меня, как какую-нибудь горничную. И всё это шёпотом, чтобы не разбудить Бернадетту! В суфлёры, кстати, Викторию бы никто не взял. Дикция у неё ни к чёрту. Ну или она так сильно обозлилась на меня, что половину слов не могла толком выговорить. Ей-богу, шипела на меня как взбесившаяся змея. Яд так и брызгал во все стороны, – с нажимом произнесла она, раздосадованная тем, что Оливия не торопится выражать сочувствие.

– Признаться, я удивлена, что вам так хорошо известно о добросердечии леди Элспет, – Оливия присела на краешек кровати, так чтобы видеть и лицо Имоджен Прайс, и её профиль, отражающийся в трюмо. – Вы же не были с ней знакомы? Или я ошибаюсь?

– Нет, не была, – слишком быстро ответила Имоджен Прайс.

– Помню, что при нашем знакомстве вы рассказывали, как объехали с трупой весь Йоркшир несколько лет назад?

– О да! И это было так по-настоящему чудесно! Я тогда...

– Ваши родители, – перебила её с извиняющейся улыбкой Оливия, – насколько я помню из разговора, тоже принадлежали к театральному миру?

– У них был по-настоящему восхитительный комический дуэт. Публика была к ним благосклонна, – несколько более холодным тоном подтвердила Имоджен Прайс. – Хотя моя мать обладала превосходным

контральто и драматическим даром. Из неё даже могла бы выйти неплохая Дездемона.

– Ваши приёмные родители, Имоджен, были к вам добры? – решила Оливия, не сводя испытующего взгляда со своей гостьи. – Вы никогда не жалели, что именно они удочерили вас? Кочевая жизнь, отсутствие постоянного дома... Будь на их месте другая семейная пара, ваша жизнь могла бы сложиться иначе.

Имоджен Прайс резко выпрямилась, и в глазах у неё появилось затравленное выражение:

– Откуда вам известно?.. Вам что, рассказала обо мне леди Элспет?!

– Можно и так сказать, – кивнула Оливия. – Леди Элспет не называла имён, но поделилась историей одарённой приютской девочки, которая стала нежданной радостью для одной её знакомой пары. Леди Элспет никогда не упускала возможности проявить доброту.

Имоджен Прайс склонила голову в мелких золотистых кудряшках, обхватила колени, прижатые к груди, руками и прикрыла глаза.

– Да, – наконец произнесла она, и голос её был удивительно невыразителен. Оливии подумалось даже, что, возможно, это её настоящий голос, лишённый сценической звучности и принадлежности к той или иной избранной роли. – Леди Элспет была по-настоящему добра. И если хотите знать, то я ни о чём не жалею. Тадеуш и Мариша относились ко мне как к родной. Они научили меня всему, что я знаю и умею, они внушили мне мысль, что я способна добиться всего, чего только захочу. Я не знаю своих настоящих родителей. Но... Будь они прокляты! – она выкрикнула это страстно, с необычайной горячностью, вновь возвращаясь к драматической подаче, усвоенной с детства. – Эти люди оставили меня, выбросили как... Как какой-то ненужный хлам! – Она вскочила на ноги и принялась прохаживаться по комнате, подкрепляя каждое слово жестами, полными экспрессии, и Оливия поняла, что привычка взяла своё – больше Имоджен Прайс не скажет ни слова правды. – Они лишили меня нормальной жизни, лишили семьи! Я росла, не зная своих корней! О, ни один ребёнок не заслуживает такого!

– После Великой войны остались сотни тысяч сирот, – мягко возразила Оливия, припомнив слова инспектора. – Это дань, которую

пришлось платить детям за безрассудство взрослых.

– Вы не знаете, о чём говорите, – резко прервала её Имоджен Прайс, закутавшись в накидку и сверкая глазами. – Если бы вы сами скитались по дешёвым пансионам и постоянным дворам, если бы у вас на ужин порой была лишь чашка пустого чая и корка хлеба – то вы поняли бы, о чём я толкую. Вы и не представляете, что такое по очереди надевать единственное нарядное приютское платье и изображать из себя милого бесхитростного ребёнка, чтобы понравиться очередной бездетной паре, вознамерившейся «совершить доброе дело и приютить ангелочка». Ха! – она закашлялась, не сумев выдержать темп. Раздавшийся в дверь стук окончательно сбил её с шага, и занесённая для заключительного жеста рука беспомощно повисла.

– Да входите же, бога ради, – выкрикнула Имоджен Прайс, всё ещё находясь в тисках роли. – Надеюсь, это не кошмар по имени Виктория, а то я выпрыгну в окно, – прибавила она чуть тише.

На пороге стояла Анна. По лицу её невозможно было прочесть, подслушивала она или нет.

– Инспектор просит мисс Адамсон спуститься. Он ждёт в кабинете старого хозяина.

– Спасибо, Анна, я сейчас, – ответила Оливия, надеясь, что обе девушки покинут её комнату и дадут ей возможность собраться, но те выжидательно на неё смотрели. Ей ничего не оставалось, как поднять с пола подушку-тайник, со всей непринуждённостью сунуть её под мышку и так и отправиться к инспектору.

Войдя в кабинет старого лорда с диванной подушкой в руках, Оливия невозмутимо расположилась в кресле и пристроила её на коленях.

– Я отвлёл вас от отдыха, мисс Адамсон? Или это дань современной лондонской моде и юные леди теперь носят вместо сумочек подушки? – Грумс не упустил возможности колко пошутить.

– Всякое бывает, и юным леди не всегда легко приходится, – туманно выразилась Оливия, всем своим видом намекая, что обида ещё не остыла.

Инспектор рукой обхватил подбородок и испустил тяжкий вздох. На столе валялись несколько бумажных комков, в которых с трудом

можно было опознать результаты упражнений инспектора в искусстве создания бумажных фигурок.

– Вот не думал, мисс Адамсон, что вы такая злопамятная, – попенял он ей, но тут же сменил тон. – Как видите, я оставил Бимиша руководить поисками самостоятельно, а сам решил прибегнуть к вашей помощи.

– А я думала, что вы, сэр, руководствуетесь исключительно фактами, а не пустыми измышлениями тех, кто возомнил, что ведёт расследование с вами вместе, – Оливия не отказала себе в удовольствии напомнить ему его же слова.

Грумс невесело рассмеялся и принялся вертеть в руках пресс-папье.

– Я в тупике, мисс Адамсон. У меня до сих пор нет ни единой зацепки. Признаюсь вам по совести – это же кошмар какой-то, а не расследование. Три смерти, пропавшие дети – а я положительно не знаю, кого мне следует арестовать. У нас во Фроингеме такого не бывает, мисс Адамсон, поверьте, и так ломать голову мне приходилось только лет десять назад, когда в холмах обнаружили молодую семейную пару с признаками удушения. Да уж, не таким я видел своё последнее дело.

– Вы уходите в отставку?

Инспектор помрачнел.

– Собирался мирно уйти на покой, дать дорогу молодым. Но если дети не найдутся... В этом случае мне придётся покинуть полицейскую службу с позором. Бедная, бедная мисс Грумс, – инспектор с горечью покачал головой. – У деревенских жителей долгая память, мисс Адамсон, и грехи отцов пятнают будущее детей.

Оливия, подумав, кивнула и запустила руку в подушку. Инспектор перегнулся через стол, с любопытством глядя, как она извлекает из её нутра, набитого войлоком, коричневую тетрадь.

– Ну, вы прямо как мисс Грумс, – восхитился он. – Та тоже прячет все свои сокровища в подушки и стаскивает их потом к себе в детскую.

– Вы сами сказали, сэр, что это семейное дело, – начала Оливия серьёзным тоном, пресекая неуместные сравнения. – Здесь, – она похлопала по тетради, – мои записи о том, что я слышала и видела в

Мэдлингтоне. Посмотрите, может быть, вы заметите что-то, что я упустила.

– Даже не верится, мисс Адамсон, что вы могли что-то упустить, – съехидничал инспектор, надевая очки и принимаясь листать тетрадь.

– Непременно упустила, а иначе бы я точно знала, кто убийца, – заверила его Оливия, и прозвучало это до того самонадеянно, что инспектор поморщился.

– Почему вы уверены, что преступник действовал один? – Грумс посмотрел на неё поверх очков.

– Потому что главный мотив убийств – месть, теперь я в этом абсолютно уверена. Такие преступления совершаются, как мне кажется, большей частью в одиночку.

– И что, Седрик Понглтон окончательно реабилитирован в ваших глазах? Вы не забыли, что у него единственного были мотивы убить и леди Элспет, и Джорджа? Он показался мне крайне неуравновешенным, и, кроме того, я так и не сумел из него вытянуть, где вход в подземелье, в котором, возможно, находятся его племянники. Не думаю, что он хороший актёр, но пока он убедительно стоит на своём и уверяет, что совсем ничего не помнит о том происшествии.

– Вы уже говорили с дворецким? – быстро спросила Оливия.

– Не успел ещё. Сами видите, мы бросили все силы на поиски мальчиков.

– Хигнетт сказал мне, что из кладовой, с самой верхней полки, пропали мешок сухарей и две бутылки сидра.

– Он в этом уверен?

– Мне показалось, что да.

– А не мог кто-то из слуг или живущих здесь... Скажем так, запастись провизией?

– Анна довольно сносно готовит, если вы об этом, – Оливия пожала плечами. – Да и я с трудом представляю Викторию или Присциллу грызущими тайком сухари и запивающими их сидром.

– Однажды мисс Грумс – а ей тогда было пять с половиной – воспользовалась отлучкой матери и отправилась в кругосветное путешествие с банкой джема и двумя сдобными булочками, – задумчиво произнёс инспектор. – Ушла она недалеко: почтмейстерша

уговорила её выпить чаю, а сама тем временем позвонила мне в участок.

– Не думаю, что мы имеем дело с подобным случаем, – покачала головой Оливия, не замечая, как инспектор вновь поморщился, заслышав «мы».

– Значит, надо добиться от Седрика Понглтона, чтобы он освежил свои детские воспоминания, – решительно заявил Грумс. – В конце концов, это его племянники пропали. К тому же родни у него осталось не слишком много.

– Насчёт племянников, сэр... Они не так чтобы родня Седрику Понглтону, – в тон инспектору сказала Оливия.

– Я помню, помню, что Седрика Понглтона усыновили после гибели его родителей, мисс Адамсон, нет нужды мне об этом напоминать, – проворчал инспектор недовольно. – Пусть они и неблизкая родня, но всё же хоть какая-то.

– Они вообще ему не родня, сэр. Мальчики – племянники Хигнетта, дворецкого, и к Понглтонам они не имеют ровно никакого отношения.

– Это почему ещё? – инспектор не скрывал своего недоумения.

– Потому что Бернадетта – вовсе не вдова Монтгомери Понглтона. Она сводная сестра Хигнетта, и зовут её Адель Хигнетт. Но вам следует самому поговорить с ними об этом. Боюсь, я могла что-то неверно понять и не хочу, чтобы вы сделали неправильные выводы.

– Вы мне это бросьте, мисс Адамсон, – взволнованный Грумс приподнялся над столом и постучал пальцем по столешнице. – Сейчас не время для тонкой дипломатии! Давайте-ка рассказывайте всё, что накопили. Что я из вас всё клещами-то тяну, а? Ещё недавно вы были не в пример разговорчивее.

Оливия вкратце, но не упуская важных подробностей, передала инспектору то, что узнала от Хигнетта.

– Вот же проходимцы, – выслушав, сказал Грумс. – Дети-то у неё хоть свои?

– На первый взгляд, переживает она вполне искренне, – осторожно ответила Оливия. – Сейчас за ней присматривает Виктория.

– Не лучшая кандидатура на роль сиделки, – мельком заметил инспектор. – Кстати, а как вы сумели вывести аферистов на чистую воду?

– Адель очень религиозна и не привыкла лгать, сэр. Как-то за ужином она допустила ошибку и ударилась в воспоминания о том, как её мать заботилась о них с братом. Леди Элспет тогда удивилась этому, ведь в письме Монтгомери Понглтона говорилось о том, что его жена выросла в приюте Святой Женеьевы. Позже я случайно подслушала разговор Хигнетта с кем-то, кого он уговаривал не терзаться понапрасну и быть полюбезнее с леди Элспет. Ну и, конечно, цесарка с шампиньонами.

– Цесарка с шампиньонами? – непонимающе повторил инспектор Грумс.

– Когда мы все готовили ужин, сэр, то я поразились тому, как слаженно действуют Адель-Бернадетта и дворецкий Хигнетт. Так ловко вместе возиться на кухне могут только те, кто делает это не впервые.

– Пф-ф-ф, – продемонстрировал инспектор своё отношение к последнему доводу Оливии, но заострять на этом внимание не стал. – Значит, кроме фальшивой баронессы и вашего брата, якобы американского дельца, в Мэдлингтоне обретается ещё и поддельная вдова. Выдать себя за другого человека из корыстных соображений – да это же мошенничество чистой воды! А если они оба ещё и окажутся причастны к убийствам...

– Кстати, сэр, ещё кое-что – и этого тоже нет в тетради. Мисс Прайс, оказывается, до семи лет находилась в йоркширском приюте и никогда не знала своих настоящих родителей. Стараниями леди Элспет её удочерила семейная пара странствующих комедиантов и увезла в другую часть Англии. Информация подтвердилась только что, и в свете последних событий этот факт позволяет включить Имоджен Прайс в число подозреваемых. Помните, я говорила, что с большой долей вероятности убийца – сын или дочь несчастной Айрин Шепли? Так вот, по возрасту мисс Прайс тоже вполне подходит под это описание. На самом деле она немного старше, чем выглядит.

– Так всё-таки сын или дочь?

– Пока точно не знаю, – с сожалением вздохнула Оливия. – Миссис Грин из нижней деревни утверждает, что у Понглтонов всегда рождались сыновья. Если незаконнорождённый ребёнок был мальчиком, то в этом случае тот, кого мы ищем – Оскар Финч. Он

никогда не скрывал, что рос в приюте, а его странное поведение тогда в часовне...

– Да, что касается Финча, – перебил её инспектор. – Не стоит вам к нему лезть лишний раз. Я выяснил, в каком приюте он рос. Поручил Бимишу навести справки, он хорошо справляется с такого рода заданиями.

– И что же вам удалось выяснить, сэр? – Оливия подалась вперёд, не сводя с него взгляда.

– Его мать умерла при его рождении, а отец был осуждён за двойное убийство и повешен. Никто из немногочисленных родственников не захотел брать мальчика такого происхождения к себе, и его отправили в Крокс, приют для детей умалишённых и убийц. Признаться, это изменило моё к нему отношение. Кровь, как говорится, гуще воды. Да и малый он неприятный, хоть за ним пока и не числится ничего, кроме карточных долгов. Сейчас за Финчем присматривает Бимиш, и, будьте уверены, он глаз с него не спустит.

– Да уж, – задумчиво протянула Оливия. – Это, конечно, многое прояснило, но всё же не превращает его в убийцу. Вам не кажется, инспектор, что это несправедливо – чтобы дети платили за грехи отцов?

– Если я, мисс Адамсон, и питал когда-то склонность к идеализму и сентиментальности, то служба в полиции живо меня от этого излечила, – буркнул Грумс и поднялся, давая понять, что его ждут спешные дела. – Я крайне признателен, что вы поделились со мной своими мыслями, – произнёс он официальным тоном, – но остальное – это работа полиции.

«Нет уж, дудки! Я отсюда не уйду, пока не скажу всё, что намеревалась!» – подумала Оливия, которая искренне считала, что на этот момент сделала для расследования гораздо больше, чем Грумс и Бимиш, вместе взятые. Тревога за пропавших детей и досада на Филиппа, увлékшегося явно неподходящей особой, сделали её несговорчивой. Она осталась сидеть, и на лице её отразилось непоколебимое упрямство.

– Ох, какое же вы ещё дитя, мисс Адамсон, – посетовал Грумс со вздохом, капитулируя и опускаясь в кресло. – И редкостно упрямы к тому же. Не умеете вовремя остановиться, да? Кстати, вы не думали о службе в полиции? Времена сейчас другие, женщин охотно берут для

патрулирования улиц или для работы с детьми, оставшимися без попечения взрослых. Дело найдётся, а рост у вас вполне подходящий. Не меньше шести футов, я полагаю? Автомобиль умеете водить? Могу замолвить за вас словечко, если пожелаете.

– Спасибо, сэр. Я непременно подумаю об этом, – кивнула Оливия. – Так вот, возвращаясь к пропавшим детям – я уверена, если мы поймём, как были совершены преступления, то заставить убийцу сознаться не составит особого труда.

– Если бы мне был известен способ, которым умертвили леди Элспет... – вздохнул инспектор. – Завтра, с самого утра, я прикажу расклеить объявления о пропаже детей. На каждом заборе, на каждом столбе. Если мальчишки всё же покинули поместье, то их не могли не заметить. Проблема только в том, что в нижней деревне полно стариков и фермеров, которые с грамотой не слишком-то дружны. Могут просто-напросто не суметь прочесть... Что с вами, мисс Адамсон?! – обеспокоенно подался он вперёд.

Оливия сидела, округлив глаза и прижимая руку к губам. Брови её высоко взлетели, на гладком лбу обозначились морщинки.

– Сэр, со мной всё в порядке, простите, – медленно произнесла она, опуская руку и растирая шею и ключицы докрасна. – Просто... Мне кое-что показалось странным.

– Насколько странным? И что именно? – быстро спросил Грумс.

– Настолько, что это кажется невероятным. Нет-нет, инспектор, я пока ничего не могу сказать. Мне необходимо побеседовать кое с кем. Завтра, – пообещала Оливия и добавила: – Завтра, сэр, я буду знать, каким именно способом были совершены убийства. И чтобы изобличить преступника, мне понадобится ваша помощь.

– О, мисс Адамсон, прошу, не стесняйтесь, – язвительно улыбнулся Грумс. – Располагайте мной, как вам будет угодно. И сержантом Бимишем, разумеется, тоже. Да что там? Весь полицейский участок в вашем распоряжении! И констебли, и полицейский автомобиль! Даже и не знаю, что ещё в моих силах вам предложить.

– Благодарю вас, сэр, – Оливия не уловила насмешки и, поднявшись, с признательностью кивнула инспектору.

Она торопливо запихнула тетрадь в подушку, неловко взяла её и, ещё раз кивнув, покинула кабинет старого лорда. Закрывая за собой дверь, Оливия прищемила палец, но, даже не обратив на это внимания,

отправилась наверх, в свою комнату, продолжая размышлять о проклятии Понглтонов и об актёрском призвании, о предосудительном пристрастии кухарки и её загадочной смерти, а также о неграмотной миссис Грин и её пальцах, скрюченных артритом и выпачканных чернилами.

* * *

– Ты не видела Иможден? Нигде не могу её найти, – обратился Филипп к сестре, когда та вошла к себе.

Оливия вздрогнула от неожиданности и дёрнула за шнурок. Тусклый жёлтый свет, льющийся с потолка, разогнал полумрак, и она прошла вперёд, чуть не запнувшись о макинтош Филиппа, брошенный у двери. С него натекла приличная лужица воды, пропитавшая уголок ковра.

– Почему ты сидел в темноте? – сварливо поинтересовалась Оливия, которая с детства терпеть не могла, когда брат разбрасывал свои вещи.

– Глаза разболелись, – пожаловался тот. – У констебля Рейнолдса премерзкая привычка поворачиваться к собеседнику всем телом и ослеплять его светом фонаря. Страшно представить, как он ведёт себя на стрельбище.

– Ничего? – спросила Оливия с надеждой, имея в виду поиски детей.

– Ничего, – подтвердил Филипп. – Ни следа, но это и неудивительно во время такого ливня. Не знаю, что хотели обнаружить полицейские, но на большом поле за домом воды уже по щиколотку. Там низина, и, если дождь не прекратится, к утру там будет настоящее болото. Так ты не видела Иможден?

– Видела, – Оливия внимательно смотрела на брата.

– И?.. – Филипп приподнял рыжеватые брови.

– Она заходила ко мне час назад, – пояснила Оливия. – Виктория вывела её из себя, и она забегала выпустить пар.

– Да уж, – усмехнулся Филипп понимающе. – Малышка Иможден терпеть не может, когда к ней цепляются, и кто её в этом упрекнёт? Уж точно не я!

Лицо Оливии выразило недоумение по поводу «малышки», но Филипп сделал вид, что ничего не заметил.

– Сейчас у неё непростое время, – доверительно сказал он, приглаживая влажные волосы перед зеркалом. – Мы решили взяться за «Двенадцатую ночь», представляешь? – Филипп повернулся к сестре и воодушевляюще улыбнулся. – Она репетирует роль Виолы, и, знаешь, получается весьма неплохо. Я бы даже сказал, что эта роль создана для Имоджен. Видел бы Шекспир, как тонко она проникает в самую суть персонажа!..

– Когда это ты успел стать театральным знатоком? – не сдержалась Оливия, забираясь на кровать и пристраивая подушкунку под спину. – И вообще, я думала, что твои бродячие артисты большей частью показывают фокусы и поют комические куплеты.

Вышло так грубо, что Оливия сама себя мысленно отругала. Филипп, знающий сестру как никто другой, сразу насторожился.

– Что случилось, Олив? Ты из-за пропажи детей такая?

– Какая?

– На взводе.

– Я в порядке, – коротко ответила Оливия, проклиная себя за несдержанность, но не в силах остановиться: – Просто пока ты принимал дождевые ванны, тут, в доме, кое-что произошло.

– Боже мой, – побледневший Филипп уставился на сестру: – С Имоджен всё в порядке? Где она?

– Да откуда мне знать? Что ты заладил: Имоджен, Имоджен? Ты, кстати, знал о том, что она провела детство в приюте, а потом её удочерили при вмешательстве леди Элспет? Нет? Ну так я тебе говорю: она скрыла от нас обоих этот факт! Мне пришлось буквально прижать её к стенке, чтобы добиться правды. Зачем бы ей, по-твоему, умалчивать об этом, а?

Внутренне Оливия ужасалась собственному тону, но что-то ей неподвластное не позволяло свернуть со скользкого пути. Всё это время сдерживаемая досада на Филиппа копилась, копилась и вот приняла отвратительную форму, воздвигнув между братом и сестрой незримую стену, заглянуть за которую теперь не желал никто из близнецов.

– На что ты намекаешь, скажи на милость? – тон Филиппа был холоднее самой лютой стужи. – И зачем, вообще, ты завела с Имоджен

этот разговор?

– Затем, что она притворяется невинной овечкой, а сама скрыла важные детали своей биографии. Если она невиновна, то почему умолчала о том, что росла в приюте? Почему держала это в секрете? Признайся, ты ведь тоже этого не знал?

Брат и сестра стояли друг напротив друга, и в глаза каждому смотрело его отражение. Оливия до последнего надеялась, что брат отступится и признает её правоту, но тот не смягчился и не отвёл взгляда.

– Знаешь, Олив, иногда ты ведёшь себя просто бесчеловечно, – с сожалением произнёс Филипп, и она поняла, что мгновение назад он совершил непростой выбор, и сразу почувствовала себя одинокой и преданной. – Ну конечно, я знал. Я не хотел говорить тебе, потому что...

– Зачем, Филипп?! Зачем ты лжёшь? – прошептала Оливия, опасаясь, что не справится с голосом. – Ты лжёшь мне, как наш отец лгал Изабелле.

– Боже, Олив, до чего способен опуститься человек, – Филипп отшатнулся, и она испытала чувство удовлетворения, что её слова попали в цель, одновременно ненавидя себя за это. – Ты взываешь к моим чувствам, поскольку к разуму твои клеветнические наветы не имеют никакого отношения. Ты всеми правдами и неправдами хочешь очернить Имоджен, хотя втянула нас обоих в эту авантюру именно ты. Мне тошно видеть, как ты сама на себя непохожа. Что с тобой произошло в этом чёртовом месте, Олив?

– Нет, это с тобой что произошло?! Ты отмахиваешься от очевидного! Может быть, ты спросишь свою ненаглядную Имоджен, откуда она знала о том, что двери часовни открываются бесшумно? Или о том, куда подевалась складная лестница, без которой не обойтись тому, чей рост не больше пяти футов? Или о том, как...

– Довольно! – окрик Филиппа заставил Оливию вздрогнуть.

Она пристально вглядывалась в его лицо, но не наблюдала сейчас никакого сходства с товарищем детских шалостей и необходимой, как она всегда считала, частью своей реальности, без которой не ощущала себя цельной. Теперь же напротив неё стоял незнакомец, и взгляд его был враждебен и холоден.

– Я не стану больше слушать эту чепуху. Ты помешалась, Олив, – он помолчал, и она отчётливо поняла, что сейчас он напомнит ей об Изабелле, как она не преминула напомнить ему о лживости их отца, однако Филипп удержался от этого. – Ты просто помешалась на своих расследованиях, признай это.

– В прошлом году моё помешательство, как ты это называешь, помогло спасти кузину Грейс от виселицы.

– Чистое везение, – припечатал Филипп, и Оливия злорадно пообещала себе, что не простит ему этого.

– В общем, я запрещаю тебе говорить с Имоджен и расстраивать её. Она такая хрупкая и ранимая, что разговоры об убийствах могут вывести её из рабочего состояния на неделю, а то и две. Я такого не допущу.

– Зачем ты защищаешь её? – устало спросила Оливия, почувствовав, что ноги её с трудом держат, и опускаясь в кресло.

– Я точно так же защищал бы и тебя, если бы нашёлся кто-то, кто хотел бы несправедливо обвинить тебя в том, чего ты не делала, – пожал плечами Филипп.

– Ты хочешь сказать, что она дорога тебе ровно так же, как и я? – не поверила своим ушам Оливия.

Филипп не стал отвечать на этот вопрос. Подобрал с пола макинтош, он взялся за дверную ручку, но что-то заставило его смягчиться:

– Попросить Анну принести тебе чашку чаю? – осведомился он, обернувшись.

Оливия осторожно покачала головой, надеясь, что предательские слёзы не побегут по щекам.

– Ну, как хочешь, – снова пожал он плечами и на миг застыл на пороге, словно хотел сказать что-то ещё, но передумал, решительно вышел в коридор и, плотно прикрыв за собой дверь, оставил сестру, опустошённую всем произошедшим, в одиночестве.

Глава двадцатая, в которой Оливия раскрывает дело и передаёт преступника в руки правосудия

Всю ночь, до самого утра, Мэдлингтон-Касл сиял огнями. Хигнетт не стал гасить лампы в надежде, что для детей, если они всё-таки заблудились в окрестных лесах, освещённый от первого до последнего этажа дом послужит ориентиром. Надежда эта оказалась тщетной.

У постели Бернадетты, которая то перемежала страстные молитвы Пречистой Деве с рыданиями, то впадала в оцепенение и лежала на спине, раскинув руки и глядя в потолок, поочерёдно дежурили Анна, Виктория и Оливия. Имоджен Прайс после стычки с Викторией не покидала свою комнату, а Присцилла присматривала за Седриком, который после ночных поисков совсем расклеился и впал в самоуничужение.

– Если бы я только мог помочь, – вздыхал он, сидя в кресле у зажжённого камина и растирая виски. – Темнота, чернота, провал!.. Я пытаюсь, я честно пытаюсь! Я и инспектору сказал то же самое, но он мне не поверил, я знаю!

– Тшш, дорогой, ну успокойся же, – увещевала его Присцилла, не в силах безучастно наблюдать бесплодные мучения мужа. – Тебе нужно перестать об этом думать, и тогда, возможно, ты сумеешь всё вспомнить. Давай я приготовлю тебе чай, да? Крепкий, сладкий чай?

– Как ты не понимаешь?! Пока я тут греюсь у огня, дети томятся в заточении, во тьме и холоде! – Седрик принялся раскачиваться в кресле, зажав сложенные ладони между коленей.

– Почему ты так уверен в том, что дети оказались в подземелье? Если даже ты не можешь вспомнить, где расположен вход в него, то как бы они сумели его отыскать? – Присцилла присела напротив и положила тёплые ладони мужу на колени, пересекая его муку и ободряя его. – Инспектор всего лишь ухватился за подходящую версию, только и всего. Дети могут быть где угодно! Кто их знает, мальчишек, что у них на уме. Не стоит тебе так себя терзать.

Ободряющий тон жены, как и всегда, сделал своё дело. Седрик перестал раскачиваться, промокнул взмокший лоб платком и согласился выпить чашку чаю. Присцилла, поднимаясь на ноги, украдкой вздохнула – на этот раз сладить с мужем оказалось непросто.

Оскар Финч провёл предрассветные часы у окна, вглядываясь в еле различимую светлую полосу на горизонте. Дождь на время утих, теперь за окном воцарилась серая влажная мгла. Ему не хотелось читать, а уснуть не получалось даже после приёма снотворного. Казалось бы, усталость должна была подарить ему несколько часов забвения, но сердце продолжало учащённо биться и сигарета, зажатая в руке, мелко дрожала, когда он подносил её к губам.

Отчётливо понимая, что тайна его происхождения недолго будет оставаться таковой, Финч мысленно прощался со всеми своими планами и задавался вопросом, где для него отыщется следующий приют. В его душе мирились и скорбь по леди Элспет, единственной из всех, кого он встречал на своём жизненном пути, кто не судил его за прегрешения отца, и благодарность, обращённая к ней за возможность посвятить себя любимому делу.

Если Оскаром Финчем в эту ночь завладела печаль, то дворецкий Хигнетт оказался в тисках растревоженной совести. Не находя себе места, он то и дело обходил дом, проверяя, не погасли ли зажжённые лампы, и не послышится ли на чердаке топоток детских ног. Не рискуя показываться на глаза сестре, Хигнетт, будучи не слишком религиозным, не имел возможности припасть к тому утешению, что даёт верующим обращение к Создателю, и за случившееся с детьми несчастье возлагал вину исключительно на себя.

Филипп Адамсон тоже не сомкнул глаз этой ночью, так как слова Оливии всё же поселили в нём тревогу. Её чутью он доверял бесконечно, сестра, по его мнению, имела настолько парадоксальный склад ума, что порой в своём стремлении к истине сворачивала с дороги здравого смысла и продвигалась к цели исключительно звериными тропами интуиции.

Немногочисленные размолвки близнецы всегда переносили нелегко, но эта ссора, он знал, знаменовала собой начало горьких перемен, и сейчас досада на сестру боролась в нём с чувствами к мисс Прайс, и эта мучительная борьба заставляла его мерить шагами

тесную комнату и искать всё новые и новые доводы в защиту избранницы.

В ней ему всё было мило – казалось, не было добродетели, которой ни была бы одарена несравненная Имоджен Прайс. Не только её красота, но и живость, задор, неизменная находчивость вкупе с манерой сквернословить самым очаровательным и невинным образом – будто ребёнок, не ведающий подлинного значения произносимых слов, – всё отличало её от девушек, которых Филипп знал раньше. Теперь они выглядели в его глазах пресными занудами, не умеющими веселиться и не знающими о жизни то, что знала Имоджен Прайс и чем щедро делилась с тем, кто был верен ей и почитателен. Как тысячи до него и тысячи после, от начала времён и до скончания их, Филипп угодил в западню дрожащих ресниц, пламенеющих губ и огненной, сводящей с ума нежности, за которыми, он был уверен, не могли скрываться пороки.

Вспоминая, как Имоджен, сидя на краю постели, облакает миниатюрную, совершенную ножку в прозрачный чулок, как она откидывает кудрявую головку и серебряный смех рассыпается в духоте комнаты, а глаза её – серые дымчатые агаты, драгоценные омуты, в глубине которых трепетала тайна, – блестят и пристально смотрят на него, Филипп старался дорожить каждым мгновением, точно зная, что судьба щедра не только на встречи, но и на расставания.

* * *

Для Оливии утро наступило позже, чем для остальных. Когда она открыла глаза, часы на каминной полке показывали без четверти десять. Кляня себя на чём свет стоит, Оливия принялась спешно одеваться. Даже не умывшись, она небрежно провела серебряной щёткой по волосам и скрутила их в узел. Она была уверена, что разгадка местонахождения детей, как и тайна личности убийцы, находится от неё на расстоянии пешей прогулки до нижней деревни.

За ночь все известные ей факты выстроились в причудливом порядке, образуя общую картину, которая теперь, поутру, уже не казалась столь невероятной. В картине этой, правда, все ещё

оставались лакуны, но Оливия надеялась, что сумеет разглядеть в них истину.

По пути вниз ей встретилась растрёпанная Анна без наколки и передника. Она с видимым усилием несла тяжёлый поднос, на котором был небрежно сервирован завтрак на одного и стоял большой кофейник и две чашки.

Оливия вопросительно на неё посмотрела, и горничная покачала головой:

– Нет, их до сих пор не нашли, мисс. Инспектор уже спрашивал вас.

– Некогда, – покачала головой Оливия. – Передайте инспектору, Анна, что я вернусь через пару часов.

На секунду ей пришла в голову мысль воспользоваться любезным предложением Грумса, обещавшего предоставить ей любую помощь (иронии в его словах она так и не почувствовала), но, представив, как всполошится убийца, если она примется раскатывать на полицейской машине, Оливия отказалась от этого намерения. Выглянув наружу, она обречённо вздохнула и отправилась за макинтошем – дождь лил по-прежнему и прекращаться, судя по всему, не собирался.

Лужайка настолько пропиталась водой, что под ногами чавкало, как если бы она шла по болоту, и путь до подъездной аллеи занял у неё вдвое больше времени, чем обычно. Выбирая наиболее сухие участки, она шла как можно быстрее, и вскоре Филипп, наблюдавший за ней из окна комнаты Имоджен Прайс, потерял её из виду.

– Ты знаешь, я хотел спросить тебя об одной вещи, – повернулся он к Имоджен с виноватым видом.

– И о какой же? – рассеянно спросила та, продолжая листать роскошное иллюстрированное издание шекспировских пьес, позаимствованное ею из библиотеки Понглтонов.

Имоджен уютно устроилась в кресле, подогнув одну ногу под себя. На ней был лишь голубой шелковый халатик (к которому Филипп питал совершенно необъяснимую нежность) и плюшевая туфелька с помпоном, гипнотически покачивающаяся туда-сюда. Её волосы сегодня были уложены на косой пробор, отчего волнистые пряди скрывали половину лица, что придавало ей томный вид.

– Так о чём же ты, милый? – она подняла на него взгляд, и ему почудилось, что в тоне её слышится насторожённость.

– Я хотел спросить... Почему ты не сказала, что тебя вырастили приёмные родители?

– О, милый, видел бы ты себя сейчас! – после паузы длиной в секунду Имоджен рассмеялась переливчатым смехом и захлопнула книгу. – Неужели вы с Оливией вообразили, что я и есть дочь несчастной Айрин? Вот умора!

– Оливия здесь ни при чём, – быстро сказал Филипп. – Я только хочу понять, почему ты промолчала об этом.

– Да сама не знаю, – пожалала Имоджен узкими плечиками. – Как-то и в голову не пришло, что мне стоит об этом упомянуть. Ты же вот, например, тоже не рассказал мне о том, что твой отец – знаменитый пианист Джон Адамсон, – добавила она слегка обвиняюще.

– Мы уже много лет не поддерживаем связь с отцом. Да и какое он имеет значение для нас с тобой?

– Никакого, – быстро согласилась Имоджен, вскидывая руки и потягиваясь грациозным кошачьим движением, превосходно демонстрирующим манящие изгибы её тела. – Вот и я о том же: какое значение имеет, где и с кем я выросла? Ведь главное – это то, что мы с тобой встретились, Филипп. Главное – наша встреча, – она подошла ближе и раскрыла объятия, отчего тонкая ткань халатика распахнулась и обнажила крохотную родинку пониже шеи, на хрупкой ключице.

Обнимая её, целуя, Филипп с наслаждением вдыхал привычные ароматы пудры, ирисовой воды и помады для волос, кончиками пальцев через скользкий прохладный шёлк ощущал жар её тела, слышал её хриловатый голос, шепчущий нежные непристойности – и всё это время где-то в самом дальнем уголке сознания толкалась мысль: «Она первый раз не сказала мне правды. Первый ли?»

Знай Оливия об этом, её сердце согрело бы злорадное чувство собственной правоты, но она в этот момент находилась уже далеко и заблуждения брата, на которые тот с такой охотой шёл, её сейчас не трогали. Дорогу к дому миссис Грин она запомнила накрепко, и теперь неутомимо шла и шла себе вперёд по безлюдной тропинке, надвинув капюшон макинтоша как можно глубже и опустив голову, чтобы капли дождя не метили в лицо. Повинуясь внезапной прихоти, она вдруг обернулась – Мэдлингтон-Касл уже почти скрылся за холмами, виднелась только восточная башня с искривлённым флюгером, где её терпеливо (как ей опрометчиво думалось), дожидался инспектор.

Меж тем терпение никогда не входило в число добродетелей Гордона Грумса. Анна, передав ему сообщение Оливии, сполна насладились замешательством инспектора, которого невзлюбила за то, что после него в кабинете оставались ворохи рваной и мятой бумаги и ржавые яблочные огрызки.

– Некогда?! – переспросил он с недоверием. – Что, так и сказала?

– Именно, сэр, – Анна во все глаза смотрела на инспектора, стараясь не улыбаться. – И ещё просила передать, чтобы вы ждали её и никуда не уходили.

От всего услышанного Грумса буквально перекошило. «Взбалмошная девчонка, да что она себе позволяет?!» – думал он, машинально принимаясь комкать лист бумаги и вовсе не замечая неодобрительного взгляда горничной.

– Пригласи ко мне Седрика Понглтона, – наконец, буркнул инспектор и прибавил, постучав по столу пальцем: – И будь добра, побыстрее, а не к завтрашнему вечеру!

Анна без всякого почтения хмыкнула и удалилась нарочито неспешной походкой. Мысленно она была уже в шумном, дышащем суетой и туманным смогом Лондоне, а тихий Йоркшир, который она всей душой недолюбливала, оставался далеко позади, всего лишь эпизодом, прелюдией к яркой блистательной жизни, что уготована ей судьбой.

Оливия, шагая к дому миссис Грин, тоже задумалась о Лондоне и о том, что уготовано впереди ей самой. Она понимала, что их с Филиппом пути расходятся, и как могла старалась принять эту новую данность и заглушить ревущее внутри пламя неприязни к той, что послужила причиной их новой разлуки.

Почтовое отделение осталось позади, и до дома миссис Грин было рукой подать, когда слёзы все же прорвали её оборону и потекли по щекам. Одна из них быстро прокатилась по лицу и скользнула на шею, и Оливии пришлось остановиться напротив старого приземистого паба с проржавевшей вывеской, чтобы достать из кармана платок и привести себя в порядок.

...Адель Хигнетт, в недавнем прошлом известная как Бернадетта Понглтон, тоже не сумела сдержать слёз. Сидя на постели, она крепко сжимала руку брата и беззвучно оплакивала своих сыновей.

– Не стоило нам этого делать, Говард, – произнесла она шёпотом и зажмурилась. – Леди Элспет и Джордж отомстили нам за всё, что мы совершили. Бедные мои мальчишки!.. Этот дом сожрал моих детей! Это проклятое место, Говард, проклятое!

Хигнетт, сжав зубы, молчал, позволяя сестре выговориться, но и его лицо было искажено беспомощной мукой.

– Когда родился Жан, Робер сам был ещё малышом, но уже так крепко держал братика за руку, – лицо Адель Хигнетт просветлело, словно в воспоминаниях она отыскивала благословенное убежище, где её дети были ещё с ней. – Он учил его выговаривать звуки и не давал соседскому коту царапать его. Брал в руки метлу и бесстрашно отгонял того от колыбельки. Представь только, Роберу тогда было всего лишь три года! А как он важничал, когда Жан научился ходить и повсюду бегал за ним! «Я – старший брат», – он так гордо это заявлял!..

...Взойдя на пригорок, венчавший извилистую улочку, на которой жила миссис Грин со своим непутёвым сыном, Оливия, как и Адель Хигнетт, погрузилась в воспоминания. Они проплывали мимо её внутреннего взора и наполняли сердце теплом и вместе с тем печалью, ведь жизнь тем хороша и тем порой так невыносима, что ничто в ней не повторяется дважды.

...К этой мудрости прибегла и Присцилла Понглтон, выбившаяся из сил после приступа паранойи, который сразил Седрика после визита к инспектору.

– Он повесит меня! Ты и не представляешь, что он говорил мне, чем угрожал! – Седрик, схватив жену за плечи и встряхивая её, не замечал, что в своём лихорадочном состоянии причиняет ей боль. – Он сказал, что я намеренно скрываю от него вход в подземелье, что это я, я заманил туда детей и обрёл их на гибель! Нам нужно уехать, Присцилла. Уехать сегодня, нет, прямо сейчас! Мы ведь уедем, правда?! Пообещай, что мы уедем, пообещай!

– Прекрати, Седрик, ты делаешь мне больно! – Присцилла, ощутив, что хватка мужа ослабла, отошла на шаг, переводя дух и растирая правое плечо. – Послушай меня. Уезжать сейчас – верх глупости!..

– ...Пусть едет. Пусть транжирит последние деньги. Уезжать из Лондона с бродячей труппой и всю зиму колесить по глубинке с сомнительными фокусами и песенками – верх глупости! – не сдержав

своего возмущения, произнесла Оливия вслух и решительно толкнула хилую калитку, служившую лишь символической преградой на пути к жилищу миссис Грин.

Старуха, казалось, не удивилась своей вчерашней гостье и на этот раз, пользуясь отлучкой Эдвина, впустила её в дом. Подслеповато щурясь, она отгеснила Оливию к дивану, облепленному кошачьей шерстью, а сама уселась в кресло-качалку. Над камином по-прежнему висели связки грибов и трав, и по всей гостиной расплзался удушливый запах горящего торфа.

Оливия пробыла у неё совсем недолго, и старая женщина так и осталась в недоумении, зачем же к ней приходила эта странная молодая особа. После её ухода миссис Грин половину дня посвятила своему излюбленному развлечению – так и эдак вертела в голове недавнюю беседу, стряпая из этих скудных сведений свежую сплетню, чтобы было о чём перемолвиться с соседками.

Оливия же, покинув покосившийся домишко миссис Грин, с наслаждением вдохнула свежий влажный воздух, избавляясь от затхлой горечи горящего торфа и полынного привкуса чая. Её переполняло в этот момент чувство, равного которому она ещё не знала и названия которому отыскать не могла – что-то вроде того, что испытываешь, когда наконец удаётся пристроить на положенное место последние фрагменты головоломки Спилсбери, – только ощущаемое с удвоенной, утроенной, удесятерённой силой.

Но что-то было не так. Оливия сделала ещё пару шагов и огляделась. Её окружала непривычная тишина, и она не сразу сообразила, что это просто закончился дождь. Его шелест и настёрный перестук прекратились, и теперь мир стал будто немым – с пыльно-серого неба вместо воды лилось безмолвие.

С холма она видела переплетение узких улочек нижней деревни, безлюдных в этот час, и волны тумана, вкрадчиво подползающего из леса к домам и просёлочным дорогам, мешающегося с дымом из труб. Нужно было спешить, и, оскальзываясь на мокрой траве, Оливия побежала с холма вниз, стараясь не упасть.

Оказавшись внизу, она попала в волшебную страну – вокруг, сколько ни оглядывайся, простиралась белёсая дымка, в которой терялись очертания реальных предметов и все ориентиры, на которые она полагалась. Кожа моментально стала влажной, микроскопические

капли оседали на волосах и ресницах, и дышалось тяжело, точно через мокрую вуаль.

Внимательно вглядываясь под ноги, чтобы не пропустить очередной спуск с холма и не покатиться кубарем, Оливия – с помощью острого зрения или большей частью интуиции – выхватывала из ватной мглы то шпиль городской ратуши, то флюгер на крыше детского приюта и так, шаг за шагом, продвигалась к цели, к моменту, когда тот, кто решил, что вправе забирать людские жизни, будет разоблачён, и истина превратится в карающий меч.

* * *

Туман всё же задержал Оливию. Когда она, запыхавшаяся, вся в липкой испарине, влетела в холл, хриплые викторианские часы как раз закончили бить два часа пополудни.

Она повесила в неприметный шкаф под лестницей промокший макинтош, наспех пригладила волосы и, обернувшись, вскрикнула:

– Господи, Хигнетт, зачем вы так подкрадываетесь?

– Прошу прощения, мисс Адамсон, но инспектор приказал проводить вас к нему, как только вы вернётесь. Сказал, что не примет никаких отговорок. Возможно, у него появились известия о мальчиках?.. – на лице дворецкого отразилась надежда. – Если так, мисс Адамсон, то не могли бы вы шепнуть мне хоть словечко?

– Конечно, Хигнетт, само собой, – кивнула Оливия. – А где все остальные?

– Виктория Понглтон и баронесса фон Мюффлинг в своих комнатах. Анна готовит ланч. Присцилла Понглтон приглядывает за моей сестрой, а все джентльмены с сержантом Бимишем и констеблями снова отправились на поиски мальчиков.

– И мистер Финч с ними?

– Да, я в этом уверен.

– А Седрик Понглтон? – Оливия остановилась на полпути к лестнице.

– Его я не видел с самого утра, – покачал головой Хигнетт.

– А баронесса? Она покидала свою комнату?

– Не припомню, мисс. Вроде бы она не спускалась к завтраку, только попросила Анну принести ей чашку чая. А, вспомнил, – Хигнетт, обрадованный, что может услужить, слабо улыбнулся: – Я дважды видел, как она входила в библиотеку.

Оливия ещё раз ему кивнула и быстро взбежала по лестнице, однако пошла не направо, где располагался кабинет старого лорда, и где её ждал справедливый гнев инспектора, а в конец коридора.

Дверь в Комнату Памяти, как называла её леди Элспет, открылась с лёгким скрипом, похожим на вздох. Оливия осторожно заглянула внутрь, осталась удовлетворена увиденным и только после этого отправилась к инспектору, внутренне готовясь к тому, что ей придётся преодолевать его сопротивление и приводить массу аргументов в защиту своей версии.

Однако Грумс удивил её – он был сговорчив и немногословен. Вообще, за вчерашний день инспектор словно постарел – лицо его осунулось, морщины обозначились резче. Пропажа детей и собственное бессилие, страх неудачи и позорной отставки, и главное, что лишило его привычной уверенности и апломба, – укор в глазах жены (не сказала ни слова, нет, но взгляд её красноречиво выражал разочарование, что было для него совершенно невыносимо), – всё это заставило его хвататься за любую возможность отыскать убийцу.

– Вы уверены, мисс Адамсон, что ваши действия не навредят детям, если они ещё живы? – спросил Грумс, выслушав краткое изложение последних событий.

– Никоим образом, – уверила Грумса Оливия.

– Тогда приступим.

Инспектор пропустил Оливию вперёд, придерживав перед ней дверь, и они оба торопливо разошлись в разные стороны – Грумс отправился в Комнату Памяти, а Оливия, с трудом сохраняя спокойствие, деликатно, но настойчиво постучала в дверь, за которой страдала безутешная мать, потерявшая детей.

* * *

Присцилла отложила книгу и поднялась навстречу Оливии, прижимая указательный палец к губам.

– Тише, мисс Адамсон, не шумите. Бедняжка только забылась сном. Вы не побудете с ней? Мне нужно отыскать Седрика.

– Седрик в Комнате Памяти, – тихо сказала Оливия. – Он скрылся там от всех в компании бутылки хереса и выглядит не лучшим образом.

– Что?.. Вы уверены?! – Присцилла, не заботясь более о том, чтобы соблюсти тишину, бросилась к двери.

Она бегом преодолела сумрачный коридор, и от резких движений тяжёлый узел волос вырвался на свободу, укрыв её спину золотистыми волнами. Оливии стоило большого труда не отставать от неё.

Присцилла рывком распахнула дверь и влетела в Комнату Памяти. Здесь было сумрачно, пахло пылью и старыми холстами, но слабого дневного света, проникавшего через задёрнутые портьеры, хватало на то, чтобы увидеть – Комната Памяти в восточной башне замка была пуста.

– Где он?! Где Седрик? – она обернулась к Оливии. – Вы ведь сказали, что он здесь?!

– Почему вы так встревожены, Присцилла? На его долю выпало тяжкое испытание, он весь на нервах, и глоток-другой хереса ему не повредит.

– Вы ничего не понимаете! Ему нельзя!

– Так ведь такое никому на пользу не идёт, тут вы правы, – с ханжеской улыбкой согласилась Оливия. – Вот и миссис Вайсли поплатилась за своё пагубное пристрастие.

– Вы не понимаете! – снова выкрикнула Присцилла и с досадой топнула ногой. – Где он мог взять херес? Ведь я сама...

– Ведь вы сами отыскивали запасы миссис Вайсли и лично опустошили все бутылки на клумбу с розами, правда? Вероятно, вам жаль, что вы не догадались сделать этого раньше, – Оливия, прикрыв за собой дверь, незаметно провернула ключ.

Присцилла отступила на несколько шагов, и испуг на её лице сначала сменился недоумением, а потом обречённостью.

– Смерть кухарки – я видела! – искренне вас огорчила. Вы прямо были сама не своя. Вот только вы жалели не несчастную женщину, а свой преступный план, казавшийся вам безупречным. Мне думается, что жалость и сочувствие вообще вам не слишком-то свойственны.

После длинной тягостной паузы Присцилла хрипло, прерывающимся голосом, прошептала:

– Вы сильно ошибаетесь на мой счёт, Оливия. Мне было искренне жаль леди Элспет, и я постаралась сделать так, чтобы всё произошло быстро. Она не испытывала напрасных мук. Но вот Понглтоны – они не заслужили жалости, нет.

– Но ведь вы – тоже Понглтон, Присцилла, разве не так? Вы – та самая незаконнорождённая дочь Айрин Шепли и лорда Артура. Вы убили Джорджа, своего брата, и леди Элспет, представив дело таким образом, чтобы убийства выглядели мстью призрака несчастной Айрин. А смерть лорда Артура Понглтона тоже ваших рук дело? Что вы сделали с ним? Испугали лошадь, чтобы она понесла?

– Это оказалось не так сложно, как я думала. Лошади боятся вспышек огня и резких звуков, – призналась Присцилла и добавила с сожалением: – Вы очень хитры и проницательны, Оливия. А я-то думала, что мы с вами подружились. Как вы поняли, что это я?

– Где дети? – Оливия не ответила на вопрос, прошла на пару шагов вперёд и оказалась прямо перед Присциллой. – Они живы? Что вы с ними сделали?

– Ничего. Я... не смогла. Поверьте, я не желала им зла! Мне пришлось это сделать, у меня не было выбора!

– Где они, Присцилла?

– В подземелье. Я узнала о подземном ходе от бабушки, а ей рассказала о нём моя мать. Но я не убивала детей! Я оставила им и сидр, и сухари, и одеяло...

– Вы обрекли детей на медленное умирание, Присцилла. Это ещё хуже того, как если бы вы убили их ножом или удавкой, – в голосе Оливии не было жалости, он дрожал от гнева. – Они что-то увидели, да? Они увидели вас с той куклой?

Присцилла, поколебавшись, кивнула.

– А ещё вы считали их единственными наследниками Седрика, которые могли претендовать на Мэдлингтон, – теперь в тоне Оливии слышалось неприкрытое отвращение. – Вы же так стремились завладеть им, правда? Дело не только в мести, дело в вашем желании получить замок, ведь так?

– Мэдли принадлежит мне по праву рождения, – сухо ответила Присцилла, и лицо её приняло фанатичное выражение. – Меня

несправедливо лишили того, что должно было стать моим. Я – первенец лорда Понглтона, и, если бы мой отец был честен с моей матерью, то ни Джордж, ни Монтомери не появились бы на свет. Я просто хотела вернуть своё, Оливия, поймите.

– Вы не хуже меня знаете, что, даже если бы лорд Артур женился на Айрин Шепли и признал вас своей дочерью, то вы не стали бы его наследницей. В этом случае Мэдлингтон перешёл бы к Седрику.

– Ну и пусть! – Присцилла улыбнулась. – Пусть! Седрик не стал бы мне мешать. Мы вдвоём сумели бы сделать счастливыми многих. Каждый пенни из капитала Понглтонов пошёл бы на благие дела, а Мэдли стал бы приютом для нуждающихся детей и женщин, оставшихся без крова. Мы дали бы этим людям новую жизнь и помогли обрести надежду на лучшую долю.

– Как вы отыскивали Седрика? Не думаю, что это была случайная встреча, – Оливия, прищурившись, смотрела на неё в упор, без улыбки.

Счастливый смех Присциллы прозвучал в тихой маленькой комнате жутко.

– Именно что случайная! – она всплеснула руками и заговорила торопливо и сбивчиво: – Мы встретились на демонстрации в Лондоне, в Гайд-парке, и назвали друг другу вымышленными именами, которые использовали для подпольной деятельности. Я только спустя несколько месяцев после встречи узнала его настоящее имя.

– И сразу же начали разрабатывать план? – холодно спросила Оливия, скрещая руки на груди.

– Не сразу, – серьёзно ответила Присцилла. – Сначала я ни о чём таком и не думала. Но потом... Эти мысли просачивались, как капли воды сквозь запруды. Седрик ненавидел отца. Тот обошёлся с ним бесчеловечно, выбросил его на улицу, как паршивую дворнягу. Седрик мёрз, голодал и скитался. Когда мы встретились, он был сломлен и страдал от жестокого кашля. Были ночи, когда он не мог сделать вдох, и я видела смертный ужас в его глазах, и сама в этот момент умирала вместе с ним. В то время каждое наступившее утро было для нас поводом для радости. Знаком, что наша борьба всё ещё продолжается, и что мы всё ещё достаточно сильны, чтобы вести её.

Ладони Присциллы сжались в кулаки, взгляд был устремлён на картину, изображавшую седовласого лорда Понглтона с сыновьями, и

её обычно мягкие черты лица заглубели, губы плотно сжались, а между бровей пролегла глубокая морщина. Сейчас Присцилла обнаруживала такое явное сходство со старым лордом, что Оливия мысленно обругала себя слепой идиоткой.

– Седрик знал?..

– О нет! – Присцилла быстро стряхнула наваждение прошлого. – Нет, уверяю вас, Оливия, нет! Седрик... Мне жаль это говорить, но он не способен на решительные действия. Он слаб, он эгоистичен и вечно колеблется между стремлением к идеалам и тягой к низменным пристрастиям. Но он дорог мне, Оливия. Теперь, когда вы обо всём догадались... Я не знаю, какое будущее его ждёт. Он не справится с жизнью без меня.

Оливия ничего на это не ответила, но её молчание красноречиво говорило о том, что сочувствия ни к Присцилле, ни даже к Седрику в её душе нет.

– Вы могли остановиться после убийства лорда Артура. Ваш отец умер, ваша мать отомщена – казалось бы, план выполнен.

– Всё так, – Присцилла кивнула, ладони её были по-прежнему крепко сжаты.

– Но вы не остановились, – обвиняющим тоном продолжила Оливия. – Вы хотели не только отомстить, но и получить замок, а леди Элспет стояла у вас на пути.

– И Джордж, старший сын в роду Понглтонов, унаследовавший большинство семейных пороков, – Присцилла разомкнула правую ладонь и с ненавистью указала на его портрет, висевший на противоположной стене.

– Вы убили его так же, как и леди Элспет, – Оливия не спрашивала, а утверждала. – Напоили хересом, а потом заманили в часовню, ударили по голове грелкой с песком, заперли там и наблюдали, как он умирает, а потом оставили одного, в уверенности, что грибы, которые мы все ели за предпраздничным ужином, сделают своё дело.

– Как вы догадались об этом?! – Присцилла исподлобья смотрела на Оливию, и у той по спине пробежал холодок.

– Надо сказать, что ваш план был почти безупречен, – нехотя признала Оливия. – О грибах, которые в здешних местах называют «чернильный колпачок», и которыми женщины отваживают мужей от

злоупотребления горячительным, я узнала совершенно случайно. Узнала давно, но связала этот факт с убийствами только вчера. После этого я сразу же вспомнила, как встретила вас, когда вы шли на кухню отмывать руки. Грибы оставляют на коже следы, схожие с чернильными пятнами. Вы солгали мне тогда, что писали письмо и опрокинули на стол чернильницу, но я проверила – на столе в вашей комнате нет ни единого пятнышка.

– Надо же... – Присцилла с досадой прищёлкнула языком, – какой промах с моей стороны. А ведь я была уверена, что учла все мелочи.

– Одно время я подозревала, что миссис Вайсли – ваша бабушка, и вы убили её, чтобы старая женщина не выдала вас, – призналась Оливия, наблюдая за реакцией преступницы.

– Да как вы могли такое подумать? – взорвалась Присцилла. – Я бы никогда не причинила вред тем, кого люблю! Не стоит считать меня чудовищем только потому, что я отомстила за свою мать.

– Вы и есть чудовище, Присцилла. Бесчеловечное, жестокое чудовище, – упрямо повторила Оливия. – Вы убили не только старого лорда, вы убили невинных – тех, кто не был виновен в смерти вашей матери. Леди Элспет доверяла вам и была искренне признательна, что вы позаботились о Седрике. Хотя он и не был её сыном, но у неё болела за него душа. И она собиралась завещать семейный капитал Понглтонов именно Седрику, чтобы он обратил эти средства во благо другим. Сумма, кстати, весьма велика. Леди Элспет сорила деньгами, это правда, но исключительно теми, что выигрывала в азартные игры, а удачлива она была невероятно. Вас же ослепила не только жажда мести, как вы утверждаете – вы хотели получить всё! Вы настоящий Понглтон, Присцилла, вы ничем не отличаетесь от старого лорда, который ценил лишь свои желания.

Глаза Присциллы оставались сухими, но горло над тесным воротничком коричневого платья судорожно сжималось, будто её душили рыдания, и, когда инспектор вышел из-за портьеры и предстал перед ней, она слабо вскрикнула от неожиданности.

– Вам придётся пройти со мной, миссис Понглтон, – сказал он, откашлявшись. – Но сначала отдайте ключ от подземного хода.

Губы Присциллы задрожали, она затравленно посмотрела на Оливию, но не нашла в её глазах даже малой толики сочувствия. Трясущимися руками она вытащила шнурок с ключом, который носила

на груди, и от резкого движения на белоснежной шее осталась красная полоса. Она вложила ключ в протянутую ладонь Оливии, и та приняла его, неосознанно содрогнувшись от омерзения, когда горячая рука убийцы коснулась её кожи.

– Вход находится в комнате старого лорда, за выдвигающейся панелью возле камина, и ведёт в часовню, – произнесла Присцилла обречённо, а затем рванулась в сторону и подбежала к окну.

Никто не успел ничего сделать, руки инспектора лишь мазнули по платью, не зацепив гладкую ткань – Присцилла с неожиданной в таком хрупком теле силой сдёрнула портьеры с карниза, и они упали серыми пыльными сугробами вокруг её ног.

Она схватилась за ручки высокого окна, намереваясь распахнуть его.

– Скажите Седрику, что я сожалею! – выкрикнула она и добавила, умоляюще глядя на Оливию: – Скажите! Обещайте, что скажете!

Закусив губу, она дёрнула ручки, ещё раз, другой, и, уже всё понимая, с округлившимися от ужаса глазами обернулась к Оливии.

– Сами скажете, Присцилла. У вас будет возможность это сделать. Я заранее заперла окна, чтобы вы не ускользнули туда, где вас не сможет настичь правосудие, – Оливия вытащила из кармана брюк длинный ключ и продемонстрировала его.

– Зачем вы так со мной?.. – прошептала Присцилла.

Обессиленная, она оперлась на спинку стула, тяжело дыша, но инспектор не дал ей возможности прийти в себя:

– Вам придётся пройти со мной, миссис Понглтон, – повторил он с угрозой. – И не вздумайте ничего предпринимать.

Глава двадцать первая, в которой Оливия рассказывает о ходе своего расследования и начинает больше сочувствовать брату, нежели злиться на него

Крепко удерживая Присциллу под локоть, Грумс вместе с нею спускался по широкой лестнице в холл, где толпились вернувшиеся после безуспешных поисков детей констебли, сержант Бимиш и добровольцы. Позади инспектора, отставая на несколько ступенек, спускалась Оливия, и мокрые, так и не просохшие брюки, облепленные по низу травинками и усеянные брызгами грязи, еле слышно хлопали по лодыжкам при каждом её шаге.

Все, кто был внизу, смотрели на процессию с недоумением, и лишь через минуту или две на лицах мужчин проступило понимание, а следом за ним гнев. В этот момент серое ватное небо прорезали несколько солнечных лучей, через распахнутые настежь двери они проникли в холл старого замка, улеглись на выщербленные плиты широкой дрожащей полосой, освещая Присцилле, навсегда покидающей Мэдлингтон, дорогу к выходу.

Она шла медленно, с трудом переставляя ноги, но держа спину и голову очень прямо, и инспектор не торопил её. Присцилла ступила в полосу света и превратилась для Оливии, оставшейся позади, на последней ступеньке, в силуэт, полыхающий по краям, удаляющийся с каждым мгновением шаткой, нетвёрдой походкой.

В настороженной тишине послышался щелчок. Из гостиной вышел Седрик Понглтон. Его светлые глаза расширились от непонимания, но ситуацию он оценил быстро и верно, а оценив, бросился вперёд.

Присцилла, склонившись к инспектору, прошептала ему что-то на ухо, и тот, согласно кивнув, ускорил шаги и отдал сержанту распоряжение как можно скорее подать машину. Констебли же,

повинуясь приказу Бимиша, задержали Седрика и не позволили ему пробиться к Присцилле, которая до того самого момента, как её усадили на заднее сиденье полицейского автомобиля, не проронила ни слова и ни разу не взглянула ни на мужа, ни на кого другого.

Слышать, как Седрик выкрикивает что-то нечленораздельное, и наблюдать, как он беспомощно бьётся в руках дюжих констеблей, было невыносимо. Оливия зажмурилась, не позволяя жалости проникнуть в сердце, а когда открыла глаза, Седрика уже уводила Виктория. Она крепко держала его за руку, похлопывала по спине, и странно было слышать её громоподобный голос, смягчённый сочувствием. На лице Седрика застыло выражение детского недоумения, и он упрямо повторял: «Куда они её увозят? Куда? Я хочу знать, куда они её увозят!»

Оливия порадовалась, что Седриком есть кому заняться, потому что ей самой было сейчас совсем не до него. Привлечённые шумом, в холл вбежали Хигнетт и Анна, за ними следовали Оскар Финч и встревоженный Филипп.

– Я потом всё объясню, – пообещала Оливия и вытащила из кармана ключ, отпирающий подземный ход. – Сейчас нужно освободить детей. Хигнетт, покажите мне спальню старого лорда. И ещё нам понадобятся фонари, – прибавила она.

Дворецкий кивнул и торопливо взбежал по лестнице, приглашая её следовать за собой. Филипп и Оскар Финч захватили по фонарю, и, перепрыгивая сразу через несколько ступенек, отправились за ним вдогонку. Анна так и осталась стоять, приоткрыв рот и вытаращив глаза – она уже представляла, в каких выражениях будет рассказывать зазнайке Айви о том, что приключилось в семействе Понглтон, и как та будет ахать и завидовать, ведь в её-то скучной жизни ничегошеньки интересного не происходит.

– Анна! – резкий окрик Оливии отвлёк горничную от фантазий. – Принесите в комнату старого лорда тёплые одеяла и поставьте на огонь котёл с водой. Сначала котёл – потом одеяла, вы меня поняли, да? Дети бог его знает сколько времени провели под землёй, и, должно быть, продрогли до полусмерти.

Оливия боялась, что Присцилла солгала насчёт входа в подземелье, но опасения её оказались напрасными. Стенная панель возле камина, легко, одним нажатием ладони, погрузилась в пустоту и

затем съехала в сторону, утаскивая за собой обрывки паутины. За ней скрывалась деревянная дверь, неряшливо обитая медными пластинами – металл сохранил вмятины от ударов молотка и покрылся зеленоватой патиной.

Ключ вошёл внутрь замка легко и повернулся без скрипа, хотя и с изрядным усилием. Хигнетт издал нетерпеливый возглас, и, когда Оливия надавила на дверь, и та не поддавалась, протиснулся вперёд и навалился на неё плечом, упёршись ногой в основание камина.

Дверь, царапая каменный пол, отворилась, и из высокого узкого зева подземного хода донёсся запах сырой земли и гнилой древесины. Выхватив фонарь у Финча, Хигнетт, не раздумывая, ринулся вперёд, выкрикивая имена детей.

Ход, вначале узкий и прямой, стал ощутимо искривляться уже через несколько десятков шагов. Идти приходилось осторожно, так как уровень пола резко снизился. Из-за криков Хигнетта ничего не было слышно, и Финчу пришлось попросить его замолчать.

Дальше двигались в тишине, и надежда отыскать детей живыми начала таять. Ход в глубине холма, на котором стоял замок, расширился, теперь можно было идти по двое, и Оливия с признательностью ощутила прикосновение к своему плечу руки брата и ответила на его виноватый взгляд благодарным кивком. Недавняя размолвка ещё не была забыта, но взаимная досада близнецов сменилась обоюдным чувством вины.

Детей обнаружил Финч. Все остальные не раз и не два прошли мимо тёмной ниши, в глубину которой не проникал свет фонарей, и лишь ему пришло в голову заглянуть туда.

Прижавшись друг к другу, мальчики то ли спали, то ли находились в забытии. Рядом обнаружился пустой холщовый мешок и глиняный подсвечник с застывшей лужицей воска, в которой утонул короткий фитиль. Ручонки детей были холодны; мальчики не хотели открывать глаза и только тихо и жалобно хныкали, но пульс прощупывался, и все облегчённо выдохнули.

Обратный путь был тяжелее: ноги Оливии, несущей на руках самого младшего, – прижимавшей его к себе так крепко, что под кожу проникал холод маленького застывшего тельца, – скользили, глаза устали от безжалостного света фонарей. Наконец она уступила Филиппу и передала ему ребёнка.

Когда они все вывалились из двери, разверстой в стене, Анна, в кои-то веки выполнившая данное ей распоряжение быстро и ничего не перепутав, уже стояла наготове с одеялами и грелками, наполненными горячей водой. Детей, жмурившихся от света, завернули в несколько слоёв, обложили грелками и оставили на попечении Финча и горничной. Хигнетт же сразу отправился к сестре, чтобы сообщить радостное известие и прервать её горестную агонию.

Близнецы, почувствовавшие себя бесполезными во всей этой суете, покинули комнату старого лорда и, не сговариваясь, вышли на галерею, с которой открывался вид на опустевший холл. Двери так и остались распахнутыми, и через дверной проём была видна подъездная аллея, освещённая ярким солнцем, и кусочек голубого неба. Сквозь узкие витражи лился свет, его карамельные отблески дрожали на полу, на стенах, на мраморе скульптур и панелях из благородного дуба. С одним из них решил поиграть рыжий мышелов, неожиданно забрédший в холл из кухни – выгнув спину колесом и распушив хвост, он изображал грозного зверя, одержимого яростью, и насккивал на воображаемого противника в уморительной кошачьей манере. Оливия, не выдержав, громко и с облегчением рассмеялась, и кот, немало оскорблённый тем, что его неразумная выходка обрела свидетелей, тут же принял свой обычный хмурый вид, исполненный достоинства, и поспешил вернуться в кухонный мир, полный восхитительных запахов мясных обрезков и мышиноного страха, где над ним никто не смел насмехаться.

* * *

Допрос Присциллы Понглтон не занял у инспектора много времени. Окончательно сломленная, она призналась в преступлениях, которые совершила, но обсуждать подробности своих злодеяний категорически отказалась.

За всё время, что сержант Бимиш заносил её показания в протокол, она не проронила ни слезинки, и только когда Грумс спросил, желает ли она видеть Седрика, лицо Присциллы исказилось, и она, закрыв глаза, отрицательно покачала головой.

– Не пускайте его ко мне, инспектор, прошу, – по лицу её заскользили слёзы. Одна за другой, как капли дождя, они сбегали по её длинной шее. – Не позволяйте ему.

– Ваше право, миссис Понглтон, – сухо ответил Грумс, делая сержанту знак вывести преступницу из кабинета.

На пороге Присцилла остановилась и порывисто обернулась к инспектору:

– Могу я узнать, детей нашли? С ними всё в порядке?

Он помедлил, затем так же сухо ответил:

– Да, миссис Понглтон, детей сумели спасти.

– Я так сожалею, поверьте, – она умоляюще посмотрела на полицейских, но никто из них не ответил на её взгляд.

Бимиш вывел её, и она послушно последовала за ним по длинному серому коридору, в конце которого, под самым окном, забранном толстой решёткой, стояла выкрашенная коричневой краской казённая тумба, похожая на эшафот.

* * *

Виктория ещё раз дёрнула за сонетку, но никто – ни Анна, ни Хигнетт, – не явились на её зов. Убедившись, что успокоительные капли подействовали на Седрика, она спустилась в холл как раз в тот момент, когда раздался звонок в дверь.

Виктория помедлила, уверенная, что сейчас-то, наконец, явится кто-то из слуг, но звонок раздался ещё раз, и ещё, и снова, и, чтобы прекратить этот звон, ей пришлось отворить дверь самой.

– Долго же вы, – проворчал инспектор, вручая ей шляпу, будто какой-то горничной. – Где мисс Адамсон? Позовите-ка мне её, – и, заметив, с какой надменной злобой Виктория смотрит за него, прибавил: – Уж будьте так добры, миссис Понглтон.

Никаких приказов Грумса, Виктория, само собой, исполнять не собиралась, но тут по ступенькам в холл сбежала Оливия.

– Я так и знала, что вы приедете, инспектор, – сообщила она несколько самодовольно. – Пойдёмте в библиотеку.

– Лучше в кабинет лорда Артура. Мне там как-то привычнее, – возразил Грумс из чистого упрямства и желания настоять на своём.

– Как хотите, – согласилась Оливия, пряча улыбку.

Все трое, включая Викторию, которая так и несла шляпу инспектора на вытянутой руке, вошли в кабинет. Солнце с безжалостной откровенностью высветило нежную бахрому пыли, свисающую с портьер, и у инспектора сразу же засвербело в носу.

Грумс расположился на своём привычном месте, за столом, и Оливии не оставалось ничего другого, как присесть в кресло напротив. Виктория заняла второе свободное кресло, предварительно избавившись от шляпы и демонстративно отряхнув руки.

Молчание нарушил Грумс. Откинувшись на гнутую спинку высокого стула, он сцепил ладони на животе и уставился на Оливию взглядом, в котором ей почудилось равное количество досадливого раздражения и восхищения.

– Ну?! Мисс Адамсон? Мне вас уговаривать, что ли? Я желаю во всех подробностях знать, как так вышло, что вы меня обскакали. Только не вздумайте нести чепуху, что вам всё было ясно с самого начала и дело это проще не придумаешь, – сварливо предупредил он.

Оливия, которую смущал пристальный и весьма недоброжелательный взгляд Виктории, неосознанно села очень прямо, словно прилежная ученица пансиона, отвечающая урок строгому учителю.

– Не буду, инспектор, – пообещала она. – Дело это далеко не простое, и я блуждала в тумане непозволительно долго. Не буду скрывать от вас, что я не сумела бы его раскрыть, если бы не случайность. Преступный план Присциллы был настолько хорош, что она имела все шансы остаться безнаказанной.

– Местный викарий, мистер Рутлинг, после второй рюмки шерри утверждает, что случайность суть проявление вмешательства божественной воли, – перебил её Грумс задумчиво.

Оливия никак не прокомментировала это заявление и после короткой паузы продолжила:

– Изначально меня, как и вас, инспектор, ввело в заблуждение поведение леди Элспет и её сыновей и невесток.

– Что вы имеете в виду? – буркнул Грумс, поднимая взгляд от листа бумаги, который по привычке принялся вертеть в руках.

– У леди Элспет было доброе сердце, она была щедрой и стремилась помогать тем, кто нуждался в этом. Но она была не лишена

и известной доли ехидства. Её выводили из себя попытки сыновей диктовать ей свою волю и осуждение невесток за неразумные, по их мнению, траты. После гибели мужа леди Элспет впервые получила возможность вознаградить себя за годы подчинения его воле, и отказываться от жизненных благ в угоду родственникам она вовсе не собиралась. Получив в единоличное пользование семейный капитал Понглтонов, она дразнила сыновей, сталкивала лбами невесток и наблюдала за всем этим с нескрываемым удовольствием. Это противостояние придавало её жизни остроту, но сильно злило окружающих. Потому в первый круг подозреваемых я включила только Джорджа, Седрика, Викторину и Присциллу. У каждого из них, как мне тогда казалось, был мотив желать леди Элспет зла.

Виктория издала шумный вздох, но, на удивление, сдержалась и ничего не сказала.

– Почему вы не поверили, что леди Элспет умерла от естественных причин? – поинтересовался инспектор.

– Записки, – лаконично пояснила Оливия. – Мне было сразу понятно, что записки нужны для отвода глаз. Я точно знала, что не писала их, и то, что кто-то решил воспользоваться моим присутствием в поместье и подставить меня, говорило о злом умысле. Присцилла решила перестраховаться и написала записку от моего имени не только для леди Элспет, но и для Адель Хигнетт, которая на тот момент была известна всем как Бернадетта, вдова Монтгомери Понглтона. Убийце было необходимо отвести подозрения от себя, ведь она уже знала, что леди Элспет будет не единственной жертвой. Присцилла на всякий случай решила обеспечить себе алиби, и, пока Адель покорно сидела в оранжерее, она сделала вид, что всюду ищет её, а сама тем временем получила возможность проникнуть в часовню и дожидаться там леди Элспет.

– Что ещё за Адель Хигнетт?! И причём здесь Бернадетта? – выдержка изменила Виктории, но инспектор крайне неучтиво прервал её:

– После! – приказал он. – Об этом после, если не возражаете. Как она провернула всё с леди Элспет? – обратился он к Оливии. – Признаться, я не до конца понял, при чём тут грибы. На предварительном допросе Присцилла обходила эту тему стороной,

хоть и призналась в совершённых преступлениях. А херес? Вы ведь о хересе с ней говорили?

– Да, инспектор, – кивнула Оливия и зябко повела плечами, хотя в кабинете старого лорда не было сквозняков. – Я же говорю: план Присциллы был почти безупречен. Не знаю, известно ли вам...

Раздался робкий стук в дверь, она приоткрылась, и в кабинет, держась за руки, вошли Филипп и Иможден Прайс. Не обращая внимания на недовольные взгляды инспектора и Виктории, молодые люди проскользнули внутрь и застыли у стены, жестами показывая, что извиняются за своё вторжение и не собираются никому мешать.

– Так вот, – продолжила Оливия, когда суматоха улеглась, – не знаю, известно ли вам, инспектор, но в здешних краях женщины, чьи мужья слишком часто заходят в паб, порой прибегают к одному эффективному средству. Невзрачный маленький гриб, который называют «чернильный колпачок», или «погибель пьяницы», имеет любопытное свойство: в малых дозах и в сочетании с алкоголем он вызывает сильное сердцебиение и одышку, что должно способствовать формированию стойкого отвращения к горячительным напиткам. Если же дозу увеличить, то его действие может спровоцировать сердечный приступ с летальным исходом.

– Никогда о таком не слышал, – с некоторой долей ревности произнёс Грумс. – А у вас-то, мисс Адамсон, откуда такие познания?

– Я узнала о таком способе борьбы с неумеренными возлияниями в детстве, когда мы с матерью жили в одном маленьком семейном пансионе на юге Англии. Отчаявшаяся жена мистера Блейни, одного из постояльцев, как-то раз перестаралась с этим средством, и беднягу еле откачали. И я невероятно зла на себя, что не вспомнила об этом раньше! – Оливия с сожалением покачала головой. – Действие грибов Присцилла сначала испытала на миссис Вайсли, чем и объясняется недомогание несчастной кухарки. Убийце было необходимо проверить, через какой промежуток времени после приёма начинается реакция, а пристрастие кухарки к хересу было известно в Мэдлинтоне всем.

– Хм, – инспектор нахмурился. – Ну, предположим, с кухаркой всё понятно. Но леди Элспет? Насколько я знаю, в замке не подавали аперитив и не держали алкоголя.

– Всё так, – кивнула Оливия, – и Присцилла отлично знала, что причиной тому нездоровое пристрастие Седрика в недавнем прошлом.

Во время его визитов алкоголь в Мэдлингтоне был под запретом, и она ничем не рисковала, воплощая свой дьявольский план в жизнь. Пунш, сэр. Всё дело в праздничном пунше.

– Она подсыпала грибы в чашу с пуншем? – усомнился Грумс. – Но тогда отравились бы все, кто его пил.

– В чаше с пуншем не было грибов, инспектор, только превосходный эль и немного бренди. Грибы были за предшествующим празднику ужином, который мы все с таким удовольствием ели. Цесарка с шампиньонами – отличный способ замаскировать небольшое количество «чернильных колпачков».

– Боже мой! – ахнула Виктория и схватилась на грудь. – То есть мы все могли...

– Теоретически – да. Однако по традиции пунш на июньском празднике разливает и пьёт с арендаторами только хозяйка поместья, больше никто. Расчёт Присциллы был верным: леди Элспет почувствовала недомогание почти сразу же после того, как вручила подарки и выпила пару бокалов за будущий урожай. Когда она подходила к часовне, то уже задыхалась, и то, что там произошло, стало последним, что она увидела в своей жизни. Присцилла и правда постаралась, чтобы для леди Элспет всё случилось как можно быстрее.

– Кукла? – инспектор щёлкнул пальцами, обрадованный, что картина хотя бы одного убийства прояснилась. – Она использовала куклу, которую потом обнаружили дети?

Оливия не успела ответить. Дверь снова отворилась с лёгким скрипом, и на пороге возник Хигнетт. Инспектор с досадой махнул ему рукой, и дворецкий занял место у камина, рядом с Филиппом и мисс Прайс, прекратившей, наконец, выдавать себя за баронессу, отчего её подвижное лицо приобрело более свойственное ему выражение детского непосредственного восторга произошедшей на её глазах драмой.

– Наш разговор по душам, мисс Адамсон, имеет всё больше и больше свидетелей, – не скрывал Грумс своего недовольства, и, словно в подтверждение его слов, дверь вновь распахнулась, и в кабинет вошёл Седрик.

За несколько часов, прошедшие с разоблачения Присциллы, он заметно переменялся. Обычно суетливый, многословный, сейчас Седрик выглядел спокойным, но спокойствие это было той опасной

разновидности, когда человек сам доподлинно не представляет, чего ждать от себя в том новом мире, что его окружает.

Он прошёл через весь кабинет и медленно опустился на диван, стоявший у окна. Солнце вызолотило его светлые волосы, оставив лицо в тени, и до слуха Оливии донёлся короткий прерывистый вздох.

– Так что там с куклой? – щадить чувства Седрика Понглтона инспектор явно не собирался.

– Присцилла заранее соорудила её из простыней и песочных грелок, а потом подвесила на крюк, на котором много лет назад повесилась её мать. Эту картину и увидела леди Элспет, когда вошла в часовню, и увиденное стало для неё потрясением. К этому моменту она уже едва стояла на ногах, и исход был предрешён. Всё случилось быстро. Присцилле только оставалось снять куклу и спрятать её. Действовать ей пришлось второпях, чтобы не отсутствовать слишком долго, а лестницы, которую она предварительно спрятала в зарослях возле часовни, там уже не было. Накануне ее обнаружила Виктория и попросила Хигнетта унести её в дом, поэтому Присцилла просто-напросто сдёрнула куклу с крюка, отчего на нём и остались нити от верёвки. Позже, когда я застала в конюшне детей, играющих с куклой, картина убийства сложилась сама собой. Вот только я ещё не знала, что именно использовал убийца, чтобы спровоцировать сердечный приступ у леди Элспет.

– А Джордж? Что она сделала с ним? – Виктория задала вопрос, глядя на Оливию в упор, и инспектор, при всей своей резкости, не решился прервать её. – Я хочу знать, как она поступила с ним.

– Джордж был одной из главных намеченных Присциллой жертв. Он стоял на пути к Мэдлингтону, и, пока он был жив, Присцилла никогда не смогла бы стать хозяйкой замка. С ним она расправилась без всяких сожалений, – Оливия заколебалась, подбирая слова, которые не ранили бы чувства вдовы, и Грумс пришёл ей на помощь в свойственной ему бестактной манере.

– Херес, удар по голове и грибы?

– В другой последовательности, инспектор. Сначала грибы за ужином, а потом уже всё остальное. Под надуманным предлогом она пригласила его обсудить дела поместья и принесла с собой бутылку хереса, изъятую при осмотре кухаркиной комнаты. Джордж был здоровым, крупным мужчиной, и «чернильный колпачок» не сразу

оказал на него действие. Присцилла учла и это – заманив его в часовню, ей пришлось ударить его по голове песочной грелкой, после чего она заперла дверь, высыпала песок на пол, спрятала холщовый мешок за распятием и покинула часовню через подземный ход. Месть её сполна удалась. Криков Джорджа никто не услышал. Он умер только к утру, но к этому времени уже не мог указать на убийцу.

– Да уж, – вздохнул инспектор. – На редкость жестоко. Доктор Мэтьюсон сказал, что ногти на его руках были обломаны, а горло от крика...

– Я осмотрела часовню сразу после того, как всё случилось, – чуть повысила голос Оливия, не желавшая, чтобы инспектор обсуждал подробности гибели Джорджа при Виктории. – На полу хрустел песок. За распятием я обнаружила пустой полотняный мешок. Его скомкали и засунули за перекладину, а повреждённая паутина указывала на то, что это произошло совсем недавно. В противном случае хозяин паутины успел бы ликвидировать ущерб.

– А брошь? – хрипло спросила Виктория. – Зачем Присцилла украла мою брошь и вложила ему в руку?

– Чтобы вас заподозрили в убийстве мужа, конечно. Присцилле было хорошо известно, что в вашей семье есть некоторые разногласия, и она вновь перестраховалась. Это и стало первой её ошибкой.

– Почему? – быстро спросил инспектор.

– Потому что эта деталь была настолько лишней... – Оливия осуждающе покачала головой. – С этого момента я начала подозревать буквально всех – Оскара Финча, Анну, Адель-Бернадетту, Хигнетта и даже мисс Прайс.

Не оборачиваясь, Оливия почувствовала, как её слова задели Филиппа за живое.

– Каждый из них мог быть ребёнком Айрин Шепли, – продолжила она, – и каждый мог мстить за неё. По возрасту они все подходили на роль незаконнорождённого отпрыска лорда Артура. Однако как я ни пыталась выяснить, кто же родился у Айрин – мальчик или девочка...

Дверь снова распахнулась, на этот раз без стука, и вошли Оскар Финч, Адель Хигнетт, прижимавшая к себе крепко спящего младшего сына, и Анна, ведущая за руку старшего, Робера.

Инспектор хотел было разразиться гневной отповедью, но Оскар Финч прижал палец к губам и укоризненно кивнул в сторону спящего

малыша. Тогда Грумс вскочил из-за стола и, подбежав к двери, запер её, хотя никакой необходимости в этом уже не было – все, кто находился в Мэдлингтоне, собрались здесь, и никогда ещё в тесном кабинете старого лорда не было так многолюдно.

– Чёрт знает что такое, – пробормотал инспектор, протискиваясь к столу мимо вновь прибывших. – Знал бы я, что так будет, вызвал бы вас, мисс Адамсон, в полицейский участок.

Виктория, поколебавшись, уступила место в кресле Адель Хигнетт, тут же устроившейся в нём с обоими мальчиками, а сама пересела к Седрику, на диван, и недовольно зажмурилась, когда солнце принялось скользить по её лицу. Финч устроился рядом с Хигнеттом, Анна притулилась на крошечном вертящемся стуле возле глобуса, и все вдруг обратили внимание на то, что она сменила передник и наголку горничной на выходное платье, и глаза её не опущены скромно, как и подобает прислуге, а смотрят на всех с насмешливым вызовом.

Когда все расселись, Грумс обвёл всех присутствующих недовольным взглядом и жестом велел Оливии продолжать.

– Так вот, – продолжила она, – в деревне, с лёгкой руки Присциллы, которая навестила парализованную миссис Баркер и подкинула ей эту вздорную идею, пошли слухи о том, что призрак Айрин вернулся и мстит Понглтонам. Разумеется, это не могло быть правдой. Подобная версия была выгодна либо тому, чьим мотивом было наследство, либо тому, чьим мотивом была месть. И мне понадобилось непозволительно много времени, чтобы понять: в действиях убийцы оба этих мотива объединяются, и тогда я впервые всерьёз заподозрила Присциллу. Однако я была слепа так долго, что моя слепота чуть не стала причиной новой трагедии.

– Чем же ей помешали мои дети? – тихо спросила Адель Хигнетт, ещё крепче прижав к себе младшего сына.

– Всё просто. Кто-то из них увидел, как убийца возится с куклой. Это могло погубить весь её замысел. И конечно, Присцилла не хотела, чтобы в будущем мальчики претендовали на Мэдлингтон-Касл, который она считала своим по праву рождения. Она была готова делить замок лишь с Седриком, с которым её объединяла ненависть к лорду Артуру и Джорджу и общие цели, но никак не с детьми, которых считала потомками Монтгомери Понглтона.

– А кухарка? Миссис... – Седрик наморщил лоб и защёлкал пальцами.

– Вайсли, – подсказала ему Анна, отбросившая всякую почтительность по отношению к прежним хозяевам. – Её звали Томазина Мэделин Вайсли, мистер Понглтон.

Все обернулись на звонкий голос Анны, и она вновь встретила насмешкой неодобрительные взгляды.

– Миссис Вайсли не должна была погибнуть. Её смерть – вторая, и самая главная, ошибка Присциллы. Убийца отыскала весь алкоголь, хранившийся в замке, и опустошила бутылки на клумбу в розарии, но даже предположить не могла, что у кухарки есть столь обширные собственные запасы. Миссис Вайсли, как и все мы, тоже отведала цесарки с шампиньонами, и двойная доза «чернильного колпачка» в сочетании с её излюбленным напитком привела к остановке сердца.

– А третья? Какова третья ошибка? – Оскар Финч впервые нарушил молчание.

– Наверное, это нельзя назвать ошибкой, – задумчиво ответила Оливия. – Скорее, стечением обстоятельств. Незадолго до праздника я как-то наткнулась в коридоре на Присциллу, и она принялась зачем-то объяснять мне, что писала письмо и случайно опрокинула чернильницу. Тогда я не обратила на этот факт никакого внимания, но вот позже, когда познакомилась с миссис Грин – это старая леди, что живёт в нижней деревне вместе с сыном-пропойцей, – я вспомнила об этом, увидев чернильные пятна на её руках. Эта мелочь никак не давала мне покоя, и только вчера я поняла: миссис Грин неграмотна! Она не пишет писем, да и пишущих принадлежностей в её жилище явно не водится. Откуда же взялись эти пятна? Мне пришлось ещё раз навестить её, и тогда уже никаких сомнений не осталось – все убийства в Мэдли были совершены при помощи «чернильного колпачка». Да, на первый взгляд, орудие незатейливое, но Присцилла рассчитала всё верно – растительное вещество, вступающее во взаимодействие с алкоголем, почти невозможно обнаружить лабораторными методами, при этом действие его длится достаточно долго для того, чтобы осуществить хитроумный план и остаться вне подозрений, а симптомы, проявляющиеся у жертв, неотличимы от сердечного припадка.

Оливия ещё не закончила свою обличительную речь, как Седрик начал пробираться к выходу. Лицо его побледнело, глаза лихорадочно блестели, и от нарочитого спокойствия не осталось и следа. Виктория тоже вскочила на ноги и поспешила за ним. Инспектор, вздохнув, отпер для них дверь.

Следующей кабинет лорда Артура, пропахший пылью и старыми книгами, покинула Анна. Услышав всё, что хотела, она мысленно поставила точку в этой истории, и, не сожалея ни о ком, кроме леди Элспет и миссис Вайсли, заторопилась навстречу собственной жизни. Её саквояж со скромными пожитками был уложен, форменное же платье горничной осталось висеть в шкафу.

Когда Анна аккуратно прикрыла за собой дверь, Имоджен Прайс, усевшись на освободившийся диванчик у окна, всплеснула руками и посмотрела на Оливию с восхищением.

– Неужели, мисс Адамсон, вы вправду подозревали меня? – в голосе её звучало неуместное воодушевление, поцарапавшее слух всех присутствующих. – Меня! И как вам только это в голову пришло?! Расскажите, расскажите мне всё о своих подозрениях! Из этого может получиться неплохая пьеса, полагаю, и, конечно же, главная роль в ней будет моей.

Солнце освещало её всю – от золотистых кудряшек до миниатюрных замшевых туфельек с лаковыми мысками, и Оливия вдруг испытала сочувствие к Филиппу, и вся её досада на него тут же испарилась.

– Ну как же мне было не подозревать вас, мисс Прайс? – ответила она, не сдерживая веселья. – Среди всех вы были самой, самой подозрительной персоной, уверяю вас! Во-первых, вы скрыли, что росли в приюте, а это уже само по себе выглядело подозрительно. Во-вторых, вы присутствовали на празднике и виделись с леди Элспет незадолго до её смерти. Она сама мне об этом сказала, вот только не назвала вашего имени. Просто упомянула, что на праздник специально приехала девушка, которой она много лет назад помогла покинуть приходской приют и обрести семью. Ну и в-третьих, откуда вам было знать, что дверь в часовню открывалась бесшумно? То, что петли смазаны и не издают скрипа, мог знать только убийца, сделавший это собственноручно.

Имоджен Прайс так сильно покраснела, что это стало заметно даже через плотный слой грима, к которому она питала слабость как на сцене, так и вне её.

– Я... – она смешалась и беспомощно взглянула на Филиппа, но уже через мгновение взяла себя в руки, улыбнулась и с обезоруживающей искренностью призналась: – Да, петли смазала я.

Инспектор наклонил голову и взглянул на мисс Прайс совершенно по-новому.

– Но зачем, Имоджен? – Филипп тоже не скрывал своей растерянности.

– Я всего лишь хотела как следует прорепетировать монолог Гамлета, – объяснила мисс Прайс таким тоном, будто это самое естественное и разумное решение, что можно было себе вообразить. – Там подходящая атмосфера – а это по-настоящему важно, когда проходишь сложную сцену впервые. Что вы так смотрите на меня?! Саре Сиддонс^[19] можно было играть Гамлета, а мне нет?!

Инспектор, качая головой, отвернулся с весьма красноречивым вздохом, а Адель не сумела скрыть ужас от подобного воинствующего святотатства. Она поднялась на ноги, бережно удерживая голову младшего сына на своём плече, и кивнула Хигнетту, который только и ждал, когда появится повод покинуть кабинет старого лорда и скрыться от буравящего взгляда инспектора Грумса, который всё это время недобро на него поглядывал.

Уход Хигнеттов остался для Оливии незамеченным. Она, наморщив лоб, всерьёз размышляла над словами Имоджен Прайс и, наконец, со вздохом признала:

– Мне следовало самой об этом догадаться, инспектор. Присцилле не было никакого резона смазывать дверные петли в часовне, ведь она проникала туда через подземный ход, начинающийся в спальне лорда Артура Понглтона. Дверью пользовались только её жертвы, но не она сама.

– Я рад, что убийца получит по заслугам, – тихо произнёс Оскар Финч, поднимаясь из кресла. – Она не заслуживает снисхождения. Добрее леди Элспет я не знал никого в своей жизни. Присцилла призналась? – спросил он, обращаясь к инспектору.

– О да, – кивнул тот. – Но говорить о совершённых преступлениях отказывается категорически. Сказала, что обо всём сумеет рассказать

мисс Адамсон, и она полностью ей доверяется в этом вопросе.

Финч удовлетворённо кивнул, а затем подошёл к Оливии и протянул ей раскрытую ладонь.

– Я ошибался на ваш счёт, мисс Адамсон, и приношу свои извинения. Гнев и боль утраты – плохие советчики, – сказал он, пожимая ей руку, и сразу же после этого, не прощаясь, покинул кабинет старого лорда.

Филипп и Имоджен Прайс вышли вслед за ним, оба изрядно взбудораженные. До Оливии и инспектора донеслись отголоски их спора, который те начали, ещё не переступив через порог: «...от услышанного... ожидал от тебя... есть же какие-то приличия...», «... не понимаешь... для актрисы, если дело касается роли, нет недозволенного...»

Дверь за молодыми людьми захлопнулась, и инспектор, решивший, по обыкновению, отпустить какую-нибудь колкость, умолк на полуслове, наткнувшись на холодный взгляд Оливии.

– Некоторые ошибки необходимо совершить в молодости, сэр, – со вздохом заметила она, поднимаясь из кресла. – В этом случае они не так разрушительны.

– Подождите-ка, мисс Адамсон, – задержал он её.

Грумс, нахмурившись, взял лист бумаги и размеренными, старательными движениями пальцев превратил его в лисицу с пышным хвостом и остроконечными ушками. С самодовольной улыбкой он пригласил Оливию разделить собственный триумф, но уже спустя минуту выражение его лица сменилось досадливой гримасой.

Оливия приняла вызов, и на столе перед инспектором меньше чем за пять минут появились кот, выгнувший спину дугой, кролик с длинными ушами и бабочка, раскинувшая фестончатые крылья.

– Прощайте, сэр, и передайте мои наилучшие пожелания мисс Грумс.

Инспектор, вопреки обыкновению продемонстрировав отменные манеры, церемонно поклонился и, дождавшись, когда мисс Адамсон покинет комнату, принялся со всей возможной осторожностью разворачивать бумажные фигурки.

Эпилог

В день, когда приговор суда над Присциллой Понглтон вступил в силу, двери Мэдлингтон-Касл открылись для восьмидесяти воспитанниц и воспитанников разных возрастов. Патронессой восточного крыла, предназначенного для девочек, стала Адель Хигнетт – раскрасневшаяся, с радостно сверкающими глазами, она приветствовала своих будущих питомиц с теплотой, которая многим из них была незнакома и которая, несомненно, сумеет обогреть озябшие души.

Западное крыло замка, наскоро переоборудованное под нужды приюта, патронировал бывший дворецкий, Говард Хигнетт. Его племянники, принимавшие посильное участие в подготовке убранства спален и классных комнат, восхищённо смотрели, как дортуары заполняют их будущие друзья и товарищи по играм.

Само собой, инспектор Грумс, если бы не ушёл на заслуженный отдых и не сложил с себя полномочия блюстителя закона, вряд ли бы одобрил подобный карьерный рост Хигнеттов, но его мнение никоим образом не волновало Седрика Понглтона, равно нуждавшегося сейчас и в каждой паре рабочих рук, и в сторонниках, искренне разделяющих его убеждения.

Инспектор же, уйдя на покой, полностью сосредоточился на том, чтобы совместно с супругой лелеять своё позднее дитя – своенравную и очаровательную мисс Грумс, которой, по его глубокому убеждению, предстояло в будущем стать неординарной личностью и покорить этот на глазах меняющийся мир.

В тот момент, когда Седрик завершил свою приветственную речь и подал знак к началу торжественной трапезы, Виктория Понглтон в каюте трансатлантического лайнера, следующего по направлению к Нью-Йорку, примеряла новую шляпку с чёрной креповой лентой. Общество на судне «Маджестик», по её меркам, оставляло желать лучшего, однако прогуливаясь по палубе первого класса, она заметила несколько знакомых лиц и даже (отчего её сердце забилось чаще) сэра Энтони Баскетта, парламентаря, который после скоропостижной смерти жены удалился от дел, но всё ещё считался чрезвычайно

компетентным в политических вопросах и, по слухам, являлся членом Январского клуба^[20].

Лайнер Виктории, разрезающий тёмные воды Атлантики, увозил её в новую жизнь, и, как ни жаль ей было покидать Британию, в душе её воспряла надежда на лучшую участь.

Надежда питала и Оскара Финча. Ранним ясным утром он вышел из поезда с одним саквояжем в руке и вдохнул смолистый аромат свежеструганных досок недавно сооружённого перрона на станции маленького городка, затерянного в безбрежной американской прерии.

Поезд, чья стоянка длилась не более минуты, издал оглушительный рёв и отбыл со станции в клубах угольного дыма, а к Финчу навстречу уже торопливо шёл высокий загорелый малый в выцветших до белизны широких парусиновых штанах.

Ранчо Кройдона, куда отправился Финч, чтобы начать новую жизнь в качестве штатного ветеринара, поразило его воображение, и он только спустя несколько месяцев понял, что совсем не тоскует по изумрудным холмам Йоркшира и его влажным болотистым пустошам, а зной, от которого в полдень дрожит раскалённый воздух прерии, лишь приправа к вечерней прохладе, когда так приятно привалиться спиной к тёплой земле и наблюдать за бесконечной звёздной феерией.

Для Анны этот день тоже стал началом новой жизни. Из-за стойки она с удовлетворённым вздохом оглядела уютный зал маленькой чайной, где – точь-в-точь как в её мечтах! – на каждом столике с мраморной столешницей стояла серебряная вазочка со свежими цветами, и потуже затянула поясok нарядного шёлкового платья.

Две официантки в бесслоснежных передниках и наколках разносили заказы ловко и с неспешным достоинством, новенький кассовый аппарат издавал бравурную трель каждый раз, когда в его ячейки опускались пенсы и шиллинги, и в чайной, на две трети заполненной посетителями, витали ароматы свежей выпечки и крепкого дарджилинга.

Напротив прозрачной витрины с пирожными и сэндвичами остановились двое – высокий молодой мужчина, одетый, как это принято у художников, ну или у начинающих лондонских драматургов, в тёмно-зелёный бархатный пиджак и пёструю рубашку в тон, и девушка в светлом брючном костюме, ростом ему под стать. Они

приветливо замахали руками, глядя прямо на Анну, и она, вдруг узнав брата и сестру Адамсон, принуждённо улыбнулась в ответ.

– Похоже, неплохое местечко, – Оливия оценила новую сверкающую вывеску и хлопающий на ветру полосатый тент над входом. – Не желаешь зайти, выпить по чашке чая?

– В другой раз, – Филипп потянул её за рукав. – Не думаю, что Анна так уж сильно будет рада нас видеть. К тому же Имоджен обещала угостить нас чаем после репетиции.

– Ну тогда конечно, – легко согласилась Оливия. – Куда же мы теперь без репетиций. И без Имоджен, – добавила она вполголоса, окончательно прогоняя из сердца досаду на Филиппа и его новую авантюру с театральной труппой, гастрольями и всем прочим.

В конце концов, думала она, примеривая свои шаги к торопливой походке брата, что такое жизнь, как не одна сплошная авантюра, восхитительная в своей непредсказуемости. Они так молоды, у них впереди множество дорог, встреч и событий, а покупку дома можно отложить на то время, когда они станут поседевшими сорокалетними старичками, бережно хранящими воспоминания о дарах судьбы, что неизменно щедра к тем, кто не страшится жизни.

notes

Примечания

1

Ритуальные танцы в горах под предводительством верховной жрицы Диониса.

Имеется в виду ракушечник оолит, состоящий из сферических зёрен. Чаще всего материал этот светло-жёлтого цвета, но может быть и голубоватым (примесь меди), и розовым (примесь железа). Название произошло от древнегреческого слова ὠόν, означающего «яйцо».

Двенадцатый игрок в крикете – запасной, так как в игре участвуют 11 игроков. Крикет – чрезвычайно популярная игра в Англии и британских колониях.

4

Супруга вождя иценов (бриттское племя), мятежница и бесстрашная воительница, восставшая против римлян. Восстание было сурово подавлено, и Боудикка, как утверждает Тацит, римский историк, приняла яд чёрного болиголова.

5

Сельский праздник (фр.).

«Старший брат человека – его исконный враг». Так считает один из персонажей романа англичанина Уильяма Теккерея «Виргинцы».

Выступали за мирное изменение и последовательное преобразование капитализма в социализм. Называли себя по имени древнеримского политика Фабия Максима Кунктатора. Не признавали революцию как способ изменения мироустройства.

8

Цесарка в грибном соусе (фр.).

О событиях, произошедших в Грейт-Бьюли, рассказывается в книге «Драма в Гриффин-холле, или Отравленный уикенд».

Прозвище Генриха VIII, представителя династии Тюдоров.

Сдобные сладкие булочки, появившиеся в Бате в 1680 году благодаря гугенотке Солли Лайон. Выпечка эта очень сытная и подаётся с топлёными сливками или сливочным маслом.

12

Шляпа с невысокой тульей и неширокими полями.

По мнению римского историка Тацита, вандалы – группа племён германского происхождения.

Если *Drosophila melanogaster* откладывает яйца в перезрелые фрукты, то *D.suzukii* использует свежие плоды и ягоды, тем самым нанося урон сельскому хозяйству. *D.suzukii* впервые описал японский учёный Мацумура в 1931 году в своём энтомологическом журнале *Insecta Matsumurana*.

Расовый теоретик, разработавший псевдонаучную теорию о недостатках и достоинствах представителей различных рас.

Уильям Шекспир, «Гамлет».

Так называли испанский грипп, потому что у заболевших кожа на лице и теле приобретала синюшный оттенок.

Согласно традиции, лису загоняли при помощи собачьей своры. Использовать для умерщвления зверька оружие было запрещено.

Сара Сиддонс (урождённая Кембл) родилась в многодетной семье бродячего артиста и антрепренёра труппы странствующих комиков, а стала самой известной трагической актрисой Британии.

Январский клуб был основан в 1934 году лидером британских фашистов сэром Освальдом Мосли. Членами клуба велась пропаганда нацизма.